

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Региональная история»

Provincial History

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *M.Yu. Merkulova, O.N. Yadykina*

Passed for printing on Febr. 14, 2025.
Date of publication: Mar. 20, 2025. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 24.0. Published pages 25.8.
Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 7. «С» 1.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *М.Ю. Меркуловой, О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 14.02.2025 г.
Дата выхода в свет: 20.03.2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 25,8.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 7. «С» 1.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025

Том 30. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2025

Volume 30. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2025. Vol. 30. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Provincial History

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the
Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Giryva* (Saint
Petersburg);

Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen,
Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan*
(Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Dr. Sc. O.V. Rvacheva (Volgograd)
takes the position of the Executive Editor
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025. Т. 30. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Региональная история»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И. О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);

канд. ист. наук, директор издательства *В. А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);

канд. ист. наук, доц. *О. В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);

канд. ист. наук, доц. *Н. В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);

канд. ист. наук, доц. *Е. В. Архитова* (г. Волгоград);
ассист. *А. С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);

ст. преп. *П. И. Лысиков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);

канд. ист. наук *Т. А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, доц. *М. А. Балабанова* (г. Волгоград);

д-р ист. наук, доц. *Т. В. Евдокимова* (г. Волгоград);

канд. ист. наук *В. А. Золотовский* (г. Волгоград)

д-р ист. наук, доц. *А. Л. Клейтман* (г. Москва);

канд. ист. наук *М. В. Кривошеев* (г. Волгоград);

д-р ист. наук *С. И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);

д-р полит. наук, доц. *И. Л. Морозов* (г. Волгоград);

канд. полит. наук, доц. *С. И. Морозов* (г. Волгоград);

д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов* (г. Волгоград);

канд. ист. наук *Е. В. Перерва* (г. Волгоград);

д-р ист. наук, доц. *О. В. Ратушняк* (г. Краснодар);

д-р ист. наук *О. В. Рвачева* (г. Волгоград);

д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (г. Волгоград);

канд. ист. наук *Е. В. Стельник* (г. Волгоград)

д-р ист. наук *А. В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);

д-р ист. наук *А. И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, доц. *В. А. Аракчеев* (г. Москва);

д-р полит. наук, доц. *А. И. Бардаков* (г. Волгоград);

д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);

д-р ист. наук, акад. РАН *А. П. Бужилова* (г. Москва);

д-р ист. наук, проф. *Н. Э. Вашкау* (г. Липецк);

д-р полит. наук, проф. *А. А. Вилков* (г. Саратов);

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю. Я. Вин* (г. Москва);

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е. Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С. В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);

д-р ист. наук, проф. *В. Н. Данилов* (г. Саратов);

д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С. А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);

PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);

д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е. Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);

д-р ист. наук, проф. *А. И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, проф. *Н. А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);

д-р ист. наук, проф. *А. В. Петров* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, проф. *В. Н. Ратушняк* (г. Краснодар);

д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М. А. Рыблова* (г. Волгоград);

PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);

д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);

д-р ист. наук, проф. *Н. Н. Станков* (г. Москва);

д-р ист. наук *А. Д. Таиров* (г. Челябинск);

д-р ист. наук, доц. *С. А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);

PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);

д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора

проф. *И. О. Тюменцева*

выпускающим редактором номера является

д-р ист. наук, проф. *О. В. Рвачева* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОТОМКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ПРОСТОРАХ СИБИРИ И НИЖНЕЙ ВОЛГИ

- Жуков Ю.П.* Торговые отношения Западной Сибири и Средней Азии на рубеже XVI–XVII вв.: историография вопроса 6
- Каменецкий И.П.* Посольская миссия сибирского казака Федора Скибина в Казахскую Орду в 1694–1696 годах 18
- Мальшиева С.Ю.* Мурзы Тимбаевы и их земельные владения в Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX века 30
- Абдрахманов К.А.* «...Хан успел бежать неизвестно куда». Побег из Оренбурга Кокандского хана Худояра в 1877 году 40

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ

- Тюменцев И.О., Павлов А.П., Моисеев М.В., Рахимзянов Б.Р., Сергеев А.В., Рыбалко Н.В.* Дискуссия по книге А.В. Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» 52

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

- Степанова Л.Г.* «Сказки» помещиков и крестьян об освоении Новороссии в конце XVIII – первой трети XIX века 72
- Ефимов А.А.* Деятельность органов управления имением «Ливадия» по развитию системы обеспечения пресной водой в 1861–1909 годах 82
- Мутьев А.В.* Трансформация традиционной крымско-татарской борьбы на поясах в национальный вид спорта в первые десятилетия после установления советской власти в Крыму (1920–1941 гг.) 92

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

- Гуменюк А.А.* Первый кризис социальной политики в постсталинском СССР (1958–1964 гг.): причины, проявления, способы преодоления (на материалах Нижнего Поволжья) 103
- Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.* Социально-культурное и семейно-бытовое пространство двух поволжских городов 1950–1960-х гг. в женской социальной памяти 114
- Луночкин А.В.* Система общественного питания Сталинграда после отмены продовольственных карточек (1947–1953 гг.) 127
- Луночкин И.А.* Развитие физической культуры и спорта в сельских районах Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг. 138

- Пискунова Е.П., Кузибецкий И.А.* Анализ динамики результатов ЕГЭ по истории в Волгоградской области в 2021–2024 годах 148

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ

- Зверков Е.А.* Уголовно-розыскная работа органов внутренних дел в 1917–1927 гг. (по материалам Центрального Черноземья) 163
- Мицюк Н.А.* Социальная помощь семьям и детям Поволжья, переселенным в Смоленскую губернию в 1921–1923 годах 176
- Гоманенко О.А.* Пассажирское обслуживание на волжском речном флоте в 1930-е годы 189

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

- Легкий Д.М., Ибраев Е.Е.* «В порядке положения об охране перепискою об Ахмете Байтурсунове 1909 года». Казахский учитель в документах Омского жандармского управления 199
- Сейдаметова Г.У.* Проявления девиантного поведения в городах Каракалпакстана в 1960–1980-е гг. (по материалам Центрального государственного архива Республики Каракалпакстан и Архива Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан) 213
- Погорельская А.М., Троицкий Е.Ф., Мусина Г.С.* Политика Казахстана в отношении развития сотрудничества с КНР, США и Турцией в сфере высшего образования 227

ОБЗОРЫ

- Николаев Н.Ю., Рамазанов С.П.* «Наибольшая угроза общему миру»: Л.А. Камаровский о восточном вопросе 241

CONTENTS

DESCENDANTS OF THE GOLDEN HORDE IN THE VASTNESS OF SIBERIA AND THE LOWER VOLGA

- Zhukov Iu.P.* Trade Relations of Western Siberia and Central Asia at the Turn of the 16th – 17th Centuries: Historiography of the Question 6
- Kameneckii I.P.* Ambassador's Mission of the Siberian Cossack Fyodor Skibin to the Kazakh Horde in 1694–1696 18
- Malysheva S.Yu.* The Timbaev Murzas and Their Land Possessions in the Astrakhan Province from the Late 18th – Early 20th Century 30
- Abdrakhmanov K.A.* "...Khan Managed to Get Away to an Unknown Location". Escape of Kokand Khan Khudayar from Orenburg in 1877 40

BOOK DISCUSSION

- Tyumentsev I.O., Pavlov A.P., Moiseev M.V., Rakhimzianov B.R., Sergeev A.V., Rybalko N.V.* Discussion on the Book by A.V. Belyakov "Nogai Nobility in Russia in the 16th – 17th Centuries" 52

BLACK SEA REGION

- Stepanova L.G.* "Skazki" of Landowners and Peasants About the Development of Novorossiia at the End of the 18th – First Third of the 19th Century 72
- Yefimov A.A.* Activity of the Administrative Bodies of the Livadia Estate in Development of the System of Supply of Fresh Water in 1861–1909 82
- Mutiyev A.V.* Transformation of Traditional Crimean Tatar Belt Wrestling into a National Sport in the First Decades After the Establishment of Soviet Power in Crimea (1920–1941) 92

LOWER VOLGA REGION

- Gumenyuk A.A.* The First Crisis of Social Policy in the Post-Stalinist USSR (1958–1964): Causes, Manifestations, Ways of Overcoming (Based on the Materials of the Lower Volga Region) 103
- Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V.* Social-Cultural and Family-Life Space of Two Volga Cities in the 1950s – 1960s in Women's Social Memory 114
- Lunochkin A.V.* Public Catering System in Stalingrad After the Abolition of Food Cards (1947–1953) 127
- Lunochkin I.A.* Development of Physical Culture and Sports in Rural Areas of the Stalingrad (Volgograd) Region in 1953–1964 138

- Piskunova E.P., Kuzibetskiy I.A.* Analysis of the Dynamics of the Results of the Unified State Exam in History in the Volgograd Region in 2021–2024 148

CENTRAL RUSSIA

- Zverkov E.A.* Criminal Investigation Work of the Internal Affairs Bodies in 1917–1927 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region) 163
- Mitsyuk N.A.* Social Assistance to Families and Children of the Volga Region Resettled to the Smolensk Province in 1921–1923 176
- Gomanenko O.A.* Passenger Service in the Volga River Fleet in 1930s 189

CENTRAL ASIA

- Legkiy D.M., Ibrayev Ye.Ye.* "In Accordance with the Provisions on the Protection of Correspondence About Akhmet Baitursynov in 1909". Kazakh Teacher in the Documents of the Omsk Gendarme Department 199
- Seydametova G.U.* Manifestations of Deviant Behavior in the Cities of Karakalpakstan in 1960s – 1980s (Based on Materials of the Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan and the Archive of Jokargi Kenes of the Republic of Karakalpakstan) 213
- Pogorelskaya A.M., Troitskiy E.F., Mussina G.S.* Kazakhstan's Policy Towards Cooperation in Higher Education with China, the US and Turkey 227

REVIEWS

- Nikolaev N.Yu., Ramazanov S.P.* "The Greatest Threat to the Common Peace": L.A. Kamarovsky on the Eastern Question 241

www.volsu.ru

ПОТОМКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ПРОСТОРАХ СИБИРИ И НИЖНЕЙ ВОЛГИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.1>

UDC 930

LBC 63.1

Submitted: 20.07.2023

Accepted: 20.09.2023

TRADE RELATIONS OF WESTERN SIBERIA AND CENTRAL ASIA AT THE TURN OF THE 16th – 17th CENTURIES: HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

Iurii P. Zhukov

Tyumen Museum and Educational Association, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The work is devoted to domestic and foreign historical literature on trade relations between Western Siberia and Central Asia at the turn of the 16th – 17th centuries. The study of the historiography of this story is of great importance for the essential understanding of the relationship between the Russian Federation and its Central Asian partners – in their retrospective and present. *Methods and materials.* The study used logical analysis, the problem-chronological method, the periodization method, and the comparative method. The sources in this article are the scientific studies of domestic and foreign historians of the 18th – the first quarter of the 21st centuries, devoted to the formation and development of trade relations between Western Siberia and Central Asia in the era of active colonization of Western Siberia by the Russian state. *Analysis.* The article presents not only the process of accumulation and stabilization of knowledge on this subject but also reveals the difference in the approaches of historians, the objective (political-ideological, socio-cultural, organizational, etc.) circumstances of the formation of these approaches, and the most debatable views that are analyzed and criticized. *Results.* The study demonstrated the presence of unconditional continuity in the works of many generations of domestic historians of the pre-revolutionary, Soviet, and modern periods, their contribution to the formation of a holistic view of the trade in Western Siberia and Central Asia, as well as those works of foreign historians who demonstrated the existence of interest in this topic and sought to contribute to its development with a certain novelty. At the same time, the author outlines a range of historiographic plots that were only outlined earlier and obviously require further development; it is concluded that, despite a solid historiographic tradition, the topic clearly has the potential for development.

Key words: Western Siberia, Central Asia, foreign policy, trade, diplomacy, colonization.

Citation. Zhukov Iu.P. Trade Relations of Western Siberia and Central Asia at the Turn of the 16th – 17th Centuries: Historiography of the Question. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 6-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.1>

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ XVI–XVII вв.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Юрий Петрович Жуков

Тюменское музейно-просветительское объединение, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена отечественной и зарубежной исторической литературе о торговых отношениях между Западной Сибирью и Средней Азией на рубеже XVI–XVII веков. Изучение историографии данного сюжета имеет большое значение для сущностного понимания взаимоотношений Российской Федерации с ее центральноазиатскими партнерами – в их ретроспективе и современности. В исследовании использовались логический анализ, проблемно-хронологический метод, метод периодизации, компаративистский метод. Источниками в данной статье выступают научные исследования отечественных и зарубежных историков XVIII – первой четверти XXI в., посвященные вопросу о складывании и развитии торговых отношений между Западной Сибирью и Средней Азией в эпоху активной колонизации Западной Сибири Русским государством. В статье представлен не только процесс накопления и стабилизации знаний по данному сюжету, но также выявлена разница подходов историков, объективные (политико-идеологические, социокультурные, организационные и др.) обстоятельства формирования данных подходов; анализу и критике подвергнуты наиболее дискуссионные взгляды. Исследование продемонстрировало наличие безусловной преемственности в работах многих поколений отечественных историков дореволюционного, советского и современного периодов, их вклад в формирование целостного представления о торговле Западной Сибири и Средней Азии, а также те работы зарубежных историков, которые отражали существование интереса к данной теме и стремились внести в ее разработку определенную новизну. В то же время автором намечен спектр историографических сюжетов, только намеченных ранее и очевидно требующих дальнейшей разработки, сделан вывод, что, несмотря на солидную историографическую традицию, тема явно имеет потенциал развития.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Средняя Азия, внешняя политика, торговля, дипломатия, колонизация.

Цитирование. Жуков Ю. П. Торговые отношения Западной Сибири и Средней Азии на рубеже XVI–XVII вв.: историография вопроса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.1>

Введение. Торговые связи России с государствами и народами Средней Азии являются логическим продолжением истории ее освобождения от монгольского владычества, контактов с государствами – наследниками Золотой Орды и реализации политики расширения Российского государства на Восток (в направлении Поволжья, Урала и Сибири), вектор которой закладывался со времен Ивана Великого.

На рубеже XVI–XVII вв. этот процесс не только активно продолжался, но и выходил на качественно иной уровень. Именно в этот период роль государства в освоении края возрастает и становится определяющей, а развитие торговых отношений с соседями постепенно трансформируется из тактической задачи (снабжение переселенцев) в стратеги-

ческую (формирование развитой системы торговых коммуникаций, утверждение России в качестве важного экономического актора и ее встраивание в торговый мир Востока).

Целью данной статьи является анализ процесса накопления знаний о торговых отношениях между Западной Сибирью и Средней Азией, что подразумевает решение следующих задач: выделить основные историко-научные концепции, создаваемые исследователями при изучении данного процесса; сформулировать основную проблематику историографических источников и показать влияние конкретно-исторической обстановки на появление новых исследовательских проблем; выработать периодизацию изучения темы и определить характерные для каждого периода закономерности.

Актуальность изучения данной темы обусловлена обширным дискурсом: оба региона прошли долгий путь от первых контактов до пребывания в статусе «внутренних колоний» единой империи, в качестве республик одного Союза, в качестве союзных суверенных республик, объединенных различными международными форматами. На всех этих этапах историографические нарративы трансформировались. Важность темы очевидна и в контексте геополитической обстановки, где отношения на евро-атлантическом контуре переживают один из глубочайших кризисов в истории, а азиатско-тихоокеанские ареалы – от Ближнего до Дальнего Востока – видятся стратегическими партнерами исключительной важности, история и смыслы отношений с которыми формируют повестку дня.

Методы и материалы. Ключевыми источниками для нас являются историографические, включающие в себя литературу по исследуемой теме.

Автором использовались различные методы исследования. Проблемно-хронологический метод способствовал определению проблематики историографических источников и дал возможность обратиться к анализу порядка появления историографических сюжетов. Метод периодизации позволил нам выявить общие черты исторических исследований в тот или иной период времени. Компаративистский метод предоставил возможность сопоставить информацию, извлеченную из различных источников.

Историография исследуемой темы, с одной стороны, достаточно обширна, если относить к ней труды по истории Сибири, внешней политики России того времени и истории торговых отношений России и Средней Азии; с другой – откровенно недостаточна, если брать исследования по интересующей нас проблематике максимально конкретного характера – с единством времени (рубеж XVI–XVII вв.), действия (торговые и сопутствующие им операции) и места (Западная Сибирь и Средняя Азия).

Анализ. Разработка темы стартует вместе со становлением профессиональной исторической науки. В самом лаконичном виде ее касается Герхард Фридрих Миллер [24]. Немецкий ученый первым отметил

стремление ханов наладить торговлю узбекских купцов с Россией через Сибирь.

Попадание в орбиту имперского влияния казахских жузов закономерно повышает интерес российских историков к среднеазиатскому направлению внешней политики Российской империи. Отражением данной тенденции становится выход в 80-х гг. XVIII в. работы служащего коммерц-коллегии М.Д. Чулкова [36], посвященной российской торговле, с кратким обзором российско-среднеазиатских торговых сношений в соответствующем томе. С М.Д. Чулкова стартует явление, которое позже получит название «практическое востоковедение».

Дальнейший виток интереса к теме связан с постепенным колониальным подчинением Средней Азии с середины до конца XIX столетия. С этого времени русская ориенталистика выходит на качественно иной уровень, а тема Востока в самом широком его понимании становится востребованной и популярной. В контексте среднеазиатского направления особо следует выделить миссии графа Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару, Н.Г. Столетова в Бухару и многие другие; в Санкт-Петербурге проводится III Всемирный конгресс ориенталистов, где «широко фигурировали вопросы... изучения Средней Азии» [22, с. 52–53], в том числе в свете ее исторических и торговых связей с Сибирью [25].

Большое значение коммерческого взаимодействия двух регионов во второй половине XIX в. отмечает Н.И. Костомаров. Историк, впервые для исследования темы обращаясь к «Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссией», отмечает, что торговля с купцами из Средней Азии была «очень важна». Они «снабжали Сибирь рукодельными потребностями жизни» [19, с. 42–43], то есть впервые достаточно ясно выражает мысль о взаимной заинтересованности сторон.

Современник Н.И. Костомарова В.В. Григорьев сужает трактовку сибирско-среднеазиатских торговых отношений до формулы: «...государям московским оставалось по отношению к этой части Азии... заботиться об ограждении торговых интересов своих подданных...» [7, с. 6–7].

К концу 1870-х гг. издается труд генерал-майора и военного историка А.А. Шепе-

лева, который рассматривает развитие торговых отношений в контексте возрастания «славы и могущества русского государства» [39, с. 5] с присоединением Сибири, что послужило стимулом к многочисленным посольствам со стороны среднеазиатских ханств «с грамотами... о покровительстве своим торговым людям» [39, с. 5]. Вслед за Н.И. Костомаровым историк ключевой интерес Москвы видит в том, чтобы «разведать» пути в Индию.

Ближе к концу века В.А. Уляницкий [33] впервые концептуально обозначил причины заинтересованности Москвы в развитии отношений со Средней Азией в виде стремления создать «великий» торговый путь из Средней Азии в Европу, проходящий через Россию. Впрочем, по его мнению, цель эта не была удовлетворена.

Не изменился тон исследований и в начале XX века. Труд Ф.И. Лобысевича [21] выступал откровенно вторичным по отношению к работам А.А. Шепелева и В.В. Григорьева и проводил мысль о том, что центральная власть в деле освоения Сибири «не принимала... прямого участия, а представляла его самим пограничным воеводам» [21, с. 11]; работа С.В. Жуковского [8] в большей степени носила апологетический (по отношению к дому Романовых), а не исследовательский характер.

Советская эпоха поставила перед исторической наукой вообще и историческим востоковедением в частности принципиально иные задачи. Советизация Средней Азии в начале 1920-х гг., создание СССР меняют исследовательскую оптику и словарь – теперь изучается не «внешняя политика России в Средней Азии», а – подчеркнуто – взаимоотношения регионов; профессиональные историки занялись формированием дискурсов, объясняющих близость народов и их исторически неизбежное воссоединение в рамках нового государственного образования. Происходит принципиальный отказ от имперских нарративов. Методология определяется «подлинно научным» марксистским подходом и его институциональными проводниками: Всероссийской научной ассоциацией востоковедов, Московским институтом востоковедения (оба образованы в 1921 г.), Научно-исследовательской ассоциацией при Коммунистическом университете трудящихся Востока (1927) и др.

В начале 1930-х гг. к исследованию вопроса приступает А.П. Чулошников [37]. Историк впервые отчетливо разграничил три формы сибирско-среднеазиатских торговых отношений: 1) царско-ханские через особо уполномоченных доверенных лиц, гостей, купчин и послов; 2) «поминки» в составе посольских даров; 3) свободный частный купеческий товарообмен. Исследователь привел ассортиментный ряд сибирско-азиатского товарооборота и перечень «заповедных товаров»; обозначил ключевые торговые маршруты через казахские степи на Тару, Тюмень и Тобольск, четкую привязку «тезиков» (среднеазиатских купеческих караванов) к маршрутам посольств (причем выдвинул на основе анализа описи царского архива гипотезу о возможности исследования русскими купцами этих маршрутов еще в XV в.). Ученый отмечал самую активную роль русских купцов в торговле со Средней Азией, представил новый взгляд на причины их заинтересованности в укреплении взаимоотношений с ханствами, основанной на общности интереса в безопасности караванных путей.

Еще одним знаковым историографическим явлением 1930-х гг. становится выход трудов С.В. Бахрушина [3], отказавшегося от концепции «завоевания» Сибири в пользу ее комплексного освоения со стороны Русского государства. Историк впервые системно исследует роль в развитии сибирско-среднеазиатских торговых отношений администрации различных уровней – от правительственного до воеводского. Ученый отмечал, что «вследствие колониального характера ее хозяйства Сибирь не имела собственной промышленности, потребляла исключительно привозную мануфактуру...» [3, с. 204]. Привлекаемый (зачастую впервые) С.В. Бахрушиным актово-статистический материал – таможенные записи, городские списки, сметные, дозорные и переписные книги, документы церковного учета – позволил ему сделать вывод об активизации процесса оседания бухарцев в сибирских городах в конце XVI – XVII в. и разворачивания ими там постоянной торговой деятельности (взгляды С.В. Бахрушина в те же годы поддержал и развил П.П. Иванов [12]).

Работы этого дуумвирата авторов стали классикой еще при их жизни и задали тон

всем последующим исследованиям советского (а во многом и постсоветского) времени.

Важной историографической вехой середины – второй половины XX столетия становится выход ряда общих трудов по истории среднеазиатских республик, ставших плодом совместных усилий российских, узбекских, таджикских, туркменских, киргизских, казахских ученых [13–18; 26]. Эти коллективные труды, с одной стороны, суммировали накопленные на тот момент в досоветской и советской исторической науке сведения о складывании сибирско-среднеазиатских отношений, с другой – не посвящали этому вопросу слишком много места.

Параллельно происходят знаковые события в структуре советского востоковедения. При Академии наук СССР создается Издательство восточной литературы. Возрождение контактов с международным сообществом в эпоху оттепели находит отражение сначала в участии советской делегации во Всемирных конгрессах востоковедов в Кембридже и Берлине, а затем и в проведении XXV Всемирного конгресса востоковедов в Москве в 1960 г. (спустя 84 года с момента последнего такого мероприятия в России). Все это придает изучению темы весьма ощутимые импульсы.

В 60-е гг. XX в. узбекский историк М. Юлдашев [41], во-первых, достаточно смело заявлял, что «торговые и посольские связи Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. были более постоянными, чем это представлялось некоторым дореволюционным исследователям» [41, с. 85]; во-вторых, продемонстрировал свежий подход к трактовке развития сибирско-среднеазиатских контактов через описание причин заинтересованности ханств в сибирских рынках – она стала плодом «известной изоляции Средней Азии от рынков переднеазиатских стран и ограничения торговых связей среднеазиатских ханств с Китаем» [41, с. 85].

Его коллега и соотечественник Х. Зияев [9–11], почти все свое научное творчество посвятивший экономическим связям Сибири и Средней Азии, вводя в оборот детальное исследование таможенных книг, утверждал, что южное направление торговых связей Сибири со среднеазиатскими соседями играло приоритетную роль по сравнению с контактами с европейской частью России. Это взаимодей-

ствие удовлетворяло повседневные потребности населения всех народов-участников, способствовало развитию ремесла и торговли в обоих регионах, налаживало торговые контакты с более удаленными Китаем и Индией, способствовало формированию в Сибири и Средней Азии социальных «кругов», заинтересованных в поддержании и развитии этих отношений.

Тогда же к изучению сибирско-среднеазиатских взаимоотношений приступил О.Н. Вилков [5; 6], посвятивший этой теме множество работ (а в конце 1980-х гг. выступивший редактором академического издания «Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX века» [32]). Историк подчеркивал, что московское правительство прямо участвовало в становлении и развитии торговых связей со среднеазиатскими ханствами. Приезжие и «ортовокские» бухарцы сразу получили доминирующую роль в посреднической торговле России с Востоком. О.Н. Вилков самым подробным образом исследовал логику бухарской торговли и ее ассортиментное наполнение, значительно дополнив наблюдения А.П. Чулошникова и С.В. Бахрушина. Вслед за последним ученый приходил к выводу, что «торговые операции приезжих и сибирских бухарцев по реализации своих товаров... в Сибири способствовали сложению сибирского рынка в орбите формировавшегося всероссийского» [5, с. 223].

В 1972 г. в сборнике статей «Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе» Н.Г. Аполлова осуществляет попытку связать успехи развития торговли между Сибирью и Средней Азией с развитием российско-европейской торговли, миграционными процессами в Евразии. Ей удалось проанализировать динамику торговли, выделяя периоды снижения и повышения ее интенсивности и объемов (в товарном и денежном выражении). Специфической чертой исследуемых торговых отношений, по ее мнению, являлось то, что «торговля по преимуществу была ханская и царская», осуществляемая в основном именитыми иноземными «купчинами» и русскими «гостями», а также представителями дипломатических миссий [1, с. 333], имевшими целый ряд преимуществ и льгот перед частными торговцами.

В конце 1970-х гг. защищается кандидатская диссертация, а в 1981 г. на ее основе выходит

монография Д.Ю. Арапова «Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии» [2] – фактически первый историографический труд на исследуемую нами тему, к сожалению затрагивающий только досоветский период. То же можно сказать и о работе О.Б. Бокиева [4] при всех ее несомненных достоинствах. Оба исследования продолжали достаточно строго придерживаться критического подхода в русле марксистской исследовательской парадигмы, что создавало понятные ограничения. Тем не менее Д.Ю. Арапову удалось дать исчерпывающую картину накопления эмпирических сведений о Средней Азии русскими путешественниками и служащими, подробно рассказать о формировании источниковой базы по теме. О.Б. Бокиев, в свою очередь, четко обозначил периоды становления и сильные стороны дореволюционного изучения темы, но в то же время отметил, что «оно пока далеко от завершения и перед нами стоит немало нерешенных проблем» [4, с. 146].

Более обстоятельные историографические исследования представлены уже в постсоветские 90-е и 2000-е годы. Диссертациями по теме отметились Х. Пирумшоев [27] и О.В. Шкляева [40]. В этих работах была дана исчерпывающая картина изучения темы с XVIII столетия до момента написания и защиты исследований. Х. Пирумшоев особо выделяет группу работ российских историков, посвященных «изучению русско-азиатских посольских и торгово-экономических связей» [27, с. 5], и неутешительно констатирует «неудовлетворительную степень изученности» [27, с. 8] данного направления на момент середины 1990-х годов. О.В. Шкляева подчеркивает, что сибирско-среднеазиатская торговля хоть и не была велика по объемам, но «позволяла России пополнить казну, укрепить экономические связи внутри страны и расширить контакты с восточными соседями». Ученая подчеркивает актуальность изучения данной проблемы в силу выстраивания нового формата отношений между Россией и республиками после распада СССР. «Большой интерес» к теме фиксирует в своей статье 2014 г. Н.Т. Рахимов [30].

В работах постсоветского периода можно отметить поиски новой исследовательской оптики. А.А. Чурсина пришла к выводу о том, что «на начальном этапе развития предприни-

мательства и торговли служилые люди были ведущей социальной группой в этой сфере» [38, с. 117], что явилось развитием и логическим завершением ранее только намеченных сюжетов в исполнении С.В. Бахрушина и О.Н. Вилкова; более того, исследователь намечает перспективы изучения темы в виде «воссоздания биографий и родословных служилых людей, принимавших активное участие в экономическом развитии региона» [38, с. 117]. Н.А. Кузнецов впервые отмечает роль бухарских евреев в развитии сибирско-среднеазиатской торговли [20]. И.Д. Пузырев предложил рассматривать деятельность торговых бухарцев Сибири в рамках концепции «имперских посредников» Дж. Бербанка и Ф. Купера [43, р. 13]. В частности, он утверждает: «В конце XVI – начале XVII в. в глазах русской воеводской власти бухарцы превращались из “чужих” в “своих” агентов... царские воеводы начали привлекать бухарцев к разведке» [29, с. 391]. Оставим за скобками дискуссию о том, можно ли Россию XVI–XVII вв. считать империей, но даже без этого работа И.Д. Пузырева, претендуя на свежесть подхода, на самом деле принципиальной новизны не демонстрирует, так как случаи обращения воеводских администраций к услугам торговых бухарцев в качестве разведчиков и агентов многократно описаны в трудах того же О.Н. Вилкова.

Особо стоит выделить работы авторов, стремящихся исследовать торговые отношения в контексте межкультурного взаимодействия. Е.О. Полякова [28] рассматривает «сибирских бухарцев» (осевших торговцев) в качестве «носителей... диалога цивилизаций и культур» в ходе ранней фазы выстраивания отношений между Россией и миром большого Востока, включая Китай. Аналогичная проблематика разрабатывается в исследованиях А.П. Яркова, рассматривающего взаимодействие двух мегарегионов (Сибирь и Средняя Азия) в контексте одновременно «экономических, этногенетических и культурных коммуникаций» [42] и приходящего к выводу, что бухарские купцы не только стали важнейшими кросс-культурными медиаторами в полиэтнической и поликонфессиональной западносибирской среде (на основе общности с местными татарскими, башкирскими и казахскими племенами), но и внесли

серьезный вклад в изменение культуры и традиций коренных сибиряков.

Одна из последних на сегодняшний день работ по исследуемой нами проблеме – монография Д.Л. Макеева [23], равно как и статьи С.А. Чернышова [34; 35], хоть и стремятся поместить сибирско-среднеазиатские отношения в контекст мировой торговли (в треугольнике «Европа – Россия – Азия»), однако каких-то оригинальных идей не предлагают.

Значительно расширяется и «отвязывается» от республиканских столиц «исследовательская география». Наряду с продолжением деятельности Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья при Институте востоковедения РАН достойными внимания представляются современные усилия групп исследователей, связанных с томскими, новосибирскими, курганскими, челябинскими, оренбургскими, тюменскими научными центрами. Под эгидой Новосибирского государственного университета активно пополняется и обновляется сайт «Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях» [31]. Регулярно проводятся Уральские археологические совещания, в материалах которых также можно обнаружить сюжеты, связанные с предметом нашего обсуждения.

Не обойдена тема и зарубежными исследователями. В 1997 г. опубликована книга американского историка А. Бартона [44], в которой автор отмечает особую интенсивность в складывании торговых контактов во второй половине XVI в., активно работает с картографией торговли, привлекает ранее не публиковавшиеся среднеазиатские источники. Впрочем, каких-то оригинальных выводов А. Бартон не предлагает. Немецкий исследователь К. Ноаск [46] заключает, что торговля Русского государства со Средней Азией занимала важное место в системе русских внешнеполитических связей и стала важнейшим фактором развития сибирского фронта. Кратко исследуемого периода касается американская исследовательница Э. Монахам [45], изучившая историю проникновения среднеазиатских купцов в Западную Сибирь и складывание бухарских торговых общин и династий.

Результат. Таким образом, в историографии сибирско-среднеазиатских торговых отношений мы можем выделить конкретные периоды, характеризующиеся двумя основны-

ми факторами – политико-историческим, связанным с форматом русской государственности и формой отношений со среднеазиатскими народами, и собственно историографическим, связанным с глубиной разработки темы, ее проблемным полем.

Первый период включает в себя исторические исследования с XVIII до начала XX в., который достаточно условно можно разделить еще на два подпериода. В трудах авторов XVIII в. торговля Сибири со Средней Азией не выделяется в отдельный предмет научного интереса, рассматривается как составляющая общего изучения восточного направления политики России. Происходит первичное накопление эмпирического материала и освоение первых источников по данной теме. Историки XIX – начала XX в. продолжают и развивают сюжеты, заданные предшественниками: концептуальных работ, посвященных непосредственно интересующей нас теме, по-прежнему не появляется. Наряду с признанием пользы от бухарской торговли для жителей Сибири по-прежнему ключевыми направлениями, определяющими характер отношений со Средней Азией, видятся Индия и Китай. Господствует «великодержавное настроение» [27, с. 14], культуртрегерский взгляд на процесс взаимодействия между народами. Востоковедение этого периода – как академическое, так и практическое – неотделимо от внешнеполитического курса, задаваемого имперским дискурсом.

Второй период – с 1917 до 1980-х гг. – разработка темы советскими учеными. Происходит фундаментальная смена подхода: исследователи начинают рассматривать процесс установления отношений с народами Средней Азии не в контексте покорения, а в контексте взаимодействия. Как следствие, разработка темы выходит на качественно иной уровень глубины и детализации, в частности появляются фундаментальные труды, целиком посвященные интересующей нас теме, в которых делаются концептуальные выводы о влиянии сибирско-среднеазиатской торговли на развитие экономик участников. Привлекается массив ранее не изученных статистических и делопроизводственных документов.

Третий период – с 1980-х гг. до наших дней – отмечен пересмотром марксистской методоло-

гии и постепенным отказом от нее, что приводит к ситуации методологического плюрализма. Происходит смещение акцентов в исследованиях: изучаются культурный, ментальный, геополитический аспекты торговых отношений. Появляются первые специальные историографические труды по интересующей нас теме.

В связи с этим перспективной видится актуализация и разработка сюжетов, слабо акцентированных (или только намеченных) ранее или потенциально выводящих на новые исследовательские горизонты: структурный анализ сибирско-среднеазиатской торговли на уровне малых и больших сообществ (участие в торговле казаков, представителей коренных народов Сибири, церковно-монастырской корпорации); развитие темы, заданной американской исследовательницей Эрикой Монахан, выстраивающей свои нарративы вокруг конкретных торговых династий; изучения по источникам восприятия системы торговых отношений их участниками – от купцов до конечных потребителей; изменения, вносимые торговлей в повседневную жизнь жителей Сибири, развитие микроисторических сюжетов. Помощь в этом может оказать обращение к инструментарию и достижениям специальных научных дисциплин: генеалогии, способной внести ясность в активность упомянутых торговых династий и конкретных представителей сибирско-среднеазиатской коммерции; нумизматики, выявляющей особенности денежного обращения в ходе проведения торговых операций; исторической географии, проливающей свет на видение и понимание торговых пространств и траекторий участниками торговых отношений; исторической демографии, отражающей этнические компоненты торговли. Несомненную пользу способно оказать обращение к исследованиям смежных сюжетов, фондам литературы, слабо известной российскому читателю и исследователю, налаживание профессионального взаимодействия с республиканскими коллегами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аполлова Н. Г. Историческое значение торговых связей России со Средней Азией (конец XVI – XVII в.) // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. М.: Наука, 1972. С. 332–338.
2. Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 128 с.
3. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4: Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 260 с.
4. Бокиев О. Б. Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей. Душанбе: Дониш, 1991. 170 с.
5. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
6. Вилков О. Н. Сибирские бухарцы и их торговля в XVII в. // *Обменные операции городов Сибири периода феодализма*. Новосибирск: [б. и.], 1990. С. 70–90.
7. Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии: Исторический очерк В.В. Григорьева, профессора Императорского Санкт-Петербургского университета // *Сборник государственных знаний*. СПб.: Тип. Безобразова и К°, 1874. 233 с.
8. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Типо-литография Н.И. Евстифеева, 1915. 225 с.
9. Зияев Х. З. Средняя Азия и Сибирь (II половина XVI – XIX в.). Ташкент, 1964. 88 с.
10. Зияев Х. З. Узбеки в Сибири. Ташкент: Фан, 1968. 77 с.
11. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Фан, 1983. 167 с.
12. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 247 с.
13. История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней / под ред. М. А. Абдыкалыкова, А. М. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 204 с.
14. История Киргизской ССР: в 2 т. Фрунзе, 1967.
15. История народов Узбекистана: в 2 т. / отв. ред. С. В. Бахрушин. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1950. 514 с.
16. История таджикского народа в кратком изложении / отв. ред. Б. Г. Гафуров. М.: Госполитиздат, 1955. 544 с.
17. История Туркменской ССР: в 2 т. / отв. ред. А. К. Каррыев. Ашхабад: Изд-во Акад. наук ССР ТССР, 1957. 718 с.
18. История Узбекской ССР. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. 60 с.
19. Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: Изд. Н. Тиблена, 1862. 299 с.
20. Кузнецов Н. А. Сибирь как объект торговых операций для среднеазиатских купцов // *Кузнецкая старина*. 2007. Вып. 9. С. 22–30.
21. Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом

ком отношениях: Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873: (Из официальных источников). СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1900. 205 с.

22. Лунин Б. В. Средняя Азия в трудах III Международного конгресса востоковедов // *Общественные науки в Узбекистане*. 1976. № 8. С. 52–59.

23. Макеев Д. Л. Российско-Восточные торговые связи на рубеже Средневековья и Нового времени (XVI – первая четверть XVIII в.). Владимир: ВЛГУ, 2013. 155 с.

24. Миллер Г. Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии, о чиненных для оног отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше. СПб., 1760. 136 с.

25. От комитета для устройства международного конгресса ориенталистов в России // *Правительственный вестник*. 1875. № 75.

26. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв.: Материалы для обсуждения / отв. ред. А. Ю. Якубовский. Ашхабад: [б. и.], 1954. 405 с.

27. Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX в. в русской историографии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Душанбе, 1996. 53 с.

28. Полякова Е. О. Бухарские купцы в русско-китайских торговых отношениях XVII в. // *Известия Уральского федерального университета*. 2011. Т. 96, № 4. С. 82–92.

29. Пузырев И. Д. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв. // *Вестник РУДН*. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 3. С. 388–398. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-203-388-398>

30. Рахимов Н. Т. Диаспоры бухарцев в Сибири в XVI–XIX веках и их отражение в исторической литературе // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова*. Серия гуманитарно-общественных наук. 2014. № 2 (39). С. 139–150.

31. Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <https://zaimka.ru/>

32. Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1987. 237 с.

33. Уляницкий В. А. Сношения России со Среднею Азиею и Индию в XVI–XVII вв.: по документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. М.: Унив. тип., 1889. 65 с.

34. Чернышов С. А. Западная Сибирь в системе международных связей в XVI–XVII вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 410. С. 168–171. DOI: [10.17223/15617793/410/27](https://doi.org/10.17223/15617793/410/27)

35. Чернышов С. А. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в XVI–XVII вв.: тор-

гово-экономический аспект // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 370. С. 105–109.

36. Чулков М. Д. История краткая российской торговли. М.: Тип. Пономарева, 1788. 314 с.

37. Чулошников А. П. Торговля Московского государства со Средней Азиею в XVI–XVII вв. // *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР*. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. Ч. I. С. 61–96.

38. Чурсина А. А. Участие служилых людей Западной Сибири в торговле и промыслах (по материалам таможенных книг Томска и Кузнецка XVII в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 228. С. 113–117.

39. Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Среднею Азиею // *Материалы для истории хивинского похода 1873 г*. Ташкент: Тип. военно-народного управления, 1879. 90 с.

40. Шкляева О. В. Торговые связи Средней Азии с Россией во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Владимир, 2003. 26 с.

41. Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент: Наука, 1964. 124 с.

42. Ярков А. П. Средняя Азия и Западная Сибирь во второй половине XVI в.: политические и этнокультурные связи // *Народы и религии Евразии*. 2021. Т. 26, № 3. С. 82–91. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)3-06](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)3-06)

43. Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 528 p.

44. Burton A. *The Bukharans. A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702*. N. Y.: St. Martins Press, 1997. 664 p.

45. Monahan E. *The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia*. N. Y.: Cornell University Press, 2016. 424 p.

46. Noack C. *Die Sibirischen Bucharioten: Eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft*. Paru dans *Cahiers du monde russe*, 2000. 278 p.

REFERENCES

1. Apollova N.G. *Istoricheskoe znachenie trgovykh svyazei Rossii so Srednei Aziei (konets XVI–XVII v.)* [Historical Significance of Russia's Trade Relations with Central Asia (End of the 16th – 17th Centuries)]. *Feodalnaja Rossiia vo vseмирno-istoricheskom protsesse* [Feudal Russia in the World-Historical Process]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 332–338.

2. Arapov D.Iu. *Bukharskoe khanstvo v russkoi vostokovedcheskoi istoriografii* [Bukhara Khanate in

Russian Oriental Historiography]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. 128 p.

3. Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy. T. 4: Sibir i Sredniaia Aziia v XVI–XVII vv.* [Scientific Works. Vol. 4: Siberia and Central Asia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. 260 p.

4. Bokiev O.B. *Osveshchenie istorii tadzhikov i Tadzhikistana v trudakh russkikh dorevoliutsionnykh issledovatelei* [Coverage of the History of Tajiks and Tajikistan in the Works of RUSSIAN PRE-Revolutionary Researchers]. Dushanbe, Donish Publ., 1991. 170 p.

5. Vilkov O.N. *Ocherki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri kontsa XVI–nachala XVIII v.* [Essays on the Socio-Economic Development of Siberia in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 368 p.

6. Vilkov O.N. *Sibirskie bukhartsy i ikh torgovlia v XVII v.* [Siberian Bukharans and Their Trade in the 17th Century]. *Obmennye operatsii gorodov Sibiri perioda feodalizma* [Exchange Operations of the Cities of Siberia in the Period of Feudalism]. Novosibirsk, s. n., 1990, pp. 70-90.

7. Grigorev V.V. *Russkaia politika v otnoshenii k Srednei Azii: Istoricheskii ocherk V.V. Grigoryeva, professora Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Russian Policy Towards Central Asia: Historical Essay by V.V. Grigoriev, Professor of the Imperial St. Petersburg University]. *Sbornik gosudarstvennykh znani* [Collection of State Knowledge]. Saint Petersburg, Tip. Bezobrazova i K^o, 1874. 233 p.

8. Zhukovskii S.V. *Snosheniia Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie* [Russia's Relations with Bukhara and Khiva over the Last 300 Years]. Petrograd, Typo-lithographyya N.I. Evstifeeva, 1915. 225 p.

9. Ziaiev Kh.Z. *Sredniaia Aziia i Sibir (II polovina XVI – XIX v.)* [Central Asia and Siberia (Second Half of the 16th – 19th Centuries)]. Tashkent, 1964. 88 p.

10. Ziaiev Kh.Z. *Uzbeki v Sibiri* [Uzbeks in Siberia]. Tashkent, FAN Publ., 1968. 77 p.

11. Ziaiev Kh.Z. *Ekonomicheskie sviazi Srednei Azii s Sibiriu v XVI–XIX vv.* [Economic Relations of Central Asia with Siberia in the 16th – 19th Centuries]. Tashkent, FAN Publ., 1983. 167 p.

12. Ivanov P.P. *Ocherki po istorii Srednei Azii* [Essays on the History of Central Asia]. Moscow, Izd-vo Vost. lit., 1958. 247 p.

13. Abdykalykov M.A., Pankratova A.M., eds. *Istoriia Kazakhskoi SSR: S drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to the Present Day]. Alma-Ata, KazOGIZ, 1943. 204 p.

14. *Istoriia Kirgizskoi SSSR: v 2 t.* [History of the Kirghiz SSR. In 2 Volumes]. Frunze, 1967.

15. Bakhrushin S.V., ed. *Istoriia narodov Uzbekistana: v 2 t.* [History of the Peoples of Uzbekistan. In 2 Volumes]. Tashkent, Izd-vo Akad. nauk UzSSR, 1950. 514 p.

16. Gafurov B.G., ed. *Istoriia tadzhikskogo naroda v kratkom izlozhenii* [History of the Tajik People in Brief]. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 544 p.

17. Karryev A.K., ed. *Istoriia Turkmenskoi SSR: v 2 t.* [History of the Turkmen SSR. In 2 Volumes]. Ashkhabad, Izd-vo Akad. Nauk SSR TSSR, 1957. 718 p.

18. *Istoriia Uzbekskoi SSR* [History of the Uzbek SSR]. Tashkent, Izd-vo Akad. nauk UzSSR, 1955. 60 p.

19. Kostomarov N.I. *Ocherk torgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII stoletiiakh* [Essay on the Trade of the Muscovite State in the 16th and 17th Centuries]. Saint Petersburg, Izd. N. Tiblena, 1862. 299 p.

20. Kuznetsov N.A. *Sibir kak obiekt torgovykh operatsiy dlia sredneaziatskikh kuptsov* [Siberia as an Object of Trading Operations for Central Asian Merchants]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk Antiquity], 2007, iss. 9, pp. 22-30.

21. Lobysevich F.I. *Postupatelnoe dvizhenie v Sredniuu Aziuu v torgovom i diplomaticheskome otnosheniiakh: Dopolnitelnyi material dlia istorii Khivinskogo pokhoda 1873: (Iz ofitsialnykh istochnikov)* [Forward Movement in Central Asia in Trade and Diplomatic Relations: Additional Material for the History of the Khiva Campaign of 1873: (From Official Sources)]. Saint Petersburg, Tip. tov-va «Obshchestvennaya polza», 1900. 205 p.

22. Lunin B.V. *Sredniaia Aziia v trudakh III Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Central Asia in the Proceedings of the 3rd International Congress of Orientalists]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan], 1976, no. 8, pp.52-59.

23. Makeev D.L. *Rossiisko-Vostochnye torgovyie sviazi na rubezhe Srednevekovia i Novogo vremeni (XVI – pervaiia chetvert XVIII v.)* [Russian-Eastern Trade Relations at the Turn of the Middle Ages and the New Age (16th – First Quarter of the 18th Century)]. Vladimir, VLGU, 2013. 155 p.

24. Miller G.F. *Izvestie o pesochnom zolote v Bukharii, o chinennykh dlia onogo otpravleniiakh i o stroenii krepostei pri reke Irtyshe* [News about the Sand Gold in Bukhara, About the Departures Made for It and About the Construction of Fortresses along the Irtysh River]. Saint Petersburg, 1760. 136 p.

25. *Ot komiteta dlia ustroistva mezhdunarodnogo kongressa orientalistov v Rossii* [From the Committee for the Organization of the International Congress of Orientalists in Russia]. *Pravitelstvennyi vestnik* [Government Bulletin], Saint Petersburg, 1875, no. 75.

26. Yakubovsky A.Yu., ed. *Ocherki iz istorii turkmenskogo naroda i Turkmenistana v VIII–XIX vv.: Materialy dlia obsuzhdeniia* [Essays from the History of the Turkmen People and Turkmenistan in the 8th – 19th Centuries: Materials for Discussion]. Ashgabat, s.n., 1954. 405 p.

27. Pirumshoev Kh. *Rossiisko-sredneaziatskie otnosheniia s XVI do serediny XIX v. v russkoi istoriografii: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Russian-Central Asian Relations from the 16th to the Middle of the 19th Century. in Russian Historiography. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Dushanbe, 1996. 53 p.

28. Poliakova E.O. Bukharskie kuptsy v russko-kitaiskikh torgovykh otnosheniakh XVII v. [Bukhara Merchants in Russian-Chinese Trade Relations in the 17th Century]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta* [Proceedings of the Ural Federal University], 2011, vol. 96, no. 4, pp. 82-92.

29. Puzyrev I.D. Razvedyvatelnaya deyatelnost sibirskikh bukhartsev na yugo-vostochnom pogranichye Rossii v XVII–XVIII vv. [Reconnaissance Activities of Siberian Bukharans in the Southeastern Borderland of Russia in the 17th – 18th Centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriiya Rossii* [Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 388-398. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-388-398>

30. Rakhimov N.T. Diaspory bukhartsev v Sibiri v XVI–XIX vekakh i ikh otrazhenie v istoricheskoi literature [Diasporas of Bukharans in Siberia in the 16th – 19th Centuries and Their Reflection in Historical Literature]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Khujand State University Named After Academician B. Gafurov. Humanities], 2014, no. 2 (39), pp. 139-150.

31. *Sibirskaiia zaimka. Istoriiia Sibiri v nauchnykh publikatsiiakh* [Siberian Zaimka. History of Siberia in Scientific Publications]. URL: <https://zaimka.ru/>

32. *Torgovlia gorodov Sibiri kontsa XVI – nachala XX vv.* [Trade of the Cities of Siberia in the Late 16th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 237 p.

33. Ulianitskii V.A. *Snosheniia Rossii so Srednei Azieiui Indiei v XVI–XVII vv.: Po dokumentam Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* [Relations of Russia with Central Asia and India in the 16th – 17th Centuries: According to the Documents of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Moscow, Univ. tip., 1889. 65 p.

34. Chernyshov S.A. Zapadnaya Sibir v sisteme mezhdunarodnykh svyazey v XVI–XVII vv. [Western Siberia in the System of International Relations in the 16th – 17th Centuries]. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University], 2016, no. 410, pp. 168-171. DOI: [10.17223/15617793/410/27](https://doi.org/10.17223/15617793/410/27)

35. Chernyshov S.A. Prisoedinenie Zapadnoi Sibiri k Russkomu gosudarstvu v XVI–XVII vv.: torgovo–ekonomicheskii aspekt [Accession of Western Siberia to the Russian State in the 16th – 17th Centuries: Trade and Economic Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2013, no. 370, pp. 105-109.

36. Chulkov M.D. *Istoriiia kratkaia rossiiskoi torgovli* [Brief History of Russian Trade]. Moscow, Tip. Ponomareva, 1788. 314 p.

37. Chuloshnikov A.P. Torgovlia Moskovskogo gosudarstva so Srednei Aziei v XVI–XVII vv. [Trade of the Moscow State with Central Asia in the 16th – 17th Centuries]. *Materialy po istoriii Uzbekskoi, Tadzhikskoi i Turkmenskoi SSR* [Materials on the History of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR]. Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1932, pt. I, pp. 61-96.

38. Chursina A.A. Uchastie sluzhilykh liudei Zapadnoi Sibiri v torgovle i promyslakh (po materialam tamozhennykh knig Tomska i Kuznetska XVII v.) [Participation of Service People of Western Siberia in Trade and Crafts (Based on Customs Books of Tomsk and Kuznetsk of the 17th Century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2005, no. 228, pp. 113-117.

39. Shepelev A. Ocherk voennykh i diplomaticheskikh snoshenii Rossii so Srednei Aziei [Outline of Russia's Military and Diplomatic Relations with Central Asia]. *Materialy dlia istoriii khivinskogo pokhoda 1873 g.* [Materials for the History of the Khiva Campaign of 1873]. Tashkent, Tip. voyenno-narodnogo upravleniya, 1879. 90 p.

40. Shklyieva O.V. *Torgovye svyazi Srednei Azii s Rossiei vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Trade Relations of Central Asia with Russia in the Second Half of the 17th – First Quarter of the 18th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Vladimir, 2003. 26 p.

41. Iuldashev M.Iu. *K istorii torgovykh i posolskikh svyazei Srednei Azii s Rossiei v XVI–XVII vv.* [On the History of Trade and Embassy Relations Between Central Asia and Russia in the 16th – 17th Centuries]. Tashkent, Nauka Publ., 1964. 124 p.

42. Yarkov A.P. Srednyaya Aziya i Zapadnaya Sibir vo vtoroy polovine XVI v.: politicheskiye i etnokulturnyye svyazi [Central Asia and Western Siberia in the Second Half of the 16th Century: Political and Ethno-Cultural Ties]. *Narody i religii Yevrazii* [Peoples and Religions of Eurasia], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 82-91. DOI: [https://doi.org/10.14258/nneur\(2021\)3-06](https://doi.org/10.14258/nneur(2021)3-06)

43. Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton, Princeton University Press, 2011. 528 p.

44. Burton A. *The Bukharans. A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702*. New York, St. Martin's Press, 1997. 664 p.

45. Monahan E. *The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia*. New York, Cornell University Press, 2016. 424 p.

46. Noack C. *Die Sibirischen Bucharioten: Eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft*. Paru dans Cahiers du monde russe, 2000. 278 p.

Information About the Author

Iurii P. Zhukov, Research Lecturer, Researcher, Tyumen Museum and Educational Association, Sovetskaya St, 63, 625000 Tyumen, Russian Federation, Ziccuratus83@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6594-2555>

Информация об авторе

Юрий Петрович Жуков, преподаватель-исследователь, научный сотрудник, Тюменское музейно-просветительское объединение, ул. Советская, 63, 625000 г. Тюмень, Российская Федерация, Ziccuratus83@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6594-2555>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.2>UDC 327.82(57)+910.4(574)+94(574)1694/1696
LBC 63.3(2)46:66.4:26.89(5Каз)Submitted: 22.02.2023
Accepted: 14.06.2023

AMBASSADOR'S MISSION OF THE SIBERIAN COSSACK FYODOR SKIBIN TO THE KAZAKH HORDE IN 1694–1696

Ivan P. Kameneckii

Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article provides a survey of the Tobolsk Cossack Fyodor Skibin's ambassadorial activity to the Kazakh Horde (Kazakh Khanate) in 1694–1696. *Methods and materials.* The basis of the study is published materials on the history of Russian-Kazakh relations in the 17th century and archival sources from the fund of the Siberian Prikaz of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Analysis.* It is shown that the founder of the large Siberian Skibin dynasty was the ataman of the Zaporozhye Cossacks, Mikhail Skiba (Skibin), exiled to Siberia. The participation of his descendants in ambassadorial missions to the rulers of the eastern states bordering Siberia is considered. The focus is on the motives, circumstances, and results of F. Skibin's embassy to the Kazakh ruler Tauke-Khan and the forced journey of the Russian ambassadors to Bukhara and Khiva. Previous researchers V.Y. Basin and E.A. Knyazhetskaya have not considered these issues in detail. It was found out that prior to travelling to the Cossack Horde; Skibin had participated in military expeditions to the Kirghiz land and Eastern Transbaikalia (Dauria), where he gained the necessary experience of dealing with Eastern peoples. His journey to and from the ruler of the Kazakhs, Tauke, was fraught with many difficulties and trials. When meeting with Tauke, Skibin defended the interests of the Russian side, seeking the release of detained ambassadors in Turkestan and the liberation of Russian prisoners from bondage. Having overcome various obstacles, Skibin and his companions managed to return to Tobolsk by a roundabout route through Bukhara, Khiva, and Kalmyk possessions. *Results.* It is established that thanks to their journey, valuable information was obtained about the nature of the Kazakh steppe, the system of government, economic life, and social structure of Kazakhs and residents of Central Asian cities. Skibin's mission to the Kazakh Khanate, despite failing to achieve its goals, is seen as another step by the Russian government towards establishing permanent ambassadorial ties and peaceful, mutually beneficial relations with the rulers of the eastern states.

Key words: Siberia, Mikhail Skiba, Fyodor Skibin, Kazakh Horde, Tauke Khan, Bukhara, Khiva.

Citation. Kameneckii I.P. Ambassador's Mission of the Siberian Cossack Fyodor Skibin to the Kazakh Horde in 1694–1696. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 18–29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.2>

УДК 327.82(57)+910.4(574)+94(574)1694/1696
ББК 63.3(2)46:66.4:26.89(5Каз)Дата поступления статьи: 22.02.2023
Дата принятия статьи: 14.06.2023

ПОСОЛЬСКАЯ МИССИЯ СИБИРСКОГО КАЗАКА ФЕДОРА СКИБИНА В КАЗАХСКУЮ ОРДУ В 1694–1696 ГОДАХ

Иван Павлович Каменецкий

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье дан обзор посольской деятельности тобольского казака Федора Скибина в Казахское ханство в 1694–1696 годах. *Методы и материалы.* Основой исследования являются опубликованные материалы по истории русско-казахских отношений XVII в. и архивные источники, извлеченные из фонда Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов. *Анализ.* Показано, что основателем большой сибирской династии Скибиных был сосланный в Сибирь атаман запорожских казаков Ми-

хаил Скиба. Рассмотрено участие его потомков в посольских миссиях к правителям сопредельных с Сибирью восточных государств. Основное внимание уделено выяснению мотивов, обстоятельств и результатов посольства Ф. Скибина к казахскому правителю Тауке-хану и вынужденной поездке русских послов в Бухару и Хиву. В работах предшествующих исследователей В.Я. Басина и Е.А. Княжецкой эти вопросы детально не рассматривались. Установлено, что до поездки в Казахскую Орду Ф. Скибин участвовал в военных экспедициях в Киргизскую землю и Восточное Забайкалье (Даурию), где приобрел необходимый опыт общения с восточными народами. Его следование с посольством к правителю казахов Тауке-хану и обратно сопровождалось большими трудностями и испытаниями. При встречах с Тауке Ф. Скибин отстаивал интересы русской стороны: добивался отпуска задержанных в Туркестане тобольских послов и освобождения из рабства русских пленных. Преодолев различные препятствия, Скибин со спутниками сумел окружным путем через Бухару, Хиву и калмыцкие владения вернуться в Тобольск. *Результаты.* Установлено, что благодаря их путешествию были получены ценные сведения о природе Казахской степи, управлении, хозяйственной жизни и социальном строе казахов и жителей городов Средней Азии. Посольство Скибина в Казахскую Орду, несмотря на недостижение своих целей, оценивается как очередной шаг правительства России к установлению постоянных посольских связей и мирных взаимовыгодных отношений с правителями восточных государств.

Ключевые слова: Сибирь, Михаил Скибин, Федор Скибин, Казахская Орда, Тевке-хан, Бухара, Хива.

Цитирование. Каменецкий И. П. Посольская миссия сибирского казака Федора Скибина в Казахскую Орду в 1694–1696 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 18–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.2>

Введение. В истории начального освоения Сибири большое значение имели посольские связи России с сопредельными государствами. Поездки русских посланников в восточные страны, как уже отмечали исследователи, во многом способствовали накоплению знаний об их природе и географии, правителях и народах, установлению с ними постоянных посольских и торговых связей. При этом, уделяя большое внимание изучению маршрута следования посольских миссий, хода переговоров и их результатам, историки реже обращались к выяснению личности русских дипломатов, их предшествующей посольской службе, поведению в возникавших сложных конфликтных и чрезвычайных ситуациях при выполнении своей миссии. Подобное упущение объясняется ограниченностью материала используемых источников, отсутствием в них сведений личностного (биографического) характера о русских посланниках. Дошедшие до наших дней посольские «статейные списки» и «расспросные речи», как правило, не содержат сведений о жизни и прежних заслугах руководителей посольств, не отражают всех трудностей и возникавших коллизий, с которыми им приходилось сталкиваться в других государствах и землях при выполнении возложенных на них сложных и ответственных заданий.

Методы и материалы. Введение новых архивных данных, анализ опубликованных источников с использованием системного, сравнительного, историко-биографического методов позволяют получить более полное представление о личности и посольстве малоизвестного тобольского казака Федора Скибина в Казахской Орде и пребывании его участников в городах Центральной Азии и Калмыцком ханстве.

Основой исследования являются опубликованные актовые материалы по истории русско-казахских отношений XVII в.: «Статейный список пребывания в Туркестане, в Хиве и в Бухаре казаков Федора Скибина и Матвея Трошина, посланных из Тобольска для переговоров с Тевкиханом, вследствие неприязненных действий подвластной ему Казачьей Орды» и «Распросные речи в Сибирский Приказ казака Василия Кобякова о пребывании его в Туркестане» в 1694–1696 гг., содержащие письменные отчеты о выполнении русских послов своих поручений за границей. Сведения биографического и служебного характера содержат архивные делопроизводственные документы массового учета: окладные книги жалования тобольских служилых людей 1649/50, 1651/52, 1652/53 гг., роспись ссыльных людей «литовского списка» 1624/25 г., таможенная книга Верхотурья 1673/74 г., извле-

ченные нами из фонда Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА).

Обсуждение. Поездка тобольского казака Федора Скибина и его спутников с посольством во владения Казахской Орды (Казахьей Орды) и Центральную Азию в 1694 г. уже получила частичное освещение в опубликованных источниках и историко-географической литературе [2; 11, с. 66–73]. Посольство Ф. Скибина кратко рассмотрено историком В.Я. Басиным в контексте русско-казахских отношений в широких хронологических рамках XVI – первой половины XIX века. Это обстоятельство не позволило ему достаточно полно раскрыть причины следования русских послов из Тобольска в далекий Тургустан, ход переговоров с казахским правителем Тауке-ханом (Тевке-ханом) и учесть другие факты и важные детали, характеризующие в полной мере результаты и значение их посольской деятельности, а также показать личностные качества самого казахского хана. Исследовательницу русских географических открытий Е.А. Княжецкую больше всего интересовал маршрут следования Ф. Скибина, описание им природы Казахской степи, хозяйственной жизни и быта населения городов Казахской Орды и Центральной Азии. Вопросы, касающиеся личности самого Федора Скибина: происхождение, родственные связи, служба в Сибири, указанными авторами также не рассматривались. Привлечение новых источников и литературы позволяет восполнить указанные пробелы.

Анализ. Казак, землепроходец и посол Федор Скибин принадлежал к потомственной династии сибирских служилых людей. Его дед Михаил Скиба, бывший атаман вольных запорожских казаков (родом из «черкас»), оказался в Сибири не по своей воле. По данным П.Н. Будицкого, в 1618 г. он был сослан за какую-то провинность в Томский город и определен в конную службу [5, с. 201], но вскоре, по неизвестной причине был переведен в разрядный Тобольск, где упоминается в 1624/25 г. в составе «литовского списка» местного гарнизона с окладом 11 руб. с четью [17, л. 81об.]. Примечательно, что рядом с ним в указанном списке состояли блестяще описанные С.В. Бахрушиным, скандально известные личности в

Сибири – «иноземцы» Павел Хмелевский и Савва Французенин [3, с. 163–174]. Неизвестно, какой воинский чин занимал бывший запорожский атаман в среде служилых людей, но достаточно высокое получаемое жалование позволяет отнести его к начальным людям, имевших пашню. При описании земельных владений Тобольского уезда, предпринятых видным сибирским воеводой-прибыльщиком Ю. Сулешевым, была зафиксирована на р. Кундуске «деревня Скибы» [5, с. 11]. В конце века в ней проживало немало его близких родственников.

Сведений о служебной деятельности М. Скибы в Тобольске не сохранилось. Очевидно, к 1640 г. его уже не было в живых, поскольку его имя исчезает из именных окладных и других книг отчетного характера, но источники сохранили отдельные данные о службе его близких родственников, носивших фамилию Скибины. В 1649 г. в составе «литвы и черкас» Тобольска указан его сын, конный казак Любимко Михайлов Скибин с окладом 7 руб. [18, л. 165]. В этом же году Любим Скибин вместе с конными казаками Михаилом Щукиным и Дружиной Чернцовым были посланы в станицу и годовую службу в недавно отстроенный Атбашский (Вагайский) острог, расположенный в верховьях р. Вагая [18, л. 174]. Известно также, что в 1650 г. со стрелецким сотником Владимиром Клепиковым он был направлен с посольством к правителю «черных калмыков» Кула – тайджи с «выговором» о нападении его сына Секрыла с людьми на Шегарскую волость Томского уезда [15, с. 343].

В именных книгах 1651/52 и 1652/53 гг. Л. Скибин указан среди тобольской «литвы» уже с более высоким окладом – 10 руб. с четью, 7 четей с осьминою ржи, 6 четей овса, 2 пуда соли, что может свидетельствовать о его каких-то достигнутых служебных заслугах [19, л. 192; 20, л. 84; 21, л. 177]. Здесь же, упоминается и его сын – конный казак Олешка Любимков с окладом 7 руб. [19, л. 133].

К династии Скибиных принадлежал конный казак Григорий Скибин. В 1676 г. с тобольским сыном боярским Олфером (Алферием) Сыромятниковым и побывавшим в Китае предприимчивым бухарским купцом Ситкулом Аблиным, он ходил с посольством к владетелю «черных калмыков» Очур-тайше.

На обратном пути на них напали люди сына монгольского тайджи Мергеня Кегеня-тайши, которые «разбили» русских послов, взяли их в плен, но затем отпустили, и посланники сумели благополучно вернуться домой [6, с. 158].

Г. Скибин неоднократно бывал также в «посылках» в Москве, откуда привозил в Сибирь необходимые товары на значительные суммы. В 1673 г. при возвращении из столицы явил на Верхотурье «русский товар» стоимостью 47 руб. с полтиной [24, с. 91]. В 1690 г. он прибыл в Москву с уже известным к этому времени «чертежником», сыном боярским С.У. Ремезовым с каким-то важным воеводским поручением и получил «за сибирский приезд... два рубля с полтиной соболями» и «четыре аршина сукна шиптугу» [8, с. 34]. В следующем году, 5 мая он также отвозил отписку тобольского воеводы С.И. Салтыкова в Уфу воеводе В.Ф. Стрешневу о враждебных действиях калмыков против башкир, угоне ими большого количества лошадей и убийстве ясачных людей [13, с. 211]. В 1696 г. бывший казак Г. Скибин значился в новом воинском звании – прапорщиком «литовского списка» с окладом 11 руб. [25, с. 48].

Другим представителем династии Скибиных являлся конный казак «литовского списка» Константин Скибин. В 1675 г. он сопровождал самое значительное по своему масштабу и представительству посольство в Китай под руководством видного дипломата, исследователя Н. Спафария [22, с. 465]. Очевидно, в составе посольства К. Скибин играл не последнюю роль, поскольку после возвращения в Тобольск, его оклад был значительно повышен и составил в 1696 г. 12 руб. с четью [25, с. 48].

К клану Скибиных принадлежал также и сын боярский Дмитрий Скибин. В сентябре 1690 г. с отставным атаманом Петром Баландиным он был послан в Сибирский приказ с отпиской воеводы А.П. Головина о прибытии в Тобольск монгольских послов с «листом» от правителя Джунгарии Галдана Бошоктухана [23, с. 227].

Как следует из приведенных выше материалов, представители династии Скибиных, наряду с выполнением обычных служб, принимали участие в важных посольских миссиях, направленных в Джунгарию, Китай и другие

сопредельные территории, для решения вопросов, связанных с установлением мирных и взаимовыгодных отношений России с их правителями. Поэтому выбор казака «литовского списка» Федора Скибина для поездки к влиятельному общеказахскому правителю Тауке-хану был не случаен. Утверждение В.Я. Басина, что отправление с посольством к самому могущественному казахскому хану рядовых казаков, а не начальных лиц – детей боярских или атаманов тобольские наместники, тем самым, не придавали большого значения этой миссии, является ошибочным [2, с. 115–116].

До поездки в Казахскую Орду Ф. Скибин участвовал в военных походах, тяжелых сражениях и владел не только воинскими навыками, но и был знаком с посольским делом, имел опыт общения с разными нерусскими народами. Так, в 1681 г. он был назначен в большую военную экспедицию в «киргизскую землю» для усмирения енисейских киргизов, однако, как и немало других служилых людей, недовольных руководством и военной тактикой ее руководителя, письменного головы И. Суворова, в пути следования «с дороги ис Томска ушел» обратно в Тобольск [10, л. 81].

В 1686 г. Ф. Скибин был послан на службу в «Дауры» в составе набранного в Тобольске большого отряда (1 000 чел.), вошедшего в полк окольного, чрезвычайного и полномочного посла Ф.А. Головина, посланного из Москвы для защиты русских дальневосточных рубежей. Спустя три года он упоминается как тобольский десятник среди московских стрельцов полка Павла Грабова. В составе этого полка Ф. Скибину довелось участвовать в обороне русских поселений Восточного Забайкалья, отражении нападений монгольских войск под предводительством Очир-Саинхана на Удинский и Селенгинский остроги [1, с. 148, 159–161]. После подписания Нерчинского договора он был определен приставом в отряд стрельцов «провожатых и для обережи» монгольских тайджи, принявших русское подданство, которых сопровождал до Москвы, а затем провожал их обратно [1, с. 171; 23, с. 199, 246]. В 1690 г. по своей челобитной Ф. Скибин был освобожден от даурской службы и отправлен в Тобольск, где продолжил исполнять обычные предписанные ему службы [11, с. 67].

4 апреля 1694 г. указом тобольских воевод Скибин был направлен главой посольства в Казахскую Орду к влиятельному хану Тауке, известному составителю первых казахских законов для переговоров об урегулировании возникших острых конфликтных вопросов. Необходимость этих переговоров в немалой мере была инициирована казахской стороной. В октябре 1693 г. хан Тауке обратился с письмом к Петру I с предложением о готовности поддерживать дружественные отношения с Россией и просьбой об отпуске задержанного у Ямыш-озера знатного казахского мурзы Кильдея, следовавшего, по его словам, с посольством в Тобольск. Выступая в роли поборника добрых отношений между сторонами, Тауке в своем письме, не лишенном литературного стиля, заявлял: «И ведома от Адама по се время такова дела не слыхивали, что за воровских людей держать посланца» [14, с. 219]. Однако, как будет показано далее, Кильдей в составе казахского отряда участвовал в вероломном нападении на русских людей у Ямыш-озера, за что и был пленен.

Идя навстречу его просьбе, правительство предписало тобольским воеводам вернуть мурзу и послать в ханскую ставку опытных послов, которым предстояло решить ряд непростых взаимосвязанных задач: 1) сделать выговор казахскому хану о разбойном нападении его людей на русские поселения (Утяцкую, Камыцкую, Ялуторовскую слободы, Тарханский острог) в 1691 и 1693 гг., и возвращении захваченных в плен их жителей; 2) добиться отпуски русских пленников, оказавшихся в Орде после разгрома казахами русского войска у озера Семискуля, и удержанного казахами тобольского сына боярского Андрея Неприпасова и конного казака Василия Кобякова с товарищами, посланных с посольством к хану Тауке в 1692 г. [7, с. 376; 12, с. 262–263].

В состав посольского отряда Ф. Скибина вошли конный казак Матвей Трошин, толмач Уразайко Чачканов, проводник ясачный татарин Таушко Мергень и два кашевара его соплеменники. С ними также был послан, взятый в плен в 1691 г. у Ямыш-озера мурза Кильдей, последнего предполагалось обменять на А. Неприпасова и его людей [7, с. 375].

Поездка Ф. Скибина и его спутников в Казахскую Орду и вынужденное длительное

нахождение в ней сопровождались большими трудностями и испытаниями, достойными быть сюжетом приключенческой повести.

Преодолев большой тысячеверстный путь от Тобольска до верховий Ишима, 20 мая посланники достигли «дальнего Ишимского брода». Здесь они встретились с конным отрядом «воинских людей», состоявших из казахов и каракалпаков, которые, не вступая с ними в переговоры, сопровождали их четверо суток. 30 мая их встретил другой небольшой отряд вооруженных каракалпаков, с ним группа Скибина также мирно разошлась, но на реке Сара-су у «Атуба камня» она съехалась с уже воинственно настроенными людьми Казахской Орды. Последние, открыв стрельбу из ружей и луков, убили одного кашевара, другого ранили, захватили имущество послов «без остатку» с их вьючными лошадьми. В свою очередь, защищая свою жизнь, спутники Ф. Скибина, сражаясь с врагами «с половины дня до вечера», убили четырех казахов, других ранили и сумели уйти «отходным боем» до реки, укрывшись там «в крепкое место».

Будучи окруженными со всех сторон и предвидя свое «смертное убийство», тобольские посланники пошли на небольшую спасительную хитрость. Они направили оставшихся снаряженных лошадей в сторону «воинских людей» и те, прельщенные легкой добычей, поскакали за ними. Воспользовавшись этим, осажденные путники сумели бежать из своего ненадежного убежища и укрыться «за Камень» (очевидно, это был один горных хребтов Джунгарского Алатау. – *И. К.*), но и на этом их злоключения не закончились. Утром посланников обнаружили трое «калмыков» (казахов), которые узнав о том, что перед ними пострадавшие русские послы, а Кильдей их «свойственный человек», обещали их отправить к своему хану. Скибин сумел договориться с ними, что за определенную плату – четырех красных лисиц, трех бобров и принесенную по своей вере шерсть, они проведут русских послов безопасной «тайною дорогою» до города Тургустана (Туркестана), где находилась резиденция хана Тауке. Однако на следующий день проводники вместе с мурзой Килдеем, под предлогом поиска «добрых верблюдов», покинули русских людей в степи, где их вскоре настиг большой

отряд вооруженных казахов. Разоружив тобольских посланцев, они также клятвенно обещали сопроводить их к своему верховному правителю [7, с. 377], но, приведя русских в свой улус, казахи, нарушив свои обещания, ограбили путников, бросили их в тюрьму, затем продали Ф. Скибина и М. Трошина за скот «в холопство» своим сородичам, а толмача и кашеваров оставили себе, угрожая при попытке бегства всех убить. От незavidного рабского положения узников спас неожиданно появившийся в улусе мурза Килдей. Он заявил казахам, что с ним хорошо обращались в русском плену, не чинили ему зла и что тобольских послов и их людей следует освободить и отпустить к хану Тауке.

Казахи, по словам Скибина, с трудом вняв уговорам мурзы, нехотя освободили их из тюрьмы и безоружных, на неоседланных конях отправили под конвоем в ставку своего правителя. Испытав в пути немало унижений и оскорблений от сопровождавших их конвоиров, 22 июля 1694 г. посланцы русского царя прибыли в Тургустан [7, с. 378].

Встреча с ханом Казахской Орды также не была дружественной с его стороны. По словам Скибина, правитель казахов выслушал посольский наказ, сидя, не сняв шапку, как это предписывал установленный посольский церемониал и тем самым продемонстрировал свою независимость от русского царя и пренебрежение к его посланникам. Когда Скибин и Трошин указали на то, что «у турецкого салтана и кызылбашского (персидского. – *И. К.*) хана царский наказ слушают без шапок, стоя», последовал ответ, что «Турской де салтан или Кызылбашский шах, чем его Тевкихана выше? Таковы что ж, что и он». На приветственные слова и пожелания здоровья, исходящими к нему от воеводы, стольника А.Ф. Нарышкина хан ответил кратко, что он «здоров в восьмидесяти тысячах» (своего войска. – *И. К.*), показав, таким образом, свое военное превосходство и могущество [7, с. 379]. На «выговор», исходящий от тобольских властей о разбойных нападениях казахов на русские слободы и разгроме русского войска у озера Семискуль, отвечал, что их учинили каракалпаки, которые ему не подвластны, а его людей «там было мало». При этом хан признал, что под русскую Шипицыну слободу ходили его

люди в ответ на якобы незаконное задержание мурзы Килдея и его помощника Сару, которые, по его словам, были «взяты у Ямышозера безвинно: посланы де они были с листом, а не для войны» [7, с. 380], но, как позже показал другой русский посол Василий Кобяков, Килдей и его помощник Сара были захвачены у озера за учиненный ими разбой. По его словам, Кильдей с «воровскими людьми» (150 чел.), прибыв туда под видом торговли, начали «государевых людей бить, и товары их грабить, и из луков стрелять, и копиями колоть» [7, с. 386].

Тауке оставил также без внимания и ответа требование русских властей освободить захваченных в плен слободских поселенцев Тобольского и Тюменского уездов, и удерживаемых им русских послов. По завершению приема по его приказу русским послам была выделена отдельная юрта и назначен скромный «корм» – баран и два пуда пшеницы, и в дальнейшем, в отличие от бухарских и других послов, находившихся в это время в Тургустане, по словам Скибина, им надлежало «корму и чести было» [7, с. 382].

Убедившись в явном нежелании хана выполнять посольские предписания, Скибин и его спутники обратились к нему с просьбой об «отпуске» их в Тобольск, но получили отказ. Правитель казахов заявил, что отпустить их не может, поскольку в степи хозяйничают неподвластные ему кочевые «ертаулы» и проехать им небезопасно, поэтому отпустит их осенью в «Покров день». Он также проигнорировал их просьбу вернуть изъятое у них казахами оружие, лошадей и конское снаряжение.

Принудительное пребывание русских послов в Казахской Орде затянулось на долгие два года. В Тургустане Скибин и его товарищи сумели встретиться и соединиться с прежними послами Андреем Неприпасовым и Василием Кобяковым, удерживаемым уже три года Тауке и получить от них необходимую информацию о положении дел в Казахской Орде.

Участники посольства сами стали свидетелями многих событий, происходящих в Орде, которые Скибин и его товарищи последовательно и подробно изложили по возвращении Тобольск в своих «статейных списках» и «расспросных речах». В своем отчете о работе посольства Скибин, наряду с испытан-

ными послами лишениями и унижениями, немало внимания уделил вопросам, связанным с продажей русских людей в Казахской Орде и городах Средней Азии, политическом положении в Бухаре и Хиве, обстоятельствах и маршруте своего возвращения в Тобольск.

По его свидетельству, 1 сентября 1695 г. в Тургустан были привезены 20 русских «полонеников» мужского и женского пола, которых продавали на местном базаре. По этому поводу Скибин на новом приеме у Тауке напомнил ему о его письме к русскому царю с просьбой освободить мурзу Килдея, а также о своем обещании не нападать впредь на русские слободы и не захватывать людей, которых обращали в рабство и торговали ими на невольничьих рынках Казахской Орды и городах Средней Азии. На его заявление хан ответил, что его люди в это время воевали не с русскими, а с башкирцами, и при возвращении домой в степи заблудились, зашли в русскую Чюмляцкую слободу (на р. Миассе. – *И. К.*), пововав ее «ненарошным делом» [7, с. 380–381]. Когда речь вновь зашла об отпуске послов в Тобольск хан, без указания причин, заявил, что отпустит их «по весне». Сам же он со своим двадцатитысячным войском отправился вскоре воевать «китай копчаков» (кипчаков. – *И. К.*) и вернулся из похода лишь 19 декабря.

Со слов также насильно удерживаемых в Тургустане посланцев хана волжских калмыков Аюки Скибин узнал, что военный поход Тауке увенчался успехом, им было взято два кипчакских города, побито людей «тысячи с три» и захвачено много пленных. Он также получил тревожные сведения от русской полонянки Анки Васильевой, захваченной во время нападения казахов на Шипицыну слободу Тарского уезда. Пленница сообщила ему, что узнала от жен хана о намерении Тауке идти вскоре с большим войском на русские города и слободы и угрозах захвата им пленных, по его словам, «сколько ему понадобится» [7, с. 381].

Зимой 1695 г. посольский отряд Скибина понес немалые потери, 29 января умер от неизвестной болезни толмач Уразайко, а 7 февраля Андрей Неприпасов. В это же время Скибин узнал, что к Тауке-хану прибыл посланец из Бухары за пленными, взятыми казаками у кипчаков, которые, в отличие от русского полна, были все собраны и отданы бухарцам.

30 марта русские послы вновь били челом Тауке об отпуске их до Ямыш-озера, но получили ответ, не гарантирующий им безопасность в пути их следования. Хан заявил послам: «Как де вы хотите, так в Русь и идите» [7, с. 382]. Получая постоянные угрозы со стороны враждебно настроенных казахов из окружения хана, Скибин и его спутники не решились без ярлыков, конвоя и подвод двинуться в обратный путь и вынуждены были остаться в Тургустане на неопределенное время.

Неприятное отношение казахского правителя к русским посланцам, очевидно, в немалой мере объяснялось не только достигнутыми военными успехами хана, но и его личностными качествами. По свидетельству российских востоковедов, Тауке, как и его враг джунгарский хан Цыван Рабдан, обвиняя друг друга в разных неблагоприятных поступках, не отличались при этом своим благородством и бескорыстием. В своем послании китайскому императору Канси в 1698 г. Цыван Рабдан объяснял причины вторжения Джунгарии в Казахскую Орду вероломной политикой Тауке и разбойными нападениями его приближенных на джунгарских подданных. По словам монгольского правителя, когда сын Тауке попал в плен к джунгарам и был отправлен в качестве подарка в Тибет к Далай-ламе, то отец обратился к Цывану с просьбой вернуть ему сына. Взамен обещал быть с ним «в союзе и согласии», но когда Цыван Рабдан, выполняя его просьбу, отправил к нему сына и 500 провожатых воинов, то Тауке проявил неслыханное, даже для своего времени, вероломство. Он приказал убить всех сопровождавших сына джунгар [4, с. 54]. Кроме того, в нарушении принятого обязательства «жить в мире», его люди убили высокопоставленного калмыцкого подданного Урхедея Батур-тайши, а жену с семейством и людей (100 кибиток) увезли с собой. Помимо этого, казахи совершили нападение на следовавший из Калмыкии в Джунгарию свадебный кортеж, в котором ехала к нему его невеста, дочь хана волжских калмыков Седерджаб. Они же, вопреки установленным торговым правилам, постоянно грабили джунгарских и российских купцов [4, с. 54; 9, с. 215; 16, с. 61]. Приведенные выше факты и отношение к русским послам противоречат утверждению В.Я. Басина, что

«хан Тауке... будучи дальновидным политиком и неплохим дипломатом, постоянно стремился к укреплению русско-казахских связей. Это проявилось даже в таком факте, как сравнительно доброжелательное отношение к русским пленным» [2, с. 105].

В июле 1695 г. Тауке вновь ходил с большим отрядом воинов (15 тыс.) в поход, на этот раз на Ташкент, однако, простояв под городом три месяца, не сумел его взять и вернулся как прежде без богатой военной добычи. В походе участвовали члены русского посольства, тобольские татары Таушка Чичканов и Бехметко Танатаров, сообщившие Скибину об этом неблагоприятном для хана исходе [7, с. 382].

Убедившись в нежелании казахского правителя сопроводить их с охраной до российских пределов, послы решились идти самостоятельно из Тургустана в Бухару. В.Я. Басин безосновательно считает, что Тауке тайно от своих политических противников обеспечил членов посольства ярлыками на право свободного и безопасного проезда в Бухару. Однако используемый им источник и последующие события не подтверждают этого [2, с. 114]. В пути следования русских посланцев вновь постигла неудача, у р. Сыр-Дарьи их настигли «воровские люди» каракалпаки, которые ограбили послов «без остатку». После этого происшествия, мнения пострадавших очередной раз русских посланников, о дальнейшем маршруте движения разделились. Скибин с проводником Таушко решили вернуться в Тургустан, чтобы оттуда идти «прямым ходом», то есть прежним путем, на русские сибирские слободы. М. Трошин и В. Кобяков решили продолжить путь в Бухару с тем, чтобы окружным, более длинным, но менее опасным путем вернуться домой.

При возвращении в Тургустан Скибин стал свидетелем продажи новой партии русских невольников на рынках ставки хан Тауке. В своем статейном списке он указал, что 8 октября 1696 г. в город привезли 60 русских людей с тобольским сыном боярским Дмитрием Суздайцовым, захваченных на соляном промысле у Ямыш-озера при погрузке соли на дощаники. Суздайцов сообщил Скибину, что они прибыли за солью «своей волей», без оружия и вооруженного конвоя, который с опозданием следовал за ними, и поэтому стали

легкой добычей кочевых казахов. В связи с этим событием, Скибин вновь обратился к Тауке и выразил ему свой протест, на что правитель, по его словам, заявил, что пленившие русских «воровские люди» живут далеко «за Камнем» на р. Ташлан и «управы на них нет» [7, с. 383]. При этом он заметил, что в Бухаре имеется также немало русских «полоняников», которых продают на невольничьих рынках.

Убедившись в безуспешности повлиять на казахского хана и вернуться на родину прежним путем, Скибин вновь выбрал маршрутом города Средней Азии. В октябре 1696 г. он снова отправился в Бухару. Чтобы избежать нового ограбления, Скибин с проводником Таушко по договоренности с бухарским надсмотрщиком Салтанбаевым примкнули к отряду русских пленников, посланных в Бухару для их продажи. Преодолев вместе с невольниками нелегкий путь, 5 ноября посланцы сумели благополучно прибыть в город. Здесь они встретились и воссоединились с товарищами по несчастью М. Трошиным и В. Кобяковым. Последние жили с торговцами ногайцами на одном дворе и в целях конспирации выдавали себя за их соплеменников.

В Бухаре Скибин увидел большую партию русских полоняников: «донских, яицких и сибирских», которая, по его словам, составляла «тысячу и больше» человек «мужеска полу и женска». Среди них были также люди, захваченные казахами у озера Семикуль, десять из них были повешены для устрашения, «на показ» другим пленным на главной площади города.

Не задерживаясь долго в Бухаре, 24 ноября трое русских послов продолжили свой путь в Хиву. В этом им немало способствовали торговавшие в Бухаре жители Астрахани грек Никулай Иванов и армянин Сайвас Иванистов. Проникшись доверием к своим соотечественникам и единоверцам, тобольские посланцы сообщили «подлинно» о том, кто они есть на самом деле, и поведали о своих тайных помыслах. Стговорившись с ними, под видом торговцев они отправились в Хиву и после двухнедельного странствия, 10 декабря благополучно прибыли в город. Здесь послы также увидели много русских полоняников «тысячи с две и болши», захваченных из «украинных городов и сибирцов» [7, с. 383].

В Хиве Скибин сумел познакомиться с двумя русскими невольниками: беломестным казаком из Суерской слободы Елеской Осиповым, взятым на бою каракалпаками, и донским казаком Иваном Яковлевым по прозвищу Усок. Последний находился в плену в Хиве уже более четырех лет, благодаря чему был хорошо осведомлен о сложной политической обстановке, характеризующейся крайней нестабильностью, вызванной слабостью верховной власти и острой борьбой за ханский престол.

При встрече со Скибиным И. Яковлев подарил ему поврежденный «штилистный» образ Святого Николая Чудотворца, доставшийся ему от торгового приказчика Григория Зиновьева. Последнего, по словам Яковлева, хивинский хан Арал с его товарищами ограбил, продал в «иные орды», а над образом надругался, топтал его ногами, от чего тот получил значительные повреждения. По мнению Яковлева, из-за этого глумления над русской православной святыней в Хиве учинились многие мятежи. По его словам, неугодный владелец Арал был отравлен своими соратниками, вместо него был посажен его сын, который также был вскоре умерщвлен прибывшими в Хиву «гурленцами и аральцами» со своим ставленником Кабыклы-ханом, но и тот вскоре был убит восставшими хивинцами. В октябре 1696 г. был учинен новым правителем Калмамет-хан, признавший вскоре зависимость и власть Хивы от более сильных бухарских правителей [7, с. 384].

В Хиве русские послы с помогавшими им единоверцами Н. Ивановым и С. Иванистовым жили три месяца «втаех», выдавая себя, как и прежде, за проезжих ногайцев. На четвертой неделе великого поста (в конце марта 1696 года. – *И. К.*) они вместе со своими покровителями под видом торговцев покинули Хиву. В пути следования на родину, на Яицком перевозе в урочище Сарайчик отряд русских путников разделился. Скибин с Трошиным, проводником Таушко и встретившимися им по дороге с бухарскими купцами отправились «в торгоуты» к лояльному русским властям калмыцкому тайше Аюке, а их спутник В. Кобяков с греком Н. Ивановым и армянином С. Иванистовым, не дойдя за день до урочища и Гурьева городка, пошли на Астрахань.

На четвертой пасхальной неделе (в конце мая. – *И. К.*) группа Скибина благополучно достигла ставки Аюки-хана, стоявшей на р. Доре. По словам Скибина, правитель волжских калмыков, в отличие от Тауке-хана, принял русских послов «с честью», дал им «корм» и отослал их к русскому стольнику Кириллу Пушкину, находившемуся с посольством у калмыцкого хана, которому они поведали о своем пребывании в Казахской Орде и произошедших с ними злоключениях.

В торгоутах путники жили до Троицы, после чего Аюка, дав им подводы и провожатых, отпустил Скибина и его товарищей на р. Заполную (приток Яика) с яицким казаком Матюшкой Рекуновым. После благополучного прибытия на Яик и короткого отдыха у русских казаков, вместе с уфимским дворянином Тимофеем Артемьевым, они успешно добрались до Уфы. Уфимский стольник и воевода Василий Леонтьев после расспросов послов, дав подводы и провожатых, отпустил их в Тобольск. Оберегающий их в дороге образ Святого Николая Чудотворца воевода, посоветовавшись с протопопом, велел поставить в соборную церковь, сопроводив это действие молебным пением [7, с. 385].

По прибытию в Тобольск до 20 июля 1697 г. Скибин подал воеводам «статейный список», где подробно изложил обстоятельства своего длительного пребывания в Казахской Орде, Бухаре и Хиве, и путях следования в Среднюю Азию. Его отчет был дополнен составленными им «Росписью городов Казахьей Орды», «расспросными речами» В. Кобякова, а также показаниями Таушки Мергеня. Показания всех участников посольства содержали ценную информацию не только о ходе и результатах посольской деятельности, но и важные известия о природе казахской степи, управлении, хозяйственной жизни и социальном строе казахов, жителей городов Средней Азии и путях сообщения, нашедших свое отражение в «чертежных книгах» выдающегося картографа Сибири С.У. Ремезова и последующей историко-географической литературе [8, с. 39, 241–242].

Тобольские воеводы, оценив важность этих сообщений, уже 5 августа 1696 г. послали их в Москву к главе Сибирского приказа князю И.Б. Репнину. Последний в начале 1670-х гг.

находился на воеводстве в Тобольске и был хорошо знаком с сибирскими реалиями. Вскоре после его представления последовал царский указ о награждении русских посланников. В нем говорилось, что Федора Скибина «за многие службы деда и отца его и за его службишку и за всякое нужное терпение» поверстать в дети боярские. Его соратник В. Кобяков был также определен в этот чин «за службу и полное терпение» [11, с. 70].

Результаты. Посольство Ф. Скибина, несмотря на невыполнение поставленных ему задач, нельзя считать безуспешным по своим результатам и последствиям. Русские власти получили от Скибина и его спутников новые ценные сведения о правителях и народах Казахской Орды и Центральной Азии в целом, их внутреннем положении, судьбе русских пленных, продаваемых в рабство, и другие важные данные. Его путешествие в восточные страны следует оценивать как очередной шаг правительства России к установлению прочных посольских связей и взаимовыгодных торговых отношений с ханами Казахской Орды и другими сопредельными государствами. Поездка Скибина и его предшественников наглядно показала, какие немалые трудности приходилось преодолевать русским посланникам при выполнении своих миссий в восточных государствах и потестарных образованиях, правители которых стремились заручиться преимущественно военно-политической поддержкой России в борьбе со своими внешними врагами, допуская в то же время недружественные, порой враждебные действия в отношении своего более могущественного соседа.

Посольство Скибина к Тауке также показало слабость и ограниченность власти казахского правителя, не сумевшего преодолеть раздробленность Казахской Орды, создать единое государство, и неспособность хана проводить более дальновидную и взвешенную политику в отношении России и других сопредельных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. 240 с.
2. Басин В. Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв.: (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
3. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Часть первая. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 376 с.
4. Бичурин (Иакинф) Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калмкнигоиздат, 1991. 128 с.
5. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков: Тип. Губерн. правления, 1889. 345 с.
6. Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 7. (1676–1681) / под. ред. Н. Калачова. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 374 с.
7. Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 10. (1682–1685) / под ред. А. Тимофеева. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. 474 с.
8. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский географ и картограф. 1642–после 1720 гг. М.: Наука, 1965. 260 с.
9. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1983. 332 с.
10. Именной список тобольских служилых людей, отправленных в поход «в киргизы» с письменным головой И. Суворовым // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 715/716. Л. 70–85.
11. Княжецкая Е. А. Путешествие казака Федора Скибина в Казачью Орду в 1694–1696 гг. // Страны и народы Востока. Вып. 22. Средняя и Центральная Азия. География, этнография и история. Кн. 2. М.: Вост. лит., 1980. С. 66–73.
12. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР: Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 504 с. (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения: Материалы по истории народов СССР; вып. 7).
13. Материалы по истории Башкирской АССР: Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А. Чулошников. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 640 с. (Труды Историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР).
14. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1989. 375 с.
15. Миллер Г. Ф. История Сибири. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. III. М.: Вост. лит. РАН, 2005. 598 с.
16. Моисев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.) Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

17. Роспись ссыльных людей «литовского списка» // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 80–81об.

18. Окладная книга жалования тобольских служилых людей // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 247. Л. 147–172об.

19. Окладная книга жалования тобольских служилых людей // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 279. Л. 115–196.

20. Окладная книга жалования тобольских служилых людей // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 280. Л. 32–96.

21. Окладная книга жалования тобольских служилых людей // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 282. Л. 154–224.

22. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. В 2 т. Т. 1: 1608–1683. М.: Наука, 1969. 613 с.

23. Русско-монгольские отношения. 1685–1691 / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 448 с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

24. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 5. Тобольск, Кетск / авт.-сост.: Д. В. Раев, И. Г. Соколовский; гл. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. 216 с.

25. Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. / опубл. Н. А. Найденов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1885. 144 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov V.A. *Rossiya na dalnevostochnyh rubezhah (vtoraya polovina XVII v.)* [Russia on the Far Eastern Frontiers (Second Half of 17th Century)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 240 p.

2. Basin V.Ja. *Rossija i Kazahskie hanstva v XVI–XVIII vv.: (Kazahstan v sisteme vneshnej politiki Rosijskoj imperii)* [Russia and the Kazakh Khanates in the 16th – 18th Centuries: (Kazakhstan in the System of Foreign Policy of the Russian Empire)]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1971. 275 p.

3. Bahrushin S.V. *Nauchnye trudy. T. III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. Chast pervaya* [Scientific Works. Vol. 3. Selected Works on the History of Siberia in 16th – 17th Centuries. Part One]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. 376 p.

4. Bichurin (Iakin) N.Ja. *Istoricheskoe obozrenie ojrator ili kalmykov s XV stoletija do nastojashhego vremeni* [Historical Review of the Oirat or Kalmyk People from the 15th Century to the Present]. Elista, Kalmknigozdat, 1991. 128 p.

5. Bucinskij P.N. *Zaselenie Sibiri i byt ee pervyh nasel'nikov* [Settlement of Siberia and the Life of Its First Inhabitants]. Kharkov, Tip. Gubern. pravlenija, 1889. 345 p.

6. Kalachov N., ed. *Dopolnenija k «Aktam istoricheskim», sobrannym i izdannym Arheograficheskoj komissiej. T. 7. (1676–1681)* [Supplements to the “Acts of History” Collected and Published by the Archeographic Commission. Vol. 7 (1676–1681)]. Saint Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa, 1859. 374 p.

7. Timofeev A., ed. *Dopolnenija k «Aktam istoricheskim», sobrannym i izdannym Arheograficheskoj komissiej. T. 10. (1682–1685)* [Supplements to the “Acts of History” Collected and Published by the Archeographic Commission. Vol. 10 (1682–1685)]. Saint Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa, 1867. 474 p.

8. Goldenberg L.A. *Semjon Uljanovich Remezov: Sibirskij geograf i kartograf. 1642 – posle 1720 gg.* [Semyon Remezov: Siberian Geographer and Cartographer. 1642 – After 1720]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 260 p.

9. Zlatkin I. Ja. *Istorija Dzhungarskogo hanstva.* [The History of the Dzungar Khanate]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 332 p.

10. Imennoj spisok tobolskih sluzhilyh ljudej, otpravlennyh v pohod «v kirgizy» s pismennym golovoj I. Suvorovym [Name List of Tobol Servicemen Sent to a Campaign “To Kirghiz” Led by I. Suvorov]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, col. 715/716, l. 70-85.

11. Knyazhetskaya E.A. *Puteshestvie kazaka Fedora Skibina v Kazachju Ordu v 1694–1696 gg.* [Travel of Cossack Fyodor Skibin to the Cossack Horde in 1694–1696]. *Strany i narody Vostoka. Vyp. 22. Srednyaya i Tsentralnaya Aziya. Geografiya, etnografiya i istoriya. Kn. 2* [Countries and Peoples of the East. Iss. 22. Middle and Central Asia. Geography, Ethnography and History]. Moscow, Vost. lit., 1980, pp. 66-73.

12. *Materialy po istorii Uzbekskoj, Tadzhikskoj i Turkmenskoy SSR: Ch. 1: Torgovlja s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Srednej Azii v XVI–XVII vv.* [Materials on the History of Uzbek, Tajik and Turkmen SSR: Pt. 1: Trade with the Moscow State and the International Situation of Central Asia in the 16th – 17th Centuries]. Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1932. 504 p. (Trudy Istoriko-arheograficheskogo instituta i Instituta vostokovedenija: Materialy po istorii narodov SSSR, vyp. 7) [(Proceedings of the Institute of History and Archaeography and the Institute of Oriental Studies: Materials on the History of the Peoples of the USSR, iss. 7)].

13. *Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR: Ch. 1: Bashkirskie vosstanija v XVII i pervoj polovine XVIII vv.* [Materials on the history of the Bashkir ASSR: Pt. 1: Bashkir Uprisings in the 17th and the First Half of the 18th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1936. 640 p. (Trudy Istoriko-

arheograficheskogo instituta. Materialy po istorii narodov SSSR) [(Proceedings of the Institute of History and Archaeography and the Institute of Oriental Studies: Materials on the History of the Peoples of the USSR)].

14. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Centralnoj Azii. XVII–XVIII vv. Dokumenty i materialy. Kn. 1* [International Relations in Central Asia. 17th – 18th Centuries. Documents and Materials. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., Glav. red. vost. lit., 1989. 375 p.

15. Miller G.F. *Istorija Sibiri. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja. T. III* [History of Siberia. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology. Vol. 3]. Moscow, Vost. lit. RAN, 2005. 598 p.

16. Moisev V.A. *Dzhungarskoe hanstvo i kazahi. (XVII–XVIII vv.)* [Dzungar Khanate and the Kazakhs. (17th – 18th Centuries)]. Alma-Ata, Gylm Publ., 1991. 238 p.

17. Rospis ssylnyh ljudej «Litovskogo spiska» [Register of Lithuanian Exiles]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 14, l. 80-81 r.

18. Okladnaja kniga zhalovanija tobolskih sluzhilyh ljudej [Book of Salary of Tobolsk Servicemen]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 247, l. 147-172 r.

19. Okladnaja kniga zhalovanija tobolskih sluzhilyh ljudej [Book of Salary of Tobolsk Servicemen]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 279, l. 115-196 r.

20. Okladnaja kniga zhalovanija tobolskih sluzhilyh ljudej [Book of Salary of Tobolsk Servicemen]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 280, l. 32-96.

21. Okladnaja kniga zhalovanija tobolskih sluzhilyh ljudej [Book of Salary of Tobolsk Servicemen]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 282, l. 154-224.

22. *Russko-kitajskie otnosheniya v XVII veke: Materialy i dokumenty. V 2 t. T. 1: 1608–1683* [Russian-Chinese Relations in the 17th Century. Materials and Documents. In 2 Volumes. Vol. 1. 1608–1683]. Moscow, Nauka Publ. 613 p.

23. Slesarchuk G.I., ed. *Russko-mongolskie otnosheniya. 1685–1691. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations. 1685–1691. Collection of Documents]. Moscow, Vost. lit. RAN, 2000. 448 p. (Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy) [(Materials on the History of Russian-Mongolian Relations)].

24. Raev D.V., Rezun D.Ya., eds. *Tamozhennye knigi sibirskih gorodov XVII veka. Vyp. 5. Tobolsk, Ketsk* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century. Iss. 5. Tobolsk, Ketsk]. Novosibirsk, RIPEL pljus, 2003. 216 p.

25. Naydenov N.A., ed. *Tobolsk: Materialy dlja istorii goroda XVII i XVIII stoletij* [Tobolsk: Materials for the History of the City of 17th and 18th Centuries]. Moscow, Tip. M.G. Volchaninova (byvshaja M.N. Lavrova i K^o), 1885. 144 p.

Information About the Author

Ivan P. Kamenetskii, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St, 8, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, kameneckiiivan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9996-6435>

Информация об авторе

Иван Павлович Каменецкий, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, kameneckiiivan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9996-6435>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.3>

UDC 94:332.21(470.46)«17/19»

LBC 63.3(2Рос-4Аст)5-21

Submitted: 17.04.2023

Accepted: 08.05.2023

THE TIMBAEV MURZAS AND THEIR LAND POSSESSIONS IN THE ASTRAKHAN PROVINCE FROM THE LATE 18th – EARLY 20th CENTURY

Svetlana Yu. Malysheva

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the fate of the family of non-baptized Astrakhan murzas/princes Timbaevs in the 18th– 20th centuries. The history of this ruling Turkic family, along with the Yusupovs, Urusovs, and Sheydyakovs, which traced its origin to Edigei, has not yet become a subject of special study. *Methods and materials.* The study is based on the analysis of unpublished documents on the history of the family, its representatives, their possessions, stored in the funds of the State Archive of the Astrakhan region. *Analysis.* Source study and genealogical research of documents allow us to present the composition of the Timbaev family, to characterize the attempts of its most active part in the dialogue with the Russian local and central authorities to assert their rights to the noble origin and land possessions in the 18th– 20th centuries, and to clarify the fate of the Timbaevs' possessions in the Krasnoyarsk and Astrakhan districts of Astrakhan province. *Results.* Timbaevs, included by the Astrakhan nobles' assembly in the lists of nobility compiled in the late 18th – early 19th centuries, were not approved in these rights and also could not take advantage of the opportunity to earn nobility in the Astrakhan Cossack Host. Collective land ownership and complication of property relations of the family members, custody over the estate, and conflicts with peasants became the reason for the withdrawal by the state department in the 1840s of most of the family lands in the Krasnoyarsk district. However, the land ownership in the Astrakhan district on the river Bakhtemir was a unique case of uninterrupted possession of land by one of the Timbaev families from the middle of the 17th century until 1917.

Key words: Tinbay, Turkic nobility, serving Tatars, Russia in the 18th– 20th centuries, Astrakhan Province, murzas/princes Timbaevs, Tinbaevs, Novy Bulgar.

Citation. Malysheva S. Yu. The Timbaev Murzas and Their Land Possessions in the Astrakhan Province from the Late 18th – Early 20th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 30-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.3>

УДК 94:332.21(470.46)«17/19»

ББК 63.3(2Рос-4Аст)5-21

Дата поступления статьи: 17.04.2023

Дата принятия статьи: 08.05.2023

МУРЗЫ ТИМБАЕВЫ И ИХ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Светлана Юрьевна Малышева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена рассмотрению судьбы в XVIII–XX вв. рода некрестившихся астраханских мурз / князей Тимбаевых. История этого владетельного тюркского рода, наряду с Юсуповыми, Урусовыми, Шейдяковыми, ведшего свое происхождение от Едигея, до сих пор не стала предметом специального исследования. *Методы и материалы.* Исследование базируется на анализе неопубликованных документов по истории рода, его представителей, их владений, хранящихся в фондах Государственного архива Астраханской области. *Анализ.* Источниковедческое и генеалогическое изучение документов позволяет пред-

ставить состав рода Тимбаевых, охарактеризовать попытки наиболее активной его части в диалоге с российскими местными и центральными властями утвердить свои права на благородное происхождение и земельные владения в XVIII–XX вв., выяснить судьбу владений Тимбаевых в Красноярском и Астраханском уездах Астраханской губернии. *Результаты.* Включаемые Астраханским дворянским собранием в составлявшиеся в конце XVIII – начале XIX в. списки дворян Тимбаевы не были утверждены в этих правах, а также не смогли воспользоваться предоставленной возможностью выслужить дворянство в Астраханском казачьем войске. Коллективное землевладение и усложнение имущественных взаимоотношений членов рода, опека над именем и конфликты с крестьянами стали причиной изъятия казенным ведомством в 1840-х гг. большей части земель рода в Красноярском уезде. Однако землевладение в Астраханском уезде на реке Бахтемир было уникальным случаем непрерывного владения землей одной из семей Тимбаевых с середины XVII в. до 1917 года.

Ключевые слова: Тинбай, тюркская знать, служилые татары, Россия XVIII–XX вв., Астраханская губерния, мурзы / князья Тимбаевы, Тинбаевы, Новый Булгар.

Цитирование. Мальшева С. Ю. Мурзы Тимбаевы и их земельные владения в Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 30–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.3>

Введение. Происхождение и родословия российских дворянских родов, ведущих свой род от Едигея, – Юсуповых, Урусовых, Шейдяковых, – традиционно находятся в поле зрения отечественной историографии. Как правило, это роды, предки которых приняли крещение, сохранив и приумножив титулы, состояние и владения. Оставшиеся в вере предков роды нередко лишались преференций, их история слабо прослеживается. Сказанное касается и рода князей и мурз Тимбаевых (Тинбаевых), большого разветвленного клана – «родства» потомков Тинбая (Динбая), сына бия Ногайской Орды Исмаила и прапраправнука Едигея. Целью статьи является рассмотрение попытки некрестившейся астраханской ветви Тимбаевых утвердить в конце XVIII – начале XIX в. свои права и статус и представить состав части этого рода, наиболее активно предпринимавшей эти попытки, выяснить судьбу земельных владений Тимбаевых в Астраханской губернии.

Методы и материалы. Несмотря на отсутствие специальных работ, непосредственно посвященных князьям / мурзам Тимбаевым и судьбе их рода, Тимбаевы не были обделены вниманием историков. Еще в 1809 г. И.В. Ровинский в описании Астраханской губернии упоминал о владениях «татарского князя Тимбаева» в Красноярском уезде (имея в виду мурзу Ильяса Арсланбековича Тимбаева, о котором будет сказано ниже) [14, с. 349–350]. А.А. Новосельский в родословной схеме потомства кн. Исмаила расписал потомство

шестерых сыновей Динбая до 1640-х гг., указывая, однако, на неполноту этих сведений [10, с. 442–443]. О Динбае и его потомстве применительно к XVI–XVII вв. писал в своих работах В.В. Трепавлов. Он предполагал, что род Тинбаевых угас к XVIII в. или вымер к началу XX в., и считал необходимым подтверждение сведений В.М. Викторина о принадлежности проживающих в Астрахани семьях Тинбаевых к ветви княжеского клана, происходящей от Динбая [20, с. 41–42; 21, с. 105–106, 109]. И.В. Торопицын в ряде исследований на архивных документах рассмотрел положение, статус «родства» Тимбаевых в XVII–XVIII веках. Так, проанализировав расходные книги по выдаче жалованья астраханским служилым людям, он заключает, что до 1760-х гг. Тимбаевы занимали ведущие позиции среди мурз, которые позже перешли к родственному клану мурз Урусовых [19, с. 229–231]. В работах В.М. Викторина нашли отражение судьбы некоторых представителей рода Тимбаевых в XVII – первой половине XIX века. Он отметил, что в XIX – начале XX в. происходило постепенное забывание потомками мурз своих родословных [2, с. 77–78]. Таким образом, сведения о мурзах Тимбаевых, их роде, владениях и судьбе с конца XVIII в. в исследованиях немногочисленны и пока не систематизированы.

В статье анализируются данные документов из девяти фондов Государственного архива Астраханской области, в которых обнаружены сведения о генеалогических связях,

составе родства Тимбаевых, их коммуникациях с органами местного и центрального управления, судебными органами по вопросам утверждения статуса и сохранения владений.

Анализ. К XVIII в. Тимбаевы, как и другие представители тюркской знати, владели земельными угодьями и получали от государства жалованье. Указ от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» [12, № 15936, с. 51–52], хоть и с ограничениями, признавал за мурзами дворянские и даже княжеские права и позволял утвердить их путем предъявления доказательств происхождения. В 1786–1789 гг. мурзы Тимбаевы активно подают сказки, копии указов и прочие доказательства своей принадлежности к родовой знати. Эти документы почти всегда содержат перечисление всех предков до Тинбая, в одном деле приведена схема единого родословного древа, в котором обозначены линии целого ряда семейств Тимбаевых, идущих от их общего предка Тинбая [22, л. 164 об.–165]. Речь идет о части клана, ведшего свой род от Жаная (Яная), сына Тинбая, и от трех сыновей Яная – Жанмамбета (Янмамета), Султанмамбета, Женя. Причем наиболее активными в представлении документов стали дети и внуки «князь Янмамета». В документах на выдачу жалованья 1699 и 1700 гг. фигурировали по крайней мере восемь сыновей Янмамета – с формулой «...-мурза князь Янмаматов сын»: Темир, Мусал, Ямгурчей, Тиней, Калмамат, Карагай, Шевкай, Шелманша, а также внуки от уже, по видимому, умерших сыновей Сююна (Сююнча) и Касбулата [6, л. 1–25; 24, л. 2–9]. В указанных документах 1786–1789 гг. мы видим потомков «князь Темира мурзы», мурз Тиней, Калмамета, Сююна и Казбулата. Представляемая, не претендующая на полноту, схема «родства» Тимбаевых (см. рисунок) составлена преимущественно на основе этих сведений, а также других архивных документов. Даты жизни указаны чаще всего по данным ревизских сказок, поэтому далеко не всегда точны.

Тимбаевы фигурируют в составлявшихся Дворянским собранием в конце XVIII в. списках дворян как подлежащие включению в 4-ю часть родословной дворянской книги: в 1782 г. по Астрахани – 15 мурз (с семьями –

40 человек) [16, л. 31–32 об.], в 1795 г. – 14 мурз (с семьями – 47 человек) [1, л. 12 об.–14], в 1796 г. по Красноярскому уезду указан лишь один «из татар Князь Тимбаев» [17, л. 14 об.–15] (скорее всего, Ильяс Тимбаев, о нем ниже), в 1814 г. по Астраханскому уезду – 10 мурз Тимбаевых [23, л. 140 об.].

Однако с течением времени признание «благородства» некрещеных выходцев из тюркской знати становится проблематичным. Показательный случай – попытка добиться признания своих прав, предпринятая в 1815 г. Ильясом, сыном Арсланбека Тимбаевым (1779–?), «Астраханского казачьего полка пятидесятником из мурз». Он обратился к Красноярскому уездному предводителю дворянства, а через него – в Астраханское дворянское собрание с прошением о внесении его и его рода в дворянскую родословную книгу. Ильяс-мурза приложил к прошению формулярные списки о службе 1815 и 1819 гг., свидетельство двенадцати дворян, подтвердивших его дворянское происхождение, родословие, копию указа Астраханской губернской канцелярии о наличии у него с братьями и родственниками земельных владений в Красноярском уезде. Родословная роспись, доказывающая, «что я точно от Тинбаева рода произошел, с родословной выписи, внесенной покойным отцом моим мурзой Расланбеком Нуралиевым в 1778 г. августа в 1-й день, по указу Астраханской губернской канцелярии засвидетельствованной астраханскими татарскими мурзами, табунными головами и лучшими старшинами», выглядела так: Ильяс → Арсланбек → Нурали → Али → → Каспулат → Жанмамат (Янмамат) → Женя (Енай) → Тинбай (см. рисунок). Из формулярных списков следовало, что Ильяс-мурза, с 1802 г. урядник, с 1811 г. – пятидесятник Астраханского казачьего полка, служил «у содержания кордонов, против киргиз-кайсаков расположенных», с 1815 г. в отставке, проживал в Астрахани. Он был женат на дочери «капитана из татар», титулярного советника Юсупа Шакулова – Мадине Юсуповне-Сеитовне Шакуловой, имел двух сыновей – Мансура (1810 г. р.) и Нурали (1818 или 1819 г. р.), с семьей проживала также мать Ильяса – Амина Мусина (Мусаевна) Сеитова и его двоюродные братья – мурзы Муса-мурза и Калмурза Иль-мурзаевичи (Эль-мурзаевичи).

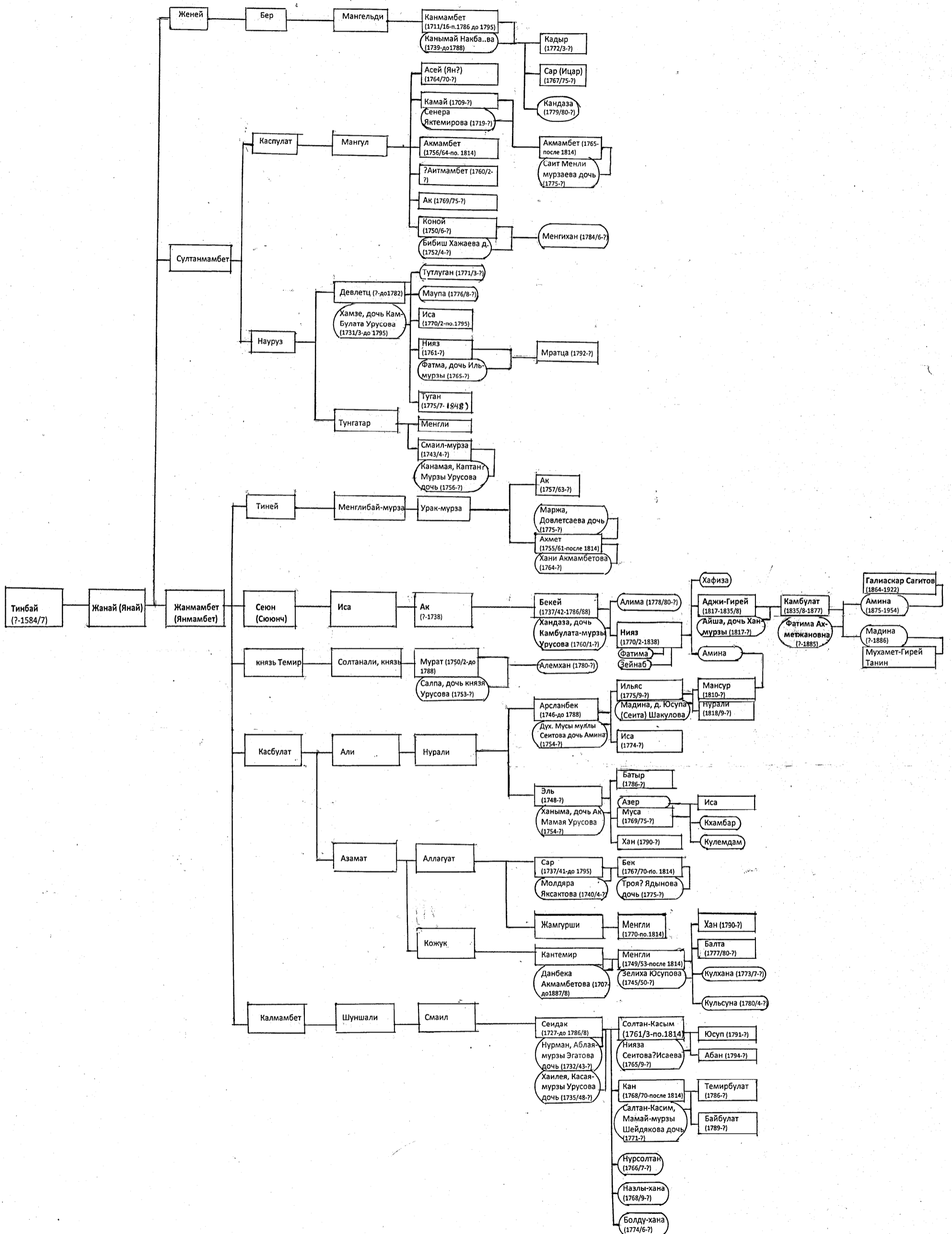

Схема родословия мурз и князей Тимбаевых
The genealogy of the Timbaev Murzas and Princes

Ильяс сообщал, что имеет 27 эмеков. Однако в 1821 г. Ильясу Тимбаеву во внесении его с родом в родословную дворянскую книгу было отказано [3, л. 3 об.–4, 9, 22 об.].

Остальным некрестившимся Тимбаевым, по-видимому, тоже не удалось добиться официального признания дворянского статуса. У представителей тюркской аристократии было право добиваться дворянства и другим путем – на службе в Астраханском казачьем войске. И многие Тимбаевы служили в казачьем войске, но, как упомянутый Ильяс-мурза, в унтер-офицерских чинах, а не обер-офицерских, и дворянства не выслужили. Прочие мурзы Тимбаевы в 1830-х гг. были поверстаны в крестьянское сословие и нередко фигурируют в «ревизских сказках о татарах» 1835, 1850 и 1858 годов. О их былом высоком статусе свидетельствует только добавление к имени слова «мурза» либо указание «из мурз».

Но лишённые «благородного статуса» в 1830-х гг. Тимбаевы продолжали владеть землями, пожалованными им в XVII веке. Так, при решении в 1740-х гг. властями земельного спора между мурзами Урусовыми и Тинбаевыми за право владения санными покосами в районе рек Рыча, Грязной Протоки, Верхнего и Нижнего Агуланов выяснилось по писцовым книгам 1651 г., что обширная территория в несколько тысяч десятин была пожалована Шаиму-мурзе Енаеву сыну Тинбаеву и табунному голове Максуру Ешепаеву. Часть ее была передана во владение Тагану-мурзе Тинбаеву, другая – Екмамету-мурзе Енаеву (Тинбаеву), а часть земель – Янмурзе Тинбаеву [18, с. 19–20]. Упомянутый Ильяс-мурза вместе с родственниками унаследовал ту часть, что отошла когда-то Янмамету-мурзе (он же Енмамет, Жанмамбет, Екмамет), его прапрапрадеду. Астраханская губернская канцелярия выдала 31 декабря 1763 г. его деду, Нурали-мурзе сыну Али-мурзы Тимбаеву, документ, что Нурали «имел во владении с братьями своими и прочим родом и улусными его людьми земли с санными покосами, дошедшие ему по наследству от прадеда его Енмамета мурзы Енаева сына Тимбаева» [3, л. 20 об.–21] – «от стрелецких санных покосов вниз по Рыче промеж Рычи и Бузана до моря кочевых мест, на которых имеются сенокосные покосы по смете дли-

ной 60, а поперечнику 10 верст» [9, л. 2 об.–3, 18, 19 об.–23].

Однако при коллективном владении землей этой части «родства» все же сведения о владении подавал кто-то один. В 1782 г. сказку о родовых владениях с подчиненными эмеками подавал Арасланбек-мурза, сын Нурали-мурзы Тинбаева, отец Ильяса. В этой сказке после перечисления подчиненных ему 51 эмека он приводит имена и своих родственников-совладельцев Тинбаевых: Сар-мурза (троюродный брат) и Менгли-мурза (троюродный племянник) с семьями, четвероюродные дяди Камай-мурза и Канмамбет-мурза с семьями – 22 человека [13, л. 211–212 об.]. Одновременно с Арасланбеком сказки о своих владениях в других местах Астраханской губернии с подвластными эмеками подали и другие Тимбаевы: Нияз-мурза, сын Девлетца-мурзы (кочующих 339 эмеков), Мурат-мурза, сын Султанали-мурзы (кочующих 54 эмека), Бекей-мурза, сын Ак-мурзы (о нем ниже) (юртовских и кочующих 59 эмеков), а также сказка от «бывшего», то есть умершего, Кутлы-мурзы Тинбаева (81 эмак), в которой были поименованы и его родственники с семьями, 10 человек [13, л. 27, 199–200 об., 207, 213].

После смерти Арасланбека-мурзы сказку на земли этой части «родства» Тимбаевых подавал его сын, Ильяс-мурза. И, видимо, именно с него начался процесс постепенной раздачи родовой земли в аренду, в откупы и даже продажи ее, который в конце 1830-х гг. привел к конфликту с крестьянами, официальному разбирательству и в результате – отходу владения к казенному ведомству.

Уже в 1802 г. Ильяс-мурза продал, якобы с согласия совладельцев и крестьян, «15 бугров со всеми имеющимися при них разбугорьями, солонцами и выгодами (в Красноярском уезде на речке Рыча в Сусловых и Ильяметевых ильменах)» [9, л. 3 об., 36–36 об., 107]. 16 июля 1828 г. он заключает еще один контракт – уже вместе (или от имени) с матерью-вдовой, сыном Мансуром и двоюродным братом Мусой [9, л. 46]. К середине 1830-х гг. сын Ильяса – Мансур-мурза, казак Астраханского казачьего войска, уже хорошо справлялся с раздачей родовой земли в аренду и заключением контрактов без отца (кото-

рый, вероятно, уже умер) и без согласия других совладельцев и крестьян. Мурзы-совладельцы в апреле 1836 г. подали рапорт в войсковую канцелярию, жалуясь, что Мансур-мурза единолично заключает контракты, деньгами за них делится только со своим дядей – Кал-мурзой Эль-мурзаевым сыном, заявляя, что прочие мурзы ему не родня, а только однофамильцы. Мурзы потребовали назначить опеку над имением. И для управления имением Астраханская войсковая канцелярия назначила опекунами отставного сотника Платона Танина и хорунжего Мелентия Гоглазина [9, л. 30 об., 77 об.–86 об.].

Танин и Гоглазин, считая Тимбаевых единственными монопольными владельцами, которым земля дана в вечное полное владение, и игнорируя права крестьян, продолжили начатое Мансуром-мурзой дело раздачи земель в откуп и заключения контрактов, не забывая при этом и о своих интересах. А главное, они стали всячески притеснять крестьян с Тулуганского. Даже совершили, как сказано в документе, «экзекуцию»: в ноябре 1836 г. насильно разместили казаков в домах некоторых крестьян на три дня, принуждая их заключить договоры на взятие земли в оброчное содержание. Крестьяне пожаловались в Царевское волостное правление. Из правления донесение пошло в Казенную палату, которая отправила в Тулуганское чиновников для расследования. Последние изучили дело на месте, опросили крестьян и опекунов. Примечательно, что крестьяне напомнили, что в 1763 г. земля была пожалована Тимбаевым с улусными их людьми и они землею этой «всегда пользовались без всякого стеснения со стороны Тимбаевых, платя им ежегодно **в знак уважения к роду их** от 100 до 200 руб. и более» [9, л. 18] (выделено мной. – С. М.). В своих бедах крестьяне винили опекунов.

Выводы расследователей были однозначны: налицо нарушение прав крестьян, насилие над ними со стороны опекунов, нарушены и условия владения Тимбаевыми, не имевшими права продавать и отдавать на откуп земли, принадлежащие общему владению с крестьянами. Казенная палата просила Астраханского военного губернатора удалить Танина и Гоглазина, взыскать с них деньги, взятые с крестьян, предав опекунов суду, вер-

нуть всю землю, разорвав контракты. Красноярский земский суд 21 мая 1837 г. признал Гоглазина и Танина виновными и передал в Уголовную палату со значительным денежным взысканием и удалением их от распоряжения имением [9, л. 72 об.–73].

Само дело об имении стало утопать в переписке различных инстанций, обрастало множеством других дел – контрагенты стали опротестовывать в суде отмененные контракты. 9 июня 1847 г. земли «родства» Тимбаевых между реками Рыча и Бузаном были по указу Правительствующего сената переданы в ведение государственных имуществ как пожалованные в пользование Тимбаевым с их улусными людьми, а не в собственность [5, л. 56 об.].

Единственной семье Тимбаевых удалось сохранить свои родовые владения вплоть до Революции 1917 года. Родословная линия этой семьи от Тинбая до последней владелицы Амины Тимбаевой выглядит так: Тинбай → Жанай (Янай) → Жанмамбет (Янмамет) → Сююнч → Иса → Ак → Бекей → Нияз → Аджигирей → Камбулат → Амина (см. рисунок).

«Исай мурза Сиюнчев сын Тинбаев» фигурирует в делах 1699 и 1700 гг. о выдаче жалованья юртовским татарам [6, л. 20; 24, л. 4]. Сын Исы-мурзы – Ак-мурза Тинбаев (?–1738) «служил Ея Императорскому Величеству многие годы, употребляясь в посылки до Кизлярской крепости, до Царицына и до прочих разных мест» и получал жалованье [22, л. 170]. Ак-мурза умер в 1738 г., и его малолетний сын Бекей-мурза Тинбаев (1737 или 1738 – между 1786 и 1788) рано остался сиротой. Он и его земли находились на попечении брата Ак-мурзы, Жана. Основанием для владения землей потомками Ак-мурзы была грамота царя Алексея Михайловича от 1 ноября 1655 г., данная ногайскому Касаю-мурзе Байтерекову, записанная в «Писцовую книгу» 1722 г.: «163-го года ноября в 1-й день грамотою Великого Государя Алексея Михайловича велено ногайскому Касаю мурзе Байтерекову дать сенные покосы меж Бертюля и Чилима проток и меж теми протоки шесть бугров, а по мере тех сенных покосов – тысяча шестнадцать десятин» [7, л. 5 об.]. В сказке 1782 г. Бекей-мурза Тинбаев сообщает, что это владение досталось ему по наследству от деда и отца Ак-мурзы [13, л. 213]. А в документе

1807 г. Касай Байтереков назван прадедом Нияза-мурзы, сына Бекея-мурзы Тимбаева [7, л. 6 об.]. Надо полагать, Касай Байтереков был дедом Бекея по линии матери, то есть Ак-мурза Тимбаев был женат на дочери Байтерекова.

Курьезный факт из наивной юности Бекея, приводимый И.В. Торопицыным: в середине XVIII в. Бекей-мурза Тинбаев поддался на «приласкание» судьи Астраханской конторы татарских и калмыцких дел прапорщика князя Михаила Назарова и дал ему «взятку» – тулуп черный мерлушчатый стоимостью 17 рублей. Назаров обещал ему, что «может через старание свое исходатайствовать ему, Тимбаеву, во владение улусными людьми», но обманул [18, с. 21]. Бекей пытался узаконить таким образом свои владения, доставшиеся от отца. Позже Бекей-мурза официально обратился через Астраханскую татарскую контору в Астраханскую губернскую канцелярию с прошением определить его в службу, как его отца, с дачей жалованья и выдачей владенного указа на земли, доставшиеся ему от отца и деда за их службу государству. 15 февраля 1761 г. канцелярия приняла его на службу с окладом 6 рублей в год и выдала владенный указ [22, л. 170–171].

Бекей-мурза Ак-мурзин сын Тинбаев фигурирует в списке дворян Астрахани 1782 г., в 1782–1786 гг. подает ревизские сказки на подчиненных ему эмеков (их число колеблется от 59 до 45), сообщая, что живет в Астрахани, затем – в Башмаковке Астраханского уезда, женат на дочери мурзы Камбулата Урусова – Хандазе, имеет сына Нияза и дочь Алиме, владеет наследственным имением – «в Астраханском уезде в разных урочищах пашенные земли» [13, л. 213; 16, л. 32; 22, л. 168 об.–169]. В 1788 г. сказку заполняет его вдова, живущая в Башмаковке с детьми Ниязом и Алимеей, имеющая «во владении по наследству после мужа моего Бекея мурзы Тинбаева эмеков мужеска пола 18, женска полу 15 душ, в Астраханском уезде сенные покосы, с коих годового дохода получаю 30 р.» [22, л. 133–133 об.]. В Алфавитном списке дворян 1795 г. значится уже Нияз-мурза Тимбаев (1770–1838), «владельца едисанской орды рода», служилый, имеющий наследственные лесные, сенные, кочевные уголья и выгоны, эмеков

31 душу, годового доход 220 руб. [1, л. 13 об.]. Значится он и в списке дворян 1814 г. среди 10 мурз Тимбаевых [23, л. 140 об.].

В конце XVIII – начале XIX в. Ниязу-мурзе пришлось отстаивать свои права на землю, на которые по недоразумению впервые покусилась Астраханская казенная палата: в 1800 г. по рапорту губернского землемера она назначила земли Тимбаева, не находившиеся в ее ведении, крестьянам. По жалобе Нияза-мурзы в 1807 г. 7-м Департаментом Правительствующего сената вынесено окончательное решение: «Означенную землю по данным прадеду просителя 163-го ноября 1-го грамоте и отцу его владенному Указу 761 годов февраля 15-го числа оставить всю без изъятия во владении мурзы Тимбаева с улусными его людьми» [7, л. 7].

У Нияза-мурзы Тимбаева было трое детей: сын Аджи-Гирей (1817 – между 1835 и 1838), дочери Хафиза и Амина. Последняя в 1831 г. была выдана замуж за казака «из мурз» Мансура Тимбаева [8, л. 2–3], упомянутого сына Ильяса-мурзы. К моменту смерти в 1838 г. Нияза Тимбаева умер и Аджи-Гирей, урядник 1-го полка Астраханского казачьего войска [5, л. 27, 40], вдова его, Айша Ханмурзаева Тимбаева, вышла замуж. Их малолетний сын Камбулат-мурза (между 1835 и 1838 – 1877) стал наследником имения, поступившего в опеку в 1839 г., в нем значилось в числе прочего «земли 1 016 десятин» [8, л. 3 об.]. Однако земель, унаследованных Камбулатом Тимбаевым, было больше. По межеванию 1842 г. принадлежащая ему «дача», состоящая из «острова» между рек Бектемира и Челимны, составляла 2 371 дес. 1 432 кв. сажени. За ним числилось и 29 душ подвластных эмеков [5, л. 37 об., 48 об.].

В эти же годы у терявших родовую землю в Красноярском уезде Мансура и Амины Тимбаевых возник острый интерес к землям племянника (в 1845 г. Амина пожаловалась в войсковое правление Астраханского казачьего войска, что была обделена при разделе наследства ее отца Нияза Тимбаева, но выяснилось, что долю она получила [8, л. 4–5]). И, видимо, неслучайно вслед за скандальным отстранением в 1837 г. отставного сотника Платона Танина от управления имением Тимбаевых в Красноярском уезде, в 1839 г. опекуном над имением ма-

лолетнего Камбулата на реке Бахтемир стал отставной сотник Хабибулла Абдуллаев сын Танин [5, л. 38–38 об., 49–49 об.] – как следует из документов, один и тот же человек [4, л. 1, 2, 4–6, 8–9, 12, 14, 26, 33–34, 46].

Но на земли Камбулата покушалась не только родня. После межевания 1842 г. Астраханская казенная палата попыталась предъявить права на землю Тимбаева. Appetит казенного ведомства разжигал прецедент изъятия в ведение госимуществ по указу Сената 9 июня 1847 г. земель Тимбаевых между реками Рыча и Бузаном [5, л. 56 об.], хотя указ не имел никакого отношения к владению на реке Бахтемир. В 1852 г. палата передала дело в Гражданский суд, заявив, что земля эта казенная, а Тимбаевым дана в пользование, суд 31 августа 1855 г. принял решение отобрать землю в казенное ведомство, а остальные инстанции утвердили решение [5, л. 55–55 об., 57 об.–58].

Только после подачи Камбулатом Тимбаевым 18 ноября 1862 г. всеподданнейшей жалобы императору, 31 июля 1864 г. Сенат указал, что 7-й Департамент уже в 1807 г. окончательно утвердил право собственности Тимбаевых на эту землю, пожалованную их роду в 1655 г., подтвердив и подлинность этой грамоты, и определил: «Спорную землю признать принадлежащей Тимбаеву в личную собственность» [5, л. 60]. До революции 1917 г. право на владение Тимбаевых сомнению более не подвергалось.

По завещанию урядника Астраханского казачьего войска Камбулата Тимбаева 1877 г. седьмая часть имения на реке Бахтемир досталась его жене Фатиме, остальная должна была быть разделена пополам между дочерьми Мадиной и Аминой по достижении совершеннолетия. До этого дочери должны были пользоваться доходами, а владеть землей и распоряжаться всем должна была Фатима – «без вмешательства опекунских учреждений» [5, л. 54–54 об., 61]. В этой оговорке завещания звучал отголосок несчастливости детства Камбулата под опекой Таниных, четыре поколения которых – Хабибулла-Платон, его сын Муртаза, внук Мухамет-Гирей, правнук Мухамет-Рашид – с конца 1830-х гг. плотно вошли в жизнь семьи и имения Тимбаевых. Фатима Тимбаева скончалась в

1885 г., в том же году ее старшая дочь Мади-на Тимбаева вышла замуж за Мухамед-Гирея Муртазаевича Танина и умерла бездетной меньше чем через год [5, л. 8, 53–53 об.]. Одним из бенефициаров ее наследства стал вдовец, а после его смерти – его сын Мухамет-Рашид Танин. Малолетняя Амина Тимбаева (1875–1954) после смерти родных стала главной наследницей. 10 июля 1886 г. подается прошение об опеке над именем Тимбаевых и «ввиду непринадлежности рода Тимбаева к дворянскому сословию» документы адресуются в правление Астраханского казачьего войска [11], а опекунами Амины и ее имения вновь оказались Танины. В 16 лет Амину выдали замуж в Казань за учителя, выпускника Казанской татарской учительской школы, Галиаскара Мухамет-Садыковича Сагитова (1864–1922).

После достижения совершеннолетия, в 1894 г. она вступила во владение тремя четвертями имения, 1 778 дес. 1 674 кв. сажени. Четверть имения получил вдовец ее сестры Мухамед-Гирей Танин [5, л. 22 об.–26 об., 39 об., 52, 53 об.]. В 1915 г. Амина Камбулатовна продала 200 дес. своему двоюродному брату [5, л. 2, 22], но осталась владелицей большей части имения – 1 578 дес. 1 674 кв. сажени.

Весной 1917 г. на землях Тимбаевых на берегу Бахтемира появились поселенцы, основавшие в 1918 г. село Новый Булгар. В работе об истории села Ш.К. Сиражетдинов указывает, что это место – «остров», назывался «Озера Мирзы», владельцем его был «Тимбай-казак», а «следующим известным владельцем был казанский мирза Сагитов, а затем его родственница Амина Галиаскарова...» [15]. Поселенцы точно не знали, кому принадлежала занятая земля, однако беспокоились о законности поселения, потому в 1918 г. порывались съездить в Казань и договориться о покупке земли, но в результате оформили право через местные советские организации. В 1922 г. овдовевшая Амина Камбулатовна с сыном Саид-Гараем приехала в свое имение и вопрос решили мирно: «Собрали денег сколько смогли и вручили бывшей владелице Озер мирзы» [15]. Так закончилась почти 300-летняя история землевладения Тимбаевых в Астраханской губернии.

Амина Камбулатовна Сагитова, последняя землевладелица из Тимбаевых, бабушка со стороны матери известного татарстанского историка Б.Ф. Султанбекова (1928–2021), умерла в Казани в 1954 году.

Результаты. Не принявшие крещения семьи рода Тимбаевых в конце XVIII – XIX в. вынуждены были отстаивать свои права и привилегии в диалоге с государственной властью и ее институциями. Род мурз и князей Тимбаевых не угас и не вымер. Более того, даже фрагментарное восстановление его родословия показывает, что и в конце XVIII – XIX в. он был весьма многочислен. Не все Тимбаевы предприняли попытки утвердиться в дворянском достоинстве после указа 1784 г., но и десяткам представителей рода, подававшим документы в начале 1780-х – начале 1800-х гг. и включаемым в составлявшиеся на местах списки дворян губернии, в результате было в том отказано. Правом добиваться дворянства путем службы в Астраханском казачьем войске Тимбаевы не смогли воспользоваться, так как не достигали обер-офицерских чинов, дававших право ходатайствовать о потомственном дворянстве. Большинство Тимбаевых, вероятно, оказались в крестьянском сословии. Ситуацию с землями Тимбаевых усложняла коллективность владения и имущественные взаимоотношения между представителями рода, порой связанными весьма отдаленным родством, что вело к перераспределению общего владения и сосредоточению его в руках отдельных семей. К началу XIX в. наиболее крупная часть пожалованных в XVII в. земель оказалась в руках потомков мурзы Арсланбека, сына Нурали-мурзы Тимбаева, а многочисленные нарушения в управлении имением привели к опеке над ним и изъятию в казенное ведомство. Единственное сохранившееся до 1917 г. землевладение Тимбаевых в Астраханском уезде являло собой уникальный кейс, позволяющий проследить перипетии борьбы в XVIII–XX вв. представителей бывшей тюркской аристократии за свои землевладения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алфавитные списки дворян за 1795 г. // Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 375. Оп. 1. Д. 24. 73 л.
2. Викторин В. М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде ногайцев-едисанцев (джетисанцев) при г. Астрахани в XVII–XIX вв.: к эволюции сообщества при переходе к оседлости // Тюркологический сборник. 2011–2012 / редкол.: С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Наука : Вост. лит., 2013. С. 60–79.
3. Дело об установлении дворянского происхождения Тимбаева. 16 мая 1819 г. // ГААО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 350. 22 л.
4. Дело об установлении дворянского происхождения уволенного со службы Танина Хайбулы. 2 июня 1820 г. // ГААО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 308. 67 л.
5. Дело об утверждении купчей крепости на имение казанской мещанки Биби-Амины Камбулатовой Сагитовой, проданное Закиру Абдулгизовичу Саидову. 3 декабря 1915 г. // ГААО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 73. 65 л.
6. Дело о выдаче жалованья татарским мурзам. Отрывок. 1700 г. // ГААО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 53. 31 л.
7. Дело о землевладении князя Тимбаева. 20 сентября 1807 г. // ГААО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 190. 8 л.
8. Дело о наделе наследством Амины Ниязовой после смерти ее отца мурзы Нияза Тимбаева. 12–21 декабря 1845 г. // ГААО. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1066. 17 л.
9. Дело о правах татар с. Тулуганского на земли, жалованные в пользование мурз Тимбаевых. 1836 г. // ГААО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 783. 184 л.
10. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
11. Переписка с Астраханским сиротским судом об опеке имения умершего урядника Тимбаева. 16 октября – 4 ноября 1886 г. // ГААО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 155. 3 л.
12. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 22. 1168 с.
13. Ревизские сказки юртовских и кочующих в степи татар. 1782 г. // ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Т. 2. Д. 5521. 229 л.
14. [Ровинский И. В.] Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб.: Имп. тип., 1809. 597 с.
15. Сиражетдинов Ш. К. История села Ново-Булгары. Астрахань: Волга, 2001. 160 с. // Сайт татар Астрахани и области. URL: <http://www.xacitarxan.narod.ru/tekstlar/avilatrix1.htm>
16. Список дворян г. Астрахани за 1782 г. // ГААО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 2649. 35 л.
17. Список дворян Красноярского уезда за 1796 г. // ГААО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 30. 42 л.
18. Торопицын И. В. Астраханская юртовская знать в системе феодальных отношений XVIII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 3–4. С. 18–25.

19. Торопицын И. В. Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 228–234.

20. Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: Акад. наук Республики Башкортостан, 1997. 72 с.

21. Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 97–109.

22. Указы Астраханской губернской канцелярии, переводные письма, списки, паспорта о дворянах, проживающих в Астрахани. 1786–1788 гг. // ГААО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 4. 285 л.

23. Формулярные списки дворян Черныорского и Красноярского уездов за 1814 г. // ГААО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 164. 171 л.

24. Челобитные о выдаче жалованья юртовским татарам. 1699 г. // ГААО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 35. 106 л.

REFERENCES

1. Alfavitnye spiski dvorian za 1795 g. [Alphabetical Lists of Nobles for 1795]. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti (dalee – GAAO)* [State Archive of the Astrakhan Region (hereinafter – GAAO)], f. 375, inv. 1, d. 24. 73 l.

2. Victorin V.M. Murzy i emeki v etnosocialnoj srede nogajcev-edisancev (dzhetsiancev) pri g. Astrahani v XVII–XIX vv.: k evoljucii soobshhestva pri perehode k osedlosti [Murzas and Emeks in the Ethno-Social Environment of the Nogai Yedisian (Djetisan) near Astrakhan in the 17th – 19th Centuries: Toward Community Evolution in the Transition to Sedentarization]. Klyashtorni S.G., Sultanov T.I., Trepavlov V.V., eds. *Tiurkologicheskii sbornik. 2011–2012* [Turkic Collection. 2011–2012]. Moscow, Nauka Publ., Vost. lit. Publ., 2013, pp. 60–79.

3. Delo ob ustanovlenii dvorianskogo proiskhozhdeniia Timbaeva. 16 maia 1819 g. [Case of Establishing the Noble Origin of Timbaev. May 16, 1819]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 375, inv. 1, d. 350. 221 l.

4. Delo ob ustanovlenii dvorianskogo proiskhozhdeniia uvolennogo so sluzhby Tanina Khaibuly. 2 iunia 1820 g. [Case of Establishing the Noble Origin of the Dismissed Tanin Khaybula. June 2, 1820]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 375, inv. 1, d. 308. 671 l.

5. Delo ob utverzhenii kupchei kreposti na imenie kazanskoi meshchanki Bibi-Aminy Kambulatovoi Sagitovoi, prodannoe Zakiru

Abdulgazizovichu Saidovu. 3 dekabria 1915 g. [Case on the Approval of the Title Deed to the Estate of the Kazan Burgess Bibi-Amina Sagitova, Sold to Zakir Saidov. December 3, 1915]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 109, inv. 1, d. 73. 65 l.

6. Delo o vydache zhalovaniia tatarskim murzam. Otryvok. 1700 g. [Case of Paying Salaries to the Tatar Mirzas. Excerpt. 1700]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 1010, inv. 1, d. 53. 311 l.

7. Delo o zemlevladii kniazia Timbaeva. 20 sentiabria 1807 g. [Case of the Landownership of Prince Timbaev. September 20, 1807]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 412, inv. 1, d. 190. 81 l.

8. Delo o nadele nasledstvom Aminy Niazovoi posle smerti ee ottsa murzy Niazova Timbaeva. 12–21 dekabria 1845 g. [Case of the Inheritance of Amina Niyazova After the Death of Her Father, the Mirza Niyaz Timbaev. December 12–21, 1845]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 488, inv. 1, d. 1066. 171 l.

9. Delo o pravakh tatar s. Tuluganskogo na zemli, zhalovannye v polzovanie murz Timbaevykh. 1836 g. [Case About the Rights of the Tatars in the Village Tuluganskoe on the Land Granted to the Timbaevs Mirzas. 1836]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 204, inv. 1, d. 783. 184 l.

10. Novoselskiy A.A. *Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII v.* [Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948. 447 p.

11. Perepiska s Astrakhanskim sirotskim sudom ob opeke imeniia umershego uriadnika Timbaeva. 16 oktiabria – 4 noiabria 1886 g. [Correspondence with the Astrakhan Orphans' Court Regarding the Guardianship of the Estate of the Deceased Uriadnik Timbaev. October 16 – November 4, 1886]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 5, inv. 1, d. 155. 31 l.

12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. Ye.I.V. kantselyarii, 1830, vol. 22. 1168 p.

13. Revizskie skazki iurtovskikh i kochuiushchikh v stepi tatar. 1782 g. [Census Records of the Yurt and Nomadic Tatars in the Steppe. 1782]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 394, inv. 1, vol. 2, d. 5521. 229 l.

14. Rovinskii I.V. *Khoziaistvennoe opisanie Astrakhanskoi i Kavkazskoi gubernii* [Economic Description of the Astrakhan and Caucasus Provinces]. Saint Petersburg, Imp. Tip., 1809. 597 p.

15. Sirazhetdinov Sh.K. *Istoriia sela Novo-Bulgariia. Astrakhan, Volga, 2001. 160 s.* [History of the Village of Novo-Bulgaria. Astrakhan, Volga Publ., 2001. 160 p.]. *Sait tatar Astrakhani i oblasti* [Website of the Tatars of Astrakhan and the Region]. URL: <http://www.xacitarxan.narod.ru/tekstlar/avilatrix1.htm>

16. Spisok dvorian g. Astrakhani za 1782 g. [List of the Nobility of Astrakhan for 1782]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 375, inv. 1, d. 2649. 35 l.

17. Spisok dvorian Krasnoiarskogo uezda za 1796 g. [List of the Nobility of Krasnoyarsk District for 1796]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 375, inv. 1, d. 30. 42 l.

18. Toropitsyn I.V. Astrakhanskaia iurtovskaia znat v sisteme feodalnykh otnoshenii XVIII v. [Astrakhan Yurtovsky Nobility in the System of the Feudal Relations of the 18th Century]. *Ekho vekov* [Echo of the Ages], 2014, no. 3-4, pp. 18-25.

19. Toropitsyn I.V. Vzaimootnosheniia astrakhanskikh vlastei s privilegirovannym sloem astrakhanskikh iurtovskikh tatar v XVIII v. [Relationship of the Astrakhan Authorities with the Exclusive Layer of the Astrakhan Yurtovsky Tatars in the 18th Century]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2014, no. 2 (39), pp. 228-234.

20. Trepavlov V.V. *Nogai v Bashkirii XV–XVII vv. Kniazheskie rody nogaiskogo proiskhozhdeniia*

[Nogai in Bashkiria in the 15th – 17th Centuries. Princely Clans of Nogai Origin]. Ufa, Akad. nauk Respubliki Bashkortostan, 1997. 72 p.

21. Trepavlov V.V. Tiurkskaia znat v Rossii (nogai na tsarskoi sluzhbe) [Turkic Nobility in Russia (Nogai in Tsarist Service)]. *Vestnik Evrazii* [Eurasian Herald], 1998, no. 1-2, pp. 97-109.

22. Ukazy Astrakhanskoi gubernskoi kantselarii, perevodnye pisma, spiski, pasporta o dvorianakh, prozhivaiushchikh v Astrakhani. 1786–1788 gg. [Decrees of the Astrakhan Provincial Chancellery, Transfer Letters, Lists, Passports of Nobles Living in Astrakhan. 1786–1788]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 938, inv. 1, d. 4. 285 l.

23. Formuliarne spiski dvorian Chernoiarskogo i Krasnoiarskogo uezdov za 1814 g. [Form Lists of Nobles of Chernoyarsk and Krasnoyarsk Districts for 1814]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 375, inv. 1, d. 164. 171 l.

24. Chelobitnye o vydache zhalovania iurtovskim tataram. 1699 g. [Petitions for the Payment of Salaries to the Yurt Tartars. 1699]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 1010, inv. 1, d. 35. 106 l.

Information About the Author

Svetlana Yu. Malysheva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian History and Archival Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University, Kremlyovskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, svetatuebingen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4442-4580>

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Мальшева, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, svetatuebingen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4442-4580>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.4>

UDC 94(470.56-89):327.8«1877»
LBC 63.3(2Poc-4Ope)

Submitted: 03.04.2023
Accepted: 18.06.2023

**“...KHAN MANAGED TO GET AWAY TO AN UNKNOWN LOCATION”.
ESCAPE OF KOKAND KHAN KHUDAYAR FROM ORENBURG IN 1877**

Konstantin A. Abdrakhmanov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The study reconstructs the events of the escape from Orenburg of the former ruler of the Khanate of Kokand, Khudayar Khan, on November 12, 1877. *Methods and materials.* The materials of the United State Archive of Orenburg Oblast used in this work have not been introduced into scientific circulation before. An analysis of the daily life of subjects, a demonstration of the features of their home life, the mental characteristics of personalities, the determination of the motives of actions, and the algorithm of people’s actions imply the choice of an anthropological approach as a methodological basis for the study. *Analysis.* The period from the moment Khudayar arrived in Orenburg until his escape from the city is a particularly colorful life story, which has not yet been presented in historiography, and this confirms the novelty of the work. The informativeness of the discovered documents made it possible to clearly illustrate the organizational aspects of this extraordinary event. It is interesting that the khan, contrary to the belief that he was an honorary prisoner of Orenburg, actually had the opportunity to legally leave the city at any time. Emperor Alexander II, remembering that Khudayar was loyal to Russia when the khan was still on the throne of Kokand, allowed him to choose his place of residence within the core lands of the empire. Only moving to St. Petersburg was prohibited, and return to Central Asia was forbidden. Having considerable freedom of movement within the empire, which, of course, was only possible under the control of the Russian authorities, Khudayar Khan decided not to move and continued to live in the border city of Orenburg, slowly preparing to flee to Asia to try to regain power. Khudayar Khan could not prepare for a risky journey across Asia without arousing the suspicion of the police officers who were watching him and then quietly leave the city completely on his own. A small circle of trusted people was involved in the execution of the escape plan, including Khudayar’s relatives and Kazakhs interested in him as a political figure. *Results.* The smallest details of the escape recorded in the sources allow us to say that this act was not a result of an impulse to move as far as possible from the place unknown to him, but was a carefully planned operation that took into account many elements.

Key words: Khanate of Kokand, Khan Khudayar, Orenburg, escape planning, accomplices, Governor-General, Kazakhs.

Citation. Abdrakhmanov K.A. “...Khan Managed to Get Away to an Unknown Location”. Escape of Kokand Khan Khudayar from Orenburg in 1877. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 40-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.4>

УДК 94(470.56-89):327.8«1877»
ББК 63.3(2Poc-4Ope)

Дата поступления статьи: 03.04.2023
Дата принятия статьи: 18.06.2023

**«...ХАН УСПЕЛ БЕЖАТЬ НЕИЗВЕСТНО КУДА».
ПОБЕГ ИЗ ОРЕНБУРГА КОКАНДСКОГО ХАНА ХУДОЯРА В 1877 ГОДУ**

Константин Алексеевич Абдрахманов

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В исследовании воссоздана картина побега из Оренбурга бывшего правителя Кокандского ханства Худояр-хана, совершенного им 12 ноября 1877 года. *Материалы и методы.* Использо-

емые в работе материалы Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) до этого не вводились в научный оборот. Анализ повседневной жизни субъектов, демонстрация особенностей их домашнего быта, ментальная характеристика персоналий, определение мотивов поступков и алгоритма действий людей подразумевают выбор антропологического подхода в качестве методологической базы исследования. *Анализ.* Время с момента прибытия Худояра в Оренбург и до побега из города представляет отдельный яркий жизненный сюжет, до сих пор не представленный в историографии, что подтверждает новизну проделанной работы. Информативность обнаруженных документов позволила четко проиллюстрировать организационные моменты этого нерядового события. Интересным является то, что хан, вопреки представлению о нем как о почетном узнике Оренбурга, на самом деле имел возможность легально покинуть город в любой момент времени. Император Александр II в память о лояльном отношении Худояра к России, когда хан еще занимал трон Коканда, позволил ему самому выбирать место жительства в пределах коренной империи. Под запретом был только Санкт-Петербург, и не разрешался возврат в Среднюю Азию. Обладая немалой свободой передвижения внутри империи, осуществимого, конечно же, под контролем российских властей, Худояр-хан отказался от переезда и продолжал жить в приграничном Оренбурге, постепенно готовясь к побегу в Азию, чтобы попытаться вернуть власть. Подготовиться к рискованному путешествию по территории Азии, не вызвав подозрения наблюдавших за ним полицейских чинов, а затем незаметно покинуть город полностью самостоятельно Худояр-хан не мог. К реализации плана побега был привлечен узкий круг доверенных лиц, состоявший из родственников Худояра и заинтересованных в нем как в политической фигуре казахов. *Результаты.* Зафиксированные в источниках мельчайшие детали побега позволяют сказать, что этот поступок не был импульсивным порывом хана оказаться как можно дальше от непонятного ему места, а являлся тщательно спланированной операцией, учитывавшей многие составляющие.

Ключевые слова: Кокандское ханство, хан Худояр, Оренбург, организация побега, сообщники, генерал-губернатор, казахи.

Цитирование. Абдрахманов К. А. «...Хан успел бежать неизвестно куда». Побег из Оренбурга Кокандского хана Худояра в 1877 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 40–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.4>

Введение. В начале августа 1875 г. свергнутый правитель Коканда Худояр-хан был отправлен в Оренбург, где должен был ожидать решения Александра II по поводу своей дальнейшей судьбы. Отстраненный от власти и обреченный навсегда остаться в России, бывший правитель Кокандского ханства в этот момент практически полностью исчез с политической сцены. В реальности, даже находясь в почетной ссылке, Худояр-хан не растратил амбиций, так как собирался добиться прежнего положения и, в идеале, вернуть суверенитет Коканду, сбросив российское владычество вооруженным путем [14, л. 55–55 об.]. Выстраивая отношения с новыми лидерами Коканда, имперские власти утратили интерес к Худояру как к политической силе и не рассматривали возвращение хана на престол. Осознав ситуацию и не желая мириться со своей участью, Худояр пустился в бег с небольшим отрядом сторонников. Исследователи лаконично описывают это последнее заметное появление Худояр-хана в истории, ограничиваясь словами «бежал из Оренбурга» [17, с. 300] или «бежал, покинув преде-

лы России» [5, с. 23], тем самым невольно упрощая и обесценивая этот незаурядный, хоть и опрометчивый поступок, потребовавший от участников операции тщательной подготовки, моральных и материальных затрат. В силу этого, цель исследования предполагает детальную реконструкцию побега бывшего правителя Кокандского ханства из Оренбурга, совершенного в 1877 году.

Расширение и поиск новых моделей политического, экономического и культурного взаимодействия России с государствами Азии, продиктованные современной действительностью, подтверждают актуальность данной работы. Кроме этого, эпизод жизни кокандского хана, включавший его нахождение в Оренбурге и самовольное оставление города, еще не был представлен в научной литературе.

Материалы и методы. Дореволюционная историография практически не оставила сведений о правлении Худояр-хана, за исключением работы В.П. Наливкина. Вызывает уважение непредвзятый взгляд автора на противоречивую личность правителя. Неудержимое стремление кокандского хана расширять

источники поступления средств в казну и личные фонды обусловило тяжелое финансовое положение подданных и поразило коррупцией все ветви власти. Гипертрофированный механизм обогащения Худояра и его окружения В.П. Наливкин охарактеризовал так: «...мы, вероятно, будем правы, если скажем, что девизом ханского правительства и его агентов было: “рвать”» [9, с. 210]. «Однако же чувство справедливости заставляет сказать, что Худояр-хан не всегда рвал одним только путем насилия», – проявил объективность ученого В.П. Наливкин [9, с. 210].

Советская историческая наука, ориентированная на изучение экономического состояния среднеазиатских ханств в доимперский период, содержит фрагментарные сведения о частной жизни кокандского хана, его морально-психологических качествах. Содержащиеся в этих трудах материалы касаются системы налогообложения при Худояре, его строительной политики, организации государственного аппарата, принципа формирования и уровня подготовки кокандского войска [5; 8]. Внутри- и внешнеполитические катаклизмы, сотрясавшие Кокандское ханство в период правления Худояр-хана, спровоцировавшие национальные освободительные движения киргизов и узбеков, проанализированы в монографии А.Х. Хасанова [22]. На страницах своей работы Р.Н. Набиев собрал не только отрицательные версии мнений по поводу внутренней и внешней политики Худояра, но и привел вполне позитивное восприятие современниками как личности хана, так и его деятельности в роли лидера государства [8, с. 89–90].

Авторы постсоветской эпохи писали о Худояре в контексте взаимодействия хана с российской военной администрацией Русского Туркестана. Р.Ю. Почекаев обратил внимание на некий парадокс в плане подчинения ханств Средней Азии Российской империи. Историк писал, что Бухара и Хива «...сначала выказывали враждебное отношение к России, затем, потерпев военное поражение, были вынуждены признать зависимость от нее» [17, с. 296]. Кокандское ханство, наоборот, «...сначала превратилось в протекторат Российской империи, а затем начало враждебные действия против нее!» [17, с. 296]. Зависимость внешней политики Худояра в 70-е гг. XIX в. от тур-

кестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана рассмотрена в статье А.Д. Васильева [3].

Анализ существующей научной литературы позволяет увидеть, что психологический портрет правителя Коканда рассмотрен весьма ограничено, а наполненный эмоциями и драматическими событиями сюжет побега Худояр-хана из Оренбурга до сих пор не отразился в историографии. Отстранение Худояра от власти в Коканде и дальнейшую отправку его в Оренбург некоторые исследователи заканчивают такими словами: «Его политическая карьера была закончена» [22, с. 69] или «Так закончилось бесславное правление Худайяр-хана...» [1, с. 295]. Однако даже после очередной утраты власти в Коканде, Худояр-хан не оставил надежды вновь вернуть трон, а затем попытаться сбросить владычество России. Присутствие Худояра в истории после 1875 г. подтверждает яркий, можно сказать, детективный сюжет самовольного отъезда хана из Оренбурга в ноябре 1877 года.

Так как в центре исследования расположен ряд индивидов со свойственным им поведением, образом мыслей, реакцией на обстоятельства и рефлексией по поводу проделанных действий, то инструментом методологии был выбран антропологический подход. Опора на концепцию М. Блока о том, что «за зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин... история хочет увидеть людей» предполагает анализ влияния личностно-психологического и физиологического факторов на конечный результат деятельности субъектов [2, с. 18]. Диалог с эго-источником дает «...возможность отчасти проникнуть в сферу мыслей и чувств людей из далекого прошлого...» [6, с. 55].

Неопубликованная ранее информация, лежащая в основе сюжета статьи, была обнаружена в фонде № 6 Канцелярия оренбургского военного губернатора Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО). В этой коллекции документов представлена делопроизводственная документация губернской администрации, значительная часть которой посвящена политическим и торговым контактам Оренбургского края с азиатскими странами в период с конца XVIII до начала 80-х гг. XIX века. Группа дел, вклю-

ченных в опись № 17 [12–16], образует своего рода цикл, освещающий побег и поиски бывшего правителя Коканда – Худояр-хана.

Анализ. Вспыхнувшее в 1875 г. крупное восстание оппозиционных Худояр-хану сил носило антироссийский характер и было поддержано широкими кругами населения Коканда, в том числе представителями духовенства и выходцами из правящей династии [1, с. 541; 17, с. 297]. Не получив прямой военной поддержки от правительства Русского Туркестана и не сумев подавить выступление самостоятельно, свергнутый в четвертый и окончательный раз с престола [4, с. 26] хан Худояр в начале августа 1875 г. прибыл в Ташкент для встречи с туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом. А.Х. Хасанов так описал печальный итог последнего правления Худояра: «Насмерть перепуганный Худояр-хан решил бежать из Коканда под защиту туркестанского генерал-губернатора» [22, с. 66]. После непродолжительного пребывания в городе бывший кокандский правитель по распоряжению К.П. фон Кауфмана отправился в Оренбург. Путешествие Худояра в почетную ссылку началось 12 августа 1875 г., а днем ранее туркестанский генерал-губернатор сообщил о предстоящем визите своему оренбургскому коллеге Н.А. Крыжановскому. «Худояр хан кокандский потерявший престол вследствие политического переворота в Ханстве, и прибегший к нашему гостеприимству направляется ныне мною в г. Оренбург, где его светлость должен будет ожидать дальнейшие распоряжения Высочайшей воли касательно его будущего местопребывания. Вместе с ханом следует сын его Урман-бек, приближенные Ата-бек-Наиб, Мулла-Маруф, Акрем-хан, семейство и всего около пятидесяти человек прислуги», инструктировал Н.А. Крыжановского туркестанский генерал-губернатор [12, л. 11 об.].

Из переписки К.П. фон Кауфмана с военным министром Д.А. Милютиним проясняются некоторые подробности отъезда Худояра из Ташкента. Как указывают исследователи, основной причиной отказа К.П. фон Кауфмана разместить Худояра в Ташкенте на постоянной основе было желание имперской администрации в Туркестане выстроить конструктивные отношения с новыми властями

Коканда, показав высылкой беглого хана в удаленный город коренной империи, что Россия не намерена возвращать ему власть вооруженным путем [1, с. 295; 12, л. 14]. Вторым мотивом пересмотра изначального плана о предоставлении убежища Худояру в Ташкенте было стремление местного населения избежать возможных волнений из-за нахождения в городе их бывшего повелителя, о чем городская общественность заявила туркестанскому генерал-губернатору. «Одновременно с этим жители города заявили мне, что пребывание в Ташкенте Худояра, бывшего некогда их ханом страшит народ, и страх этот может еще увеличиться после выхода моего с войсками в Коканд...» – писал К.П. фон Кауфман [12, л. 14 об.]. Уход российского военного контингента из Ташкента на неопределенное время увеличивал страх горожан перед своим бывшим ханом, так как в его многочисленную свиту входили около 400 вооруженных воинов. Однако охранники Худояра уже не представляли организованное войско, способное и мотивированное на ведение боевых действий. В условиях полной неопределенности, лишившиеся руководства, источника заработка и предоставленные сами себе, бывшие кокандские воины думали лишь о поиске средств к существованию. Как заметил К.П. фон Кауфман, «...обнаружилось, что некоторые из них успели продать свое оружие на базаре...» [12, л. 15]. Остальная часть охранников Худояра была разоружена и распущена по приказу туркестанского генерал-губернатора во избежание каких-либо неприятных последствий [12, л. 15].

Перед длительным путешествием Худояр-хан сдал в Ташкентское отделение государственного банка 140 тыс. руб. в кокандской серебряной монете и со свитой, сократившейся до 50 человек, отправился в Оренбург [22, с. 69; 12, л. 15 об.]. По сведениям К.П. фон Кауфмана, состояние хана не ограничивалось указанными деньгами, а включало еще 3 арбы, «...нагруженных золотом и кроме того кредитные билеты...» [12, л. 15–15 об.]. Туркестанский генерал-губернатор предложил Худояру не брать все богатства в трудное путешествие, а также оставить их в банке, но хан заверил его в отсутствии у него золота и каких-либо других ценностей. Видимо уже

имея определенные планы на эти средства или просто не доверяя российским властям, Худояр предпочел держать золото поближе к себе. Настороженное отношение Худояра к совету К.П. фон Кауфмана продемонстрировало «азиатскую сомнительность и подозрение», которыми российские военные и дипломаты наделяли всех правителей государств Средней Азии [10, л. 3 об.].

Выехав из Ташкента 12 августа 1875 г., в конце сентября хан был уже в Оренбурге, посетив перед этим Орск [12, л. 3]. Покинув Ташкент против собственной воли, Худояр не стал пленником в Оренбурге. Бывшему правителю Коканда было разрешено не только перемещаться по всей территории России, но и даровалось право выбора любого населенного пункта для постоянного проживания, за исключением Санкт-Петербурга. Эту информацию содержит письмо военного министра Д.А. Милютина оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому от 14 марта 1876 г.: «Относительно же постоянного местожительства Худояр-Хана в России, остается в силе известное Вашему Высокопревосходительству Высочайшее повеление, по которому бывшему хану предоставляется право избрать для своего постоянного пребывания любой пункт во внутренних губерниях империи, за исключением Петербурга» [12, л. 32–32 об.].

Видимо, желая прояснить свой нынешний статус, чтобы иметь возможность строить дальнейшие планы, Худояр просил Н.А. Крыжановского о встрече с российским монархом. Судя по тону послания, Худояр хотел попасть в столицу России как можно скорее, а потому вежливо напоминал Крыжановскому о важности встречи с царем. «Меня очень тревожит, что и до сих пор Вы не присылаете мне никаких известий, но я полагаюсь на Вас. Быть может, Вы доложили уже мою просьбу Великому и Милостивому Белому Царю во имя Вашей ко мне благосклонности в Оренбурге», – просил не игнорировать его интересы хан Худояр в письме от 9 февраля 1876 г. [12, л. 34]. Ответ на запрос Н.А. Крыжановского об уместности посещения Худояром имперской столицы, направленный в Санкт-Петербург, пришел в марте 1876 года. Д.А. Милютин сообщал в Оренбург, что «...с Высочай-

шего соизволения, Худояр-Хану можно разрешить приехать в Петербург, если он того пожелает...», но финансировать эту поездку должен был сам Худояр [12, л. 32]. Необходимо прояснить, что оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский не испытывал никакой симпатии к Худояру и придерживался мнения о том, что еще суверенный правитель Коканда «...по положению своему, должен быть вассалом России» [18, с. 362].

По неустановленным причинам визит Худояр-хана к Александру II не состоялся. На протяжении всего 1876 г. бывший правитель Коканда продолжал жить в Оренбурге и не воспользовался предоставленным правом на переезд в любой другой город. Зная о дальнейших шагах Худояра, можно предположить, что его полностью устраивала близость Оренбурга к азиатской границе, позволявшая при необходимости оперативно переместиться в интересующий хана район Средней Азии или Казахской степи.

Лишенный привычного круга общения, не имевший возможности посетить родные места, не до конца понимавший свой нынешний статус и переживавший за свою дальнейшую судьбу, Худояр находился в состоянии повышенной морально-психологической нагрузки, усиливавшейся с каждым днем его пребывания в чуждой социокультурной среде. Информация о стрессовом состоянии бывшего владыки Коканда достигла Санкт-Петербурга. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев сообщил Н.А. Крыжановскому письмом от 24 июня 1876 г. следующее: «По полученным мною сведениям, проживающий в Оренбурге кокандский хан Худояр начал употреблять опиум в больших размерах, и часто отлучаясь на целый день в загородную прогулку, оставляет квартиру свою, хотя и запертую, но без всякого надзора...» [12, л. 39]. Совершенный Худояром через полтора года побег наводит на мысль, что бывший правитель Коканда не настолько сильно тяготился пребыванием вне родины, а возможно, сознательно производил впечатление пребывающего в депрессии от постигших его несчастий и смирившегося со своей судьбой человека, чтобы усыпить бдительность оренбургского руководства. За пределы города он выезжал, скорее всего, для знакомства с местностью и

тайных встреч с другими участниками и организаторами побега.

О том, что Худояр не считал себя окончательно вычеркнутым из истории Кокандского ханства и политики в целом, говорят его планы, ради которых и состоялся побег. В дороге Худояр-хана сопровождали несколько человек из казахов, с которыми он поделился своими намерениями. Вербуя сторонников в казахских аулах, беглый правитель Коканда утверждал, что собирается «...открыть войну против России...» и рассчитывает на поддержку со стороны туркмен и хивинцев, которые только и «...ожидают удобного случая, чтобы напасть на Петро-Александровское укрепление и вырезать всех русских» [14, л. 55–55 об.]

Эмоциональную нестабильность хана из-за неопределенности его положения и нахождения в малопонятной атмосфере российского города, реальную или симитированную, фиксировали современники событий. Крайне интересными представляются наблюдения Мари де Ужфальви-Бурдон, посетившей Оренбург зимой 1877 года. Парижанка сопровождала своего мужа, который являясь ученым-востоковедом, был «...направлен Министерством образования в научную командировку в Россию, Сибирь и Центральную Азию...» [21, с. 234]. В начале февраля 1877 г. супружеская чета прибыла в Оренбург, где, услышав о Худояр-хане, захотела познакомиться с представителем азиатского мира. К разочарованию француженки, встреча с ханом не состоялась по причине его болезни [21, с. 234]. «Нас заверили, что эта болезнь связана с его мрачным расположением духа, с тем, что Ксавье де Мэтр называет звериной злостью...», – сообщила о причине недомогания хана иностранная гостья [21, с. 234]. Мари де Ужфальви-Бурдон описала прецедент, подтверждающий сложности с адаптацией Худояра в имперском социуме. Присутствуя на торжественном ужине у Н.А. Крыжановского, «...когда все гости были в хорошем настроении, хан задумчиво рассматривал их некоторое время и, несомненно, найдя их отвратительными...», попросил генерал-губернатора «...приказать отрубить головы всем этим людям» [21, с. 234]. Руководитель Оренбургского края объяснил собеседнику, что он не может выполнить его просьбу, так как не обла-

дает настолько большой властью, на что Худояр ответил: «В таком случае мне вас жаль» [21, с. 234].

Неприемлемое для любого прогрессивного общества, отстаивающего постулат о сохранении человеческой жизни как выражении высшего блага, желание Худояра обезглавить чем-то огорчивших его людей многое говорит о психологии этого человека, его прежних властных возможностях и способах управления страной. В связи с этим стоит подробнее рассмотреть модель поведения Худояр-хана в период его нахождения у власти. Пересказывая диалог Худояра с Н.А. Крыжановским по поводу казни неугодных хану гостей генерал-губернатора, Мари де Ужфальви-Бурдон называла кокандца тираном и мини-Нероном [21, с. 234]. Кроме этого события на мнение француженки о свергнутом хане повлиял известный ей эпизод подавления Худояром восстания в Коканде, когда войсками правителя было убито около десяти тысяч человек. Исследователь Средней Азии В.П. Наливкин отмечал чрезмерную алчность Худояра, который с целью получения сверхприбыли «...пустился во все тяжкие торгашества и ростовщичества» [9, с. 211]. Возведенный по приказу Худояр-хана в Коканде – столице одноименного ханства – «громадный дворец» свидетельствовал о любви правителя к роскошному образу жизни [7, с. 89]. Современники Худояра, как с российской стороны, так и представители Коканда, дают крайне низкую оценку профессиональным качествам хана. Эти источники представляют посредственного, безынициативного, малоопытного в политике и абсолютно бездарного в военном плане человека, которым двигала исключительно идея благосостояния своей семьи [8, с. 89].

Однако в исследуемый период просматривалась и диаметрально противоположная точка зрения. Р.Н. Набиев, изучая дореволюционную периодику, обратил внимание на положительную оценку личности Худояра. В журнале «Нива» о хане писали, как об одном «...из самых замечательных государей в Средней Азии настоящего времени...» [8, с. 90].

Бывший правитель Кокандского ханства самовольно покинул Оренбург ближе к ночи 12 ноября 1877 года. Исчезновение Худояра

было обнаружено уже на следующий день, так как за ханом и его окружением велось постоянное наблюдение. Оперативно зафиксировав нарушение гостем условий пребывания в России, оренбургское руководство развернуло работу по розыску беглеца. Прежде всего были отправлены телеграфом депеши в соседние города – Орск, Бузулук и Самару, а также военным губернаторам Тургайской и Уральской областей [14, л. 1]. Также Н.А. Крыжановский сообщил о происшествии в Санкт-Петербург, Москву и Одессу [14, л. 6].

В ходе следственных мероприятий были раскрыты любопытные обстоятельства громкого побега. В сообщении оренбургского полицеймейстера на имя гражданского губернатора Е.И. Зенгбуша говорилось, что Худояр в сопровождении двух своих родственников Султан-хана и Нур-Мухаметова выехал из дома в 3 часа дня и домой уже не вернулся [14, л. 11]. Следственная группа осмотрела жилье Худояра и обнаружила, что многие вещи (одежда, посуда, продукты питания) были куда-то вывезены, а на месте остались мебель, ковры и постельное белье [14, л. 11]. Тщательность подготовки хана к побегу подтверждает обманчивый маневр, реализованный им за день до отъезда. Получив в неуказанном банке 32 тыс. руб., Худояр объявил, что берет эти средства для финансирования своей поездки в Илецкую Защиту. Как уже было сказано выше, по воле Александра II Худояр обладал свободой передвижения в пределах России, но только по согласованию с руководством места настоящего пребывания. Для встречи хана и присмотра за ним в Илецкую Защиту был командирован полицейский пристав 3-й части Оренбурга Кадамцев. Прибыв на место и прождав несколько дней, Кадамцев доложил Е.И. Зенгбушу, что «...по самым строгим розыскам Худояр по этому пути не проезжал и в самой защите не был» [14, л. 11 об.]. Сняв под ложным предлогом крупную сумму, Худояр продолжал убеждать окружающих в отсутствии причин для тревоги. Так, выехав из дома в день побега, он сообщил прислуге, что, как обычно, едет кататься. Чтобы наверняка развеять возможные подозрения и создать видимость поездки на близкое расстояние, Худояр и его спутники двигались следующим образом: сам бывший правитель и Султан-хан сели

на лошадей, а Нур-Мухаметов пошел рядом пешком [14, л. 11].

Эта кампания по дезинформации, призванная замаскировать побег и гарантировать успешное воплощение плана, представляет нам хана в несколько ином свете, отличном от его «классического» образа недалекого, импульсивного восточного деспота, хорошо умевшего лишь обирать свой народ. Конечно же, хан был не единственным автором плана, в котором не последнюю роль сыграли казахи, о которых речь пойдет далее, но его поведение позволяет сказать, что Худояр был достаточно здравомыслящим человеком, наделенным терпением, способным признать правоту другого и понимавшим, какая модель поведения соответствует обстоятельствам.

В это время в Оренбурге полным ходом шли следственные мероприятия. Следователем по делу о побеге Худояр-хана был назначен «чиновник особых поручений V класса при оренбургском генерал-губернаторе Шмотин», который добросовестно старался прояснить все обстоятельства побега [15, л. 40]. К расследованию, продлившееся около двух лет, подключилась администрация Тургайской и Уральской областей. Совместными усилиями всех причастных к расследованию должностных лиц удалось установить круг общения Худояра и воссоздать активную фазу подготовки побега. В процессе следствия «...открывалось, что Худояр был в коротких отношениях с проживающим здесь киргизом-домовладельцем временно оренбургским купцом Биджаном Джангильдиным, который постоянно у него бывал, даже секретно от прислуги, и ей запрещалось говорить кому-нибудь об этих посещениях...» [14, л. 11 об.]. Допрошенная 3 февраля 1879 г. кухарка Худояра М. Темирбулатова подтвердила, что о контактах хана знал только узкий круг самых доверенных лиц, а прислуга имела представление о гостях хозяина лишь на уровне слухов. «Киргиза Биджана Джангильдина я лично не знала до тех пор, как встретила с ним при допросе в полиции после бегства хана, а от горничной Якшильке знала, что очень часто ходит к хану и всегда по вечерам», – сообщила на следствии кухарка [15, л. 63]. В протоколе допроса М. Темирбулатовой обозначен уровень секретности, сопровождавший процесс подготовки к по-

бегу: «...пока две молодые жены были при хане здесь, то я нередко входила в ханские комнаты, когда же эти две жены были отправлены из Оренбурга до отъезда самого хана, то я перестала входить в комнаты, а кушанья от меня брал его родственник Султан-Хан, который бежал вместе с ханом» [15, л. 62]. Текст источника четко показывает, что Худояр и его сообщники прекрасно понимали важность конспирации для удачного исхода дела, связанного с нарушением установленных правил.

Еще об одном фигуранте дела в материалах следствия говорилось: «...за два месяца до побега в Оренбург приезжал Исет Кутебаров и виделся с ханом несколько раз, получил от хана подарок сукна на халат и для жены на платье, затем отправился в аул до побега хана...» [15, л. 15]. Стоит добавить, что Исет Кутебаров занимал должность в структуре управления национальными территориями Оренбургского генерал-губернаторства, исполняя обязанности помощника иргизского уездного начальника. Участие купца Биджана Джангильдина и бия Исета Кутебарова в столь резонансном деле показывает, что Худояр старался привлечь к делу не просто лояльных к нему людей, а лиц, обладавших определенными знаниями и возможностями. Исет Кутебаров был вызван на допрос 8 февраля 1878 г., на котором отрицал свою причастность к побегу хана и не признавал личное знакомство с ним. «В бытность мою в Оренбурге, я хотя и бывал у проживающего в Оренбурге Биджана Джангильдина, но не видал Худояра и к побегу его из Оренбурга никакого участия не принимал, и никаких подарков ни от кого не принимал, и никого из... не посылал, чтобы они содействовали Худояру к побегу» [13, л. 26].

Военный губернатор Тургайской области А.К. Гейнс в декабре 1877 г. представил рапорт Н.А. Крыжановскому с указанием на еще одного из наиболее активных сообщников хана: «Ныне начальник Илецкого уезда донес мне, что по полученным им от управляющего Улен-Каринской волостью официальным сведениям, побегу Худояр-хана способствовал киргиз Эмбенского уезда Азберген Мунайтпасов...» [14, л. 21]. М.А. Терентьев на страницах своей работы зафиксировал вклад А. Мунайтпасова в

побег бывшего кокандского хана: «Худояр-хан, высланный в Оренбург, бежал оттуда при помощи старого барантча Азбергента в Хиву» [19, с. 426].

Для каждого из участников побега был определен конкретный круг задач. Худояр-хану и его небольшому отряду предстояло перемещаться по малонаселенной территории Казахской степи и Средней Азии, наводненной разбойниками и хищными животными, поэтому наличие вооружения было обязательным условием выживания в этом опасном месте. Обеспечить отряд огнестрельным оружием взялся купец Биджан Джангильдин, который за день до отъезда хана «...сторговал в лавке два ружья с пистонами...» [14, л. 12]. Процесс приобретения оружия сообщником Худояра, скрупулезно воссозданный следствием, носил довольно курьезный характер. Биджан Джангильдин 11 ноября 1877 г. договорился о покупке двух дуствольных ружей и двух коробок «пистонов заграничных непромокаемых» в магазине оренбургского купеческого сына Александра Ефимовича Мерца [16, л. 9 об.]. Согласившись продать оружие и боеприпасы за 45 руб., А.Е. Мерц отложил товар и стал ожидать покупателя, который ушел за деньгами. Однако вместо Б. Джангильдина в этот же день «...явился какой-то молодой киргиз и стал торговать эти же ружья...» [16, л. 9 об.]. Как оказалось, коммерсант А.Е. Мерц был носителем классического купеческого менталитета, позволяющего индивиду мгновенно определять оптимальные условия для извлечения дополнительной прибыли. Так как новый клиент не был участником изначальной сделки и, возможно, не знал всех деталей договоренности, А.Е. Мерц, по его же словам, попытался продать эти ружья и боеприпасы к ним уже за 60 руб., посетитель согласился, но «...ни говоря ни слова отдал мне за них сорок руб. сер[ебром], взял ружья и ушел из лавки...», – объяснял на допросе предприниматель [16, л. 9–9 об.]. Вернувшийся 12 ноября Биджан Джангильдин забрал две коробки пистонов и отдал за них оставшуюся сумму. На вопрос продавца, почему же он сам не пришел за ружьями, сообщник Худояра «...ничего не ответил и ушел из лавки...» [16, л. 9 об.]. Кроме ружей Б. Джангильдин снабдил отряд Худояра револьвера-

ми и другими необходимыми в походе вещами, подробности приобретения которых не отражены в документах архива. «Вещи и оружие, закупленные Бижаном Джангильдиным на деньги Худояра везлись на двух верблюдах; ружей и револьверов с ними было до 10 штук», – сообщил о вкладе купца в побег Худояра источник [14, л. 54–54 об.].

Азберген Мунайтпасов действительно внес наибольший вклад в организацию побега Худояр-хана, обеспечив проезд беглеца через Казахскую степь до хивинских владений и далее. Также А. Мунайтпасов отвечал за поиск сменных лошадей для хана и его спутников. Свою часть работы А. Мунайтпасов выполнил весьма эффективно, так как смог тайно осуществить все приготовления, продлившиеся несколько дней, прямо в черте города. В качестве точки сбора отряда, места стоянки верховых и вьючных животных и пункта хранения дорожных припасов им была выбрана роща на небольшом удалении от Менового двора Оренбурга на левом берегу р. Урал [14, л. 11 об.]. После выезда из Оренбурга хорошо знающий степь А. Мунайтпасов определял направление движения, выбирая наиболее безопасный и короткий маршрут, а также неоднократно уводил от погони небольшой отряд Худояра. Например, 10 марта 1878 г. эмбенский уездный начальник, получив сведения о нахождении беглецов, направил военный отряд для их перехвата, но пойманы были лишь двое людей Худояра, а сам «...хан успел бежать неизвестно куда, и с ним скрылся также и спутник его, известный киргиз Азберген Мунайтпасов...» [14, л. 40]. После этого случая кочевник пробыл при хане еще некоторое время, но в начале мая 1878 г. «...откочевал с Усть-Урта в Иргинский уезд к Большим Барсукам, и в настоящее время находится близ своего семейства на урочище Тюбя-Кудук», – писал 24 мая 1878 г. Н.А. Крыжановскому военный губернатор Уральской области Г.С. Голицын [14, л. 45]. В июне 1879 г. А. Мунайтпасов приехал в Оренбург, где был задержан «...и заключен под стражу в местный тюремный замок» [14, л. 96].

Этот сообщник Худояр-хана недолго пробыл узником в Оренбурге и вскоре был отпущен на свободу по счастливой случайности, связанной с боевыми действиями в Средней

Азии. При подготовке Ахал-текинской экспедиции 1880–1881 гг. российское военное руководство столкнулось с серьезными проблемами логистического характера: отправлявшиеся в поход войска не могли снабдить необходимым количеством верблюдов, а для имеющихся вьючных животных не получалось найти опытных погонщиков – лаучи. В такой момент командование приняло решение призвать на службу пользовавшихся уважением у соплеменников казахов, причастных к антигосударственной деятельности и отбывающих наказание за эти правонарушения. Освобожденные и амнистированные кочевники должны были повлиять на своих соплеменников и личным примером заставить их дать согласие на участие в военном походе. По словам генерал-лейтенанта М.А. Терентьева «...Азберген, начавший карьеру простым лаучем, а потом барантач и разбойник...», был известен «...храбростью, множеством ран и доживал свой век в оренбургском остроге...», а, следовательно, идеально подходил на эту роль [20, с. 82]. «Понятно, что этот старик очень рад был вырваться на волю, хотя бы в качестве лауча, и таким образом начать свою карьеру снова», объяснял мотивацию А. Мунайтпасова российский военный [20, с. 82]. Военному руководству не сразу удалось согласовать кандидатуру сообщника Худояра, но за него поручился оренбургский купец 1-й гильдии М.Е. Мякинков [20, с. 82], пользовавшийся уважением в военных кругах как главный поставщик верблюдов для армии в период среднеазиатских походов 1870-х гг. [11, л. 4, 20]. Выполнив свою основную миссию по обеспечению побега Худояр-хана из Оренбурга, его наиболее надежные сторонники – Биджан Джангильдин, Исет Кутебаров и Азберген Мунайтпасов далее не принимали участие в интригах бывшего правителя на территории Средней Азии.

Худояр-хан так и не смог заручиться поддержкой достаточного для военно-политической авантюры числа сторонников, а потому не сумел вернуть власть в Коканде, изгнав из ханства своих оппонентов и российские войска. Понимая, что его ресурсы истощены, и дни активности как политика остались в прошлом, Худояр попросил Александра II позволить ему вернуться в Россию. Император великодушно простил своеволие бег-

лого хана и удовлетворил его просьбу. В марте 1881 г. из Главного Штаба военного министерства на имя Н.А. Крыжановского пришло уведомление о благосклонности российского монарха к Худояр-хану: «...Государь Император прощает его необдуманый поступок, и что если он пожелает снова поселиться в России, то не иначе как с обещанием не отлучаться без особого дозволения из того места, которое будет для жительства назначено...» [14, л. 189]. Беглецу не суждено было воспользоваться милостью российского императора, так как, добравшись в начале 80-х гг. XIX в. до Герата, Худояр-хан там вскоре скончался.

Результаты. В результате анализа материалов о бегстве Худояр-хана из Оренбурга удалось детально воссоздать специфику организации этого резонансного предприятия. Отправленный 12 августа 1875 г. из Ташкента в Оренбург, бывший правитель Коканда должен был в скором времени предстать перед Александром II, но санкционированный Санкт-Петербургом визит Худояра к царю почему-то не состоялся. Властный и любящий роскошь Худояр-Хан не хотел мириться с ролью изгнанника, лишённого прежнего статуса и родины, а потому после двух лет проживания в Оренбурге он тайно покинул город для того, чтобы вернуть себе престол. Обладая правом по согласованию с местной администрацией и министерством внутренних дел [14, л. 189] на переезд в любую, за исключением столицы, город России, хан все же предпочитал оставаться поближе к азиатской границе. Находясь под присмотром полиции, Худояр не сумел бы самостоятельно разработать и осуществить рискованный план побега. Для успешной реализации тайного замысла потребовалось скоординированное участие нескольких лиц. Обязанности сообщников распределились следующим образом: оренбургский купец из казахов Б. Джангильдин отвечал за закупку оружия и провианта, другой казах А. Мунайпасов приобрел лошадей и организовал пункт хранения дорожных вещей в роще за Меновым двором, бий И. Кутебаров направил своих людей для сопровождения хана в дороге. Невзирая на то, что наличие нескольких исполнителей несло дополнительный риск утечки информации, побег осуществился успешно, а знания и навыки сопровождавших Худояра кочевников обеспечи-

ли скорость и скрытность передвижения по Казахской степи и территории Средней Азии. Трудоемкость реализованной Худояром и его сторонниками задачи позволяет понять, что обширный перечень отрицательных черт характера хана, включавший жестокость, недалечность, самоуверенность и неодолимую тягу к богатству, сочетался с такими позитивными свойствами личности как решительность, терпение и упорство в достижении цели. Кроме этого, Худояр-хан проявил способности к интеллектуально-аналитической работе. В целом проделанное исследование предлагает знакомство с до сих пор неизвестной страницей из жизни правителя Кокандского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика. Ташкент ; Токио: Yangi nashr, 2010. 744 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 230 с.
3. Васильев А. Д., Кашгария А. Н. Куропаткин и российская политика по отношению к Джетишаару в последней трети XIX в. // Мир политики и социологии. 2018. № 5-6. С. 19–40.
4. Громбчевский Б. Л. Путешествия по Центральной Азии. СПб.: Нестор-История, 2019. 520 с.
5. Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Наука, 1980. 120 с.
6. Кошелева О. Е. Побег воина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1997. Т. 1. С. 55–86.
7. Мушкетов И. В. Собрание Сочинений Ивана Васильевича Мушкетова. Вып. 2. 1877 г. Путешествие на Алай и Памир в 1877 году. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 99 с.
8. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973. 388 с.
9. Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1886. 215 с.
10. О командировании в Хиву коллежского советника Бекчурина и поручика Субханкулова для налаживания торговых и дружественных отношений // Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 1542.
11. О награждении оренбургских купцов 1-й гильдии Михаила и Василия Мякинковых медалями «За усердие» за помощь при проведении хивинской экспедиции // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8489А.
12. О прибытии кокандского хана Худояра в Оренбург // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 216.

13. О преследовании и захвате бежавшего из Оренбурга бывшего кокандского хана Худояра // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 224.

14. Побег бывшего кокандского хана Худояра из Оренбурга // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 227.

15. Побег хана Худояра // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 229.

16. Побег Худояр-хана // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 231.

17. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 384 с.

18. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3 т. Т. 1. СПб.: Типолит. В.В. Комарова, 1906. 510 с.

19. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3 т. Т. 2. СПб.: Типолит. В.В. Комарова, 1906. 547 с.

20. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3 т. Т. 3. СПб.: Типолит. В.В. Комарова, 1906. 526 с.

21. Ужфальви-Бурдон М. Из Оренбурга в Самарканд. Фергана. Кульджа и Западная Сибирь // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. VII. Французские исследователи в Казахстане. Алматы: Санат, 2006. С. 233–270.

22. Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М.: Наука, 1977. 95 с.

7. Mushketov I.V. *Sobranie Sochinenii Ivana Vasilevicha Mushketova. Вып. 2. 1877 g. Puteshestvie na Alai i Pamir v 1877 godu* [Collected Works of Ivan Vasilevich Mushketov. Iss. 2. 1877. Journey to Alai and the Pamirs in 1877]. Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasiulevicha, 1912. 99 p.

8. Nabiev R.N. *Iz istorii Kokandskogo khanstva (feodalnoe khoziaistvo Khudoiar-khana)* [From the History of the Khanate of Kokand (The Feudal Economy of Khudayar Khan)]. Tashkent, Fan Publ., 1973. 388 p.

9. Nalivkin V.P. *Kratkaia istoriia Kokandskogo khanstva* [Brief History of the Khanate of Kokand]. Kazan, Tip. Imp. un-ta, 1886. 215 p.

10. О komandirovanii v Khivu kollezhskogo sovetnika Bekchurina i poruchika Subkhankulova dlia nalazhivaniia torgovykh i druzhestvennykh otnoshenii [On Dispatching of Collegiate Councillor Bekchurin and Lieutenant Subkhankulov to Khiva to Establish Trade and Friendly Relations]. *Obieedinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (dalee – OGAOO)* [United State Archives of the Orenburg Region (hereinafter – OGAOO)], f. 6, inv. 10, d. 1542.

11. О nagrazhdenii orenburgskikh kuptsov 1-i gildii Mikhaila i Vasiliia Miakinkovykh medaliami «Za userdie» za pomoshch pri provedenii khivinskoi ekspeditsii [On Awarding the Orenburg Merchants of the 1st Guild Mikhail and Vasily Myakinkov with Medals “For Diligence” for Their Help during the Khiva Expedition]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 10, d. 8489A.

12. О pribytii kokandskogo khana Khudoiara v Orenburg [On the Arrival of Khudayar Khan of Kokand in Orenburg]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 216.

13. О presledovanii i zakhvate bezhavshego iz Orenburga byvshego kokandskogo khana Khudoiara [On the Pursuit and Capture of Khudayar, the Former Khan of Kokand, who fled from Orenburg]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 224.

14. Pobeg byvshego kokandskogo khana Khudoiara iz Orenburga [Escape of Khudayar, the Former Khan of Kokand, from Orenburg]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 227.

15. Pobeg khana Khudoiara [Escape of Khudayar Khan]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 229.

16. Pobeg Khudoiar-khana [Escape of Khudayar Khan]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 231.

17. Pochekaev R.Iu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentralnoi Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and Khans. Personal Factor of the Legal Policy of the

REFERENCES

1. Babadzhanov B.M. *Kokandskoe khanstvo: vlast, politika, religii* [Khanate of Kokand: Power, Politics, Religion]. Tashkent, Tokyo, Yangi nashr, 2010. 744 p.

2. Blok M. *Apologiia istorii ili remeslo istorika* [Apologia of History or the Craft of the Historian]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 230 p.

3. Vasilev A.D. Kashgariia. A. N. Kuropatkin i rossiiskaia politika po otnosheniiu k Dzhetsishaaru v poslednei treti XIX v. [Kashgaria. A.N. Kuropatkin and Russian Policy Toward Dzhetsishaar in the Last Third of the 19th Century]. *Mir politiki i sotsiologii* [World of Politics and Sociology], 2018, no. 5-6, pp. 19-40.

4. Grombchevskii B.L. *Puteshestviia po Tsentralnoi Azii* [Travels in Central Asia]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 520 p.

5. Kastelskaia Z.D. *Iz istorii Turkestanskogo kraia (1865–1917)* [From the History of the Turkestan Region (1865–1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 120 p.

6. Kosheleva O.E. Pobeg voina [Warrior’s Escape]. *Kazus. Individualnoe i unikalnoe v istorii* [Incident. Individual and Unique in History], 1997, vol. 1, pp. 55-86.

Russian Empire in Central Asia: 18th – Early 20th Century] Moscow, Izd. dom Vyssh. shkoly ekonomiki, 2017. 384 p.

18. Terentyev M.A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. V 3 t. T. 1* [History of the Conquest of Central Asia. In 3 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tipolit. V. V. Komarova, 1906. 510 p.

19. Terentyev M.A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. V 3 t. T. 2* [History of the Conquest of Central Asia. In 3 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tipolit. V. V. Komarova, 1906. 547 p.

20. Terentyev M.A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. V 3 t. T. 3* [History of the Conquest of Central Asia. In 3 Vols. Vol. 3]. Saint Petersburg, Tipolit. V. V. Komarova, 1906. 526 p.

21. Uzhfalvi-Burdon M. *Iz Orenburga v Samarkand. Fergana. Kuldzha i Zapadnaia Sibir* [From Orenburg to Samarkand. Fergana. Kulja and Western Siberia]. *Istoriia Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv. T. VII. Frantsuzskie issledovateli v Kazakhstane* [History of Kazakhstan in Western sources of the 12th – 20th Centuries. Vol. 7. French Researchers in Kazakhstan]. Almaty, Sanat Publ., 2006, pp. 233-270.

22. Khasanov A.Kh. *Narodnye dvizheniia v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva* [Popular Movements in Kirghizia During the Period of the Khanate of Kokand]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 95 p.

Information About the Author

Konstantin A. Abdrakhmanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460014 Orenburg, Russian Federation, kostya.abdrakhmanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-7694>

Информация об авторе

Константин Алексеевич Абдрахманов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация, kostya.abdrakhmanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-7694>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.5>

UDC 94(47+57)«15/16»:929.5

LBC 63.3(2)44-21

Submitted: 10.09.2024

Accepted: 01.12.2024

**DISCUSSION ON THE BOOK BY A.V. BELYAKOV
“NOGAI NOBILITY IN RUSSIA IN THE 16th – 17th CENTURIES”**

Igor O. Tyumentsev

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Andrey P. Pavlov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Maksim V. Moiseev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Bulat R. Rakhimzianov

Independent Researcher, Kazan, Russian Federation

Anton V. Sergeev

Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Saint Petersburg, Russian Federation

Natalia V. Rybalko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. A discussion on the monograph by A.V. Belyakov “Nogai Nobility in Russia in the 16th – 17th Centuries” (Moscow, 2023) is presented, in which six leading experts in the field of socio-political relations of the Moscow state of the 16th – 17th centuries took part. *I.O. Tyumentsev* writes about A.V. Belyakov’s many years of experience in studying the history of the Chinggisids in Russia in the 15th – 17th centuries and the author’s professionalism. He emphasizes the novelty of the study and the validity of the conclusions and notes issues that remain controversial. *A.P. Pavlov* shows the importance of A.V. Belyakov’s monograph for understanding the principles of recruiting the ruling elite of the Russian state, the policy of the Russian government towards representatives of national elites, and the process of formation of the multinational Russian state as a whole. The author notes the novelty of A.V. Belyakov’s methods and approaches and his use of a wide range of archival sources. It is concluded that A.V. Belyakov’s monograph is a fundamental prosopographical study that covers a wide range of aspects of the life of representatives of the Nogai nobility in Russia – their origin, family ties, official activities, land ownership, private life, etc. *M.V. Moiseev* analyzed the strengths of the book and showed the unsuccessful and insufficiently substantiated provisions of the study. In general, it is concluded that A.V. Belyakov made titanic efforts to identify the maximum number of Nogai descendants, which allowed him to recreate a fairly complete picture of the genealogical ties of noble descendants of the Nogai Horde, making the study unique. *B.R. Rakhimzianov* points out the differences between a monograph and a reference book; the specific “microhistorical nature” of A.V. Belyakov’s research has been noted; the author of the review

designates the genre of the book under review as “popular source studies.” It is noted that the elaboration of the historiography of the issue is extremely selective and weak, and the text of the book is descriptive. The author’s heavy style and inadequate understanding of the subject of the study are also noted. The conclusion is an opinion about the book as a reference publication, but not a scientific monograph in its classical sense. *A.V. Sergeev* considers A.V. Belyakov’s book to be a significant contribution to Russian historical science but notes that the research is primarily focused on clarifying the genealogies of the Nogais who left for Russia and, to a lesser extent, studying their social evolution and points out a number of controversial conclusions by the author. *N.V. Rybalko* characterized the work under review from the position of the theory of the method of prosopography, noting that the monograph by A.V. Belyakov is a solid prosopographical study; the author collects numerous biographical facts, combines them into genealogies, and forms a holistic idea of the place of the Nogai nobility in Russian society during the Middle Ages.

Key words: Nogai nobility, elite, Tsar’s court, genealogy, land ownership, history of Russia in the 16th–17th centuries, Chinggisids.

Citation. Tyumentsev I.O., Pavlov A.P., Moiseev M.V., Rakhimzianov B.R., Sergeev A.V., Rybalko N.V. Discussion on the Book by A.V. Belyakov “Nogai Nobility in Russia in the 16th – 17th Centuries”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 52-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.5>

УДК 94(47+57)«15/16»:929.5
ББК 63.3(2)44-21

Дата поступления статьи: 10.09.2024
Дата принятия статьи: 01.12.2024

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ А.В. БЕЛЯКОВА «НОГАЙСКАЯ ЗНАТЬ В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ»

Игорь Олегович Тюменцев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Андрей Павлович Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Максим Владимирович Моисеев

Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Булат Раимович Рахимзянов

Независимый исследователь, г. Казань, Российская Федерация

Антон Вадимович Сергеев

Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Наталья Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Представлена дискуссия по монографии А.В. Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» (Москва, 2023), в которой приняли участие шесть ведущих специалистов в области общественно-политических отношений Московского государства XVI–XVII веков. *И.О. Тюменцев* пишет о многолетнем опыте А.В. Белякова в изучении вопросов истории Чингисидов в России XV–XVII вв. и профессионализме автора. Подчеркивает новизну исследования, обоснованность выводов, отмечает вопросы, которые остаются дискуссионными. *А.П. Павлов* показывает значение монографии А.В. Белякова для понимания принципов комплектования правящей элиты Русского государства, политики русской власти по отношению к представителям наци-

ональных элит и процесса становления многонационального Русского государства в целом. Отмечается новизна методов и подходов А.В. Белякова, привлечение им широкого круга архивных источников. Сделано заключение, что монография А.В. Белякова – это фундаментальное просопографическое исследование, освещающее самые различные стороны жизни представителей ногайской знати в России – их происхождение, родственные связи, служебную деятельность, землевладение, частную жизнь и т. д. *М.В. Моисеевым* проанализированы сильные стороны книги, показаны неудачные и недостаточно обоснованные положения исследования. В целом заключено, что А.В. Беляков приложил титанические усилия по выявлению максимального числа ногайских выходцев, что позволило ему воссоздать довольно полную картину генеалогических связей знатных выходцев из Ногайской Орды, сделав исследование уникальным. *Б.Р. Рахимзянов* указывает на различия между монографией и справочным изданием; отмечается специфическая «микросторичность» исследований А.В. Белякова; жанр рецензируемой книги участник дискуссии обозначает как «популярное источниковедение». Замечено, что проработка историографии вопроса крайне выборочная и слабая, а текст книги является описательным. Отмечен тяжелый стиль автора и неадекватное представление о предмете исследования. Выводом является мнение о книге как о справочном издании, но не научной монографии в ее классическом понимании. *А.В. Сергеев* считает книгу А.В. Белякова существенным вкладом в отечественную историческую науку, но отмечает направленность исследования преимущественно на выяснение родословий выехавших в Россию ногайцев и в меньшей степени – на изучение их социальной эволюции, указывает ряд спорных заключений автора. *Н.В. Рыбалко* охарактеризовала рецензируемый труд с позиции теории метода просопографии, отметив, что монография А.В. Белякова является добротным просопографическим исследованием, автор собирает многочисленные факты биографий, соединяет их в родословные и формирует целостное представление о месте ногайской знати в российском обществе периода Средневековья.

Ключевые слова: ногайская знать, элита, Государев двор, генеалогия, землевладение, история России XVI–XVII вв., Чингисиды.

Цитирование. Тюменцев И. О., Павлов А. П., Моисеев М. В., Рахимзянов Б. Р., Сергеев А. В., Рыбалко Н. В. Дискуссия по книге А.В. Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 52–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.5>

Введение

(от редколлегии)

Мы продолжаем периодическую рубрику «Дискуссия по книге», посвященную новым значимым монографиям наших авторов. Ранее такие дискуссии были проведены по книгам Т. Крауса в 2021 г. [12] и А.И. Кубышкина в 2023 г. [41] и вызвали положительные отклики. Ученые имеют возможность высказать свое мнение на площадке нашего журнала, тем самым привлечь внимание читателей к новым публикациям и обсудить развитие исторического знания на современном этапе.

Чингисиды

**в Московском государстве XV–XVII вв.:
приглашение к дискуссии**

(И. О. Тюменцев)

Андрей Васильевич Беляков на протяжении нескольких десятков лет разрабатывает тему «Чингисиды в России в XV–XVII веках». Поскольку представители «золотого рода» были активными участниками Смуты,

значимые комплексы документов по этой теме отложились в реконструированном нами походном архиве Яна Сапеги 1608–1611 гг. [29]. Много лет назад я обратился к нему с просьбой проанализировать собранные нами материалы и внести коррективы и уточнения. Андрей Васильевич проделал эту работу на общественных началах высоко профессионально, с глубоким знанием материала по теме. Он четко, педантично и корректно разложил все по полочкам, исправил ошибки и неточности. Особое впечатление на меня произвели его уточнения имен Чингисидов, прежде всего осевших в России.

Не секрет, что приказные часто коверкали их имена. Затем эти искажения перекочевали в труды историков, поэтому четкости в ономастике имен не было и, несмотря на исследование А.В. Белякова, нет. На мой взгляд, первое, что нужно сделать, – это договориться и принять предложенные им написания имен представителей «золотого рода» [2; 4–7].

Тема, за которую взялся Андрей Васильевич, до него в историографии не ставилась,

специально не изучалась, а лишь затрагивалась. До революции были написаны работы по отдельным персоналиям и государственным образованиям, таким как Казанское, Крымское, Касимовское ханства. В советское время представители «золотого рода» лишь упоминались в общих работах по истории СССР и отдельных республик. В центре внимания советских исследователей была история рабочего класса и крестьянства. Лишь в трудах С.Б. Веселовского [13; 14], а затем А.А. Зимина [17] и А.П. Павлова [23; 24] возобновились просопографические исследования. В настоящее время это одно из основных направлений разработки российских историков [9; 19–21; 30; 32; 34], в котором важная роль принадлежит А.В. Белякову [2; 4–7].

Историк смог привлечь для своего исследования все доступные ему источники и указал имеющиеся перспективы в разработке источниковой базы своей темы, что достаточно редко встречается в исследовательской литературе. Он совершенно прав, что «главный резерв» по исследованию анализируемой темы находится в архиве Топкапы (Турция). Основным препятствием является турецкая письменность того времени, в которой используется арабская вязь, а не современный алфавит. А.В. Беляков также полагает, что могут быть найдены интересные коллекции в совершенно неожиданных местах – в российских и зарубежных архивах [2, с. 416–417]. Действительно, далеко не исчерпаны возможности документов на польском, шведском, немецком и других языках. В связи с этим большие надежды мы возлагаем на оцифровку документов этих архивов и библиотек и предоставление свободного доступа для исследователей.

Еще один резерв хотелось бы указать – это личные архивы исследователей, касавшихся данной темы или непосредственно занимавшихся ею. Обычно то, что опубликовано, – это вершина айсберга. Многие документы копировались исследователями вручную, при помощи копировальных машин, а сейчас – сканированием. В 80-х годах прошлого века мы убедились, что «рукописи не горят», когда среди бумаг историков А. Гиршберга и А. Прохазки во Львове нашли копии сгоревших документов во время Варшавского восстания 1944 г. [29].

Результатом проделанной работы явилась монография «Чингисиды в Московском государстве XV–XVII вв.» (2011), ставшая основой докторской диссертации, «Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование» (2017) и ряд монографий, уточняющих и развивающих исследование по истории отдельных групп «золотого рода» в России, например «Сибирские царевицы в истории России» (2018), или наиболее ярких представителей: «Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии» (2019) и «Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в.» (2022).

А.В. Беляков пришел к обоснованным выводам, главный из которых заключается в том, что разные ветви Чингисидов неизменно получали у московских государей и царей «большую честь», жаловались деньгами, имели значительные владения как на правах уделов, так и вотчин, но, в отличие от князей Гедиминовичей, Рюриковичей, выходцев из Европы, ногайских и крымских биеев и мурз, никогда не инкорпорировались в состав Государева двора и держались вне Москвы, особняком. Историк заключает, что московским государям реальная активная служба Чингисидов была не нужна [2, с. 416]. При этом вопрос, почему сложилась такая практика, остается без ответа, так как А.В. Беляков в дальнейшем сосредоточился на изучении последствий принятия детьми «Чингисидов» православия и их судьбе [5; 7]. По большому счету это правильно, так как нельзя строить новую гипотезу, опираясь на только что сделанное общее заключение.

Возьму на себя смелость высказать некоторые соображения. Великие князья Древней Руси в дипломатической иерархии считались «базилеями» (королями) византийских императоров (царей). После монгольского завоевания князья владимирские и московские подчинились другому царю – хану Золотой Орды, который обязательно должен был происходить из Чингисидов. Отвергнув власть золотоордынского хана (царя) Ахмата и вместе с крымскими, казанскими, сибирскими ханами и ногайцами сокрушив Большую Орду, Иван III вышел из-под власти «золотого рода»

и стал сам «держателем» свою землю. Утверждение принципа самодержавия в управлении страной вступило в острое противоречие с древним принципом совокупного владения родом Рюрика Русской землей [25]. Князя Рюриковичи – «братия» Ивана III, явившись на службу в Москву, потребовали своей доли власти, отгнав старомосковское боярство. Великий князь, по наблюдению Р.Г. Скрынникова, оказался в плену у «братии», и стало ясно, что за «самодержавие» еще предстоит тяжелая борьба. В этой борьбе подвластное московским государям положение Чингисидов давало веский аргумент для отсечения «братии» от управления страной [36]. Примечательно, что к сходному аргументу впоследствии прибег Борис Годунов, обосновывая свои права на московский престол [35, с. 250].

При преемниках Ивана III Московское царство вступило в жестокую борьбу с «осколками Золотой Орды»: Казанским, Крымским, Астраханским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой. Наличие подвластных московским государям владельцев бывшего Царева улуса – Чингисидов – и родственных связей с ними повышало межгосударственный статус московских рюриковичей и являлось веским аргументом, подтверждавшим их права в борьбе за золотоордынское наследство.

Вместе с тем опыт породнения представителей Чингисидов с московской правящей династией после их крещения обнаружил другую опасность. Лицедействуя при учреждении Двора осенью 1575 г., Иван Грозный поставил царем крещеного Чингисиды Симеона Бекбулатовича, а себя объявил удельным князем Иванцем Московским, формально возродив золотоордынские порядки – подчинение царю-Чингисиду московского князя. Лицедейство вряд ли было случайным. Оно обнаруживает, что московские власти никогда не забывали о прошлом «золотого рода» и опасности участия его представителей в борьбе за власть в Москве. То, что эта опасность вполне реальна, показали события 1598 г., когда боярская оппозиция Б. Годунову выдвинула кандидатуру Симеона Бекбулатовича на московский престол, и 1605–1606 гг., когда престарелого Симеона вызывали к себе цари Лжедмитрий I, а затем Василий Шуйский [18].

В сложившейся в России XVI в. ситуации активная служба Чингисидов московским государям была не нужна и даже опасна. Именно поэтому в XVII в. Романовы ликвидировали особый статус «золотого рода».

Новое фундаментальное просопографическое исследование о татарской знати в России XVI–XVII веков

(А.П. Павлов)

Новая монография Андрея Васильевича Белякова [8] посвящена изучению положения представителей ногайской знати в России XVI–XVII вв. и является продолжением его многолетних изысканий о месте знати татарского происхождения в Московском государстве указанного периода [2]. Данная тема до сих пор оставалась недостаточно исследованной в историографии. Между тем без ее детального изучения невозможно в полной мере понять принципы комплектования русской правящей элиты, политику русской власти по отношению к представителям национальных элит и процесс становления многонационального Русского государства в целом. Отталкиваясь от научных работ Вадима Винцеровича Трепавлова по истории Ногайской Орды [40] (его памяти посвящена рецензируемая книга), А.В. Беляков поставил своей задачей воссоздать целостный коллективный портрет представителей ногайской знати (потомков Эдиге), реконструировать их генеалогию, статус в Русском государстве, стратегии поведения, службы, землевладение и иные формы материального обеспечения, родственные связи. Следует сказать, что А.В. Беляков взялся за выполнение весьма сложной и трудной задачи. Материалы по истории и генеалогии ногайских мирз скудны, отрывочны и разбросаны по разным архивным фондам. Автор проделана огромная и весьма трудоемкая работа по выявлению дошедших до нас документов приказного делопроизводства, основная часть которых не опубликована, их приходилось собирать буквально по крупицам, подвергать взаимной критической проверке. И здесь ярко проявилась характерная черта научного творчества А.В. Белякова – исследовательская тщательность, большое внимание к деталям и осторожность выводов.

Широта источниковой базы, новый комплексный подход к изучению темы позволили А.В. Белякову представить развернутую и в целом убедительную картину истории пребывания в России представителей ногайской знати в XVI–XVII веках.

Особый интерес представляет раздел монографии, посвященный генеалогии представителей ногайской знати, обстоятельствам их выезда в Россию и интеграции в структуру Московского государства. А.В. Белякову удалось выявить наиболее полные на настоящий момент сведения о представителях различных ветвей потомков Эдиге в России (о более чем 200 представителях рода, носителях 25 родовых прозвищ), существенно пополнить сведения родословных книг и родословных росписей, а также исправить многие неточности, имевшие место в родословцах и генеалогической литературе. Прделанная работа имеет большое научное значение: мимо выявленной А.В. Беляковым информации не сможет пройти ни один исследователь истории служилого сословия.

А.В. Беляков детально прослеживает сложный и извилистый процесс инкорпорации ногайской знати в состав общерусского служилого сословия на протяжении XVI–XVII вв. и отчасти XVIII века. В XVI в., показывает автор, ногайские мирзы со своими отрядами начинают все чаще отъезжать в Москву и, благодаря своему изначально высокому статусу, занимать видное положение в служилой иерархии Московского государства. Часть ногайских выходцев, принявших православие, успешно инкорпорируется в состав русской правящей элиты (Государева двора) и занимает в ней, как показывает А.В. Беляков на примере представителей рода Шейдяковых, весьма высокое положение. Вслед за некоторыми другими исследователями автор монографии справедливо усматривает в политике Ивана IV по компактному испомещению в Романове выезжей знати из Ногайской Орды стремление создать на этой территории Русского государства вассальный аналог Ногайской Орды, для того чтобы влиять на политику ногайских биев. Убедительно раскрываются в работе и причины неудачи данного эксперимента.

В монографии показывается падение статуса потомков Эдиге в России в XVII в.

по сравнению с XVI столетием. Данное обстоятельство убедительно связывается автором прежде всего с деградацией государственности в самой Ногайской Орде. Происходило падение военного значения выездов: если в XVI в. ногайские мирзы выезжали в Россию со своими военными отрядами, то в XVII в. их сопровождал только небольшой штат домашних слуг. Падению веса ногайской знати в глазах московского правительства, как отмечает А.В. Беляков, способствовали частые случаи бегства знатных ногайских выходцев за пределы России [8, с. 135].

Несмотря на общий упадок статуса ногайской знати, ногайское (ордынское) происхождение вплоть до петровских преобразований, отмечает А.В. Беляков, оставалось престижным [8, с. 132]. Московское правительство проводило политику по интеграции Эдигеевичей в состав общерусской служилой элиты. Перешедшие в православие ногайские выходцы зачислялись в Государев двор и получали высшие московские чины стольников и московских дворян. Более быстрой их интеграции в московскую элиту способствовали заключения браков с представительницами знатных русских служилых родов; причем эти браки, как показывает автор, «явно задумывались в Кремле» [8, с. 203].

Однако далеко не все потомки Эдиге, согласно наблюдениям А.В. Белякова, смогли сделать успешную карьеру в Московском государстве. Большинство их к концу XVII в. затерялось среди численно разросшихся стольников и дворян московских, а некоторые из них стали входить в состав Государева двора в чинах стряпчих и жильцов как второстепенная служилая знать. Многие ветви рода пресеклись на протяжении XVI–XVII веков. А.В. Беляков отмечает видное положение в государстве в XVII в. лишь нескольких ногайских родов: проживавших в Романове Кутумовых и Юсуповых, представителей рода Шейдяковых и особенно Урусовых. Последние, констатирует автор исследования, были единственным ногайским родом, достигшим высших придворных и думных чинов. В качестве главной причины карьерного успеха Урусовых А.В. Беляков справедливо указывает их важные родственные связи с кланами Годуновых и Романовых.

Монография А.В. Белякова раскрывает самые различные стороны жизни представителей ногайской знати в России XVI–XVII вв.: их происхождение, родственные связи, служебную деятельность, землевладение и другие формы материального обеспечения, отношение к религии, частную жизнь и т. д. Перед нами фундаментальное просопографическое исследование по истории ногайского рода, представители которого сыграли видную роль в истории России.

Можно высказать по работе небольшие замечания и пожелания. В пояснении нуждается определение понятия «элиты» применительно к изучаемой автором монографии ногайской знати. С одной стороны, автор подразумевает под элитой круг лиц, приближенных к русской правящей династии, участвовавших в делах управления государством (членов Государева двора), то есть речь идет здесь о правящей элите Русского государства. Но, с другой стороны, автор указывает на наличие татарской знати неправославного исповедания, в состав Государева двора никогда не включавшейся. Последние, пишет автор, «безусловно подпадали под понятие элит» [8, с. 9], однако следовало бы дать более четкое определение этой элиты (национальная элита, местная элита и т. д.).

Вряд ли можно вслед за автором монографии говорить о трансформации статуса Шейдяковых в конце XVI в. из князей служилых в дворяне московские [8, с. 71, 244]. Как показал А.Л. Станиславский, упомянутые в боярском списке 1588/89 г. лица по особым княжеским рубрикам («князья служилые», «князья Ростовские» и др.) уже принадлежали к чину дворян московских [37, с. 129].

Автор отмечает нерегулярность выплаты денежных окладов в XVII в. представителям ногайской знати, однако это было характерно для всех категорий служилых людей.

Можно было бы несколько расширить круг источников для изучения землевладения ногайской знати и, в частности, использовать материалы Приказа сбора ратных людей 1638 года.

Высказанные замечания носят либо частный характер, либо характер пожеланий и не могут повлиять на общую высокую оценку работы А.В. Белякова. Его монография вно-

сит новый, значительный вклад в изучение положения тюркской знати в общественно-политической структуре Московского государства XVI–XVII вв., и ее появление, бесспорно, является крупным событием в отечественной историографии.

Стратегии инкорпорации: государственная политика и действия мигрантов

(М.В. Мусеев)

Для истории России в XVI–XVII вв. характерна постоянно увеличивающаяся роль миграции, в рамках которой в правящую элиту и служилое сословие влилось заметное количество тюрков-мусульман. Правящие круги Русского государства выработали основную стратегию инкорпорации данной группы. В этой политике мы можем выявить оперативную инкорпорацию, в рамках которой инкорпорируемая группа сохраняла свою идентичность полностью. Они жили компактно и не были включены в общую систему регулирования и учета. Полная же инкорпорация наступала в случае принятия православия, после которой инкорпорируемый включался в общую систему регулирования и институты управления.

Эта проблематика давно привлекла пристальное внимание историков. Особенно плодотворно ее разрабатывают в последнее время. Выезды ногаев на службу в Московское государство впервые были рассмотрены В.В. Трепавловым [38; 39]. А.В. Беляков посвятил истории Чингисидов в России XV–XVII вв. специальное исследование, И.В. Зайцев проанализировал персоналии служебной группы великокняжеских татар [2; 7; 16]. Однако приходится признать, что многие вопросы еще остаются неизученными. Особенно это заметно на примере такой массовой группы иммигрантов, как выходцы из Ногайской Орды. Не всегда понятны обстоятельства выезда, генеалогические связи, условия их жизни и службы, брачные и карьерные стратегии, которые они избирали на новой Родине.

Новая монография А.В. Белякова продолжает серию исследований автора, посвященных изучению процесса интеграции мусульманской выездной знати в состав правя-

шего класса Московского государства. Структура книги логична и проистекает из поставленных исследовательских задач. Рецензируемое произведение состоит из введения, трех глав, заключения и документального приложения. Во введении автор рассматривает историографию и источники изучаемой проблемы, первая глава посвящена выездам и генеалогии ногайских родов, осевших в России, во второй главе – материальное содержание, а в третьей – жизнь и служба ногаев на новой Родине.

Во введении автор делает ряд необходимых теоретических замечаний. Элиту А.В. Беляков понимает довольно широко: «...как круг лиц, приближенных к правящей династии и регулярно используемый в делах управления и войны» [8, с. 9]. Конкретно-исторически элита Московского государства состояла из лиц, жаловавшихся думскими и московскими чинами, – члены Государева двора. Автор отмечает, что в рамках этого жесткого определения выезжая знать, которая сохраняла определенную обособленность даже после принятия православия, составляет некоторое исключение [8, с. 9]. Однако это кажущееся противоречие. Дело в том, что элита в рамках политического подхода – это круг лиц, обладающих реальной властью или влиянием на политические процессы вне зависимости от личных деловых или моральных качеств. Выезжая знать обладала и реальной властью, и влиянием на те или иные политические процессы, поэтому мы можем ее смело причислять к элите Московского государства.

А.В. Беляков отмечает, что «статус русских княжеских родов ногайского происхождения имеет ярко выраженные особенности в допетровской Руси» [8, с. 10]. Потомки Эдиге в Москве имели высокое положение, но уступали и великому князю / царю, и Чингисидам, и были близки по положению к служеным (служилым) князьям. Исследователь предлагает два методических указания, которые повышают эффективность поисковой работы при изучении довольно многочисленной группы выходцев из Ногайской Орды. Во-первых, ориентироваться на наличие княжеского титула и «восточного» родового прозвища; во-вторых, на данные различных родословных росписей потомков Эдиге [8, с. 10–11].

Сильной стороной книги, вне всяких сомнений, является то, что автор приложил титанические усилия по выявлению максимального числа ногайских выходцев. Эта работа осложнялась несколькими факторами. Во-первых, информация рассеяна по многочисленным документам, которые отложились в архивохранилищах разных городов. Автору приходилось просматривать большое число документов, выясняя факты жизни и деятельности своих персонажей. Во-вторых, эти сведения мозаичны и не создают последовательной картины истории ногайских родов в Московском государстве. А.В. Беляков постарался воссоздать полные генеалогии этих работ, проанализировал и те персоны, которые не имеют однозначной атрибуции тому или иному ногайскому роду. Автор рассмотрел и брачные стратегии ногаев. Все это позволило ему воссоздать довольно полную картину генеалогических связей знатных выходцев из Ногайской Орды на новой Родине.

Особое место в исследовательском очерке А.В. Белякова занимает анализ материального положения героев своих исследований. В книге проанализированы поместные оклады и годовое денежное жалование, поместный корм и питье, землевладение, а также различные единовременные дачи (на приезд, дворовое строение, конский корм, дрова, свечи, на платье, за принятие православия и т. п.). Кроме этого, автор проанализировал материальное содержание ногайских мирз, находившихся в опале, и поденный корм находившихся в монастыре. Подобное исследование позволяет не только выяснить экономическое положение российских ногаев, но и прояснить царскую политику по отношению к выходцам из исламских стран. Еще одним следствием подобного изучения является выяснение мира вещей, окружавшего персонажей книги, что является необходимым для дальнейшего изучения проблематики бытовой культуры и истории повседневности Московского царства.

В третьей главе автор стремится реконструировать жизнь и службу выезжих ногаев. В определенном смысле в ней подытоживаются исследования, проведенные в предыдущих главах. Автор вновь возвращается к анализу выездов и браков, о чем писал в первой главе. Впрочем, в этих разделах А.В. Беля-

ков концентрируется на анализе процедур и стратегий, что не позволяет говорить о простом повторении уже изложенного материала. Далее автор рассматривает службы, частную и религиозную жизнь своих героев, а также криминальные факты их биографий. Замечательно, что и рядовые участники военных отрядов выезжих ногаев стали объектом изучения. Все это позволило создать уникальное по своей полноте исследование.

В целом сильные стороны новой книги А.В. Белякова говорят сами за себя, но есть и замечания. Главным образом они касаются стиля изложения материала и относятся к архитектуре текста, а также к некоторым формулировкам, использованным в книге. Например, я бы воздержался определять Исмаила убийцей Юсуфа, так как этот факт не установлен со стопроцентной точностью, и предпочел бы говорить о его причастности к убийству. Определение все того же Исмаила узурпатором в принципе не верно, так как в постордынских государствах отсутствовала система линейного наследования власти от отца к сыну. Наследование бийского достоинства происходило в рамках правящего рода, к которому Исмаил принадлежал и был, кстати, ближайшим по порядку наследования после Юсуфа. Поэтому стоило бы отказаться от термина «узурпатор». Кроме отмеченных замечаний обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев текст написан неряшливо, изложение материала может быть сбивчиво и путано. Например, в рассказе о Петре и Афанасии Шейдяковых автор сначала пишет о Петре, затем прерывается и повествует об Афанасии, а потом вновь возвращается к Петру. Такой подход вряд ли может считаться удачным. В ряде случаев автор делает смелые предположения, которые ничем не обоснованы. Так, А.В. Беляков сначала делает предположение, что Фатима (жена казанских ханов Али и Мухаммед-Эмина) выехала в Россию, а затем решительно выдает ее замуж в 1519 г. за Шах-Али, и далее она принимает участие в событиях 1535 года. Учитывая, что первые упоминания о ней фиксируются в 1480-х гг., то даже при самых скромных подсчетах Фатима превращается в политического долгожителя, который действует около 50 лет. Все это заставляет нас усомниться в отождествлении

Фатимы – жены Мухаммед-Эмина и Фатимы – жены Шах-Али. Оснований для этого нет никаких, кроме как совпадение имен, но и имя не самое редкое. Автор, конечно, призывает к осторожности, но тем не менее такое тождество он допускает как возможное. Далее автор пишет о «гостевых браках» в Ногайской Орде и Сибирском ханстве, но никаких доказательств в пользу этого наблюдения не приводит. Хотя само явление крайне любопытное и нуждается в обстоятельном исследовании, возможность подобных браков может быть обоснована различными брачными стратегиями. Например, на иранских материалах нам известны так называемые временные браки (сигэ) [10].

Однако сделанные замечания не отменяют того факта, что теперь у нас в руках наиболее полное исследование по истории потомков Эдиге в России XVI–XVII веков. Одно из очевидных достоинств книги заключается в том, что создана база данных, опираясь на которую можно проводить дальнейшие изыскания об Эдигеевичах в России. В исследовании показаны не только государственная политика по отношению к ногайской знати, но и их личные стратегии, направленные или на интеграцию в новое общество, или, наоборот, на сохранение своей идентичности и обособленности. В конечном счете инкорпорация – это не дорога с односторонним движением, она становится возможной только в случае согласия инкорпорированного стать частью нового социума.

**Научная монография
и справочное издание: находим различия
(Б.Р. Рахимзянов)**

Давно находясь в жаркой тропической стране и занимаясь в последнее время не самой средневековой историей, а ее использованием и интерпретациями в Новейшее время, я был немало удивлен, когда на мою почту пришло приглашение от уважаемого и читаемого журнала принять участие в дискуссии по книге А.В. Белякова. Тем не менее, просмотрев редакционный совет приглашающего издания, решил принять приглашение, тем более что и автор, и тематика мне хорошо знакомы.

Многие нюансы истории взаимоотношений наследников Золотой Орды с русскими

княжествами и представителями их элит исследованы далеко не в полной мере. Здесь сказывается ситуация с источниковой базой, которая на данный момент опубликована далеко не вся, а доступ к архивным документам не так прост. Даже посольские дела, множество которых находится в коллекциях Российского государственного архива древних актов в столице РФ, все еще ждут своего публикатора. Однако положение дел постепенно начинает меняться.

В этой ситуации у исследователя, непосредственно работающего с документами из архивных собраний, появляется сильный соблазн ознакомить более широкую аудиторию с результатами своих, по сути, источниковедческих штудий. Это нередко приводит к перегруженности исследований фактами, мелкими нюансами, незначительными персонажами и подробностями, которые мало что добавляют к генеральной идее работы, если таковая вообще присутствует. В итоге мы часто получаем тексты описательного характера: в отношении истории Золотой Орды и ее наследных государств еще много «непроработанного» материала, и это нередко приводит к его введению в оборот в виде подробных статей или даже монографий по отдельным сюжетам позднесолотоордынской истории (к примеру: [15; 22] и многие др.).

В этом плане можно задуматься над концептуальным вопросом: а что вообще собой представляет научная монография и есть ли отличия между ней и справочным изданием? Многие исследователи отметут данный вопрос с негодованием: если ученый провел большое количество времени в архиве и желает ознакомить научный мир с результатами своих штудий и эти результаты по объему представляют собой внушительный труд (а 324 страницы – это немало), то о чем может идти речь? Это и есть монография. Я же думаю, что неспроста нас учили при написании диссертаций различать научную литературу и библиографические и справочные издания.

В аннотации автор монографии А.В. Беляков заявляет, что «представленная работа позволяет понять, *на каких принципах* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Б. Р.) основывалась политика по отношению к представителям неправославных национальных элит.

Полученные результаты могут быть использованы для исследования иных групп неправославного населения Московского государства в допетровский период» [8, с. 2]. Достаточно серьезная заявка на вклад в историографию российского Средневековья.

Из 324 страниц характеристике источников и историографии посвящено лишь 10. Наверное, согласно логике автора, это понятно, ведь основную работу с источниками проводит он (по сути, весь его текст – это «популярное источниковедение»), а вдаваться в дебри историографических штудий других исследователей не так интересно (обзор исследовательской литературы неполный, а зарубежная историография почти отсутствует, что так легко выдать за патриотизм – какой смысл читать этих иностранных исследователей, если они все равно ничего путного не напишут? Придерживающихся же противоположного подхода легко обвинить в наличии «родовой травмы» [3, с. 197]). Основная масса текста книги посвящена различным, зачастую весьма «микроисторическим» нюансам выезда представителей ногайской знати в Московское государство и жизни в нем. Солидному приложению, столь любимому автором монографии и в своих предыдущих творениях, посвящено 25 страниц. Указатели, именной и географический, также не обделены объемом – 29 страниц.

Интересно, что даже введение к книге в основном содержит фактографические данные, перечисления, мелкие детали. Концептуальных вопросов оно не ставит. Для чего автор писал свою книгу? Какую цель он ставил и какие задачи помогли ему в разрешении исследуемой проблемы? Все это остается в зоне догадок читателя. Складывается впечатление, что целью является переложения архивных данных в более-менее популярную форму (хотя по стилю монографию нельзя назвать увлекательным чтивом). То же самое можно сказать и о заключении. Автор попросту пересказывает в краткой форме содержание основных глав – это абсолютно нормальный прием, если за этим следуют какие-либо концептуальные выводы. Но их нет.

Трудно говорить о самом тексте книги, так как он вновь представляет собой бесконечное перечисление фактов. Автор явно пе-

реработал огромное количество архивной информации и «растворился» в ней, пытаясь проделать то же самое и с читателем. Иногда, как в главе «Выезды и генеалогия», эта информация разбавлена какими-то рассуждениями автора, а иногда, как в главе «Материальное содержание», идет просто сухая статистика – когда, кому, сколько «учинили» помещный оклад или годовое жалование. Но не стоит думать, что в книге все так скучно. Мы становимся свидетелями удивительных и увлекательных сюжетов, как, например: сколько ведер «меда паточного и княжего» назначили тому или иному представителю ногайской знати в день [8, с. 147], какое количество дров выдавалось на его содержание [8, с. 176], что именно – «вино горячее» или «солод ячный» (или все это вместе) – выдавалось ногаям «на свадьбу» [8, с. 187], или что «Василию Урмаметеву принадлежали: полотняный шатер; сукно настрафильное червчатое; палаш; конская упряжь; сафьяновое седло; санная полть; хомут с лисьими хвостами; колымажное сукно; порченые латы; задняя доска от лат; 2 шишака; сабля “люцкая”; 3 седла “люцких”; сумка» [8, с. 209].

Если бы автор монографии ясно и внятно обозначил свое поле как микроисторию и/или историю повседневности и почитал бы исследовательскую литературу о том, как эти темы следует раскрывать, его работы были бы бесценны. Однако заявленное им в аннотации явно говорит нам о том, что свою роль в историографии российского Средневековья автор книги видит иначе. То же самое можно сказать и про заключение работы: «Сделанные нами (sic! – кем «нами»? В авторах книги я вижу только одного человека. – Б. Р.) наблюдения важны не только в рамках изучения *истории бытования в Московском государстве князей и мирз ногайского происхождения* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Б. Р.), они также позволяют более детально проследить, как осуществлялась инкорпорация тюркской знати в состав православных служилых элит, какие сигналы им посылали власти и как на них реагировали знатные мусульмане и недавние новокрещены» [8, с. 250]. Если с первой частью фразы («история бытования...») – она в книге представлена неплохо) я, пожалуй, соглашусь, то разработка про-

блемы, принципов и механизмов «инкорпорации тюркской знати в состав православных служилых элит» в работе находится в зачаточном состоянии.

В монографии имеются примеры «осовременивания» средневековых явлений: «...хотя были и отдельные примеры проявленного ими (ногайскими мирзами и князьями. – Б. Р.) героизма в борьбе за будущее их новой родины (Михаил Канаевич Тинбаев)» [8, с. 244]. Думаю, понятие «героизм» если и присутствовало в умах героев книги, то имело для них явно другой смысл, нежели для самого автора; то же самое можно сказать про термин «родина».

Подведем итоги. Перед нами – справочное издание, «популярное (насколько это позволяет тяжелый авторский стиль) источниковедение», по форме представленное как научная монография (это в полной мере применимо и к другим произведениям данного автора). Безусловно, научность в данном издании присутствует, ведь перед тем как перейти к финальной фазе работы историка – каким-либо выводам, предварительно необходимо поработать в архивах и из полученной информации сложить какой-никакой нарратив, из которого впоследствии можно будет извлечь концептуальные посылки. С этой задачей – архивные штудии – автор справился. Однако часто именно это и становится проблемой для многих исследователей, проводящих изрядное количество времени за поиском и разработкой архивных документов, – они «застревают» на этой стадии. Что же касается вопроса: «А для чего нам представленный фактографический нарратив?», который каждый историк должен задавать себе всякий раз, когда намеревается что-либо исследовать и тем более опубликовать, то складывается впечатление, что он автора не интересовал. Для него, видимо, ответ сам собой разумеющийся: – «Для науки». Наука при этом бывает разная, как ни удивительно это звучит для некоторых. Остается только надеяться, что когда-либо, как выразился когда-то автор данной монографии, «интерпретаторы найдутся». А возможно, что и сам автор представленной книги дойдет в своих исследованиях до аналитики, возвысившись над источниковым материалом. Пути Господни неисповедимы...

**Роль потомков эмира Эдиге
в Русском государстве XVI–XVII веков**
(А.В. Сергеев)

Книга А.В. Белякова представляет большой интерес в контексте изучения «служилого сословия» Московского государства, а также развития институтов власти, внутренней политики, социальных отношений. Рассмотренные роды происходили от одного предка – эпического героя Эдиге (Едигея), жившего во второй половине XIV – начале XV века. К сожалению, в книге только один раз упомянут эпос «Эдиге» [8, с. 241] и нет ссылки на издание этого замечательного произведения [42]. В XVI в. некоторые потомки Эдиге перешли на службу к московскому государю. А.В. Беляков выяснил общие и особенные характеристики, эволюцию социального статуса «выезжих» ногайских семей, роль в русском войске, пути интеграции в «служилое сословие» Московского государства. Фундаментом исследования является самая большая по объему первая глава, посвященная выездам в Русское государство и генеалогии ногайцев. Автор выделил 25 родов, считавших своим предком Эдиге [8, с. 25–26]. По оценке А.В. Белякова, в общей сложности известны более 200 потомков Эдиге, но точное число в настоящее время определить не представляется возможным.

Во второй главе приведены результаты исследования материального содержания проживавших в Московском государстве ногайских мирз и князей. Текст в данной части книги перегружен перечислениями различных видов пожалований. Подобный материал удобнее воспринимать в табличной форме. А.В. Беляковым сделан вывод: «Русские власти стремились по возможности прагматично подходить к тратам на потомков Эдиге в России. Наиболее значительным материальное содержание, по-видимому, было в XVI веке. На протяжении XVII в. происходит его постепенное сокращение» [8, с. 192].

В третьей главе книги рассмотрен ряд аспектов повседневной жизни потомков Эдиге в Русском государстве. Кроме этого, оценена роль ногайских отрядов в обеспечении обороноспособности страны [8, с. 193–241]. Анализ местнических конфликтов показал, что служившие московским государям лица из

ногайских родов фактически стояли вне института местничества. За 150 лет выявлены «только три дела о местничестве с участием ногайских князей» [8, с. 217].

В заключении к книге приведены основные выводы исследования [8, с. 243–250]. Наиболее важными, на мой взгляд, являются следующие: на протяжении XVI–XVII вв. «статус Эдигеевичей в России претерпел значительные изменения. При этом четко прослеживается некая разделительная черта – до и после Смуты» [8, с. 243]; во 2-й половине XVI в. принявшие христианство ногайские князья были наделены крупными поместьями; в Романовском уезде сформировался центр компактного проживания ногайских мирз и их военных отрядов, просуществовавший более столетия; начиная с середины XVI в. ногайские мирзы со своими отрядами регулярно участвовали в войнах, которые вел московский царь, но «преувеличивать их значение в победах русского оружия все же не стоит»; ключевое значение для инкорпорации ногайских выходцев «в высшую страту служилых людей Московского государства» имело принятие ими православия; «первоначально знатные ногайские выходцы отождествлялись в России как одна из разновидностей служилых (служебных) князей. Но в начале 1590-х гг. в их статусе происходит значительное изменение. Они теряют положение служебных князей и трансформируются в дворян по московскому списку и стольников» [8, с. 244]; «рубеж XVII–XVIII вв. стал логическим завершением истории Эдигеевичей в России. Этот род дал множество представителей, прославившихся в различных формах деятельности на благо страны, ставшей им новой родиной» [8, с. 250].

В приложении к исследованию приведены тексты 16 грамот и извлечений из документов, хорошо иллюстрирующих и дополняющих наблюдения автора.

В целом, отмечая высокий научный уровень книги А.В. Белякова, следует сделать ряд замечаний.

Прежде всего, название книги не вполне отражает содержание. Кого из ногайских выходцев можно отнести к знати? Вероятно, сравнительно небольшой круг фамилий, принявших православие, успешно интегрировав-

шихся в «служилое сословие» Московского государства, занявших видные места в Государевом дворе. Значительное число лиц ногайских родов сохраняли иную конфессиональную принадлежность. В этих случаях «инкорпорация» в служилое сословие Московского государства оставалась неполной. Возможно, к знати можно также причислить кого-то из этих лиц, имевших авторитет среди соплеменников и осуществлявших представительские, административные функции в местах поселений ногайцев в России. А остальные, коих было большинство? Можно ли их считать знатью? Социальной стратификации ногайцев в книге уделено мало внимания. А.В. Беляков постулирует, что рассматриваемые в книге лица «относились к высшей и средней страте служилых людей», но ничего не говорит о критериях этой классификации и о выделении самих страт [8, с. 18]. В основу работы положены родословия, а не социальная стратификация тех или иных родов в Русском государстве. Указанный подход делает книгу прежде всего родословным справочником и в меньшей степени исследованием социальной эволюции ногайских выходцев и особенностей этого процесса. Кроме того, в этом случае неизбежны отдельные повторы в тексте: некоторые факты использованы в описании родословий, а затем повторены при характеристике аспектов социальной жизни ногайских семей в следующих главах [8, с. 77, 202].

Автор не использует общепринятые сокращения при оформлении ссылок. Описания источников и публикаций приведены всегда полностью. Такой прием неоправданно увеличивает объем текста и неудобен при частом упоминании одних и тех же работ.

В параграфе об исторических источниках А.В. Беляковым родословные книги учтены только по публикациям. Оставлена без внимания важная редакция «в 81 главу» [11, с. 60, 63; 33, с. 348–270]. Один из списков этой редакции содержит особую главу «Нагайских мурз и князей» [28, л. 172–196 об.].

Автором мало использованы и не охарактеризованы в описании источников «жилицкие списки», хотя А.В. Беляков указывает, что отсутствие «детей некоторых князей ногайского происхождения» в боярских книгах объясняется их службой в жильцах [8, с. 115].

Автор редко использует рукописи дошедших до нас писцовых книг конца XVI – первой половины XVII века. А.В. Беляков часто цитирует работу А.В. Антонова с подробным описанием писцовой книги Романовского уезда 1590-х гг. [1], но непосредственно к текстам писцовых книг 1590-х, 1620-х гг. этого района компактного проживания ногайских мурз и князей не обращается.

В писцовых книгах Ярославского уезда указаны среди землевладельцев Шейдяковы и подробно описаны их владения, а также поместье и вотчина князя В. Мамаева [26, л. 472 об.–474 об.; 27, л. 1441–1473 об., 1489–1534 об.]. Кроме того, упоминается прежнее владение «князь Ондреевского поместья Урусова, а наперед ево было за отцом князь Федоровым за князь Ортемьем Шейдяковым в поместье» [27, л. 1507 об.–1522]. Указанные тексты более информативны, чем использованные А.В. Беляковым отрывочные сведения из работ О.А. Шватченко [8, с. 173].

А.В. Беляков утверждает, что «Романовский уезд взяли в опричнину, но мирзы в ней никогда не упоминаются» [8, с. 154]. Взятие в опричнину данного района целиком или частично вполне вероятно, но определенных сведений об этом нет. В данном случае автору следовало привести ссылку на источники или сформулировать это высказывание как собственную гипотезу.

А.В. Беляков предложил идентифицировать погребенную в Троице-Сергиевом монастыре княгиню-инокиню Ольгу Шейдякову как дочь князя Петра Тутаевича Шейдякова и справедливо указал, что «в таком случае не объясняется, почему она названа княгиней» [8, с. 72]. Из приведенных данных можно заключить, что в монастыре была похоронена жена князя Петра Тутаевича княгиня Ксения Борисовна. Перед кончиной она, по-видимому, постриглась под именем Ольга.

Спорным является отождествление А.В. Беляковым указанной в синодике Чудова монастыря княгини Анны Шейдяковой с супругой лица из знатной, но нетитулованной фамилии Бутурлиных. Автор в данном случае справедливо задается вопросом: «Непонятно, почему супруга Бутурлина названа княгиней» [8, с. 77, 202]. В поминании, вероятно, указана родственница Бутурлиных, выданная за кого-то из князей Шейдяковых.

Высказанные замечания, прежде всего, направлены на выявление содержащегося в источниках потенциала для дальнейшего исследования интересной и важной темы обсуждаемой книги и не затрагивают ее основного содержания и выводов. Наблюдения, обобщения, сделанные А.В. Беляковым в исследовании судеб ногайских родов в Русском государстве XVI–XVII вв., являются существенным вкладом в отечественную историческую науку.

**Коллективные родословные
ногайской знати в Средние века:
генеалогия и просопография
(Н.В. Рыбалко)**

В течение трехвекового периода изучения истории Средневековой России каждая новая монография приковывает к себе пристальное внимание ученых и любителей истории, вызывает оживленные дискуссии. Заметным событием стало появление новой книги А.В. Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» [8].

Несмотря на общемировую практику, ведущую свои истоки с XIX в., активное использование в Европе с 1920–30-х гг. и теоретическое оформление основных принципов к 1970-м гг. [31], в России метод просопографии активно стал реализовываться только с 1990-х годов. Познакомившись с более 5 000 публикаций, Ю.Ю. Юмашева отметила, что в настоящее время метод просопографии реализуется в двух видах исследований: 1) при изучении «динамических явлений, происходящих в определенный период времени с группой исследуемых объектов, обладающих хотя бы одной общей характеристикой»; 2) при изучении «коллективных биографий» социальных групп и страт [43, с. 3].

В исследовании о ногайской знати А.В. Беляков демонстрирует успешное сочетание генеалогического метода и просопографии, хотя о просопографическом методе в данной работе автор ни разу не упоминает. Им не только восстановлены поколенные и горизонтальные связи, но и выяснена роль представителей ногайской знати в событиях Московского государства, влияние родственных связей на политические и международные процессы, в частности, как отметил автор, на такой важ-

ный процесс, как «формирование служилой страты Русского государства в предпетровскую эпоху» [8, с. 132]. Таким образом, данное исследование вполне можно охарактеризовать как просопографическое, где изучается такое динамическое явление, как интеграция ногайской знати в русское общество на протяжении XVI–XVII веков. Стоит отметить, что за время своей научной деятельности Андрей Васильевич Беляков показал умение работать как в жанре составления отдельных биографий [5; 6; 7], так и коллективных [2; 4].

Современные тенденции, связанные с историей повседневности, гендерным анализом, активно развивающиеся в исторической науке в последние два десятилетия, нашли отражение в первом же параграфе первой главы монографии А.В. Белякова: женский вопрос – о «выезжих» женах татарских царей и царевичей. Показательно это еще и потому, что история Средневековья – по большому счету история мужская, женщинам отводилась второстепенная роль в обществе: их жизнь и деятельность не были связаны с войнами, политическими вопросами, государственным управлением и службой, наследованием собственности (кроме вдовьего удела), причастностью к составлению каких бы то ни было текстов. Генеалогические древа, как правило, тоже ориентированы на родство по мужской линии. Однако, несмотря на слабое отражение «женской истории» в документах, родственные отношения по женской линии требуют особого изучения, это дает понимание личных контактов, служебных назначений, и, как отметил А.В. Беляков, изучая историю ногайских татар, «через браки устанавливались международные союзы и продвигалось ногайское влияние» [8, с. 28].

Ввиду отсутствия источников сводного характера исследование становится возможным только в результате кропотливого, систематического изучения исторических документов путем их сплошного просмотра. И чем больше ученый работает, тем больше материала накапливается. А.В. Беляков в науке уже более 25 лет. Плодотворные архивные разыскания дают свой результат.

Тщательную работу А.В. Белякова с документами следует отметить особо: присут-

ствует критический анализ фактических свидетельств, прослежена генетическая связь текстов, выявлены элементы фальсификаций как материального подлога, совершенного, по предположению автора, известным фальсификатором А.И. Сулакадзевым, так и интеллектуального – современниками или потомками. Ученый на конкретных примерах показал, что часто фальсифицировались именно данные родословных книг, которые к тому же содержат далеко не полную информацию, ее обязательно следует сопоставлять и перепроверять по летописям, разрядным, посольским и писцовым книгам, делопроизводственной документации монастырей, данным некрополей и т. д.

Истина в деталях. А.В. Беляков не идет от уже сложившихся концепций и обобщений, не подтверждает данными источников «единственно верную» или какую-либо еще теорию. Он как настоящий глубокий исследователь идет от фактов, заключенных в источнике, четко разделяя те, в которых ученый уверен, и те, на которых можно только построить гипотезу. Именно фактами обосновываются выводы. Это оригинальное, добротное исследование.

В отличие от изданий справочного характера, исследование А.В. Белякова не ограничивается лишь собранными по фамилиям и персоналиям биографическими данными. Показаны родственные связи, личные контакты, служебные назначения. Красной нитью сквозь исследование проходят наблюдения о русской и татарской традиционности, религиозной и культурной интеграции.

Отдельная тема, которая проходит через все исследование А.В. Белякова, – это татарская ономастика: происхождение имен, родовых фамилий и прозвищ, вариативность их упоминаний в документах, идентификация исторических личностей по именам и прозвищам. Очень интересная проблема. Автору данных строк тоже пришлось с этим столкнуться при собирании биографий дьяков и подьячих Московского государства [30].

В монографии отмечен ряд динамичных процессов, происходивших на протяжении XVI–XVII вв., как то: выдача поденного корма, изменение отношения к ногайским князьям с переходом в православие и др. Но очерковый принцип монографии не дал возможно-

сти показать, как менялось положение ногайской знати в зависимости от того, кто стоял во главе Московского государства (информация рассредоточена по всему исследованию), какими нормами права регулировалось материальное обеспечение ногайских князей, кроме жалованных грамот, соответствовали ли индивидуальные пожалования общегосударственным нормам и с какими категориями лиц Государева двора они были сопоставимы. Иными словами, что в интеграции «выезжей» ногайской знати можно считать константой, а что переменной, и зависела ли динамика процессов от политики главы государства. Заключение построено как раз по такому хронологическому принципу.

Ни одно просопографическое исследование периода Средневековья никогда нельзя будет назвать полностью завершенным только потому, что работа с архивными документами требует личного присутствия ученого в архиве (решение проблемы – оцифровка документов), физически невозможно одному человеку охватить весь массив документов (решение – коллективная работа), часто в просопографических исследованиях ученые обращаются к одним и тем же документам, игнорируя предыдущие исследования (оптимальный выход – открытая просопографическая база). Все эти вопросы периодически поднимаются на научных семинарах, конференциях и в публикациях. Их решение возможно только путем объединения усилий больших коллективов с единым координационным центром и долгосрочным финансированием.

Остается пожелать Андрею Васильевичу Белякову дальнейшей плодотворной работы и успешной реализации новых проектов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А. В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 574–601.
2. Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
3. Беляков А. В. Москва и татарский мир – доноры и реципиенты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 196–201.

4. Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с., ил.
5. Беляков А. В., Трепавлов В. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.
6. Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусайтов: Опыт совместной биографии. Алматы: АБДИ Компани, 2019. 206 с.
7. Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 408 с.
8. Беляков А. В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М.: Старая Басманная, 2023. 324 с.
9. Бенцианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 304 с.
10. Березина А. В., Хушкадамова Х. О. Иранское общество: институт временного брака // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2024. № 5. С. 189–198. DOI: 10.31696/S086919080032084-9
11. Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975. 215 с.
12. Вашкау Н. Э., Герман А. А., Иванова Т. Б., Кринко Е. Ф., Сидоров С. Г. Дискуссия по книге Крауса Тамаша «Судьба идей в истории СССР и после...» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 272–291. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>
13. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.
14. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
15. Виноградов А. В. Посольства князя М.А. Щербатова в Крым и заключение русско-крымского договора 1594 года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 38–59.
16. Зайцев И. В. Великокняжеские татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Вып. 1. Челябинск, 2022. С. 36–72.
17. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
18. История России в двадцати томах. Т. 5, кн. 1. М.: Наука, 2024. 761 с.
19. Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в допричинный период. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 672 с.
20. Кузьмин А. В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 12. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014–2015.
21. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. 303 с.
22. Моисеев М. В. Ногайско-русские отношения при Исмаил-бие (1554–1563 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 110–127.
23. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове 1584–1605 гг. СПб.: Наука, 1992. 280 с.
24. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 2019.
25. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981. 631 с. (Серия «Литературные памятники»).
26. Писцовая книга вотчинных земель Ярославского уезда 1627–1629 гг. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 549. 768 л.
27. Писцовая книга Ярославского уезда 1627–1629 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 546. 669 л.
28. Родословная книга князя А. И. Лобанова // РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 173. 396 л.
29. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: тексты, переводы, комментарии / под ред. И. О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС. 668 с.
30. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М.: Квадрига : МБА, 2011. 656 с.
31. Рыбалко Н. В. Метод просопографии в изучении средневековой России // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49, № 2–3. P. 264–278.
32. Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел: ОГУ, 2013. 518 с.
33. Сергеев А. В. Родословная книга князя А. И. Лобанова-Ростовского в схемах и таблицах (на примере Ростовских Рюриковичей) // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации: сб. ст. к 70-летию Александра Гавриловича Мельника. М.: Квадрига, 2022. С. 348–370.
34. Сергеев А. В. Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII века: в 2 т. СПб.: ДЕАН, 2023.
35. Сказание Авраамия Палицына / подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 347 с.

36. Скрынников Р. Г. Иван III. М.: АСТ : Транзиткнига, 2006. 285 с.

37. Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.

38. Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 97–109.

39. Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М.: Вост. лит. РАН, 2003. С. 320–353.

40. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

41. Цветкова Н. А., Сергунин А. А., Перевезенцев А. Л., Токарева С. Б. Дискуссия по книге А.И. Кубышкина «Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 5. С. 245–259. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20>

42. Эдиге: Ногайская эпическая поэма. М.: Наука, 2016. 507 с.

43. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1–51. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37566

REFERENCES

1. Antonov A.V. *Zemlevladeltsy Romanovskogo uezda po materialam pistsovoi knigi 1593–1594 godov* [Landowners of the Romanovsky District According to the Materials of the Pistsovaya Book of 1593–1594]. *Arkhiv russkoi istorii* [Archive of Russian History]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2007, iss. 8, pp. 574–601.

2. Beljakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Chinggisids in Russia in the 15th – 17th Centuries: Prosopographical Study]. Ryazan, Ryazan. Mir Publ., 2011. 512 p.

3. Beliakov A.V. *Moskva i tatarskii mir – donory i retsiipienty* [Moscow and the Tatar World – Donors and Recipients]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 2017, no. 9, pp. 196–201.

4. Beliakov A.V. *Sluzhashchie Posolskogo prikaza 1645–1682 gg.* [Employees of the Ambassadorial Office 1645–1682]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 368 p., il.

5. Beliakov A.V., Trepavlov V.V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian Tsareviches in the

History of Russia]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2018. 496 p.

6. Beliakov A.V. *Uraz-Mukhammed ibn Ondan i Isinei Karamyshev syn Musaitov: Opyt sovместnoi biografii* [Uraz-Muhammad ibn Ondan and Isinei Karamyshev Son of Musait: Experience of Joint Biography]. Almaty, ABDI Company, 2019. 206 p.

7. Beljakov A.V. *Simeon Bekbulatovich: primer adaptacii vyhodcev s Vostoka v Rossii XVI v.* [Simeon Bekbulatovich: Example of Adaptation of Easterners in Russia in the 16th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022. 408 p.

8. Beljakov A.V. *Nogajskaja znat v Rossii XVI–XVII vekov* [Nogai Nobility in Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Staraja Basmannaja Publ., 2023. 324 p.

9. Bentsianov M.M. *Gosudarev dvor i territorialnye korporatsii sluzhilykh liudei Russkogo gosudarstva v kontse XV – seredine XVI v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Sovereign’s Court and Territorial Corporations of Service People of the Russian State in the Late 15th – Mid 16th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2000. 304 p.

10. Berezina A.V., Hushkadamova H.O. *Iranskoe obshchestvo: institut vremennogo braka* [Iranian Society: Institution of Temporary Marriage]. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 2024, no. 5, pp. 189–198. DOI: 10.31696/S086919080032084-9

11. Bychkova M.E. *Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskii istochnik* [Genealogical Books of the 16th – 17th Centuries as a Historical Source]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 215 p.

12. Vashkau N.E., German A.A., Ivanova T.B., Krinko E.F., Sidorov S.G. *Diskussiya po knige Krausa Tamasha «Sudba idey v istorii SSSR i posle...»* [Discussion About the Book by Krausz Tamasha “The Fate of Ideas During the USSR History and After...”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 272–291. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

13. Veselovskii S.B. *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevladeltsev* [Research on the History of the Class of Service Landowners]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 583 p.

14. Veselovskii S.B. *Diaki i podiachie XVI–XVII vv.* [Clerks and Sub-Clerks of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 608 p.

15. Vinogradov A.V. *Posolstva kniazia M.A. Shcherbatova v Krym i zakliuchenie russko-krymskogo dogovora 1594 goda* [Embassy of Prince M.A. Shcherbatov to Crimea and the Conclusion of

the Russian-Crimean Treaty of 1594]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 2017, no. 9, pp. 38–59.

16. Zajcev I.V. Velikoknjazheskie tatory v XV – pervoj polovine XVI v. i ih zemlevladienie v Moskovskom krae. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie [Grand-Princely Tatars in the 15th – First Half of the 16th Century and Their Land Ownership in the Moscow Region. Historical and Genealogical Research]. *Sluzhilye i jasachnye ljudi v Rossii XV–XIX vv.: osobennosti zemlevladienija, soslovnye nominacii. Vyp. 1* [Military and Peasant People in Russia of the 15th – 19th Centuries: Features of Land Ownership, Class Nominations. Iss. 1]. Chelyabinsk, 2022, pp. 36–72.

17. Zimin A.A. *Formirovanie boiarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi polovine XVI v.* [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Half of the 16th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 350 p.

18. *Istoriia Rossii v dvadtsati tomakh. T. 5, kn. 1* [History of Russia in Twenty Volumes. Vol. 5, Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 2024. 761 p.

19. Korzinin A.L. *Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichniy period* [Sovereign's Court of the Russian State in the Pre-Oprichnina Period]. Moscow, Saint Petersburg, Alliance-Archeo Publ., 2016. 672 p.

20. Kuzmin A.V. *Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. T. 12* [On the Way to Moscow: Essays on the Genealogy of the Military-Serving Nobility of North-Eastern Rus' in the 13th – Mid-15th Centuries. Vol. 12]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2014–2015.

21. Liseytssev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M. *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: slovar-spravochnik* [Prikazes of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries: Dictionary-Reference Book]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanit. initsiativ, 2015. 303 p.

22. Moiseev M.V. *Nogaisko-russkie otnosheniia pri Ismail-bie (1554–1563 gg.)* [Nogai-Russian Relations During the Bey Ismail (1554–1563)]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 2017, no. 9, pp. 110–127.

23. Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaia borba pri Borise Godunove 1584–1605 gg.* [Tsar's Court and the Political Struggle Under Boris Godunov in 1584–1605]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 280 p.

24. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye liudi tsaria Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie: v 2 t.* [Duma and Chamber People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographical Study. In 2 Volumes]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2019.

25. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with

Andrei Kurbsky]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 631 p. (Seriiia «Literaturnye pamiatniki» [Literary Monuments Series]).

26. Pistsovaia kniga votchinnykh zemel Iaroslavskogo uezda 1627–1629 gg. [Cadastre Book of Patrimonial Lands of the Yaroslavl District in 1627–1629]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (dalee – RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA)], f. 1209, inv. 1, d. 549. 768 l.

27. Pistsovaia kniga Iaroslavskogo uezda 1627–1629 gg. [Cadastre Book of the Yaroslavl District in 1627–1629]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 546. 669 l.

28. *Rodoslovnaia kniga kniazia A. I. Lobanova* [Genealogical Book of Prince A.I. Lobanov]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 181, inv. 2, d. 173. 396 l.

29. Tyumentsev I.O., ed. *Russkii arkhiv Iana Sapegi 1608–1611 godov: teksty, perevody, kommentarii* [Russian Archive of Jan Sapieha from 1608 to 1611: Texts, Translations, and Commentaries]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. RANKhiGS. 668 p.

30. Rybalko N.V. *Rossiiskaia prikaznaia biurokratiia v Smutnoe vremia* [Russian Prikazes Bureaucracy During the Time of Troubles]. Moscow, Kvadruga Publ.; MBA, 2011. 656 p.

31. Rybalko N.V. *Metod prosopografii v izuchenii srednevekovoi Rossii* [Method of Prosopography in the Study of Medieval Russia]. *Canadian-American Slavic Studies*, 2015, vol. 49, no. 2–3, pp. 264–278.

32. Savosichev A.Iu. *Diaki i podiachie XIV – pervoi treti XVI v.: proiskhozhdenie i sotsialnye sviazi. Opyt prosopograficheskogo issledovaniia* [Clerks and Sub-Clerks of the 14th – First Third of the 16th Centuries: Origin and Social Ties. Experiment in Prosopographical Research]. Orel, OGU, 2013. 518 p.

33. Sergeev A.V. *Rodoslovnaia kniga kniazia A. I. Lobanova-Rostovskogo v skhemakh i tablitsakh (na primere Rostovskikh Riurikovichei)* [Genealogical book of Prince A. I. Lobanov-Rostovsky in Diagrams and Tables (Using the Rostov Rurikovichs as an Example)]. *Akroteriy. Problemy istorii, iskusstvovedeniia, arkhitektury i restavratsii: sb. st. k 70-letiiu Aleksandra Gavrilovicha Melnika* [Acrotery. Problems of History, Art History, Architecture and Restoration: Collection of Articles for the 70th Anniversary of Alexander Melnik]. Moscow, Kvadruga Publ., 2022, pp. 348–370.

34. Sergeev A.V. *Kniazheskie familii v Moskovskom gosudarstve vtoroi treti XVI – nachala XVII veka: v 2 t.* [Princely Families in the Moscow State of the Second Third of the 16th – Early 17th Centuries. In 2 Volumes]. Saint Petersburg, DEAN, 2023.

35. Derzhavina O.A., Kolosova E.V., Cherepnin L.V., eds. *Skazanie Avraamiia Palitsyna*

[Tale of Avraamy Palitsyn]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1955. 347 p.

36. Skrynnikov R.G. *Ivan III*. Moscow, AST; Transitkniga Publ., 2006. 285 p.

37. Stanislavskij A.L. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov* [Works on the History of the Sovereign's Court in Russia of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, RGGU Publ., 2004. 506 p.

38. Trepavlov V.V. Tjurkskaja znat v Rossii (nogai na carskoj sluzhbe) [Turkic Nobility in Russia (Nogai in the Tsarist Service)]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 1998, no. 1–2, pp. 97–109.

39. Trepavlov V.V. Rossijskie knjazheskie rody nogajskogo proishozhdenija (genealogicheskie istoki i rannijaja istorija) [Russian Princely Families of Nogai Origin (Genealogical Origins and Early History)]. *Tjurkologicheskij sbornik. 2002: Rossija i tjurkskij mir* [Turkological Collection. 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow, Vost. lit. RAN, 2003, pp. 320–353.

40. Trepavlov V.V. *Istorija Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, Kvadriga Publ., 2020. 1040 p.

41. Tsvetkova N.A., Sergunin A.A., Perevezentsev A.L., Tokareva S.B. Diskussiya po knige A.I. Kubyshkina «Gorod i Mantiya. Amerikanskiy universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva» [Discussion About the Book by A. Kubyshkin “Town and Gown. The American University in the Structure of Civic Society”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 245–259. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20>

42. *Edige: Nogaiskaia epicheskaia poema* [Edige: Nogai Epic Poem]. Moscow, Nauka Publ., 2016. 507 p.

43. Iumasheva Iu.Iu. Prosopografiia: k voprosu o periodizatsii primeneniia metoda v istoricheskikh issledovaniiah [Prosopography: On the Issue of Periodization of the Application of the Method in Historical Research]. *Istoricheskaia informatika* [Historical Informatics], 2022, no. 1, pp. 1–51. DOI: [10.7256/2585-7797.2022.1.37566](https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566)

Information About the Authors

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Director of the Research Institute for Socio-Economic Development of the Region, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tjumencev@mail.ru, tjumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Andrey P. Pavlov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian History from the Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, a.pavlov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-0858>

Maksim V. Moiseev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, maksi-moisee@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>

Bulat R. Rakhimzianov, PhD in History, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, Kazan, Russian Federation, bulatraim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7286-5650>

Anton V. Sergeev, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Industrial Safety, Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Konnogvardeisky Boulevard, 19, 190098 Saint Petersburg, Russian Federation, sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>

Natalia V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

Информация об авторах

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; директор научно-исследовательского институ-

та социально-экономического развития региона, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Андрей Павлович Павлов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.pavlov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-0858>

Максим Владимирович Моисеев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр истории русского феодализма, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, maksi-moiseev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>

Булат Раимович Рахимзянов, PhD in History, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Казань, Российская Федерация, bulatraim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7286-5650>

Антон Вадимович Сергеев, доктор исторических наук, заведующий кафедрой промышленной безопасности, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, Конногвардейский бульвар, 19, 190098 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>

Наталья Владимировна Рыбалко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.6>

UDC 94(47)+930.25+94(477.75)
LBC 63.3(2)5

Submitted: 13.05.2023
Accepted: 13.11.2023

**“SKAZKI” OF LANDOWNERS AND PEASANTS
ABOUT THE DEVELOPMENT OF NOVOROSSIYA
AT THE END OF THE 18th – FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY**

Liliya G. Stepanova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* According to the pace of settlement at the end of the 18th century, Novorossiya occupied a leading position in the country. Until now, primary materials of the General Land Surveying of the late 18th – first third of the 19th centuries have not been involved in the study of the development and settlement of Novorossiya. *Methods and materials.* The basis of the study was economic “skazki” related to rarely encountered initial survey documents. To identify “skazki,” the fund of field notes on the Ekaterinoslav (Novorossiysk) province was studied, and the text of “skazki” was analyzed to search for lost or hidden information. *Analysis.* Compared to other regions, economic “skazki” in Novorossiya are revealed much more frequently. “Skazki” allow us to identify the features associated with the development of Novorossiya, including the absence of large forests, the presence of steppe open spaces for cattle-breeding and fertile chernozems for arable farming. The rivers were of great importance for the region. *Results.* Under the conditions of colonization and the sparsely populated region, the “skazki” of landowners and peasants served as the only source for land surveyors about the state of the land fund, the existing population, and its occupations in individual dacha territories. *Funding.* The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation project No. 22-28-00330, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00330/>.

Key words: Novorossiya, Yekaterinoslav province, General Land Surveying, “skazki” of landlords and peasants, field notes, Economic Notices, territory settlement.

Citation. Stepanova L.G. “Skazki” of Landowners and Peasants About the Development of Novorossiya at the End of the 18th – First Third of the 19th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 72-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.6>

УДК 94(47)+930.25+94(477.75)
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 13.05.2023
Дата принятия статьи: 13.11.2023

**«СКАЗКИ» ПОМЕЩИКОВ И КРЕСТЬЯН
ОБ ОСВОЕНИИ НОВОРОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

Лилия Геннадьевна Степанова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Присоединение к Российской империи в XVIII в. огромных пространств Дикого поля и малонаселенность данной территории вызвали необходимость ее хозяйственного освоения и заселе-

ния. По темпам заселения новый регион, получивший название Новороссия, в конце XVIII в. занимал ведущее положение в стране. До нынешнего времени к изучению освоения и заселения Новороссии не привлекались первичные материалы Генерального межевания конца XVIII – первой трети XIX века. *Методы и материалы.* Основой исследования стали экономические «сказки», относящиеся к редко встречаемым исходным документам межевания. Для выявления «сказок» был изучен фонд полевых записок по Екатеринославской (Новороссийской) губернии, хранящихся в межевом отделе РГАДА. В дальнейшем был проведен анализ текста «сказок» для поиска потерянной информации. *Анализ.* Полевые записки при межевании Екатеринославской (Новороссийской) губернии составлялись землемерами в 1798–1828 гг., но большая их часть относится к первым восьми годам межевания. По сравнению с другими регионами, экономические «сказки» по этой территории выявляются гораздо чаще. Их отличительной особенностью является то, что в роли авторов выступали не только крестьяне, но и помещики. «Сказки» позволяют выявить особенности, связанные с освоением Новороссии, в том числе отсутствие больших лесных массивов, наличие степных просторов для занятия скотоводством и плодородных черноземов для хлебопашества. Большое значение для региона имели реки, которые обеспечивали население обилием рыбой и выполняли важную транспортную функцию. *Результаты.* В условиях освоения региона «сказки» помещиков и крестьян служили для землемеров важнейшим источником о состоянии земельного фонда, имеющемся населении и его занятиях на отдельных территориях-дачах. Сравнительный анализ с текстами Экономических примечаний конца XVIII – начала XIX в. показывает почти дословное использование информации из экономической «сказки». *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330/>.

Ключевые слова: Новороссия, Екатеринославская губерния, Генеральное межевание, «сказки» помещиков и крестьян, полевые записки, Экономические примечания, освоение территории.

Цитирование. Степанова Л. Г. «Сказки» помещиков и крестьян об освоении Новороссии в конце XVIII – первой трети XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 72–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.6>

Введение. В XVIII в. к Российской империи были присоединены обширные территории южных степей. Большая часть земель, располагавшихся на огромных пространствах Дикого поля, в правление Екатерины II стала именоваться Новороссией. Географические границы Новороссии с течением времени менялись. Однако традиционно к ней относилась территория Новороссийской губернии, впоследствии разделенная между Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниями. Причерноморские и приазовские степи обладали большим хозяйственным потенциалом для развития земледелия и скотоводства, крупные реки и моря предоставляли возможность вести рыбный промысел, заниматься торговлей. В 80–90-х гг. XVIII в. более половины всех переселенцев Российской империи оседали в южных губерниях, относящихся к Новороссии [4, с. 259]. Южные территории оставались основными заселяемыми районами страны в первой половине XIX в. [27, с. 53]. В это время шло развитие этой территории, в результате которого сложился уникальный по своему этническому и конфессиональному составу, землеустройству и формам хозяйствования регион.

При изучении заселения и освоения территории Новороссии ранее практически не использовались материалы Генерального межевания, в ходе которого закреплялись границы земельных владений. Особую ценность среди них имеют исходные документы межевания, сведения для которых непосредственно собирались землемерами при проведении межевых работ и впоследствии служили основой для создания итоговых материалов Генерального межевания [10]. В межевом отделе Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) сохранились полевые записки землемеров. Помимо полевого журнала, в котором фиксировался ежедневный ход межевых работ, приказов землемерной команде, присяг поверенных, абрисов местности и других документов, в полевых записках можно встретить экономические «сказки» местного населения о межевавшихся земельных владениях. Целью исследования является анализ экономических «сказок» для изучения процесса освоения Новороссии в конце XVIII – первой трети XIX века. Рамки исследования ограничены территорией Екатеринославской губернии, представляющей значительную

часть земель Новороссии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью привлечения для изучения процесса освоения южных территорий Российской империи ранее неиспользованных источников.

Методы и материалы. Освоение южных территорий, вошедших в состав Российской империи во второй половине XVIII в., до нынешнего времени изучено недостаточно. Среди дореволюционных работ, в которых затрагивалась эта тема, особо выделяются исследования А.А. Скальковского [28] и Д.И. Багаля [1]. К фундаментальным работам, написанным в советское время о заселении и хозяйственном освоении Новороссии, относятся монографии Е.И. Дружининой [3] и В.М. Кабузана [5]. В постсоветской историографии вопросы освоения территории Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний изучались В.Я. Бойко [2]. В дальнейшем отдельные события, связанные с освоением Новороссийского края и становлением управленческих государственных, светских и административно-управленческих структур, рассматривались А.В. Макидоновым [8]. Большую работу по изучению заселения и освоения региона провели авторы фундаментального труда «История Новороссии» [4]. Однако в целом в работах исследователей не использовались материалы Генерального межевания.

Между тем Генеральное межевание, проводившееся в России с 1765 г. вплоть до конца XIX в., вызывает неизменный интерес ученых [32]. Тщательный источниковедческий анализ «Экономических примечаний» к планам Генерального межевания впервые был проведен Л.В. Миловым, представившим исследователям открывающиеся возможности [9]. На современном этапе материалы Генерального межевания используются для изучения социально-экономической истории различных регионов России. Применение новых методов исследования помогает выявить особенности структуры землепользования [7], расселения, развития городов и их территорий [33], создать историко-картографические модели территорий [6]. Однако освоение различных регионов России на основании материалов Генерального межевания рассматривается лишь в немногих работах [34].

В свою очередь Генеральное межевание на территории Новороссии оказывалось

в поле зрения лишь некоторых исследователей. Юридическую основу Генерального межевания на этой территории изучала И.В. Петрова, обратившая внимание на становление системы кадастрового учета [11]. Д.З. Фельдман на основе материалов Генерального межевания Херсонской губернии исследовал еврейскую колонизацию Северного Причерноморья [31].

Среди нечасто используемых исторических источников до нынешнего времени остаются экономические «сказки», собиравшиеся землемерами от местного населения во время проведения межевых работ, которые можно обнаружить в полевых записках землемеров, спорных и мелочных делах. Они служили исходным материалом для составления Экономических примечаний Генерального межевания [10, с. 164–166]. В числе последних таких выявленных документов были «сказки» крестьян, сохранившиеся в полевых записках землемеров по Санкт-Петербургской и Новгородской губерниям [29]. Ранее автором был проведен анализ «сказок», обнаруженных в полевых записках по Таврической губернии, имеющих свои отличительные особенности [30].

Для выявления экономических «сказок» по Екатеринославской (Новороссийской) губернии был изучен фонд полевых записок, хранящихся в межевом отделе РГАДА. В дальнейшем был проведен анализ текста обнаруженных «сказок» по отдельным дачам для поиска потерянной информации из исходных материалов межевания при составлении Экономических примечаний к планам Генерального межевания.

Анализ. В материалах Генерального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Екатеринославской губернии РГАДА сохранились 697 полевых записок землемеров, относящихся к 1798–1828 годам. Основная часть полевых записок составлена в первые восемь лет проведения межевых работ (573 полевые записки или 82,2 %), причем наибольшее количество записок датируется 1802 г. (114 ед. хр.) и 1804 г. (123 ед. хр.). В связи с менявшимся административно-территориальным устройством губернии по охвату территории различных уездов полевые записки землемеров распреде-

ляются неравномерно. Большая их часть описывает процесс межевания дач в Бахмутском (181 ед. хр.), Павлоградском (143 ед. хр.), Екатеринославском (133 ед. хр.), и Новомосковском (93 ед. хр.) уездах. Значительно меньше полевых записок представлено по Ростовскому (56 ед. хр.), Мариупольскому (39 ед. хр.), Славяносербскому (24 ед. хр.), Александровскому (16 ед. хр.) и Верхнеднепровскому (10 ед. хр.) уездам.

Документы, подшиваемые в полевую межевую записку, часто не имеют собственного названия. Однако «сказки» в них выявляются благодаря своей структуре и формализованному тексту, характеризующему местоположение дачи, ее природную среду, качество грунта, воды, виды деревьев, зверей, птиц и рыб на данной территории. Помимо этого, в «сказках» используются устойчивые словосочетания, встречающиеся в Экономических примечаниях («оное селение имеет расположение...», «земля грунт имеет... из посеянного на ней хлеба лучше родится... а прочие семена...», «женщины сверх полевых работ упражняются в домашних рукоделиях» и т. д.). Нередко название документа можно определить по тексту, расположенному в его конце, который предшествует заверяющим его подписям: к «сей экономической сказке руку приложил...».

Анализ экономических «сказок» по Новороссии показывает, их авторами могли выступать не только помещичьи крестьяне и свободные переселенцы, заселявшие этот регион и непосредственно знавшие особенности местности, но и помещики-владельцы земель или их поверенные. Так, при межевании в 1800 г. сельца Башмачка Новороссийского (в последующем – Екатеринославского) уезда подобную экономическую «сказку» сочинял сам помещик Н.С. Завров [18, л. 6–6 об.]. В 1802 г. автором «сказки» стал супруг владелицы сельца Тарасовки Новороссийского уезда титулярный советник С.Д. Дмитриев, подписавший ее по доверенности жены [20, л. 16–16 об.]. Однако в большинстве случаев авторами экономических «сказок» становились поверенные помещиков [12, л. 27; 14, л. 10; 16, л. 26; 17, л. 6], которые прикладывали к ней руку сами или «за неумением грамоты» за них это делали священнослужители.

Содержащиеся «сказках» помещиков и крестьян сведения позволяют выявить особенности, связанные с процессом освоения Новороссии. Одной из них является отсутствие больших лесных массивов, характерных для центральных областей России. При описании одной из дач в Екатеринославском уезде в «сказке» подчеркивалось: «Лесу для строения и поташа вовсе нет» [14, л. 10]. Описанный в «сказках» на территории уезда дубовый лес относился к дровяному и был вышиной в три аршина и в отрубе в два дюйма [13, л. 11]. При характеристике лесной растительности в Славяносербском уезде подробно перечислялись не только виды деревьев, но и кустарников: «Лес растет по оврагам дровяной дубовый, берестовый, черноклен, кленовый, ясеновый, вязовый и терновый, который для сожжения поташа не способен» [25, л. 19 об.].

Природная среда накладывала отпечаток на хозяйственную деятельность крестьян. Степные просторы Новороссии предоставляли благоприятные условия для занятия скотоводством, которое сочеталось с хлебопашеством. В «сказке» села Герасимова Екатеринославского уезда отмечалось: «Земли на помещика запахивают 50, а временем и до 100 дес., косят от 200 до 300 дес., а остальную обрабатывают хлебопашеством и покосом всю на себя и оставляют для скотской пастбы» [16, л. 17 об.]. На некоторых дачах уезда выделялись хутора для занятия скотоводством [15, л. 12]. Однако, большие трудности в освоении Новороссии вызывало отсутствие в ряде местностей воды. В «сказках» по всем уездам Екатеринославской губернии это нередко подчеркивалось: «В оных оврагах и отвершках воды не находится» [15, л. 12], «водотоки совсем пересыхают» [26, л. 12], «та река против оногo сельца в летнее жаркое время местами пересыхает» [18, л. 6].

Вместе с тем реки Днепр, Лугань, Северский Донец, Мокрая Сура и другие речки буквально вдыхали жизнь в дикое поле, их водные и рыбные ресурсы помогали переселенцам осваиваться на новых местах. В «сказках» подробно описывалось обилие рыбы по всем местностям, где протекали эти реки. В Днепре водились стерляди, сазаны, судаки, ерши, сомы, лещи, щуки, марина, язи, пескари, плот-

ва, окуни и раки, в отдельных местах временами вылавливались осетры [17, л. 26 об.], в Северском Донце – стерляди, сомы, судаки, лещи, щуки, окуни, голавли, сазаны и плотва [26, л. 37], в Мокрой Суре – щуки, караси, плотва, лини, окуни, лещи, ерши и раки [14, л. 10].

Реки выполняли в регионе важную транспортную функцию, обеспечивая развитие торговли. Авторы «сказок» подробно рассказывали о судоходстве по местным рекам. Большое значение имел Днепр, по которому шли большие транспортные суда, малые баркасы и лодки, байдаки и барки из Шклова, Киева, Кременчуга и других городов, груженные сосновым лесом, досками, железом, свинцом, углем, стеклом. Весной по нему осуществлялась гонка плотов с сосновым, дубовым, еловым лесом до городов Херсона и Николаева [19, л. 7 об.].

Несомненно, особенностью региона были большие площади черноземных почв. Авторы «сказок» на территориях всех уездов подчеркивали наличие чернозема, но чистый чернозем упоминался достаточно редко, в основном он сочетался с другими видами грунта – иловатым, серопесчаным, каменистым, хрящеватым, сероглинистым, солонцеватым [23, л. 34 об.]. Среди посевных культур с хорошими урожаями, как правило, назывались рожь, озимая и яровая пшеница, овес, ячмень, просо, горох, фасоль, гречиха [12, л. 27; 13, л. 11]. Отдельное внимание в «сказках» уделялось регулярным и нерегулярным плодовым садам, причем даже малолетним [14, л. 10], в которых росли яблони, вишни, сливы, груши, крыжовник, терновник, смородина [21, л. 9].

В экономических «сказках» по Новороссии содержатся важные данные о платежеспособности населения, выражающиеся в величине помещичьей запашки и денежном оброке. Имеются в них также сведения о промысловых занятиях местного населения, однако они в большей степени, чем другая информация, формализованы, поэтому не отличаются по отдельным дачам.

Сравнительный анализ найденных в полевых записках экономических «сказок» и составлявшихся на их основе Экономических примечаний по различным уездам Екатеринославской (Новороссийской) губернии показывает, что в Экономических примечаниях,

относящихся к концу XVIII – началу XIX в., встречается почти дословное переписывание отдельных фрагментов или даже полных текстов «сказок». Помимо расширенной информации об окружающей среде и хозяйственной деятельности имеются прямые отсылки к авторам данного текста, взятого из «экономической сказки». Например, в Экономическом примечании сельца Лугобеловка (оно же Круглокут) Бахмутского уезда Екатеринославской губернии приводится почти полный текст подобной «сказки» от помещика: «На означенной речки Лугани пруд, на коем деревянная мукомольная мельница о двух поставах с толчеей, действие имеет кроме полой воды во весь год, на коей хлеб мелится для нашего и крестьянского расхода, а часть из найму из соседственных селений до 700 четвертей в год, а с оной доходу получается до 300 рублей... ловится рыба щуки, окуни, плотва, голавли, судаки, сомы, лини, пескари, которая по уловлению употребляется для нашего и крестьянского продовольствия... Крестьяне в имуществе посредственно зажиточны и состоят на нашем господском издолье, промышляют хлебопашеством, к чему они радательны. Земли запахивают на нас 15 десятин, а остальную на себя...» [35, л. 273 об.–274 об.].

Однако при обобщении сведений в более поздних по времени создания Экономических примечаниях часть информации не вошла. Это было связано как с устареванием информации «сказок» и ранних Камеральных экономических примечаний о крестьянских промыслах, размерах запашки и помещичьем оброке, так и с использованием более краткой структуры самих примечаний. Большое значение имеют выявленные экономические «сказки» в том случае, если по уезду не сохранились Полные или Камеральные экономические примечания, содержащие более расширенную информацию о земельных владениях. Так, в Экономических примечаниях по Ростовскому уезду, относящихся к 30-м гг. XIX в., содержатся сведения о 66 обмежеванных дачах, но сами примечания по каждой даче очень лаконичны. К примеру, в «сказке», сохранившейся в полевой записке с описанием сельца Ивановки помещицы А.В. Гатцуковой, более подробно характеризуется географическое положение дачи на местности, выявляют-

ся дополнительные сведения об имеющимся пруде с различными видами рыб. В отличие от Экономических примечаний, где в дальнейшем по тексту делается отсылка к описанию соседней дачи, здесь содержится характеристика растительного и животного мира, видов земельного грунта, перечисляются выращиваемые зерновые культуры и основные занятия крестьян. Если из Экономических примечаний следует, что «крестьяне на изделье, промышленяют хлебопашеством, зажитка среднего» [36, л. 26], то в «сказке» поясняется, что они на пашут помещицу девяносто десятин, а остальную землю запахивают на себя [22, л. 11–11 об.].

В Экономических примечаниях по Славяносербскому уезду этого же времени содержатся сведения о 130 дачах. Однако подробное описание дач в них не содержится. К примеру, при описании земель дачи селец Парисполя и Белополья, а также деревни Хворостяной приводится краткая характеристика их расположения на местности и делается отсылка к описанию другой дачи, имеющей сходственный грунт земли, похожие урожаи и сенные покосы [37, л. 35 об.]. В свою очередь «сказка», подписанная помещиком Н.М. Козаченским, содержит подробные сведения о природной среде, посевах, описания занятий крестьян, размера запашки помещика, оценку их зажиточности. В ней упоминается господском дом, разбитый при нем сад и пруд [24, л. 19–19 об.].

Результаты. В отличие от других регионов России при проведении Генерального межевания Новороссии землемеры в качестве исходных документов использовали не только «сказки» крестьян, но и «сказки» помещиков. В условиях освоения региона они служили источником первоначальных сведений для составления Экономических примечаний к планам Генерального межевания и содержали всю необходимую информацию. В полевых записках по Екатеринославской (Новороссийской) губернии «сказки» встречаются гораздо чаще, чем по другим территориям Российской империи. Их высокую сохранность можно объяснить более бережным отношением к исходным документам межевания нового региона, поскольку они служили важным и нередко единственным источником об особен-

ностях локальных территорий, их географической и природной среде, состоянии земельного фонда, имеющемся населении и его занятиях на отдельных территориях-дачах.

Выявленные в полевых записках «сказки» по Новороссии содержат подробные сведения по отдельным земельным владениям и открывают возможности для проведения исследований на уровне отдельных поселений. Сравнительный анализ с текстами Экономических примечаний показывает почти дословное использование информации из экономической «сказки» в более ранних их вариантах, относящихся к концу XVIII – началу XIX в. В позднейших вариантах в большинстве случаев подробная информация по отдельным территориям-дачах в Экономических примечаниях не приводится. Важным вопросом остается поиск «сказок», совпадающих с текстом Экономических примечаний для выявления искажения и потери материала при объединении сведений по различным селениям и дачам, в том числе по видам хозяйственной деятельности крестьян, распространению промыслов, размерах запашки и оброка, видах выращиваемых культур, количестве населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багалея Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры: Исторический этюд Д.И. Багалея. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889. 115 с.
2. Бойко В. Я. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.). Этностатистический очерк. Черкассы: Вертикаль, 2007. 48 с.
3. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 279 с.
4. История Новороссии. М.: Центр гуманитар. инициатив, 2017. 864 с.
5. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976. 306 с.
6. Канищев В. Н., Кончаков Р. Б., Костовска С. К. Пространственное моделирование экологических процессов в истории // *Fractal Simulation*. 2011. № 1. С. 3–11.
7. Козлов Д. Н., Глухов А. В., Голубинский А. А., Хитров Д. А. Роль природно-позицион-

ных условий в дифференциации землепользования Европейской России конца XVIII в. – методика цифрового анализа материалов Генерального межевания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 26–33.

8. Макидонов А. В. К светской и церковной истории Новороссии: (XVIII–XIX вв.). Запорожье: Просвіта, 2006. 115 с.

9. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (К истории русского крестьянства и сел. хозяйства второй половины XVIII в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 312 с.

10. Милов Л. В. «Сказки» крестьян как исходный материал для экономических примечаний генерального межевания // Археографический ежегодник за 1959 год. М.: Наука, 1960. С. 164–177.

11. Петрова И. В. Деятельность Симферопольской межевой конторы (1829–1843 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. 2013. № 12-3 (38). С. 162–166.

12. Полевая записка землемера Гулевича селца Просковьевка владения гт. Монтъевых // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 4. 31 л.

13. Полевая записка землемера Томила села Сурского владения г. Таэтака // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 7. 20 л.

14. Полевая записка землемера Гулевича селца Агафьевки владения г. Сахновской // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 12. 17 л.

15. Полевая записка землемера Гулевича селца Софийской Захаровки владения г. Малаты // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 14. 13 л.

16. Полевая записка землемера Гулевича селу Герасимову Щурки тож владения г. Губенкова // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 21. 18 л.

17. Полевая записка землемера Гулевича селца Новопокровского владения г. Неверовского с планом того села // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 22. 32 л.

18. Полевая записка землемера Томила селца Башмачка Заворовка тож владения гт. Завровых // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 36. 16 л.

19. Полевая записка землемера Фефилова села Любимовки владения графини Скавронской // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 42. 18 л.

20. Полевая записка землемера Есипова селца Тарасовки владения г. Дмитриевой // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 54. 20 л.

21. Полевая записка землемера Веретенникова селца Новой Лозоватки владения г. Салагубовой // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 76. 10 л.

22. Полевая записка землемера Чистякова селца Ивановки и пустоши Безводной г. Гатцуковой // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 476. 12 л.

23. Полевая записка землемера Фефилова села Первозвановки владения генерал-майора Николая Егоровича Шевича // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 588. 36 л.

24. Полевая записка землемера Фефилова селца Парисполья и Белополя общего владения поручицы Прасковьи Ильиной дочери жены Самсоновой и лекарши Анисьи Михайловой дочери жены Кражовой // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 592. 20 л.

25. Полевая записка землемера Фефилова селца Новопавловки владения майорши Анны Дементьевой дочери жены Ваниной // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 597. 12 л.

26. Полевая записка землемера Фефилова сел Веселого и Александровка селца Раевки и деревни Крутогоровки владения майора Александра Константинова сына Юзбаша // РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 601. 40 л.

27. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

28. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. 2: С 1796 по 1823 год. Одесса: Город. тип., 1838. 351 с.

29. Степанова Л. Г. Полевые записки землемеров и «сказки» крестьян Санкт-Петербургской губернии как источники «потерянной» информации Экономических примечаний // Клио. 2018. № 10 (142). С. 18–26.

30. Степанова Л. Г. Экономические сведения полевых записок землемеров о хозяйственном состоянии Крыма в конце XVIII – начале XIX в. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 983–994.

31. Фельдман Д. З. Экономические примечания к планам Генерального межевания как источники по истории еврейской земледельческой колонизации Северного Причерноморья в начале XIX в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 422–428.

32. Цветков М. А. Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 31. С. 90–110.

33. Черненко Д. А. ГИС-картографирование и статистическая обработка сведений Экономических примечаний о населении городов и пригородов Центральной России в конце XVIII – начале XIX в.: первые результаты // Русь. Россия: Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 433–443.

34. Черненко Д. А. Суздальский уезд в конце XVIII в.: опыт ГИС-картографирования процессов заселения и хозяйственного освоения территории // Историческая информатика. 2017. № 4 (22). С. 44–55.

35. Экономические примечания и каталоги к генеральному плану на дачи, обмежеванные в 1798–1806 гг. // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 372. Л. 1–333.

36. Экономические примечания на 66 дач и алфавиты дач и владельцев // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–37.

37. Экономические примечания на 130 дач, описание г. Славяносербска, алфавиты дач и владельцев и табель // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 392. Л. 1–67.

REFERENCES

1. Bagalei D.I. *Kolonizatsiia Novorossiiskogo kraia i pervye shagi ego po puti kultury: Istoricheskii etiud D.I. Bagaleia* [Colonization of the Novorossiysk Territory and Its First Steps along the Path of Culture: Historical Study by D.I. Bagaley]. Kiev, Tip. G.T. Korzhak-Novitskogo, 1889. 115 p.
2. Boiko V.Ia. *Zaselenie Iuzhnoi Ukrainy. Formirovanie etnicheskogo sostava naseleniia kraia: russkie i ukraintsy (konets XVIII – nachalo XXI v.). Etnostatisticheskii ocherk* [Settlement of Southern Ukraine. Formation of the Ethnic Composition of the Region's Population: Russians and Ukrainians (Late 18th – Early 21st Centuries). Ethnostatistical Essay]. Cherkassy, Vertikal Publ., 2007. 48 p.
3. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomore v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea Region in 1775–1800]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. 279 p.
4. *Istoriia Novorossii* [History of Novorossiya]. Moscow, Tsentr gumanit. initsiativ, 2017. 864 p.
5. Kabuzan V.M. *Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Khersonskoi gubernii) v XVIII – pervoi polovine XIX veka (1719–1858 gg.)* [Settlement of Novorossiya (Ekaterinoslav and Kherson provinces) in the 18th – First Half of the 19th Centuries (1719–1858)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 306 p.
6. Kanishchev V.N., Konchakov R.B., Kostovska S.K. *Prostranstvennoe modelirovanie ekologicheskikh protsessov v istorii* [Spatial Modeling of Ecological Processes in History]. *Fractal Simulation*, 2011, no. 1, pp. 3-11.
7. Kozlov D.N., Glukhov A.V., Golubinskii A.A., Khitrov D.A. *Rol prirodno-pozitsionnykh uslovii v differentsiatsii zemlepolzovaniia Evropeiskoi Rossii kontsa XVIII v. – metodika tsifrovogo analiza materialov Generalnogo mezhevaniia* [Role of Natural-Positional Conditions in the Differentiation of Land Use in European Russia at the End of the 18th Century – Technique for Digital Analysis of the Materials of the General Land Survey]. *Rus, Rossiia: Srednevekovye i Novoe vremia* [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times], 2013, no. 3, pp. 26-33.
8. Makidonov A.V. *K svetskoi i tserkovnoi istorii Novorossii: (XVIII–XIX vv.)* [On the Secular and Ecclesiastical History of New Russia: (18th – 19th Centuries)]. Zaporozhe, Prosvita Publ., 2006. 115 p.
9. Milov L.V. *Issledovanie ob «Ekonomicheskikh primechaniakh» k Generalnomu mezhevaniu: (K istorii russkogo krestianstva i sel. khoziaistva vtoroi poloviny XVIII v.)* [Research on “Economic Notices” to the General Land Survey: (On the History of the Russian Peasantry and Agriculture in the Second Half of the 18th Century)]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1965. 312 p.
10. Milov L.V. «Skazki» krestian kak iskhodnyi material dlia ekonomicheskikh primechaniia generalnogo mezhevaniia [“Skazki” of the Peasants as a Source Material for the Economic Notices of the General Land Surveying]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1959 god* [Archeographic Yearbook for 1959]. Moscow, Nauka Publ., 1960, pp. 164-177.
11. Petrova I.V. *Deiatelnost Simferopolskoi mezhevoi kontory (1829–1843 gg.)* [Activities of the Simferopol Land Survey Office (1829–1843)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2013, no. 12-3 (38), pp. 162-166.
12. Polevaia zapiska zemlemera Gulevicha seltsa Proskovevka vladeniia gg. Montevykh [Field Note of the Land Surveyor Gulevich of the Village of Proskovevka, the Property of the Montievs]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 4. 31 l.
13. Polevaia zapiska zemlemera Tomilina sela Surskogo vladeniia g. Taetaka [Field Note of the Land Surveyor Tomilin of the Village of Sursky Possession of Mr. Taetak]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 7. 20 l.
14. Polevaia zapiska zemlemera Gulevicha seltsa Agafevki vladeniia g. Sakhnovskoi [Field Note of the Surveyor Gulevich of the Village of Agafievka of the Possession of Mrs. Sakhnovskaya]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 12. 17 l.
15. Polevaia zapiska zemlemera Gulevicha seltsa Sofiiskoi Zakharovki vladeniia g. Malat [Field Note of the Land Surveyor Gulevich of the Village of Sofiyskaya Zakharovka, the Property of Mr. Malat]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 14. 13 l.
16. Polevaia zapiska zemlemera Gulevicha selu Gerasimovu Shchurki tozh vladeniia g. Gubenkova [Field Note of the Land Surveyor Gulevich to the Village of Gerasimov Shchurki, the Property of Mr. Gubenkov]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 21. 18 l.
17. Polevaia zapiska zemlemera Gulevicha seltsa Novopokrovskogo vladeniia g. Neverovskogo s planom tozh sela [Field Surveyor's Note of Gulevich

Village of Novopokrovskogo Estate, Neverovskogo City with a Plan of That Village]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 22. 32 l.

18. Polevaia zapiska zemlemera Tomilina seltsa Bashmachka Zavorovka tozh vladeniia gg. Zavrovkykh [Field Surveyor's Note of Tomilina Village of Bashmachka Zavorovka, Also the Property of Zavrov]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 36. 16 l.

19. Polevaia zapiska zemlemera Fefilova sela Liubimovki vladeniia grafini Skavronskoi [Field Surveyor's Note of the Fefilov Village of Lyubimovka in the Domain of Countess Skavronskaya]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 42. 18 l.

20. Polevaia zapiska zemlemera Esipova seltsa Tarasovki vladeniia g. Dmitrievoi [Field Surveyor's Note of Yesipov Village, Tarasovka, Property of Ms. Dmitrieva]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 54. 20 l.

21. Polevaia zapiska zemlemera Veretennikova seltsa Novoi Lozovatki vladeniia g. Salagubovoi [Field Surveyor's Note of Veretennikova Village of Novaya Lozovatka Owned by Mrs. Salagubova]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 76. 10 l.

22. Polevaja zapiska zemlemera Chistjakova selca Ivanovki i pustoshi Bezvodnoj g. Gatsukovoj [Field Note by Land Surveyor Chistyakov of the Village of Ivanovka and the Wasteland of Bezvodnaya, Gatsukova]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 476. 12 l.

23. Polevaia zapiska zemlemera Fefilova sela Pervozvanovki vladeniia general-maiora Nikolaia Egorovicha Shevicha [Field Note of the Land Surveyor Fefilov Village of Pervozvanovki Property of Major General Nikolay Yegorovich Shevych]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 588. 36 l.

24. Polevaia zapiska zemlemera Fefilova selets Parispolia i Belopolia obshchego vladeniia poruchitsy Praskovi Ilinoi docheri zheny Samsonovoi i lekarshi Anisi Mikhailovoi docheri zheny Krazhovoi [Field Note of Surveyor Fefilov, Village of Parispolye and Belopolye, Common Property of Lieutenant's Wife Praskovya, Ilya's Daughter, Samsonov's Wife, and Healer Anisiya, Mikhail's Daughter, Krazhov's Wife]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 592. 20 l.

25. Polevaya zapiska zemlemera Fefilova seltsa Novopavlovki vladeniya mayorshi Anny Dement'yevoy docheri zheny Vaninoy [Field Note from Land Surveyor Fefilov of the Village of Novopavlovka, Property of Major's Wife Anna, Dementiy's daughter, Vanin's Wife]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 597. 12 l.

26. Polevaia zapiska zemlemera Fefilova sel Veselogo i Aleksandrovka seltsa Raevki i derevni Krutogorovki vladeniia maiora Aleksandra Konstantinova syna Iuzbasha [Field Note of Surveyor Fefilov of the Villages of Vesoloye and Aleksandrovka, the Seltso of Raevka and the Hamlet of Krutogorovka, the Property of Major Aleksandr Konstantin's Son Yuzbash]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 601. 40 l.

27. Rashin A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskie ocherki* [Population of Russia for 100 Years (1813–1913). Statistical Essays]. Moscow, Gosstatizdat, 1956. 352 p.

28. Skalkovskii A.A. *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia. 1730–1823. Ch. 2: S 1796 po 1823 god* [Chronological Review of the History of the Novorossiysk Territory. 1730–1823. Pt. 2: From 1796 to 1823]. Odessa, Gorod. tip., 1838. 351 p.

29. Stepanova L.G. Polevye zapiski zemlemerov i «skazki» krestian Sankt-Peterburgskoi gubernii kak istochniki «poteriannoii» informatsii Ekonomicheskikh primechanii [Field Notes of Land Surveyors and “Skazki” of the Peasants of the St. Petersburg Province as Sources of “Lost” Information in Economic Notices]. *Clio*, 2018, no. 10 (142), pp. 18–26.

30. Stepanova L.G. Ekonomicheskie svedeniia polevykh zapisok zemlemerov o khoziaistvennom sostoianii Kryma v kontse XVIII – nachale XIX v. [Economic Data of Land Surveyors' Field Notes on the Economic State of Crimea in the Late 18th – Early 19th Centuries]. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the Archivist], 2020, no. 4, pp. 983–994.

31. Feldman D.Z. Ekonomicheskie primechanii k planam Generalnogo mezhevaniia kak istochniki po istorii evreiskoi zemledelcheskoi kolonizatsii Severnogo Prichernomoria v nachale XIX v. [Economic Notes to the Plans of the General Land Survey as Sources on the History of Jewish Agricultural Colonization of the Northern Black Sea Region at the Beginning of the 19th Century]. *Rus, Rossiia: Srednevekove i Novoe vremia* [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times], 2015, no. 4, pp. 422–428.

32. Tsvetkov M.A. Kartograficheskie materialy generalnogo mezhevaniia [Cartographic Materials of the General Land Survey]. *Voprosy geografii* [Questions of Geography]. Moscow, 1953, coll. 31, pp. 90–110.

33. Chernenko D.A. GIS-kartografirovaniie i statisticheskaia obrabotka svedenii Ekonomicheskikh primechanii o naselenii gorodov i prigorodov Tsentralnoi Rossii v kontse XVIII – nachale XIX v.: pervye rezultaty [GIS-Mapping and Statistical Processing of Data from Economic Notes on the Population of Cities and Suburbs of Central Russia in the Late 18th – Early 19th Centuries: First Results].

Rus. Rossia: Srednevekove i Novoe vremia [Russia: Middle Ages and Modern Times], 2017, no. 5, pp. 433-443.

34. Chernenko D.A. Suzdalskii uezd v kontse XVIII v.: opyt GIS-kartografirovaniia protsessov zaseleniia i khoziaistvennogo osvoeniia territorii [Suzdal District at the End of the 18th Century: Experience of GIS-Mapping of the Processes of Settlement and Economic Development of the Territory]. *Istoricheskaiia informatika* [Historical Informatics], 2017, no. 4 (22), pp. 44-55.

35. Ekonomicheskie primechaniia i katalogi k generalnomu planu na dachi, obmezhevannye v 1798–1806 gg. [Economic Notes and Catalogues to the

Master Plan for Dachas, Delimited in 1798–1806]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1355, inv. 1, d. 372, l. 1-333.

36. Ekonomicheskie primechaniia na 66 dach i alfavity dach i vladelcev [Economic Notes on 66 Dachas and Alphabets of Dachas and Owners]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 389, l. 1-37.

37. Ekonomicheskie primechaniia na 130 dach, opisaniie g. Slavjanoserbska, alfavity dach i vladelcev i tabel [Economic Notes on 130 Dachas, Description of the City of Slavyanoserbsk, Alphabets of Dachas and Owners and Report Cards]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1308, inv. 1, d. 392, l. 1-67.

Information About the Author

Liliya G. Stepanova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, liliya_stepanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3902-1389>

Информация об авторе

Лилия Геннадьевна Степанова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, liliya_stepanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3902-1389>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.7>

UDC 94(47)081/083
LBC 63.3(2)5

Submitted: 26.03.2023
Accepted: 24.07.2023

ACTIVITY OF THE ADMINISTRATIVE BODIES OF THE LIVADIA ESTATE IN DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SUPPLY OF FRESH WATER IN 1861–1909

Andrey A. Yefimov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The Livadia estate, which by the end of the 19th century became the main of the Romanovs' Crimean possessions, claimed to be on a par with Tsarskoye Selo and Peterhof. One of the main problems for gaining such a status was the issue of providing the palace complex with fresh water. *Methods and materials.* The historiography of the imperial residences of the Crimea is dominated by the works of art critics, architectural historians, and art historians, often leaving organizational, administrative, and economic issues in the shade. Synthesis and analysis of archival materials of institutions of the Ministry of the Imperial Court allow us to reveal the course of development of the system for supplying Livadia with fresh water as one of the problems in the history of this possession of the Romanov dynasty. *Analysis.* The problem of supplying drinking water was on the agenda almost immediately after the acquisition of the estate by the Department of Appanages in 1861. The initial calculation of using their own sources did not materialize, and until the beginning of the 20th century, this problem was solved by attracting sources belonging to other owners. At the same time, when interacting with the Tatar community of the village of Gaspra and the Ministry of Agriculture and State Property, contractual methods were used, and when the sources of the Oreanda estate were included in the water supply system of Livadia, administrative levers within the Court Department were also used. However, with exhaustion by the 1900s and opportunities for extensive development, the managers of the estate turned to the development of a project to improve the entire water supply system. Prepared by engineer I.K. Sikorsky, the plan was rejected for several years by the leaders of the specific department, and only thanks to the persistence of the head of the Livadia-Massandra Appanage administration, V.N. Kachalov, when the decision on the complete reconstruction of Livadia was approved in 1909, it was included in the list of works and the complete reconstruction of the water supply. *Results.* Thus, the system for supplying the Livadia estate with fresh water went from using its own resources through extensive expansion to the idea of the need for a complete modernization of the system, which was implemented in 1910–1912.

Key words: Livadia estate, Livadia-Massandra Appanage administration in Crimea, Department of Appanages, Ya.M. Lazarevsky, V.N. Kachalov, I.K. Sikorsky, water supply.

Citation. Yefimov A.A. Activity of the Administrative Bodies of the Livadia Estate in Development of the System of Supply of Fresh Water in 1861–1909. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 82–91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.7>

УДК 94(47)081/083
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 26.03.2023
Дата принятия статьи: 24.07.2023

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИЕМ «ЛИВАДИЯ» ПО РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕСНОЙ ВОДОЙ В 1861–1909 ГОДАХ

Андрей Александрович Ефимов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Имение «Ливадия», ставшее к концу XIX столетия главным из крымских владений Романовых, претендовало оказаться наравне с Царским Селом и Петергофом. Одной из основных про-

блем для обретения такого статуса стал вопрос обеспечения дворцового комплекса пресной водой. *Методы и материалы.* В историографии императорских резиденций Крыма преобладают труды искусствоведов, историков архитектуры и искусства, зачастую оставляющие в тени организационно-административные и экономические вопросы. Синтез и анализ архивных материалов учреждений Министерства императорского двора позволяют раскрыть ход развития системы обеспечения «Ливадии» пресной водой как одну из проблем истории этого владения дома Романовых. *Анализ.* Проблема снабжения питьевой водой оказалась на повестке дня практически сразу после приобретения имения Департаментом уделов в 1861 году. Первоначальный расчет на использование собственных источников не оправдался, и вплоть до начала XX столетия эту задачу решали путем привлечения источников, принадлежавших другим владельцам. При этом в ходе взаимодействия с татарской общиной деревни Гаспра и Министерством земледелия и государственных имуществ использовались договорные способы, а при включении в систему водоснабжения «Ливадии» источников имения «Ореанда» использовались и административные рычаги внутри Придворного ведомства. Однако с исчерпанием к 1900-м гг. возможностей экстенсивного развития руководители имения обратились к разработке проекта усовершенствования всей системы водоснабжения. Подготовленный инженером И.К. Сикорским план на протяжении нескольких лет отклонялся руководителями Удельного ведомства, и только благодаря настойчивости главы Ливадско-Массандровского удельного управления В.Н. Качалова при утверждении в 1909 г. решения о полной реконструкции «Ливадии» удалось включить в перечень работ и полную реконструкцию водопровода. *Результаты.* Таким образом, система обеспечения имения «Ливадия» пресной водой прошла путь от использования собственных ресурсов через экстенсивное расширение к идее о необходимости полной модернизации системы, которую удалось претворить в жизнь в 1910–1912 годах.

Ключевые слова: имение «Ливадия», Ливадско-Массандровское удельное управление, Главное управление уделов, Я.М. Лазаревский, В.Н. Качалов, И.К. Сикорский, водоснабжение.

Цитирование. Ефимов А. А. Деятельность органов управления имением «Ливадия» по развитию системы обеспечения пресной водой в 1861–1909 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 82–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.7>

Введение. Министерство императорского двора (МИДв) на протяжении всего срока своего существования, с 1826 по 1917 г., занималось созданием, развитием и благоустройством резиденций членов дома Романовых не только в столице Российской империи Санкт-Петербурге [3] и его пригородах, но и в различных губерниях государства. С середины XIX в. в их число входит и территория Крыма, занявшая к 1914 г. второе место после столицы империи по числу императорских и великокняжеских резиденций, находившихся на его территории, коих насчитывалось около десятка. При этом одной из фундаментальных для существования крымских имений Романовых была проблема их обеспечения пресной водой, как питьевой, так и для технических нужд. Приобретение, обустройство и дальнейшее развитие любой из резиденций неотъемлемо включало получение в пользование или полное распоряжение одного или нескольких источников с организацией доставки воды или прокладкой системы водопровода. В главном владении императорской семьи в Крыму – «Ливадии», претендовавшем на роль одной из основных загородных резиденций и конкурировавшем за этот ста-

тус с блестящими пригородами столицы Российской империи – Царским Селом и Петергофом, решение этой задачи как жизненно необходимой приобретало особое значение.

Методы и материалы. При рассмотрении историографии крымских владений членов дома Романовых стоит сразу обратить внимание на то, что среди трудов, посвященных истории этих резиденций, в целом преобладают исследования искусствоведческой направленности. В подобных публикациях значительное место уделяется описанию внешнего и внутреннего убранства зданий, а сами постройки представляются как итог творчества какого-либо архитектора, а не кропотливой работы множества лиц, сложных переговоров и достигнутых соглашений между разными, как по роду занятий, так и по статусу, людьми. Однако можно выделить ряд трудов, авторы которых все же затронули проблемы организации работ по строительству и благоустройству. Среди обобщающих исследований это, например, диссертация и монография Е.М. Коляды и диссертации И.В. Манцыгиной и О.В. Линниковой [8–10; 12]. Среди трудов общеисторической и историко-биографической направ-

ленности стоит выделить отдельные статьи и книгу Н.Н. Калинина и М.А. Земляниченко «Романовы и Крым» [5], а также монографию «Архитектор Высочайшего Двора», подготовленную ими же в соавторстве с А. Кадиевичем и достаточно подробно освещающую творческую биографию автора проекта и руководителя строительства целого ряда резиденций Романовых ялтинского зодчего Н.П. Краснова [6]. В этих изданиях исследователи отразили некоторые аспекты организации и проведения строительных работ, такие как выбор архитектора и отдельных подрядчиков, определение размеров ассигнований, этапы строительства и сложности в работах, не акцентируя, однако, внимание на роли Министерства императорского двора во всем этом процессе. Из общих трудов можно также упомянуть исследование Е.М. Литвиновой «Царская семья в Крыму», книгу В.А. Горохова «Дворцы и парки Крыма: в истории и историях», работу А.Е. Артамонова «Госдачи Крыма», первая глава которой посвящена дореволюционной истории владений Романовых [1; 2; 11]. Фундаментальный вклад в изучение истории «Ливадии» во второй половине XIX столетия внесли работы И.Н. Слюньковой, в особенности капитальная монография «Ливадия. Архитектура дворцово-паркового ансамбля. Вторая половина XIX века», в которой на основе обширного числа источников подробно раскрывается история развития имения в обозначенный период [21–23]. Истории «Ливадии» посвящены также статьи Л.А. Ефремовой и Е.А. Палькеевой [4; 19], являющиеся по содержанию типичными искусствоведческими работами. Применительно к теме данной статьи отдельно стоит выделить книгу А.А. Сироткиной «Дорога на Ай-Петри. Путешествие в прошлое» [20], в которой в отдельной главе рассмотрен начальный этап развития системы водоснабжения имения в 1860-х – середине 1870-х годов. Представленный обзор дает основания говорить о том, что как в изучении деятельности Министерства императорского двора по созданию и развитию резиденций членов дома Романовых на территории Республики Крым в целом, так и в истории водоснабжения «Ливадии» остаются историографические лакуны, часть из которых предполагается заполнить данной статьей.

Источниковой базой для проведения исследования стали хранящиеся в Российском государственном историческом архиве документы фонда Главного управления уделов (№ 515). Использование этих материалов объясняется тем, что администрирование имения и решение организационных и финансовых вопросов велись подразделениями Удельного ведомства, в первую очередь местным Ливадско-Массандрским удельным управлением, подчинявшимся Департаменту уделов (с 1892 г. – Главное управление уделов). В составе этого фонда имеется масштабный комплекс документации, включающий в себя дела за весь рассматриваемый период: делопроизводственная документация (рапорты управляющих Ливадско-Массандрским удельным управлением; письма с распоряжениями и указаниями чиновников центрального аппарата), проекты и сметы, финансовые документы и актовые материалы. Исследование эволюции системы обеспечения пресной водой «Ливадии» с выделением роли чиновников управления имением, проведенное на основе синтеза и анализа архивных документов учреждений Придворного ведомства, позволит пролить свет на одну из значимых проблем истории этой резиденции.

Анализ. Имение «Ливадия» было приобретено Департаментом уделов для императорской семьи у наследников графа Л.С. Потоцкого за 350 000 руб. на рубеже 1860–1861 гг. с официальным оформлением сделки 10 марта 1861 г. [5, с. 52, 54; 13, л. 114; 22, с. 70]. При этом, как позволяют судить архивные документы, вопрос обеспечения нового владения питьевой водой, важный для всего Крымского полуострова, испытывавшего общий недостаток пресноводных водоемов, практически сразу оказался на повестке дня. Потребности имения Потоцких в целом обеспечивались имевшимися источниками, однако императорская резиденция должна была иметь совсем другой масштаб. Прибывшие в имение вскоре после его приобретения из столицы архитектор А.И. Резанов и В.С. Есаулов доносили о необходимости возведения новых зданий для размещения детей императора и членов свиты, а также ряда построек для служащих, обслуживающего персонала и охраны; также предполагалось расширить хозяйственную

деятельность имения, площадь которого была увеличена приобретением нескольких соседних владений [20, с. 35; 22, с. 71]. Соответственно, существенно возростала потребность в воде. В июне 1862 г. заведующий имением Я.М. Лазаревский обратился к руководству Придворного ведомства с вопросом о возможности использования для надобностей «Ливадии» помимо источников Аян-Су, Большой (Потоцкого) и Алашклар (Старая Ялта) [20, с. 35], расположенных непосредственно на подведомственной ему территории, воды источника Биюк-Су, находившегося во владении общины Гаспринских татар. При подробном рассмотрении этой идеи, однако, стало известно о том, что права на упомянутый родник также могут предъявить и греки деревни Аутка. С учетом этого обстоятельства чиновниками было принято решение параллельно провести изыскания ливадийских источников на предмет возможности усовершенствования системы водосбора. В случае успеха этих работ удалось бы без обращения к посторонним лицам покрывать основные потребности имения при увеличении числа построек и развитии хозяйственной деятельности. Последняя идея принесла свои плоды: привлеченный для обследования источников член Таврической губернской строительной и дорожной комиссии К.О. Янушевский установил, что разработка существовавших в «Ливадии» одиннадцати родников решила бы поставленную задачу. На основе этого заключения был составлен план усовершенствования системы водоснабжения, представленный 13 октября 1862 г. министром императорского двора В.Ф. Адлебергом императору Александру II и получивший высочайшее одобрение. Он предусматривал помимо реконструкции водосборных сооружений прокладку трубопроводов и устройство резервуаров для хранения запасов воды. Подготовка и согласование проектно-сметной документации на усовершенствование водосборных сооружений и прокладку труб завершились в начале марта 1863 года. Стоимость работ должна была составить 19 570 руб., и весной – летом работы были проведены. Вслед за этим в 1864–1865 гг. был подготовлен и претворен в жизнь проект устройства нового резервуара за 25 400 руб. [13, л. 108–111 об.; 18, л. 1–2 об., 4–5 об., 7–9 об.,

23–26 об., 44–45, 47–48 об., 53, 53 об., 61–62; 20, с. 36, 37].

Однако вскоре внутренних резервов воды для «Ливадии» оказалось уже недостаточно. В 1869 г. для проведения исследований по вопросу о возможности увеличения притока воды руководством Придворного ведомства был командирован геолог горный инженер Г.Д. Романовский, установивший невозможность получения дополнительной воды от уже использовавшихся родников и порекомендовавший в первую очередь договориться об использовании источника Биюк-Су [20, с. 37, 38]. Реализуя это предложение, в 1870-х гг. к источникам императорского имения последовательно были присоединены еще несколько родников со стороны: в 1870 г. по договоренности с татарской общиной деревни Гаспра – взятый на примету еще в 1862 г. источник Биюк-Су, а к 1873 г. – источник Суук-Су и главный Ореандский источник [15, л. 6 об., 7]. Обустройством системы водоснабжения руководил инженер А.Н. Козловский. Работы продолжались в 1871–1873 гг., а сеть водопровода охватила не только саму «Ливадию», но и дачу «Эриклик», ферму и церковь на Ливадийском кладбище, а по своей конструкции и примененным решениям (использование локомотивов для перекачки воды и различных насосов) оказалась достаточно прогрессивной для своего времени [20, с. 39–41].

В 1874–1875 гг. по распоряжению министра императорского двора графа А.В. Адлеберга последовательно двумя специальными комиссиями были проведены исследования источников в «Ливадии» и «Ореанде». Первой комиссии было поручено установить, связаны ли источники Биюк-Су и Ореандский, поскольку после проведения трубопровода от первого из них в «Ливадию» объем подаваемой из второго воды уменьшился. Комиссия пришла к отрицательному заключению. На следующий год группа под руководством профессоров Н.П. Барбот де Марни и А.А. Иностранцева по результатам своих изысканий представила неблагоприятные выводы о невозможности появления в этих имениях новых источников воды.

В последующие годы ситуация с водоснабжением «Ливадии» продолжала ухудшаться во всех смыслах, как по причине роста по-

требления воды при снижении ее поступления, так и в связи с недостатками системы хранения и распределения водных ресурсов. В документах отмечалось, что в периоды наибольшего потребления воды (при жаркой погоде летом и во время пребывания в имении Высочайшего двора), при нехватке воды, поступавшей напрямую из источников, для значительной части имения использовалась вода, которая хранилась с зимы в резервуарах, но ее качество оказывалось не вполне удовлетворительным – вода была застоявшейся и загрязненной [15, л. 3]. При этом вполне основательно можно предположить, что та «незначительная часть» Ливадии, которая всегда получала воду напрямую из источников, включала в себя дворцовые здания, где проживали члены императорской фамилии и наиболее высокопоставленные чины Двора и члены Свиты.

В 1899 г. Главным управлением уделов (ГУУ) был командирован геолог П.А. Ососков, которому поставили задачу «изыскать средства к повышению притока воды», колебавшегося в то время от 45 до 55 000 ведер в сутки. Рекомендацией ученого было присоединить источник «Ореанды» к Ливадийским полностью посредством трубопровода, а также устройство дополнительных бассейнов для хранения поступающей в имение воды. Параллельно был установлен и факт износа старых труб, оказавшихся забитыми известковыми отложениями. Однако немедленных мер к исправлению ситуации в каком-либо из направлений принято не было [14, л. 64; 15, л. 6–7]. При этом в 1902 г. управляющий имением «Ореанда» В.А. Плец отмечал неразумную расточительность руководства имения «Ливадия», допускавшего совершенно непроизводительный расход пресной воды на увлажнение шоссеиной дороги и одновременно настаивавшего на выделении дополнительного объема воды из источников «Ореанды». Подобный подход вынуждал имение «Ореанда» нести дополнительные траты на приобретение воды для замещения передаваемой в «Ливадию». Свои соображения на этот счет В.А. Плец неоднократно высказывал как в письмах на имя управлявшего «Ливадией» генерал-майора Л.Д. Евреинова, так и в обращениях к высокопоставленным чиновникам Придворного ведомства. В результате ему удалось добиться

решения о пересмотре распределения воды Ореандского источника [17]. Другим итогом спора управляющих стало решение о привлечении для водоснабжения «Ливадии» иных родников. В 1902–1903 гг. помимо уже упомянутых источников по результатам переписки с Министерством земледелия и государственных имуществ для нужд «Ливадии» стали использовать источники Бик-Агач и Джапартеке, расположенные в Аутской казенной даче, откуда по проекту и под наблюдением инженера путей сообщения И.К. Сикорского был проложен специальный водопровод [17, л. 72, 73, 84, 84 об., 89–90, 92, 106].

Однако, несмотря на значительное число задействованных источников, в первые годы XX столетия положение становилось все хуже и общий приток воды снизился до минимального уровня в 25–30 000 ведер в сутки. Представляя один из нескольких докладов, направленных в Главное управление уделов в период 1904–1906 гг., руководитель Ливадско-Массандрского удельного управления В.Н. Качалов отмечал, что водоснабжение в «Ливадии» «в нынешнем его виде находится в крайне неудовлетворительном состоянии и с трудом выполняет свое назначение даже в обыденное время» [14, л. 1]. Основными проблемами по-прежнему были недостаток поступления воды в летний период и трудность сохранения качества воды, собранной зимой и ранней весной, ввиду износа главного Ливадского резервуара, являвшегося основным местным водохранилищем. Первый план полной реконструкции системы водоснабжения был представлен в 1904 г. и предполагал разделение линии для снабжения дворцовых зданий исключительно чистой питьевой водой напрямую из источников и трубопровода для подачи воды из водохранилищ для полива и технических нужд. На следующий год для оценки внесенных предложений в Крым был отправлен заведующий Архитекторским производством ГУУ А.А. Степанов, рекомендовавший до начала работ по переделке всего водопровода дополнительно исследовать источники Биук-Су, Бузуклур и Старая Ореанда (Главный Ореандский источник), исходя из допущения о деградации водозаборных сооружений, вызвавшей падение притока воды. Проведенные на основании этого заключения

изыскания показали, что часть воды из Биюк-Су действительно проходила мимо несовершенных водозаборных сооружений. При этом Ливадско-Массандрскому удельному управлению весной 1906 г. удалось договориться с общиной деревни Гаспра о праве проведения работ по дальнейшей разработке источника с условием разделения полученной новой воды на паритетных началах. Однако уже летом работы пришлось приостановить ввиду начавшегося спора между Гаспринским татарским обществом и греками деревни Аутка о праве владения источником [14, л. 1, 2, 2 об., 5–6, 42, 64–65 об.; 15, л. 3, 3 об., 7]. Таким образом, возможности для экстенсивного роста водоснабжения «Ливадии», когда для ее нужд привлекались все доступные близлежащие родники, даже с ущербом для их изначальных владельцев, как в случае с «Ореандой», оказались исчерпаны. Отныне оставалось только совершенствовать схему распределения и сохранения воды.

К концу августа 1906 г. В.Н. Качалов смог представить в ГУУ донесение, к которому был приложен составленный инженером путей сообщения И.К. Сикорским «полный проект переустройства водоснабжения имения “Ливадия”». Он просил разрешить выплатить специалисту вознаграждение за проектирование, а также как можно быстрее утвердить предложенный план для исполнения, поскольку положение с каждым годом становилось хуже. Работы предполагалось провести преимущественно хозяйственным способом под руководством автора проекта с привлечением сторонней фирмы только для сооружения водохранилищ, как это было сделано в Массандре. При этом отмечалось, что расходы по подготовленной смете составили бы около 91 000 руб. на водопровод для полива и 16 300 руб. на систему водоснабжения для пищевых целей, а в совокупности около 107 300 руб., что было ощутимо меньше предварительных оценок. Экономия была достигнута за счет сокращения длины водопроводных линий после детальной трассировки, отказа по предписанию ГУУ от капитального ремонта Большого Ливадского открытого бассейна, использования по указанию А.А. Степанова нескольких уже существовавших резервуаров вместо строительства новых, а также исключения из проекта расходов на пожарные краны [14, л. 1, 1 об., 44, 46 об., 50 об.; 15, л. 3 об., 7].

Основное содержание проекта И.К. Сикорского 1906 г. заключалось в следующих положениях:

1. Полное отделение питьевых вод, поступающих непосредственно из источников, от технической воды, которую предполагалось собирать в особые резервуары в зимние и весенние месяцы из источников, а в остальное время – из остатков питьевых вод.

2. Увеличение объема запасаемой воды для технических нужд благодаря установке трех новых крытых резервуаров общей вместимостью в 450 000 ведер.

3. Преобразование существовавшей водопроводной сети исключительно под питьевую воду с отделением всех ветвей технического назначения.

4. Прокладка для воды технического назначения новой сети главных магистральных труб и ее соединение с существовавшими поливными ветвями с заменой неисправных участков.

5. Использование для регулирования питьевого водоснабжения Эрикликского, Старо-Ялтинского, Ферменского, Училищного, Прачечного и Церковного резервуаров общей емкостью около 40 000 ведер, с передачей излишков воды в поливные резервуары посредством сливных («сигнальных») труб из перечисленных питьевых резервуаров.

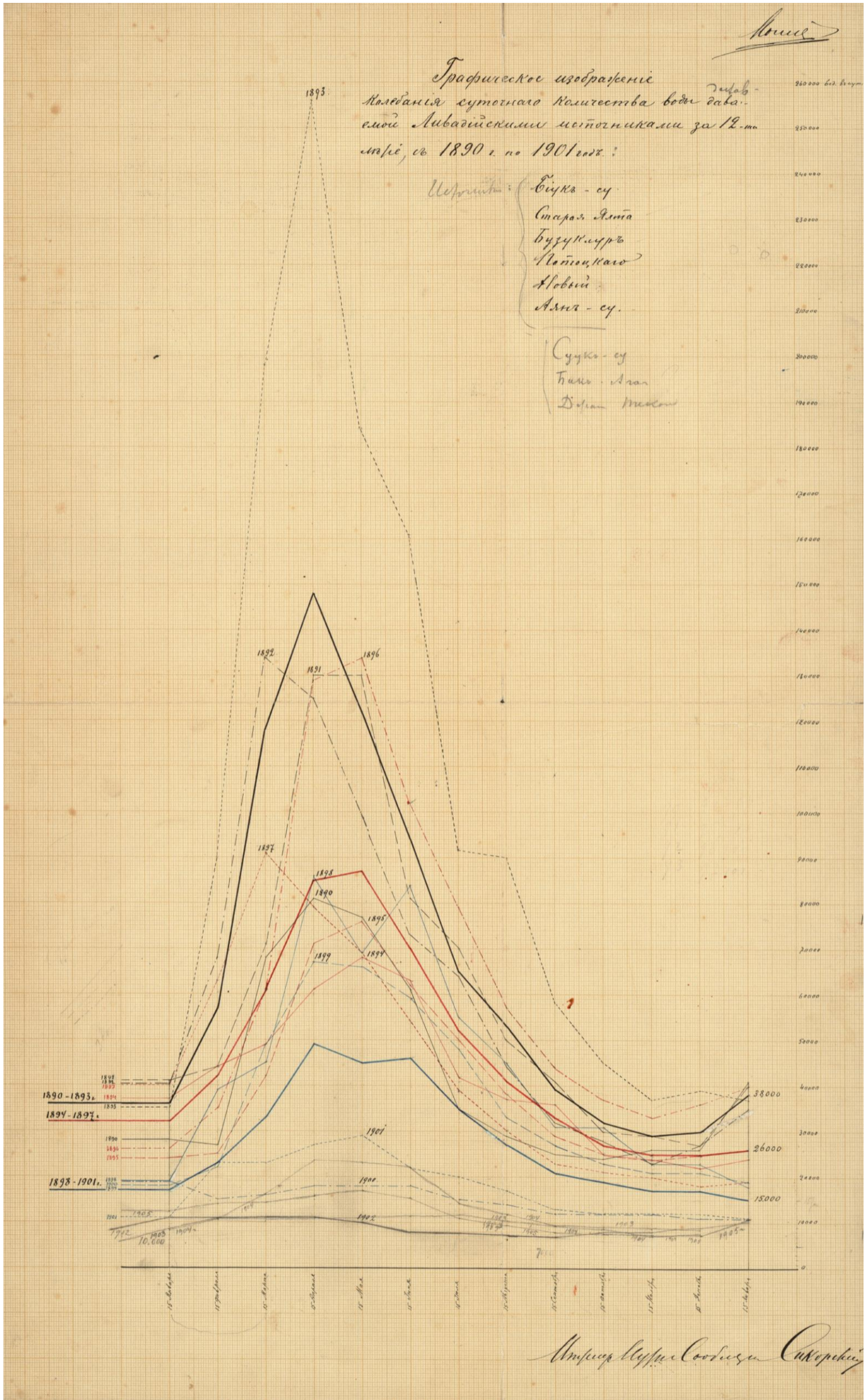
Оценивая емкость всех включенных в проект резервуаров (как существовавших, так и предполагавшихся к обустройству), И.К. Сикорский приходил к объему в 997 950 ведер, поступление воды только за апрель на основе привлеченных специалистом данных наблюдений за период с 1890 г. (см. рисунок) должно было составить до 2 550 000 ведер из расчета по 85 000 ведер в сутки, что давало возможность одновременно для обеспечения потребностей в питьевой воде, полного наполнения емкостей и производства поливов. При этом даже в октябре, в период наименьшего поступления воды из источников, составлявшего 23 000 ведер в сутки, и одновременно присутствия в имении Высочайшего двора со всеми служителями (общим числом до 3 000 человек), предполагалось не только обеспечить потребности в питьевой воде, но и оставить небольшой запас для технических нужд из расчета в 6 ведер на человека, или по 18 000 ведер в сутки [14, л. 31, 31 об., 43, 43 об.].

Проект этот был рассмотрен 13 октября 1906 г. на заседании особой комиссии в составе чинов Ливадско-Массандрского удельного управления и представителей Главного удельного управления. Предварительно он получил одобрение, но при детальном разборе было установлено, что не было проведено обследования упомянутых источников воды, и проект был отклонен руководством ГУУ. Последовавшие осенью 1906 г. изыскания инженера И.К. Сикорского не получили признания ввиду отсутствия в его заключении сведений о характере произведенных гидрологических и гидротехнических исследований. Предпринятая в начале 1908 г. повторная попытка Ливадско-Массандрского удельного управления реализовать вышеупомянутый план с внесением в проект годовой сметы 110 000 руб. на устройство водопровода в «Ливадии» была отклонена 15 января министром императорского двора В.Б. Фредериксом, предложившим изыскать другой вариант реализации плана.

Вслед за этим 22 января 1908 г. последовало предписание ГУУ о создании обособленной ветки водопровода для обеспечения чистой питьевой водой обоих дворцов и прилегающих к ним зданий (Министерского, Фрейлинского и Свитского домов и кухонного корпуса). На эти цели 21 апреля 1909 г. выделили 6 356 руб. 59 коп., на которые был устроен новый отдельный трубопровод с особым резервуаром в 8 000 ведер. Однако основная часть имения по-прежнему оставалась с устаревшей и находившейся в неудовлетворительном состоянии системой водоснабжения [15, л. 3 об., 7, 7 об.]. Этот вывод был подтвержден по итогам проведенного осенью 1909 г. по указанию главы Придворного ведомства исследования воды во всех жилых зданиях «Ливадии», выявившего наличие в ней кишечной палочки. При этом, по словам В.Н. Качалова, на проблему обратил внимание и лейб-медик Е.С. Боткин, ознакомившийся «с устройством всей системы водоснабжения» и представивший В.Б. Фредериксу свое заключение с рекомендацией ее «коренного переустройства» [15, л. 1]. После этого министр признал необходимым проложить в «Ливадии» две отдельные линии водопровода – питьевого и для технических нужд – с устройством новых водохранилищ.

Немедленному воплощению этой идеи помешало несколько обстоятельств: продолжавшаяся в Ялте эпидемия холеры, делавшая нежелательным искусственное скопление рабочих; невозможность быстрого проведения столь масштабных работ и неизвестность вопроса о дальнейшей судьбе старого Ливадийского дворца, что могло повлечь изменения в структуре имения. Однако само решение о реконструкции системы водоснабжения считалось принятым окончательно. Управляющий Ливадско-Массандрским удельным управлением, докладывая об этом начальнику Главного управления уделов князю В.С. Кочубею, отмечал, что первоначальный проект И.К. Сикорского уже не может быть использован в полной мере как по причине внесенных в 1908 г. изменений в систему водопровода, так и в связи с техническим устареванием предложенных им конструктивных решений по водохранилищам. Ввиду занятости штатного архитектора Удельного управления инженера Г.П. Гущина подготовкой общестроительных работ, предлагалось поручить И.К. Сикорскому переработать свой план под современные условия.

Обновленный вариант, по предварительным оценкам В.Н. Качалова, должен был соответствовать следующим требованиям: обновление водосборных сооружений на источниках для исключения попадания грязной дождевой воды; обязательное устройство двух отдельных линий – для питья и полива; сооружение новых запасных хранилищ для технической воды, накапливаемой зимой и в ночное время летом, когда потребление воды из источников находилось на минимальном уровне; обеспечение возможности при удачном накоплении воды использовать ее, помимо полива, для конюшен и каретных сараев. Успешное выполнение означенных условий позволило бы даже при минимальном суточном притоке всех источников (около 30 000 ведер) обеспечить все население имения, достигавшее во время приездов Высочайшего двора свыше 3 500 человек, чистой питьевой водой. Затраты на реализацию проекта оценивались в 80 000 руб., из которых одна половина шла на переустройство водопроводных линий, а вторая – на постройку базового набора запасных резервуаров [15, л. 1–2 об., 4, 4 об.].

Графическое изображение колебания суточного количества воды, даваемой Ливадийскими источниками, за 12-летие с 1890 по 1901 г.

(РГИА. Ф. 515. Оп. 93. Д. 407. Л. 1)

A graphic representation of the fluctuations in the daily amount of water given by the Livadia springs over a 12-year period, from 1890 to 1901

(RGIA, f. 515, inv. 93, d. 407, l. 1)

Параллельно с перепиской относительно водопровода шло обсуждение глобального проекта реконструкции всего имения «Ливадия». Представляя 4 декабря 1909 г. начальнику Главного управления уделов общий перечень необходимых работ, В.Н. Качалов включил в него и «переустройство водоснабжения». По получении же прямого распоряжения императора Николая II о производстве комплексной перестройки «Ливадии», 10 января 1910 г. управляющий подает новый рапорт, в котором вновь перечисляет необходимые работы, а в разделе с рекомендациями по организации их выполнения предлагает «для пересмотра смет по переустройству водоснабжения «Ливадии» и выполнения этой работы в натуре обязательно к маю 1911 г.» пригласить особого подрядчика. На сей раз предложение главы Ливадско-Массандровского удельного управления принимается, и 16 января В.С. Кочубей в числе других распоряжений относительно реконструкции имения приказывает: «Поручить пересоставление проекта переустройства водоснабжения имения «Ливадия» и выполнение в натуре этого проекта, по его утверждению Главным управлением уделов, специально для этой цели приглашенному лицу, войдя в особое соглашение о его вознаграждении с обязательным условием немедленного приступа к пересоставлению проекта и представлению его на утверждение Главного управления уделов не позже 15 марта сего года» [15, л. 8, 8 об., 11, 11 об.; 16, л. 1].

Таким образом, после почти пятилетнего периода подачи обращений, запросов и предложений был, наконец, дан «зеленый свет» реализации давно вынашиваемого и продвигавшегося местной удельной администрацией плана по улучшению обеспечения «Ливадии» водой как питьевого, так и технического назначения. Реальная возможность этого открылась только в условиях подготовки проекта общей реконструкции имения, в котором модернизация водопровода стала лишь одной из составных частей системы коммунального благоустройства наравне с монтажом сетей электрического освещения¹. Реализация в 1910–1912 гг. этого проекта, предусматривавше-

го обновление всех частей имения от двorca до караулок, по сути открыла новую главу в истории «Ливадии».

Результаты. Пятидесятилетний период существования «Ливадии» в качестве владения императорской фамилии с 1861 по 1910 г. ознаменовался постоянным поиском источников пресной воды. В первый раз, в середине 1860-х гг., этот вопрос удалось решить за счет усовершенствования имевшейся системы. Однако затем, вплоть до рубежа XIX–XX столетий, управляющие имением выполняли эту задачу преимущественно экстенсивным способом – путем использования родников сторонних владельцев, комбинируя договорные варианты с административными. Однако к 1900-м гг. этот путь был пройден до конца и началась разработка проектов улучшения системы водоснабжения, предусматривавших как совершенствование водозабора использовавшихся источников, так и модернизацию распределительной сети и группы водохранилищ. Результатом этого стало включение в проект комплексной реконструкции всего имения «Ливадия» в 1910–1912 гг. пункта «переустройство водопровода», реализованного под руководством гражданского инженера Лунина [16, л. 53а об.–53б, 92].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ При этом уже после реализации основной части проекта перепрокладки водопровода в связи с большими объемами потребления воды в период пребывания в «Ливадии» Высочайшего двора и сохранившейся тенденцией к снижению поступления воды, не позволявшей во время приезда Двора пополнять запасы технической воды, поскольку вся поступающая вода шла на текущее потребление, возникла необходимость строительства дополнительных больших водохранилищ. Желательный объем был оценен в 5 800 000 ведер, однако в 1912 г. решили начать с пяти резервуаров по 500 000 ведер [7, л. 294–295].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов А. Е. Госдачи Крыма. М.: Центрполиграф, 2015. 448 с.
2. Горохов В. А. Дворцы и парки Крыма: в истории и историях. М.: ИН-ОКТАВО, 2018. 635 с.

3. Ефимов А. А. Санкт-Петербург XIX века: Строительная деятельность Министерства императорского двора. СПб.: Ист. ил., 2019. 288 с.

4. Ефремова Л. А. Ливадия – романтический симбиоз стилей // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2015. № 3 (80). С. 90–95.

5. Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. 320 с.

6. Калинин Н. Н., Кадиевич А., Земляниченко М. А. Архитектор Высочайшего Двора. «Архитектор Краснов – удивительный молодец». Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 230 с.

7. Книга высочайших повелений за 1912 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 1. Д. 124.

8. Коляда Е. М. Дворцы и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистическая характеристика: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2002. 181 с.

9. Коляда Е. М. Сады и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистический анализ. СПб.: Невский ин-т управления и дизайна, 2009. 181 с.

10. Линникова О. В. Стилиевые особенности усадебной архитектуры Крыма периода эклектики в контексте общеевропейских тенденций: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 233 с.

11. Литвинова Е. М. Царская семья в Крыму. Симферополь: Рубин, 2012. 480 с.

12. Манцыгина И. В. Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – начале XX в.: дис. ... канд. архитектуры. СПб., 1999. 404 с.

13. Овознаграждении архитектора Монигетти за строительные работы в имении Ливадия и об отчетности по сим работам // РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 40.

14. О переустройстве водопроводной сети в имении Ливадия // РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 303.

15. О сооружении новых построек в имении «Ливадия» и о капитальных ремонтных работах по Ливадии и Ореанде // РГИА. Ф. 515. Оп. 70. Д. 95.

16. О строительных и ремонтных работах по имению Его Величества «Ливадия» и «Ореанда» // РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 194.

17. Об устройстве водопровода из источников, находящихся в пределах Ауткинской и Гаспринской казенных лесных дач // РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 2075.

18. Относительно проведения воды в Ливадию // РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 2537.

19. Палькеева Е. А. Императорское имение Ливадия в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // История в подробностях. 2016. № 5-6 (71-72). С. 50–57.

20. Сироткина А. А. Дорога на Ай-Петри. Путешествие в прошлое. Симферополь: Н. Орианда, 2021. 256 с.

21. Слюнькова И. Н. Градостроительный замысел Ливадийского дворцово-паркового ансамбля // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1. С. 36–43.

22. Слюнькова И. Н. Ливадия. Архитектура дворцово-паркового ансамбля. Вторая половина XIX века. М.: БуксМАрт, 2022. 475 с.

23. Слюнькова И. Н. Ливадия и Ильинское – параллели создания двух императорских резиденций // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 4. С. 20–29.

REFERENCES

1. Artamonov A.E. *Gosdachi Kryma* [State Dachas of Crimea]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2015. 448 p.

2. Gorokhov V.A. *Dvortsy i parki Kryma: v istorii i istoriyakh* [Palaces and Parks of Crimea: In History and Stories]. Moscow, IN-OKTAVO, 2018. 635 p.

3. Efimov A.A. *Sankt-Peterburg XIX veka: Stroitel'naya deyatel'nost Ministerstva imperatorskogo Dvora* [St. Petersburg of the 19th Century: Construction Activities of the Ministry of the Imperial Court]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 2019. 288 p.

4. Efremova L.A. *Livadiya – romanticheskiy simbioz stiley* [Livadia –Romantic Symbiosis of Styles]. *Arkhitektura. Stroitel'stvo. Dizain* [Architecture. Construction. Design], 2015, no. 3 (80), pp. 90-95.

5. Kalinin N.N., Zemlyanichenko M.A. *Romanovy i Krym. «U vsekh nas ostalas toska po Krymu...»* [Romanovs and Crimea. “We All Have a Longing for Crimea...”]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2018. 320 p.

6. Kalinin N.N., Kadievich A., Zemlyanichenko M.A. *Arkhitekt Vysochaishego Dvora. «Arkhitekt Krasnov – udivitelnyi molodets»* [Architect of the Emperors' Court. “Architect Krasnov Is an Amazing Fellow”]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2017. 230 p.

7. *Kniga vysochayshikh povelений za 1912 g.* [Book of the Highest Orders for 1912]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (dalee – RGIA)* [Russian State Historical Archive (hereinafter – RGIA)], f. 515, inv. 1, d. 124.

8. Kolyada E.M. *Dvortsy i parki Kryma XIX – nachala XX veka. Istoriya sozdaniya i stilisticheskaya kharakteristika: dis. kand. iskusstvovedeniya* [Palaces and Parks of the Crimea 19th – Early 20th Century. History of Creation and Stylistic Characteristics. Cand. Art History Diss.]. Saint Petersburg, 2002. 181 p.

9. Kolyada E.M. *Sady i parki Kryma XIX – nachala XX veka. Istoriya sozdaniya i stilisticheskii analiz* [Gardens and Parks of the Crimea 19th – Early

20th Century. History of Creation and Stylistic Analysis]. Saint Petersburg, Nevskii in-t upravleniya i dizaina, 2009. 181 p.

10. Linnikova O.V. *Stilevye osobennosti usadebnoi arkhitektury Kryma perioda eklektiki v kontekste obshcheevropeiskikh tendentsii: dis. kand. iskusstvovedeniya* [Stylistic Features of the Crimean Manor Architecture of the Eclectic Period in the Context of Pan-European Tendencies. Cand. Art History Diss.]. Moscow, 2011. 233 p.

11. Litvinova E.M. *Tsarskaya semya v Krymu* [Royal Family in the Crimea]. Simferopol, Rubin Publ., 2012. 480 p.

12. Mantsygina I.V. *Arkhitektura usadeb «Tsarskogo berega» v Krymu v XIX – nachale XX v.: dis. ... kand. arkhitektury* [Architecture of the Estates of the “Tsars Coast” in the Crimea in the 19th – Early 20th Centuries. Cand. Architecture Diss.]. Saint Petersburg, 1999. 404 p.

13. O voznagrazhdenii arkhitekora Monighetti za stroitelnyye raboty v imenii Livadiya i ob otchetnosti po sim rabotam [On the Remuneration of Architect Monighetti for Construction Work on the Livadia Estate and on Reporting on These Works]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 515, inv. 29, d. 40.

14. O pereustroytve vodoprovodnoy seti v imenii Livadiya [On the Reconstruction of the Water Supply Network in the Name of Livadia]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 515, inv. 85, d. 303.

15. O sooruzhenii novykh postroyek v imenii «Livadiya» i o kapitalnykh remontnykh rabotakh po Livadii i Oreande [On the Construction of New Buildings on the Livadia Estate and on Capital Repairs in Livadia and Oreanda]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 515, inv. 70, d. 95.

16. O stroitelnykh i remontnykh rabotakh po imeniyu Yego Velichestva «Livadiya» i «Oreanda»

[On Construction and Repair Work on the Estate of His Majesty “Livadia” and “Oreanda”]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 515, inv. 85, d. 194.

17. Ob ustroystve vodoprovoda iz istochnikov, nakhodyashchikhsya v predelakh Autkinskoy i Gasprinskoy kazennykh lesnykh dach [On the Arrangement of Water Supply from Sources Located Within the Autkinskaya and Gasprinskaya State-Owned Forest Dachas]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 515, inv. 29, d. 2075.

18. Otnositelno provedeniya vody v Livadiyu [Concerning Conducting Water to Livadia]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 515, inv. 8, d. 2537.

19. Palkeeva E.A. Imperatorskoye imeniye Livadiya v gody russko-turetskoy voyny 1877–1878 gg. [Imperial Estate Livadia during the Russian-Turkish War of 1877–1878]. *Istoriya v podrobnostyakh* [History in Detail], 2016, no. 5-6 (71-72), pp. 50-57.

20. Sirotkina A.A. *Doroga na Ay-Petri. Puteshestviye v proshloye* [Road to Ai-Petri. Journey into the Past]. Simferopol, N. Orianda, 2021. 256 p.

21. Slyunkova I.N. Gradostroitelnyy zamysel Livadiyskogo dvortsovo-parkovogo ansamblya [Urban Planning Concept of the Livadia Palace and Park Ensemble]. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo* [Academia. Architecture and Construction], 2018, no. 1, pp. 36-43.

22. Slyunkova I.N. *Livadiya. Arkhitektura dvortsovo-parkovogo ansamblya. Vtoraya polovina XIX veka* [Livadia. Architecture of the Palace and Park Ensemble. Second Half of the 19th Century]. Moscow, BooksMArt Publ., 2022. 475 p.

23. Slyunkova I.N. Livadiya i Ilynskoye – paralleli sozdaniya dvukh imperatorskikh rezidentsiy [Livadia and Ilynskoye – Parallels in the Creation of Two Imperial Residences]. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo* [Academia. Architecture and Construction], 2016, no. 4, pp. 20-29.

Information About the Author

Andrey A. Yefimov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Scientific and Historical Archive and Source Study Group, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, aafimov5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>

Информация об авторе

Андрей Александрович Ефимов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, aafimov5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9016-1091>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.8>

UDC 394.24+796.89(1920–1941)
LBC 63.3(0)61

Submitted: 14.11.2023
Accepted: 15.02.2024

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL CRIMEAN TATAR BELT WRESTLING INTO A NATIONAL SPORT IN THE FIRST DECADES AFTER THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN CRIMEA (1920–1941)

Andrey V. Mutiyev

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of the article was to study the processes of transformation of belt wrestling as a cultural and historical heritage of the Crimean Tatar people into a kind of national sport in the 1920s – 1941. *Material.* The research was based on the funds of the State Archives of the Republic of Crimea and newspaper publications from the late 1920s to early 1940s on the development of Crimean Tatar belt wrestling in Crimea. *Results.* Materials presented in the article highlight the trace of the transition of Crimean Tatars' national belt wrestling from a form of manifestation of culture and entertainment to a kind of national sport, which became part of the state system of Soviet physical education. In the first decade after the establishment of Soviet power in Crimea, belt wrestling continues to be a part of the national holidays of the Crimean Tatars with the support and participation of the Soviet state administration of physical culture and sports. As a transitional platform for the transformation of belt wrestling from folk fun into a sport was the national Crimean Tatar holidays Derviza, which acquired an all-Crimean character since 1923. Since the late 1920s and early 1930s, the official rules for belt wrestling have been developed, tested, and improved. Wrestling tournaments are separated from national and religious holidays, including in the state system of physical culture events. Until the beginning of the 1940s, the Crimean Tatar wrestling was fully integrated into the system of physical culture work and was included in the new complex "Ready for Labor and Defense" for the Crimea.

Key words: belt wrestling, Crimean Tatars, transformation, cultural heritage, sport, Soviet power.

Citation. Mutiyev A.V. Transformation of Traditional Crimean Tatar Belt Wrestling into a National Sport in the First Decades After the Establishment of Soviet Power in Crimea (1920–1941). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 92-102. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.8>

УДК 394.24+796.89(1920–1941)
ББК 63.3(0)61

Дата поступления статьи: 14.11.2023
Дата принятия статьи: 15.02.2024

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ БОРЬБЫ НА ПОЯСАХ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВИД СПОРТА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ (1920–1941 гг.)

Андрей Викторович Мутьев

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Исследованы процессы трансформации борьбы на поясах как культурно-исторического наследия крымско-татарского народа в вид национального спорта с начала 1920-х до 1941 года. *Материалом исследования* выступили фонды Государственного архива Республики Крым и газетные публикации конца 1920-х – начала 1940-х гг. по развитию крымско-татарской борьбы на поясах в Крыму. *В результате исследования* удалось проследить процессы перехода национальной борьбы крымских татар от формы манифестации культуры и развлечения к виду национального спорта, ставшим частью государственной системы физкультурной работы. В первом десятилетии после установления советской власти в Крыму борьба на поясах

продолжает оставаться частью национальных праздников крымских татар при поддержке и участии органов государственного управления физкультурой и спортом. С начала 1930-х гг. происходит разработка, апробация и совершенствование официальных правил проведения борьбы на поясах, а турниры отделяют от национальных и религиозных праздников, включая в государственную систему физкультурных мероприятий. До начала 1940-х гг. крымско-татарская борьба полностью интегрируется в систему физкультурной работы и вносится для Крыма в новый комплекс «Готов к труду и обороне».

Ключевые слова: борьба на поясах, крымские татары, трансформация, культурное наследие, вид спорта, советская власть.

Цитирование. Мутьев А. В. Трансформация традиционной крымско-татарской борьбы на поясах в национальный вид спорта в первые десятилетия после установления советской власти в Крыму (1920–1941 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 92–102. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.8>

Введение. С глубиной древности в состав национальной физической культуры, как неотъемлемой части общей культуры тюркских народов входили игры, танцы, борьба и другие физические упражнения, связанные с военной, трудовой деятельностью и необходимостью подготовки к ней [11, с. 3]. Несколько тысячелетий различные традиционные виды борьбы служили физическому воспитанию сильных мужчин и бесстрашных воинов. Впоследствии они обрели большую популярность у народов, оставаясь сердцевиной многих народных праздников. Сохранение истории развития и основ самой техники единоборства, его самобытных и эффективных приемов, является чрезвычайно важным как для современного развития национальных видов борьбы, так и сохранения культурного наследия народов [6]. К таким видам, несомненно, относится традиционная борьба на поясах, существовавшая многие века у тюркских народов: татар (кореш), карачаевцев (тутуш), якутов (хапсагай), киргизов (альш), казахов и каракалпаков (курес), узбеков (кураш). Крымские татары развивали этот вид борьбы, называя его «куреш», что является полным синонимом русского слова «борьба». Сегодня практически каждая народность имеет свой стиль борьбы на поясах, что позволило даже проводить различные международные соревнования в этом виде спорта [21, с. 276].

Историография по развитию борьбы на поясах располагает значительным массивом научно-популярной, учебной и публицистической литературы. В работах отечественных авторов и исследователей из ближнего зарубежья освещены процессы и события начиная от зарождения борьбы на поясах и до со-

временного состояния ее нынешних разновидностей. В частности, рассмотрены аспекты развития борьбы на поясах от локальных двигательных практик у различных народов до современного международного вида спорта [6; 7], сделаны попытки определения стадий и этапов развития борьбы на поясах от момента первых упоминаний о ней и до современности [17], сформированы современные методики обучения борьбе на поясах с учетом накопленного столетиями опыта в традиционных видах борьбы на поясах [11]. Вместе с тем анализ научно-педагогического фонда свидетельствует о том, что на сегодняшний день в полной мере не было осуществлено исчерпывающего исследования проблемы развития борьбы на поясах у крымских татар. Национальной физической культуре крымских татар посвящены лишь несколько разноплановых публикаций в которых содержатся краткие исторические сведения об истории традиционной борьбы на поясах [1; 9] и обобщен опыт применения средств физической культуры в быту, религиозных обрядах, национальных праздниках крымских татар для формирования физических качеств и укрепления здоровья [4].

Одним из наиболее важных и практически не исследованных периодов в развитии борьбы на поясах у крымских татар остаются первые два десятилетия после установления советской власти в Крыму. Именно в этот период происходят процессы перехода некоторых двигательных практик от народных забав коренного населения полуострова в виды «национального спорта» для решения масштабных задач, поставленных новой властью. В связи с этим целью нашей работы выступило исследование процессов трансформации борь-

бы на поясах как культурно-исторического наследия крымско-татарского народа в вид национального спорта с начала 1920-х до 1941 года.

Материалы и методы исследования. Применение в работе проблемно-хронологического метода позволило выявить изменения и нововведения в крымско-татарской борьбе на поясах в дореволюционный и постреволюционный период, рассмотрев отдельные проблемы изменения правил проведения соревнований по борьбе, особенности ее стандартизации, рационализации и экспорта как средства физического воспитания. Использование историко-сравнительно метода позволило провести многоаспектный анализ феномена трансформации традиционного вида борьбы в национальный вид спорта и попыток его использования для решения задач «новой» пролетарской физической культуры (идеологических, оздоровительных, воспитательных).

Наиболее информативными источниками при изучении проблемы стали делопроизводственные документы Республиканского комитета по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров Крымской АССР из фондов Государственного архива Республики Крым, большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Они позволили выявить механизмы «спортизации» национальных физических упражнений и получить конкретные сведения о вовлеченности коренного населения Крыма в новые физкультурные практики.

Из периодической печати конца 1920-х – начала 1940-х гг. использована главная газета полуострова «Красный Крым», публиковавшая материалы по развитию крымско-татарской борьбы в Крыму.

Результаты исследования. Еще со времен появления в Крыму античных греческих городов-государств (VI в. до н. э.) существовала борьба как вид состязаний в силе, быстроте и ловкости, однако известные способы проведения борьбы там не включали использование захватов за пояс соперника [10, с. 58–59]. Борьба на поясах появилась в Крыму вместе с формированием тюркского мусульманского народа – крымских татар, отделением от Золотой Орды Крымского ханства и утверждением крымскими татарами своей государственности. Первоначально борьба на поясах

у тюркских народов, в том числе крымских татар, являлась средством военно-физической подготовки [5], но с упадком Крымского ханства и последующим присоединением Крыма к Российской империи, она утратила свое военно-прикладное значение и продолжила существовать как часть народных состязаний на традиционных праздниках. Состязания по борьбе становятся важнейшим элементом культуры и быта крымских татар, обязательным атрибутом народных праздников, свадеб, больших торгов и др. Поединки мастеров куреш начинают цениться своей зрелищностью и борцовским духом. Обязательным проведение турнира по борьбе куреш было на национальных крымско-татарских праздниках Хыдырлез и Девиза. Борьба была частью праздников Наврез, Ураза Байрам и Курбан Байрам, свадебных церемоний [18, с. 245; 20, с. 182]. Наряду с другими спортивными состязаниями борьба куреш включалась в традиции посвящения ремесленников в мастера – Реван, которые уходят корнями в период Крымского ханства [23].

Единых четких правил борьбы и проведения состязаний в этот период не существовало. В каждой местности были свои особенности проведения поединков, при соблюдении общих принципов. Анализ немногочисленных источников по борьбе на поясах у крымских татар позволил составить лишь общее представление о ее проведении: борьба проводилась без ограничения времени и веса, а в состязаниях принимали участие юноши и мужчины разных возрастов. Победителем в схватке считался тот борец, который бросит соперника из стойки на лопатки или поднимет его над головой. Выиграть турнир мог лишь борец, который победил трех соперников подряд. Победители получали призы и подарки, в том числе денежные. Судьями обычно выступали известные в прошлом борцы [9, с. 257–258].

Новый этап развития крымско-татарской борьбы на поясах в Крыму начинается после окончательного установления советской власти в ноябре 1920 года. После Октябрьской революции в РСФСР, а позже в СССР появляется термин «национальные виды борьбы», относившийся к ее традиционным формам, специфичным для тех или иных этнических групп. Отдельные локальные разновидности борьбы, в том числе и борьба на поясах, в

СССР стандартизировались и продвигались как «национальный спорт» [24, р. 407].

Физкультурное движение в Крыму начиная с 1923 г. активно набирает обороты, отделяясь от военной подготовки. Новая власть на первый план выводит задачи его массовости и общедоступности. Среди них: широкий охват деревенского населения, коренных народов и национальных меньшинств. В этот период органы управления физической культурой Крымской АССР пытались поставить существующие формы проведения состязаний по борьбе на поясах во время национальных праздников на службу этим новым задачам пролетарской физкультуры.

Удобной промежуточной площадкой для спортизации «татарской борьбы», как в официальных документах и периодической печати называли в 1920–1940-х гг. крымско-татарскую борьбу куреш, выступили крымско-татарские национальные праздники урожая – Дервиза, делившиеся на три уровня: малые, средние и большие. Малые Дервиза проводились на территории одного или нескольких небольших сел. В средних принимали участие жители нескольких сельсоветов, а большие проходили по всему району или республике. Это позволяло проводить отбор сильнейших борцов на уровне

отдельных сел и городов для участия в турнирах более высокого масштаба вплоть до всекрымского. Первая такая Всекрымская Дервиза была организована в селе Кутлак Судакского района в 1923 г. под руководством будущего Председателя ЦИК Крымской АССР и Высшего совета физической культуры Крыма (ВСФК) Вели Ибраимова, установив ежегодную традицию их проведения.

Одним из ярких примеров таких турниров стала прошедшая в октябре 1926 г. в Симферополе Всекрымская Дервиза. Организованные там состязания по борьбе на поясах, собрали практически всех сильнейших крымских борцов. Сохранились сведения о сельском голове села Аджи-Булат – Ягьи Абдуле, ветеране Первой мировой войны, который, несмотря на последствия тяжелого ранения руки, стал сильнейшим борцом этого турнира. Помимо традиционных подарков, победитель турнира награждался специальной медалью, оформленной в национальной стилистике в сочетании с советской символикой. На аверсе наградной медали надпись на русском языке: «Лучшему борцу Крыма в память о Всекрымской Дервизы от комиссии ЦИКаКр.АССР. 1/X 1926». На реверсе медали дублировалась эта надпись на крымско-татарском языке в арабграфическом алфавите (рис. 1).

Рис. 1. Лучший борец Всекрымской Дервизы 1926 г. Ягья Абдул, аверс и реверс медали победителя турнира (из личного архива семьи Ягьяевых)

Fig. 1. The best wrestler of the All-Crimean Derviza of 1926, Yagya Abdul, obverse and reverse of the tournament winner's medal (from the personal archive of the Yagyaev family)

В начале мая 1926 г. состоялся Всекрымский съезд советов физкультуры, где были подведены итоги физкультурного строительства в Крыму и намечены очередные задачи на дальнейший период времени. Съезд по физкультуре, на основе выводов Комиссии по обследованию работы Высшего совета физической культуры Крыма, обратил серьезное внимание на необходимость усиления участия татарской молодежи в физкультуре и важность подготовки кадров – специальных инструкторов из татар. Отмечалась необходимость создания кружков физкультуры при национальных клубах и втягивания молодежи нацменьшинств в имеющиеся общие кружки [8]. Освещая работу съезда, газета «Красный Крым» писала: «Необходимо развернуть работу по физкультуре на селе, усилить охват татарских и нацменовских масс, приспособляя работу к бытовым условиям и особенностям каждой национальности. Предстоящей осенью необходимо организовать всекрымские курсы по подготовке работников для села, главным образом, татар и нацменов» [3].

Одним из основных средств приобщения коренного населения Крыма к физической культуре выступила борьба на поясах, как самый популярный вид традиционных физических упражнений среди крымских татар. Высший совет физической культуры Крыма начал активную работу по разработке единых правил по «татарской борьбе». Для этого была создана специальная комиссия, отчеты которой регулярно обсуждались на заседаниях Научно-технического комитета ВСФК Крыма [14, л. 20]. Итогом работы комиссии стал доклад ответственного секретаря ВСФК Крыма Д.В. Красникова «О рассмотрении правил татарской борьбы» на Втором Национальном деревенском совещании по физической культуре 30 января 1928 года. В частности, Красников отмечал: «Нет никакого письменного материала по проведению соревнований по татарской борьбе. Предварительный материал был собран со слов знатоков татарской борьбы. Материал проработан специальной комиссией при ВСФК Крыма, но нуждается в дальнейшем дополнении». Были сформулированы основные задачи «татарской борьбы»: пропаганда физического воспитания и оздоровления, охват физическими упражнениями

вообще и в частности татарского населения Крыма. Развитие «татарской борьбы» должно было всячески пропагандироваться и получить большое распространение среди основного населения Крыма – татар.

В соревнованиях по «татарской борьбе» рекомендовалось ввести целый ряд изменений с санитарно-гигиенической стороны и врачебного контроля, однако особо отмечалось, что при внесении подобных изменений нельзя допускать нарушения традиционных правил, которые имелись на тот момент.

Допуск участников к соревнованиям был ограничен от 16 лет и старше. Участников следовало делить на три возрастные группы: 16–19 лет, 20–23 года, от 24 лет и старше. Признавалась необходимость примерного учета веса борцов. Составлять пары следовало лишь при равенстве веса и не более 1 пуда разницы. В противном случае было рекомендовано делить на две группы в каждом возрасте и при возможности составлять пары одинакового роста.

Соревнования было решено делить на кружковые (деревенские), сельсовета, районные и Всекрымские и проводить ежегодно от кружка и до Всекрымских. Проведение должно было проходить при тесной увязке в зависимости от масштаба с кружками физкультуры, районными советами физической культуры и Высшим советом физической культуры Крыма, а со стороны последних необходимо принятие различных мероприятий, обеспечивающих нормальное проведение соревнований.

Для проведения соревнований организаторами должна была выделяться судейская комиссия, состоящая из знающих и опытных по «татарской борьбе» лиц в количестве 5–7 человек. Комиссию обязывали проводить соревнования, определять победителей, выдавать призы и премирование.

На судейскую комиссию возлагалось объяснение задач, запрещенных и разрешенных приемов борьбы, производство записи борцов, проверку завязывания и правильность взятия кушака, составление пар и т. д. Она должна была следить за временем каждой схватки, причем схватка не должна была превышать 15 минут, в случае безрезультатности схватки, объявлялась ничья. При ничьей вторично в этой паре поединок не проводился.

Комиссия следила чтобы, перерыв длился не менее 5 минут, а после 3 схваток борцу давался отдых не менее 1 часа.

Поражение, согласно предлагаемым правилам, присуждалось тому, кто раньше какой-либо частью тела прикоснется земли или мата, причем если борцы одновременно какими-либо частями тела коснутся мата или земли, то присуждалась победа, сделавшему прием или же борцу, сделавшему в ответ на прием – контрприем, заставивший обоих борцов коснуться земли. Бороться в обуви, бросать через голову, держать руку через шею, отпускать руку от кушака не разрешалось.

Все соревнования должны проводиться на ровной мягкой земле, а зимой в зимних физкультурных помещениях, на мягком мате, причем место не менее 5 на 5 м. Должно было выделяться место и для публики. Участники обсуждения предложенных правил отмечали, что их нельзя вводить резко, а лишь после разъяснительной работы среди коренного населения полуострова. Касалось обсуждение также ценных призов для победителей состязаний: предлагалось изжить традиции награждения деньгами либо домашним скотом, что могло создать неверные стимулы при ведении спортивной борьбы [14, л. 25].

В феврале 1928 г. на очередном заседании научно-технической комиссии ВСФК Крыма представленные материалы было решено утвердить, отпечатать и разослать по районам Крыма [14, л. 31]. Началась опытная работа по их проверке на практике. Соревнования по «татарской борьбе» было решено включить во Всекрымские межведомственные соревнования тяжелоатлетов (28–29 апреля 1928 г.), где, помимо состязаний по французской борьбе и поднятию тяжестей, от каждой команды было необходимо выставить трех человек по «татарской борьбе». Помимо этого, обсуждался вопрос проведения Всекрымских соревнований по «татарской борьбе» с широким привлечением к этому учебных заведений, приглашением татарского оркестра и оповещением через газету о предстоящем соревновании [14, л. 38]. Такое состязание удалось провести, а его итоги были подведены на заседании Президиума научно-технического комитета ВСФК Крыма 3 мая 1928 г. (протокол № 8), в котором отмечалось значи-

тельное количество ошибок и нареканий по их организации. В частности, со стороны коллегии судей были ошибки в завязывании поясов, в даче перерывов и т. д. Было принято решение провести дополнительную схватку между участниками Кадыровым и Нагаевым. В итоге была создана специальная комиссия в составе специалистов по физической культуре Красникова, Османова, Каневского, Эвельдинова и Аджи-Абла для пересмотра правил по «татарской борьбе» в месячный срок [14, л. 58].

В то же время тесная связь традиционных турниров по борьбе куреш и религиозная направленность национальных праздников, где они проводились, вступала в противоречие с атеистической идеологией советской власти, поэтому предпринимались попытки использовать спорт и физическую культуру для отвлечения народных масс от религии, противопоставляя проведение физкультурных мероприятий религиозным праздникам [2, с. 153].

18 октября 1928 г. научно-техническим комитетом ВСФК Крыма было решено провести в Бахчисарае, как национальном центре крымско-татарского населения Крымской АССР, Первый Всекрымский национальный праздник по физической культуре. Планировалось его проведение в июне 1929 года. Работникам ВСФК Крыма Азизову и Михайлову было поручено проработать его программу [14, л. 61].

16 апреля 1929 г. инструктор-организатор ВСФК Крыма Ниметула Османов отбыл в Бахчисарай для обследования подготовительной работы по физкультуре к летнему сезону и Первому национальному татарскому празднику физической культуры [12, л. 9об], а через месяц он и ответственный секретарь ВСФК Крыма Д.В. Красников приняли участие в его проведении [12, л. 10].

Несмотря на ряд трудностей с подготовкой, мероприятие было проведено чуть раньше запланированного срока – 17 мая 1929 года. Его результаты были запротоколированы, а сведения об участниках и программе представлены на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР 29 мая 1929 г.: «1-й Всекрымский национальный праздник физкультуры показал сравнительно высокие спортивно-технические данные в общих и национальных

видах спорта и выполнил свои основные задачи: противопоставил празднику религиозному «Курбан-Байрам» праздник пролетарской физкультуры, несмотря на попытки духовенства и националистов сорвать революционно-культурное творчество национальных масс». Из итогового протокола праздника видно, что состязания по «татарской борьбе» были проведены в трех возрастных категориях без учета веса участников [2, с. 152].

В резолюции Первой Всекрымской конференции по физической культуре, состоявшейся 16–17 марта 1930 г., значилось, что в связи с «обострением классово-борьбы и усилением подготовки капиталистических стран к нападению на СССР» необходимо перестроить работу по физической культуре на основе активного участия в социалистическом строительстве методом соревнования, усилении военизации упражнений, введении в физкультурных кружках политчасов и др. Было решено организовать физкультурные кружки в крупных татарских деревнях и при татарских клубах, обеспечив работу их необходимыми кадрами руководителей и развитием национальных видов физических упражнений, в том числе «татарской борьбы». Регулярно проводить крымские и районные праздники физической культуры, противопоставляя их религиозным и другим национальным праздникам. В 1930 г. планировалось издать на татарском языке наиболее популярную физкультурную литературу [16, л. 6].

Обсуждались эти вопросы и по линии партийных органов Крыма. Так, в протоколе Объединенного партийного совещания по физической культуре при комитете ВКП(б) от 15 июля 1930 г. первоначально было указано: «Для приближения физической культуры к национальным меньшинствам и татарскому населению Крыма всемерно использовать местные национальные праздники (дервиза и т. д.), пропитав таковые элементами физической культуры, в частности взяв под свой контроль проведение татарской борьбы, согласно правил ВСФК Крыма». Однако этот абзац был вычеркнут и заменен абзацем следующего содержания: «Ежегодно проводить национальный деревенский праздник по физической культуре и спорту, включив в программу национальные элементы – татарскую

борьбу, национальные танцы и т. д.» [16, л. 34]. Таким образом, национальные праздники были отстранены от дела развития физической культуры и заменялись проведением отдельных деревенских национальных праздников по физической культуре, которые организовывались местными Советами физической культуры под руководством ВСФК Крыма. Турниры по национальной борьбе там проходили по установленным ВСФК Крыма правилам. 21 июля 1930 г. был организован второй Национальный татарский праздник физической культуры, который приурочили к Дню конституции, хотя изначально он планировался под названием национального праздника «Дервиза» [19, л. 23].

С начала 1930-х гг. крымско-татарская борьба становится обязательным видом при организации не только деревенских национальных праздников, но и основных соревнований полуострова – Всекрымских праздников физической культуры (Всекрымских спартакиад). Так, в распоряжении Научно-методического комитета Высшего совета по физической культуре Крыма от 9 февраля 1931 г. о проведении Праздника физической культуры, приуроченного к VI Всесоюзному съезду Советов СССР 1931 г. «Татарская борьба» обозначена первым пунктом среди всех включенных видов спорта. Правила проведения соревнований было решено отпечатать на национальном языке и разослать на места [15, л. 7].

Совершенствование правил проведения соревнований по борьбе на поясах продолжалось и в последующие годы. Так, в феврале 1932 г. при обсуждении и изменении правил «татарской борьбы» на заседании Научно-методического комитета ВСФК Крыма было решено поручить эту работу членам комитета Найдичу и Османову. Им в помощь было решено направить инструкторов Калужского, Гриневского и одного специалиста по «татарской борьбе» [13, л. 6]. Уже в марте были представлены результаты пересмотра правил, основная суть которых заключалась во введении весовых категорий вместо возрастных. Было решено участников делить по пяти весовым категориям: до 55 кг, до 62 кг, до 70 кг, до 80 кг и свыше 80 кг. В новых правилах был четко указан тип основного захвата за пояс соперника, запрещено упираться подбородком

в плечо «товарища», при ничьей учет победителя велся по степени его активности и весу [13, л. 14].

С 1933 по 1939 гг. «татарская борьба» становится неотъемлемой частью практически всех комплексных крымских соревнований как национальных, так и межведомственных. Расширяется количество участвующих в них городов и районов Крыма, растет количество участников. Важным элементом ее развития становится включение изучения правил и приемов «татарской борьбы» в программы курсов подготовки и экспертизы крымских инструкторов физической культуры в разделе «местные виды физических упражнений» [15, л. 19].

С 1931 по 1934 гг. внедряется новая государственная программа, призванная способствовать всестороннему физическому воспитанию населения, на основе комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО). Важное место в работе спортивных секций отводят национальным видам спорта, в частности крымско-татарской борьбе. Изучение приемов крымско-татарской борьбы ставится на научную основу. На методическом совещании

Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме Крымской АССР были окончательно утверждены разработанные работником комитета Н.Х. Османовым правила соревнований по «татарской борьбе». Они были успешно проверены на Всекрымских соревнованиях лучших борцов Крыма в Симферополе в 1940 г. (рис. 2).

Согласно этим правилам, к соревнованиям по крымско-татарской борьбе допускались только мужчины, достигшие 18-летнего возраста, разделенные по весовым категориям.

Были разработаны разрешенные технические элементы, согласно которым борец мог поднять соперника и взять его на колено, оторвав соперника от земли, взять его на бедро и положить на мат или поднять своей ногой обе ноги противника, тянуть соперника к себе на грудь и, подняв его, положить на мат спиной. Разрешался захват соперника ногой, полусуплесс без касания головы о мат, отрыв соперника от земли и вращение его вокруг себя на руках и некоторые другие. Каждый из приемов получил название на крымско-татарском языке.

Рис. 2. Лучшие борцы турнира Катаклы и Тантана в стойке на Всекрымских соревнованиях по «татарской борьбе» в Симферополе, 1940 год. Фото В. Малышева в газете «Красный Крым» [22]

Fig. 2. The best wrestlers of the tournament Katakly and Tantana in a standing position at the All-Crimean “Tatar wrestling” competition in Simferopol, 1940.

Photo by V. Malyshev in Krasny Krym newspaper [22]

Крымско-татарскую борьбу на поясах, в числе других прикладных упражнений, было решено ввести для Крыма в новый комплекс ГТО. Это решение послужило толчком к включению борьбы на поясах в систему учебно-спортивной работы физкультурных организаций Крыма, широкой пропаганде этого вида спорта и дальнейшему вовлечению местного населения, особенно взрослых, в физкультурное движение.

Перед государственными органами управления по делам физкультуры и спорта стали вопросы подготовки тренерско-инструкторских и судейских кадров для крымско-татарской борьбы, в связи с чем было решено провести соответствующий семинар. Ведущих мастеров крымско-татарской борьбы на поясах Танта, Катаклы, Абдурешитова и других стали привлекать по месту их проживания в качестве тренеров. Традиционный и любимый вид спорта крымских татар, развивающий все необходимые качества, был призван занять важное место в подготовке населения Крыма к труду и обороне.

До начала Великой Отечественной войны, в мае 1941 г. в Ялте было проведено первенство Крымской АССР между сборными командами городов и районов республики, а 20 июля в Симферополе планировалось провести соревнования на звание абсолютного чемпиона Крыма по крымско-татарской борьбе, однако очевидно провести его не удалось. Война с последующей депортацией крымских татар остановили развитие борьбы куреш в Крыму более чем на 40 лет.

Заключение. Таким образом, в результате исследований установлено, что после Октябрьской революции 1917 г. происходят процессы спортизации крымско-татарской борьбы на поясах в Крыму. Органы управления физической культурой и спортом стремятся его стандартизировать, рационализировать и экспортировать как средство физического воспитания. Спортизация проявилась в снижении ритуального содержания поединков борцов в сторону унификации правил для обеспечения всеобщего участия и создания спортивного интернационала. К концу 20-х гг. XX столетия власти пытаются отвлечь народные массы от религии, включая национальную борьбу на поясах в программу Всекрымских праздников

физической культуры и противопоставляя их национальным религиозным праздникам. К концу 1930-х гг. работа над совершенствованием правил крымско-татарской борьбы на поясах была завершена, и она как вид национального спорта включается в государственную программу развития физкультурной работы, систему всекрымских соревнований и комплекс ГТО. Утверждаются официальные правила и появляется система соревнований. Путем проведения специальных семинаров начинается подготовка тренерско-инструкторских кадров с привлечением к преподаванию известных крымских борцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асанов Б. И., Ягъяев С. А. Национальная борьба крымских татар куреш. Симферополь: Тезис, 2010. 119 с.
2. Борисов Д. А. Красный спорт в Крыму. Продолжение истории (1923–1940 гг.). Историческое наследие. Симферополь: Антиква, 2016. С. 149–160.
3. Вопросы физкультуры (В президиуме КрымЦИКа) // Красный Крым. 1926. № 144 (1661). 27 июня. С. 3.
4. Грузевский В. А. Исторически обусловленные особенности физической культуры крымско-татарского народа // Слобожанский научно-спортивный вестник. 2014. № 2 (40). С. 72–75.
5. Колобышко А. Е. Особенности национальной борьбы куреш как одного из элементов физической культуры // Аллея науки. 2018. Т. 4, № 6 (22). С. 278–281.
6. Кузнецов А. С., Мулюкова И. В. «Борьба на поясах» как национальный и международный вид спорта // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2018. Т. 13, № 3. С. 41–49.
7. Кузнецов А. С., Мулюкова И. В. Происхождение вида спорта «борьба на поясах» // Современные проблемы физического воспитания и безопасности жизнедеятельности в системе образования. Ульяновск: Изд-во Ульян. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова, 2019. С. 107–115.
8. Мишуриц А. Внимание физкультуре // Красный Крым. 1926. № 141 (1658). 24 июня. С. 3.
9. Мутьев А. В., Османов Л. А., Юнус М. А. Развитие борьбы Куреш в Крыму после Октябрьской Революции 1917 года // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 1 (191). С. 256–260.
10. Мутьев А. В., Мутьева И. М. Соревнования в Херсонесе в Античный период // Педагогика, пси-

хология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2011. № 12. С. 58–60.

11. Полько Г. М. Обоснование методики обучения техническим действиям в борьбе Куреш: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2004. 24 с.

12. Приказы Крымского совета физкультуры // Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 1а. 43 л.

13. Протоколы Научно-методического комитета Крыма // ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 17. 16 л.

14. Протоколы Научно-технического комитета Высшего совета физической культуры Крыма 1929 года // ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 1. 67 л.

15. Протоколы президиума Высшего совета физкультуры // ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 16. 141 л.

16. Протоколы президиума пленума Крымского совета физкультуры // ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 5. 75 л.

17. Седунова М. В. Стадии формирования борьбы на поясах // Проблемы и инновации спортивного менеджмента, рекреации и спортивно-оздоровительного туризма. Казань: Поволж. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2021. С. 103–106.

18. Сенюшкина Т. А. Традиционный праздник в культурно-символическом пространстве и социальном времени: Крымское измерение // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. Ялта: Ариал, 2019. С. 240–247.

19. Статистические сведения о проведении соревнований // ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 8. 99 л.

20. Усманова Л. А. Мусульманский праздник земледелия «Хыдырлез Байрам» // Роль инноваций в трансформации современной науки. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 180–183.

21. Файзуллин Р. Н., Соломахин О. Б. Борьба на поясах (куреш) на Универсиаде 2013 // Перспективы развития современного студенческого спорта. Казань: Поволж. гос. акад. физ. культуры, спорта и туризма, 2013. С. 276–277.

22. Физкультура и спорт. Татарская борьба // Красный Крым, 1940. № 4 (5714). 5 янв. С. 3.

23. Хайрединова З. З. Крымскотатарское ремесленничество как сословие в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 14, вып. 1. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-apovr_e-ast14-1.2017.22.pdf

24. Petrov P. National Styles of Wrestling in the Soviet Union and the Post-Soviet States: Political and Sociocultural Aspects of Their Development and Use // The International Journal of the History of Sport. 2014. № 31 (4). P. 405–422.

REFERENCES

1. Asanov B.I., Jagijaev S.A. *Nacionalnaja borba krymskih tatar kuresh* [National Wrestling of

the Crimean Tatars Kuresh]. Simferopol, Tezis Publ., 2010. 119 p.

2. Borisov D.A. *Krasnyj sport v Krymu. Prodlzhenie istorii (1923–1940 gg.). Istoricheskoe nasledie* [Red Sport in Crimea. Continuation of History (1923–1940). Historical Heritage of Crimea]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, pp. 149–160.

3. Voprosy fizkultury (V prezidiume KrymCIKa) [Questions of Physical Culture (In the Presidium of Krym CEC)]. *Krasnyj Krym* [Red Crimea], 1926, no. 144 (1661), June 27, p. 3.

4. Grughevskiy V.A. Istoricheski obuslovlennye osobennosti fizicheskoj kultury krymsko-tatarskogo naroda [Historically Determined Features of the Physical Culture of the Crimean Tatar People]. *Slobozhanskij nauchno-sportivnyj vestnik* [Slobozhansky Scientific and Sports Bulletin], 2014, no. 2 (40), pp. 72–75.

5. Kolobyshko A.E. Osobennosti nacionalnoj borby kurjesh kak odnogo iz elementov fizicheskoj kultury [Features of the National Struggle Kuresh as One of the Elements of Physical Culture]. *Alleja nauki* [Alley of Science], 2018, vol. 4, no. 6 (22), pp. 278–281.

6. Kuznecov A.S., Mulyukova I.V. «Borba na pojasah» kak nacionalnyj i mezhdunarodnyj vid sporta [“Belt Wrestling” as a National and International Sport]. *Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoj kul'tury i sporta* [Pedagogical-Psychological and Medical-Biological Problems of Physical Culture and Sports], 2018, vol. 13, no. 3, pp. 41–49.

7. Kuznecov A.S. Proishozhdenie vida sporta «borba na pojasah» [Origin of the Sport “Belt Wrestling”]. *Sovremennye problemy fizicheskogo vospitaniya i bezopasnosti zhiznedejatel'nosti v sisteme obrazovanija* [Modern Problems of Physical Education and Life Safety in the Education System]. Ulyanovsk, 2019, pp. 107–115.

8. Mishuris A. Vnimanie fizkulture [Attention to Physical Culture]. *Krasnyj Krym* [Red Crimea], 1926, no. 141 (1658), June 24, p. 3.

9. Mutiyev A.V., Osmanov L.A., Junus M.A. Razvitie borby Kuresh v Krymu posle Oktjabrskoj Revoljucii 1917 goda [Development of the Kuresh Wrestling in Crimea After the October Revolution of 1917]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University], 2021, no. 1 (191), pp. 256–260.

10. Mutiyev A.V., Mutiyeva I.M. Sorevnovanija v Hersonese v Antichnyj period [Competitions in Chersonesos in the Ancient Period]. *Pedagogika, psihologija i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Pedagogy, Psychology and Biomedical Problems of Physical Education and Sports], 2011, no. 12, pp. 58–60.

11. Polko G.M. *Obosnovanie metodiki obuchenija tehničeskim dejstvijam v borbe Kuresh:*

dis. ... cand. ist. nauk [Substantiation of the Methodology of Teaching Technical Actions in the Fight of Kuresh. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2004. 24 p.

12. Prikazy Krymskogo soveta fizkultury [Orders of the Crimean Council of Physical Education]. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krim (GARK)* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-1209, inv. 2, d. 1a. 43 l.

13. Protokoly Nauchno-metodicheskogo komiteta Kryma [Protocols of the Scientific and Methodological Committee of the Crimea]. *GARK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-1209, inv. 2, d. 17. 16 l.

14. Protokoly Nauchno-tehnicheskogo komiteta Vsekrimskogo Soveta fizicheskoy kultury 1929 goda [Protocols of the Scientific and Technical Committee of the All-Crimean Council of Physical Culture of 1929]. *GARK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-1209, inv. 2, d. 1. 67 l.

15. Protokoly prezidiuma Vysshego soveta fizkultury [Minutes of the Presidium of the Supreme Council of Physical Education]. *GARK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-1209, inv. 2, d. 16. 141 l.

16. Protokoly prezidiuma plenuma Krymskogo soveta fizkultury [Minutes of the Presidium of the Plenum of the Crimean Council of Physical Education]. *GARK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-1209, inv. 2, d. 5. 75 l.

17. Sedunova M.V., Konovalova L.A. Stadii formirovaniya borby na pojasah [Stages of Formation of Belt Wrestling]. *Problemy i innovatsii sportivnogo menedzhmenta, rekreatsii i sportivno-ozdorovitel'nogo turizma* [Problems and Innovations of Sports Management, Recreation and Sports and Health Tourism]. Kazan, Povolzh. gos. un-t fiz. kultury, sporta i turizma, 2021, pp. 103-106.

18. Senjushkina T.A. Tradicionnyj prazdnik v kulturno-simvolicheskom prostranstve i socialnom vremeni: Krymskoe izmerenie [Traditional Holiday in

Cultural and Symbolic Space and Social Time: Crimean Dimension]. *Politicheskoe prostranstvo i socialnoe vremja: Pravda i lozh v politike i iskusstve* [Political Space and Social Time: Truth and Lies in Politics and Art]. Yalta, Arial Publ., 2019, pp. 240-247.

19. Statisticheskie svedenija o provedenii sorenovanij [Statistical Information about the Conduct of Competitions]. *GARK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-1209, inv. 2, d. 8. 99 l.

20. Usmanova L.A. Musulmanskiy prazdnik zemledelija «Hydyrlez Bajram» [Muslim Holiday of Agriculture “Khydyrlez Bayram”]. *Rol innovacij v transformacii sovremennoj nauki* [Role of Innovation in the Transformation of Modern Science]. Ufa, Aeterna Publ., 2017, pp. 180-183.

21. Fajzullin R.N., Solomahin O.B. Borba na pojasah (kuresh) na Universiade 2013 [Belt Wrestling (Kuresh) at the 2013 Universiade]. *Perspektivy razvitija sovremennogo studencheskogo sporta* [Prospects for the Development of Modern College Sports]. Kazan, Povolzh. gos. akad. fiz. kultury, sporta i turizma, 2013, pp. 276-277.

22. Fizkultura i sport. Tatarskaja borba [Physical Education and Sports. Tatar Wrestling]. *Krasnyj Krym* [Red Crimea], 1940, no. 4 (5714), Jan. 5, p. 3.

23. Hajredinova Z.Z. Krymskotatarskoe remeslennichestvo kak soslovie v konce XVIII — pervoj polovine XIX vv. [Crimean Tatar Artisan as an Estate in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Almanah Prostranstvo i Vremja* [Electronic Scientific Publication Almanac Space and Time], 2017, vol. 14, no. 1. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.22.pdf

24. Petrov P. National Styles of Wrestling in the Soviet Union and the Post-Soviet States: Political and Sociocultural Aspects of Their Development and Use. *The International Journal of the History of Sport*, 2014, no. 31 (4), pp. 405-422.

Information About the Author

Andrey V. Mutiyev, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Physical Culture, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Studencheskaya St, 13, 295001 Simferopol, Russian Federation, dsport76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1375-5272>

Информация об авторе

Андрей Викторович Мутьев, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, ул. Студенческая, 13, 295001 г. Симферополь, Российская Федерация, dsport76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1375-5272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.9>

UDC 94(470.4)«1958/1964»
LBC 63.3(235.47)632-2

Submitted: 26.04.2023
Accepted: 27.09.2023

THE FIRST CRISIS OF SOCIAL POLICY IN THE POST-STALINIST USSR (1958–1964): CAUSES, MANIFESTATIONS, WAYS OF OVERCOMING (BASED ON THE MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

Alexey A. Gumenyuk

Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, Saratov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article provides an analysis of the first crisis of social policy in the USSR in the second half of the 20th century (late 1950s – early 1960s): its causes, manifestations in various spheres of Soviet everyday life, and the effectiveness of various ways to overcome it are evaluated. *Methods.* The research is based on the use of a set of methodological techniques, including both special methods of historical science (structural-functional, problem-chronological, statistical) and a historical-anthropological approach (or the history of everyday life). *Materials.* The article is based on factual material extracted from the latest scientific publications, collections of central and local archives, legislative documents, statistical collections, memoirs, and periodicals. *Analysis.* The involvement of a wide array of data sources made it possible to make a number of observations and determine that the crisis of social policy caused by the aggravation of the shortage of economic opportunities in the Soviet Union in 1958–1964 affected the labor and household daily practices of the Volga people. It became possible to overcome the socio-psychological tension in Soviet society that arose in this way only through the use of economic instruments to improve the efficiency of the functioning of the Soviet economy. *Results.* It is concluded that the economic reform of 1965 became a reliable way for the Soviet state not only to overcome the crisis situation in the country but also to breathe (unfortunately, for a very short period) new impulses into the socialist economy, which allowed (while preserving the economic development model that had existed in the country since the 1930s) to make the most important step in the creation of the Soviet consumer society.

Key words: complaint, daily practices, reform, social policy, socio-psychological crisis, service sector.

Citation. Gumenyuk A.A. The First Crisis of Social Policy in the Post-Stalinist USSR (1958–1964): Causes, Manifestations, Ways of Overcoming (Based on the Materials of the Lower Volga Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 103-113. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.9>

**ПЕРВЫЙ КРИЗИС СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ПОСТСТАЛИНСКОМ СССР (1958–1964 гг.):
ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ, СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Алексей Анатольевич Гуменюк

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье приведен анализ первого во второй половине XX в. кризиса социальной политики в СССР (конец 1950-х – начало 1960-х гг.): рассмотрены его причины, проявления в различных сферах советской повседневности, оценена эффективность способов его преодоления. *Методы.* Исследование базируется на использовании комплекса методологических приемов, включающих как специальные методы исторической науки (структурно-функциональный, проблемно-хронологический, статистический), так и историко-антропологический подход (или история повседневности). *Материалы.* Статья основана на фактическом материале, извлеченном из новейших научных публикаций, фондов центральных и местных архивов, директивно-законодательных документов, статистических сборников, воспоминаний, периодической печати. *Анализ.* Привлечение широкого массива данных источников дало возможность осуществить ряд наблюдений и определить, что кризис социальной политики, вызванный обострением дефицита экономических возможностей в Советском Союзе в 1958–1964 гг., отразился не только на трудовых и бытовых повседневных практиках волжан, создав, таким образом, базу для возникновения социально-психологической напряженности в советском обществе, но и привел к определенному ослаблению поддержки политики государства со стороны населения. Чтобы ее вернуть, советское руководство активизировало поиск эффективных экономических рычагов преодоления кризиса. В статье показано, что полученные в ходе реализации осуществлявшихся в стране в начале 1960-х гг. экономических экспериментов результаты являлись действенным инструментом преодоления указанного кризиса и придания развитию социалистической экономики новых импульсов. *Результаты.* Делается вывод о том, что выходом из первого в постсталинском СССР кризиса социальной политики явилась разработка и реализация хозяйственной реформы 1965 г., давшей мощный импульс формированию советского потребительского общества.

Ключевые слова: жалоба, повседневные практики, реформа, социальная политика, социально-психологический кризис, сфера обслуживания.

Цитирование. Гуменюк А. А. Первый кризис социальной политики в постсталинском СССР (1958–1964 гг.): причины, проявления, способы преодоления (на материалах Нижнего Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 103–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.9>

Введение. Став во главе Советского Союза весной 1953 г., Г.М. Маленков провозгласил заботу о «максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей» советских людей главной задачей государственной политики СССР. Реализация ее вылилась в разработку и осуществление комплекса социальных программ в области социального обеспечения, жилищного развития, здравоохранения, внедрения принципов социальной справедливости в сфере услуг и досуга. Усиливавшийся таким образом социальный компонент во внутренней политике страны потребовал определенной коррекции экономи-

ческого курса в сторону возрастания роли и значения предприятий группы «Б» (производство предметов потребления). Поэтому на протяжении второй половины 1950-х – середины 1960-х гг. советское руководство стремилось найти эффективную экономическую модель, обеспечивающую воплощение в жизнь проекта по созданию государства социальных услуг в максимально полном объеме. Однако результативность этих поисков нередко снижалась из-за хитросплетений политической борьбы за власть внутри коллективного руководства, а также факторов субъективного характера.

Предложенные Маленковым в августе 1953 г. изменения существовавшей с 1930-х гг. экономической модели, предусматривавшие превращение предприятий легкой и пищевой промышленности в доминирующие отрасли хозяйственного развития страны, фактически так и остались на бумаге во многом именно из-за конфликта с новым партийным лидером Н.С. Хрущевым (он не мог простить Маленкову первенства в реформировании советского общества). Став своеобразным заложником провозглашенного Маленковым курса, Хрущев предложил свой вариант реформирования экономики, но уже в рамках доминирования предприятий группы «А». Предполагалась как программа по освоению целинных земель, так и усиление экономической заинтересованности колхозов в повышении эффективности своей производственной деятельности через передачу им сельхозтехники из МТС и повышение цен на основные виды сельхозпродукции. При разработке этих мер Хрущев, сосредоточивший к 1958 г. всю власть в стране в своих руках, стремился опираться только на собственные наблюдения, жизненный опыт, не принимая практически в расчет выводы специалистов, полученные в ходе детального анализа ситуации в стране. Поэтому благие по своей сути намерения Хрущева по усилению интенсификации советской экономики в 1958–1964 гг. в реальности привели лишь к оттоку сельского населения в города, увеличению количества «заброшенных участков с фруктовыми деревьями» [2, с. 14] и другими насаждениями, а также сокращению производства товаров народного потребления. Так, в Саратовской области в конце 1950-х гг. уровень производства металлических кроватей отставал от спроса на них в 1,7 раза, а мясорубок – в 2,5 раза [22, л. 2]. Произошедшее в результате сужение возможностей государства удовлетворять жизненные потребности населения, повышать его качество жизни вызвало первый в постсталинском СССР кризис социальной политики, ставшей во второй половине XX в. главной составляющей внутреннего развития Советского государства по разрешению перечисленных выше проблем социума. Острые затруднения с доступностью товаров и услуг, иными словами – кризисная ситуация, порождали у со-

ветского человека чувства недоумения, обиды, досады, расстраивали его и даже озлобляли. Это явление можно квалифицировать как социально-психологический кризис советского общества конца 1950-х – начала 1960-х годов. В данной публикации на материалах региона Нижней Волги будет предпринята попытка анализа его причин, основных проявлений и способов преодоления. Привлечение малоизученного регионального материала типичной провинции РСФСР позволит составить более полное представление о повседневных практиках советских людей изучаемого периода.

Методы и материалы. Исследование причин, проявлений и способов преодоления кризиса социальной политики (1958–1964) базируется на использовании таких специальных методов исторической науки, как структурно-функциональный, проблемно-хронологический и статистический. Структурно-функциональный метод явился основой изучения мероприятий советского руководства конца 1950-х – начала 1960-х гг. в социально-экономической сфере и степени их воздействия на положение на Нижней Волге. Исследованию количественных и качественных изменений повседневных социальных практик в регионе способствовал проблемно-хронологический метод. Обращение к статистическому методу анализа источников позволило автору представить и отразить в статье воздействие хозяйственных экспериментов начала 1960-х гг., включая и экономическую реформу 1965 г., на качество жизни населения. Наряду с использованием специальных исторических методов, методология настоящего исследования опирается на историко-антропологический подход (или историю повседневности), в рамках которого в статье стало возможным охарактеризовать индивидуальные субъективные миры жителей данного региона: условия труда, рацион питания, быт. Данный подход дал возможность сфокусировать внимание, например, на жизненном опыте людей. Привлечение методологического инструментария истории повседневной жизни обычных людей позволило выявить формы, принимаемые повседневной жизнью обычных людей как субъектов той исторической действительности, которая задавалась присущими изучаемой исторической

эпохе идеологическими формулами. Для написания статьи нами был привлечен широкий корпус источников: директивно-законодательные документы, делопроизводственная и отчетная документация, данные советской статистики, воспоминания и материалы периодической печати. Подробный анализ этих групп источников, а также историография проблем, связанных с историей советской социальной стратегии и политики СССР во второй половине XX в., подробно изложены в наших ранних публикациях [4; 5; 6, с. 11–55]. Проведенный в них историографический обзор позволяет утверждать, что специальных работ, посвященных изучению социально-психологических аспектов повседневной жизни советского человека в постсталинском СССР, до сих пор так и не появилось. Поэтому настоящая статья призвана в определенной степени восполнить эту лакуну.

Анализ. Настроение у среднестатистического советского человека могло испортиться уже в самом начале рабочего дня из-за «дефицитности» городского общественного транспорта. Например, один из жителей Элисты в середине 1960-х гг. вынужден был прождать автобус 50 мин. [20], поскольку в то время элистинцев (в 1964 г. в этом городе проживало 39 тыс. чел. [17, с. 17]) обслуживало лишь 22 автобуса (из 84 числящихся в городском автопарке), курсировавших на семи городских маршрутах протяженностью 50 км [3, с. 102]. Настроение не улучшалось и по приезду на рабочее место, где зачастую приходилось находиться в не обустроенных соответствующим образом производственных помещениях. Такие условия труда скрывали немалые риски для здоровья советских тружеников. Снижение производительности труда вызывалось и частыми перебоями в газо- и электроснабжении массивов новостроек, которые нередко сдавались в эксплуатацию без своевременного подвода внешних коммуникаций. Отключения газа или электричества в квартирах советских людей не только существенно осложняли их бытовые повседневные практики, но и портили настроение, особенно накануне трудового дня [13, л. 139].

Избранная руководством страны стратегия экономического развития делала многие продукты просто недоступными для боль-

шого числа жителей Нижней Волги, что вело к снижению калорийности их питания. Так, один из работников ст. Саратов I, выступая на XXII партийной конференции Кировского района г. Саратова (29 декабря 1962 г.), отметил: «...для того, чтобы купить на рынке мандарины или яблоки, надо заплатить 4 руб., а я получаю 75 рублей, да и другие товарищи не 4 тыс. получают» [27, л. 116]. Даже качество такого продукта, как хлеб, составляющего основу рациона питания, вызывало нарекания у волжан, которые жаловались на наличие большого количества примесей и даже посторонних предметов в нем.

В начале 1960-х гг. жители рассматриваемого региона недоумевали и по поводу отсутствия в торговой сети дверных ручек, насадок к кранам, уголков, ушек к вешалкам и других «мелочей», невозможности приобретения одежды желаемого фасона и размера, предоставления некачественных услуг учреждениями сферы обслуживания (бани, ателье индпошива и т. д.). Так, количество жалоб трудящихся Саратовской области на некачественную работу предприятий сферы быта и дефицит их сети в 1958–1964 гг. превысило показатели 1954–1957 гг. в 1,7 раза. Свои бытовые проблемы волжане решали посредством обращения к услугам частных лиц, что являлось наиболее действенным способом достижения декларированного III программой КПСС «высокого жизненного уровня» [23, л. 4]. Не способствовало «подъему общего тона жизни» советских людей и некачественное их обслуживание торговыми работниками. Яркий пример указанной тенденции содержится в письме жительницы с. Широкий Буерак Вольского района Саратовской области, направленном ею в областную газету «Коммунист» в июне 1961 г.: «...в Саратове я купила в магазине на проспекте Кирова резиновые ботики... Прибыв домой, я обнаружила, что в упаковку были вложены ботики, разные по величине, и притом на одну ногу» [8].

Вызывало возмущение у жителей региона несоответствие между заявлениями центральных властей и реальностью. Например, жители Южного поселка г. Краснослободска Сталинградской области недоумевали, «почему в... поселке остается такое до крайности захолустье» (плохое освещение в домах, не-

работающие парикмахерские, отсутствие почтовых отделений и телефонной связи), в то время как в своих директивах партия постоянно намечает различные мероприятия «...для того, чтобы люди жили лучше, удобней...» [19, л. 132]. Аналогичные настроения возникали и у жителей сельской местности из-за яркого контраста в уровне медицинского обслуживания населения и рабочего скота в пользу последнего. Вызвать к больному врачей скорой помощи удавалось порой «только через райком партии...» [24, л. 63].

Негативные эмоции у волжан генерировала практика нарушения существовавшего порядка распределения бесплатного жилья среди нуждавшихся в нем. В частности, такие факты наблюдались в начале 1960-х гг. в тресте «Стальмонтаж», Красноармейском речном порту, Волгоградстрое [21, л. 160 об.; 25, л. 187]. Объемы жилищного строительства, достаточно высокие во второй половине 1950-х гг., в первой половине 1960-х гг. стали замедляться. Так, в Саратовской области в 1965 г. было сдано в эксплуатацию на 54 тыс. кв. м жилья меньше, чем в 1960 г. [15, с. 301, 304]. По этой причине, например, жители сельской местности (даже передовики производства) были лишены возможности улучшать свои жилищные условия. Имевшиеся же финансовые средства тратились главным образом на обустройство жилья руководящих работников «вразрез с решениями партии и правительства» [28, л. 2 об.]. Подобный контраст в уровне жизни ответственных партийных работников и рядовых членов советского общества и другие описанные выше примеры бытовых и продовольственных трудностей порождали у населения настроение недоверия к политике государства, что выражалось, например, в таких высказываниях, как: «Много говорят о коммунизме, но слова расходятся с делом» [9, л. 4].

Справедливость этих слов становится очевидной, если принять во внимание повсеместную практику безразличного отношения руководящих работников различного уровня к повседневным просьбам трудящихся. Отсутствие детального изучения жалоб и писем работниками местных советов порождало лишь новые жалобы [11, л. 27; 26, л. 4, 49, 50; 30, л. 5]. Таким образом, принятое 2 августа

1958 г. ЦК КПСС постановление «О серьезных недостатках в рассмотрении писем, жалоб и заявлений трудящихся» [10, с. 251–254] властями Нижней Волги не выполнялось, заставляя волжан искать иные способы выхода из проблемных жизненных ситуаций.

Немалые возможности для разрешения возникавших продовольственных проблем волжане получали благодаря наличию личных приусадебных хозяйств (ЛПХ). Например, в 1961 г. поступления от них в семейные бюджеты саратовских колхозников превысили отчисления от общественного хозяйства в 3,6 раза. Однако начавшееся наступление государства на ЛПХ сократило к 1965 г. доходность этих хозяйств в Саратовской области на 13,5 млн руб. [6, с. 121]. Лишь население отдельных населенных пунктов Нижней Волги не испытывало трудностей с обеспечением своих семей продовольствием благодаря усилиям руководства местных промышленных или торговых предприятий. Так, руководитель Хвалынского горторга Л.В. Мямлин за счет средств из фондов предприятия, денег, вырученных в кредит, и премий за победы в социалистических соревнованиях сумел кардинально улучшить торговое обслуживание горожан. В рассматриваемый период времени и последующие годы жители Хвалынска могли без особых проблем приобрести разнообразные колбасы, лимонады, кондитерские изделия и т. д. [18, с. 239]. Подобная практика может быть интерпретирована как своеобразный субъективный способ выхода из социально-психологического кризиса советского общества конца 1950-х – начала 1960-х годов.

Однако далеко не каждый руководитель хозяйственного или иного учреждения обладал соответствующим личным авторитетом для успешного решения повседневных проблем населения, поэтому наибольшее распространение в указанный период получил такой способ преодоления социально-психологического кризиса, как различные приемы ухода от проблем неустроенности жизни, например употребление в больших объемах алкоголя. В 1962 г. семьями саратовских рабочих на покупку водки и других алкогольных напитков из бюджета зарплаты расходовалось в 1,8 раза больше денежных средств, чем в 1953 г. [31, л. 11]. Следовательно, ежегодное потребе-

ние алкоголя населением региона возрастало. Увеличение из-за пьянства числа потерь рабочего времени, прогулов на производстве сужало и так весьма неширокие возможности советской экономики для выполнения взятых государством на себя социальных обязательств. В одной только Астраханской области из-за потери в течение 1963–1964 гг. 370 тыс. человеко-часов рабочего времени промышленность этого субъекта РСФСР лишилась возможности «выработать почти один миллион промышленной продукции» [29, л. 40].

Помимо привлечения сил общественности в форме народных дружин к охране общественного порядка, комплекса мер по принудительному лечению населения от алкоголизма и других административных мер, руководство СССР старалось найти экономические способы преодоления кризисной ситуации в стране. Рассматриваемый нами период в своих воспоминаниях корреспондент газеты «Известия» И.А. Карпенко характеризует как время всеобщей «экономизации» общества, когда страна буквально оказалась втянутой «в водоворот экономических поисков, опытов, экспериментов»: научная организация труда (по примеру Уралхиммаша), саратовская, львовская системы и новочеркасский метод управления производством, дискуссии о плановых показателях (инициированные опубликованной в сентябре 1962 г. в газете «Правда» статьей профессора-экономиста из Харькова Е.Г. Либермана «О прибыли») и т. д. Последний предлагал оценивать работу трудового коллектива, исходя не из валовых показателей, а по рентабельности и прибыли. Реабилитированная в то время кибернетика пробудила всеобщий интерес к математическим методам планирования и управления народным хозяйством. Например, заведующий отделом экономики института электронных управляющих машин В.Д. Белкин и его коллеги предложили при составлении планов исходить исключительно из запросов потребителей [1, с. 18, 19; 33, с. 808, 809]. Это означало переориентировать экономику страны с количественных показателей на качественные посредством учета спроса населения на товары и услуги.

Состоятельность этих идей и предложений руководство страны стремилось проверить

на практике. Кроме уже упомянутых, особого внимания заслуживают два эксперимента – в области сельского хозяйства (экономиста из Целинограда Худенко) и в сфере транспорта (на предприятии Мосавтотранс). В обоих случаях их организаторы получили право отчислять в бюджет страны четко фиксированный на несколько лет вперед размер получаемого дохода (около 40 %), а оставшуюся прибыль употреблять на зарплату трудового коллектива, решение его социальных проблем, собственное развитие и иные нужды. Реализация этой идеи в жизнь позволила повысить заработной платы в подшефных Худенко совхозах в 3–4 раза и вывести на новый качественный уровень транспортное обслуживание населения и организаций Москвы [33, с. 813–814]. Именно идея сокращения числа обязательных плановых показателей и предоставления большей оперативно-хозяйственной самостоятельности непосредственным производителям, положенная в основу этих экспериментов, получила поддержку архитектора экономической реформы 1965 г. А.Н. Косыгина, ставшего в 1960 г. первым заместителем Н.С. Хрущева в Совмине СССР. Материальной основой для повышения степени инициативности предприятий становились три специальных фонда (материального поощрения, развития производства, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства), образование которых на основе части прибыли, остававшейся в распоряжении непосредственных производителей, являлось одним из основных положений экономической реформы. Тем самым объединялись интересы государства, предприятия и отдельного рабочего [1, с. 20, 23, 25, 113].

Чем лучше работало предприятие, тем больше финансовых средств оставалось у него в распоряжении, за счет чего оно и решало свои экономические и социальные проблемы. Это, наряду с мероприятиями государства по закупке современного и модернизации существовавшего оборудования на предприятиях легкой и пищевой промышленности, давало возможность населению страны существенно повысить качество своей жизни. Действительно, уже в 1966 г. в Саратовской области уровень приобретения ее населением товаров народного потребления пре-

высил соответствующие показатели 1958 г. в 1,7 раза [16, с. 321]. В Калмыцкой АССР в 1970 г. различных предметов потребления было продано в расчете на душу населения в 1,9 раза больше, чем в 1958 г. [14, с. 180]. Одновременно наметилось снижение расходов на покупку водки и других алкогольных напитков. Например, если в 1962 г. саратовскими рабочими тратилось 4,3 % зарплаты на указанные нужды, то в 1970 г. – только 3,5 % [12, л. 192; 32, л. 11]. В целом по СССР к этому времени уровень реальных доходов населения превысил показатели середины 1960-х гг. в пять раз [1, с. 13].

Результаты. Первый в постсталинском СССР кризис социальной политики (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) носил системный характер, поскольку являлся порождением противоречия между прогрессивно-перспективной моделью социальной политики и сформировавшимся еще в 1930-е гг. приоритетным финансированием ВПК и отраслей, производящих средства производства (второй кризис советской политики произошел в конце 1970-х – середине 1980-х гг. [7]). Индуцированный этим противоречием дефицит экономических возможностей не позволял властям целостно реализовывать на практике прописанные в законодательстве права, дававшие советским людям возможность постоянно улучшать качество своей жизни. Следствием этого и стало такое явление, как социально-психологический кризис советского общества. Его проявления на региональном уровне, выразившиеся в многочисленных бытовых противоречиях и продовольственных трудностях, выступили одним из базовых условий, катализировавших выработку и последующую реализацию комплекса мер по приданию развитию советской экономики новых импульсов (к сожалению, на весьма короткий период). Таким комплексом стала хозяйственная реформа 1965 г., которая явилась не только основным инструментом по преодолению кризиса социальной политики 1958–1964 гг., но и самым важным шагом (при сохранении существовавшей в стране с 1930-х гг. модели хозяйственного развития) по формированию советского потребительского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбаков Н., Гришин В., Кириченко В. Косыгин. Вызов премьеры. М.: Алгоритм, 2012. 240 с.
2. Горчаков А. Н. Заводы и время (1958–1995). Воспоминания бывшего директора саратовского завода «Серп и Молот». Саратов: Изд-во Саратов. губ. торг.-пром. палаты, 2005. 448 с.
3. Горяев С. Д., Инджиев М. С. Экономика Элисты в настоящем и будущем // Элиста. 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее. Элиста: Калмиздат, 1965. С. 97–110.
4. Гуменюк А. А. Состояние источниковой базы исследований повседневных практик населения Саратовской области во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2021. Т. 21, вып. 1. С. 129–133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-129-133>
5. Гуменюк А. А. Социальная стратегия и практика Советского государства во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг.: к историографии вопроса // Феномен Советского государства: факты, оценки, образы: материалы III Междунар. форума историков, философов и публицистов. К 100-летию образования СССР (г. Ульяновск. 2022 г.) / под ред. Н. В. Липатовой, С. А. Прокопенко. Ульяновск, 2022. С. 63–69.
6. Гуменюк А. А. Социальная стратегия Советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (на материалах Нижней Волги). Саратов: Техно-Декор, 2021. 453 с.
7. Гуменюк А. А. Социально-психологический кризис в СССР второй половины 1970-х – середины 1980-х гг.: причины возникновения, проявления, последствия (на материалах Нижнего Поволжья) // Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-летию образования СССР: материалы Междунар. науч. конф. (Саратов, 14–15 окт. 2022 г.) / под ред. А. П. Мясхева. Саратов: Саратов. источник, 2023. С. 74–81.
8. Из редакционной почты // Коммунист. 1961. 21 июня.
9. Информация об откликах трудящихся области в связи с обращением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о повышении закупочных цен и сдаточных цен на скот, птицу и изменение розничных цен на некоторые товары // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 4875. 37 л.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1998–1988). В 16 т. Т. 9. 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. 574 с.

11. Критические замечания, высказанные на V областной, городской и районных конференциях, и справки о принятых мерах по их выполнению // Государственный архив современной документации Астраханской области (далее – ГАСДАО). Ф. 325. Оп. 40. Д. 52. 138 л.

12. Материалы X областной межсоюзной конференции профсоюзов // ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8. Д. 344. 292 л.

13. Материалы (протокол, списки, доклад) V профсоюзной конференции рабочих коммунально-бытовых предприятий // ГАНИСО. Ф. 6189. Оп. 1. Д. 54. 373 л.

14. Народное хозяйство Калмыцкой АССР за 70 лет (1917–1987): юбилейный статистический сборник. Элиста: Калмиздат, 1987. 214 с.

15. Народное хозяйство Саратовской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 годы) и 1971 год: стат. сб. Саратов: Стат. упр. Саратов. обл., 1972. 472 с.

16. Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти: стат. сб. Саратов: Статистика, 1967. 454 с.

17. Народное хозяйство РСФСР за 1964 г.: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1965. 576 с.

18. Наумов А. В. Мой Хвалынский. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 304 с.

19. Переписка с Совмином СССР, министерствами и ведомствами РСФСР, Совмином Татарской АССР, Ульяновским, Куйбышевским, Саратовским, Сталинградским и Астраханским облисполкомами о мероприятиях по осуществлению жилищно-коммунального строительства, по увеличению производства и поставки населению товаров широкого потребления, улучшению культурно-бытового обслуживания населения // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 42. Д. 2205. 146 л.

20. Письма в редакцию. «Забота о пассажирах» // Советская Калмыкия. 1965. 30 ноября.

21. Письма и заявления трудящихся, рассмотренные на бюро партийных органов за 1961 г. // ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 40. Д. 48. 162 л.

22. Предложения, дополнения и замечания Саратовского, Пензенского, Ульяновского обкомов КПСС и облисполкомов к проекту постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества бытовых товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода» // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 43. Д. 65. 102 л.

23. Протокол Аткарского горсовета // Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 698. 20 л.

24. Протокол заседания XIII районной партийной конференции и материалы к ним // ГАНИСО. Ф. 2654. Оп. 17. Д. 120. 83 л.

25. Протокол и стенограмма VII областной межсоюзной конференции профсоюзов // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 858. 220 л.

26. Протокол второй сессии (первого) созыва облисполкома Калмыцкой автономной области // Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 5. 89 л.

27. Протокол XXII районной партийной конференции // ГАНИСО. Ф. 1327. Оп. 61. Д. 1. 147 л.

28. Протоколы заседаний Терновского райсовета // ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 1294. 11 л.

29. Протоколы и стенограммы IX областной межсоюзной конференции профсоюзов // Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 26. 143 л.

30. Решения, справки общественных инструкторов о состоянии рассмотрения жалоб, писем и заявлений трудящихся и об организации приема посетителей райсоветов // ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 6. Д. 1875. 81 л.

31. Справка по итогам обследования бюджетов семей рабочих, колхозников Саратовской области // ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1130. 24 л.

32. Справки и переписка с учреждениями здравоохранения // ГАНИСО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 136. 51 л.

33. Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. М.: Время, 2010. 1080 с.

REFERENCES

1. Baibakov N., Grishin V., Kirichenko V. *Kosygin. Vyzov premjera* [Kosygin. Premier's Challenge]. Moscow, Algorithm Publ., 2012. 240 p.

2. Gorchakov A.N. *Zavody i vremja (1958–1995). Vospominanija byvshego direktora saratovskogo zavoda «Serp i Molot»* [Plants and Time (1958–1995). Memoirs of the Former Director of the Saratov Plant “Hammer and Sickle”]. Saratov, Izd-vo Sarat. gub. torg.-prom. palaty, 2005. 448 p.

3. Goryaev S.D., Indzhiev M.S. *Ekonomika Elisty v nastoyashchem i budushchem* [Economics of Elista in the Present and the Future]. *Elista. 100 let. Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Elista. 100 Years. Past, Present, Future]. Elista, Kalmizdat Publ., 1965, pp. 97–110.

4. Gumenyuk A.A. *Sostoyaniye istochnikovoy bazy issledovaniy povsednevnykh praktik naseleniya Saratovskoy oblasti vo vtoroy polovine 1950-kh – seredine 1980-kh gg.* [State of the Source Base of Researches of the Daily Practices of the Population of the Saratov Region in the Second Half of the 1950s –

Mid 1980s]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya»* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 129-133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-129-133>

5. Gumenyuk A.A. *Socialnaja strategija i praktika Sovetskogo gosudarstva vo vtoroj polovine 1950-h – seredine 1980-h gg.: k istoriografii voprosa* [Social Strategy and Practice of the Soviet State in the Second Half of the 1950s – Mid-1980s: Towards the Historiography of the Issue]. Lipatova N.V., Prokopenko S.A., eds. *Fenomen sovetskogo gosudarstva: fakty, ocenki, obrazy: materialy III Mezhdunar. foruma istorikov, filosofov i publicistov. K 100-letiju obrazovaniya SSSR (g. Ul'janovsk, 2022 g.)* [Phenomenon of the Soviet State: Facts, Estimates, Images. Proceedings of the 3rd International Forum of Historians, Philosophers and Publicists. On the 100th Anniversary of the Formation of the USSR (Ulyanovsk, 2022)]. Ulyanovsk, 2022, pp. 63-69.

6. Gumenyuk A.A. *Socialnaja strategija Sovetskogo gosudarstva i praktiki povsednevnosti naselenija rossijskoj provincii vo vtoroj polovine 1950-h – seredine 1980-h gg. (na materialah Nizhnej Volgi)* [Social Strategy of the Soviet State and Everyday Life Practices of the Population of the Russian Province in the Second Half of the 1950s – Mid-1980s (Based on the Materials of the Lower Volga)]. Saratov, Techno-Decor Publ., 2021. 453 p.

7. Gumenyuk A.A. *Socialno-psihologicheskij krizis v SSSR vtoroj poloviny 1970-h – serediny 1980-h gg.: prichiny vozniknoveniya, proyavleniya, posledstviya (na materialah Nizhnego Povolzhya)* [Socio-Psychological Crisis in the USSR of the Second Half of the 1970s – Mid-1980s: Causes, Manifestations, Consequences (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. Myakshev A.P. *Fenomen mnogonacionalnogo Sovetskogo Soyuza: istoriya, nasledie i socialnaya pamyat. K 100-letiyu obrazovaniya SSSR: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Saratov, 14–15 okt. 2022 g.)* [Phenomenon of the Multinational Soviet Union: History, Heritage and Social Memory. To the 100th Anniversary of the Formation of the USSR: Proceedings of the International Scientific Conference (Saratov, October 14–15, 2022)]. Saratov, Sarat. istochnik Publ., 2023, pp. 74-81.

8. Iz redakcionnoj pochty [From the Editorial Mail]. *Kommunist*, 1961, June 21.

9. Informacija ob otklikah trudjashhihsja oblasti v svjazi s obrashheniem CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR o povyshenii zakupochnyh cen i sdatochnyh cen na skot, pticu i izmenenie roznichnyh cen na nekotorye tovary [Information on the Responses of

the Workers of the Region in Connection with the Appeal of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR on the Increase in Purchase Prices and Delivery Prices for Livestock, Poultry and Changes in Retail Prices for Some Goods]. *Gosudarstvennyj arhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti (daleye – GANISO)* [State Archive of the Modern History of the Saratov Region (hereinafter – GANISO)], f. 594, inv. 2, d. 4875. 371.

10. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1998–1988). V 16 t. T. 9. 1956–1960* [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988). In 16 Vols. Vol. 9. 1956–1960]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 574 p.

11. Kriticheskie zamechanija, vyskazannye na V oblastnoj, gorodskoj i rajonnyh konferencijah i spravki o prinjatyh merah po ih vypolneniju [Critical Remarks Made at the 5th Regional, City and District Conferences and Information About the Measures Taken to Implement Them]. *Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentacii Astrahanskoj oblasti (daleye – GASDAO)* [State Archive of Modern Documentation of the Astrakhan Region (hereinafter – GASDAO)], f. 325, inv. 40, d. 52. 138 l.

12. Materialy X oblastnoj mezhsjojuznoj konferencii profsojuzov [Proceedings of the 10th Regional Inter-Union Conference of Trade Unions]. *GANISO* [State Archive of the Modern History of the Saratov Region], f. 6144, inv. 8, d. 344. 292 l.

13. Materialy (protokol, spiski, doklad) V profsojuznoj konferencii rabochih kommunalno-bytovyh predpriyatij [Proceedings (Protocol, Lists, Report) of the 5th Trade Union Conference of Workers of Municipal Enterprises]. *GANISO* [State Archive of the Modern History of the Saratov Region], f. 6169, inv. 1, d. 54. 373 l.

14. *Narodnoe hozjajstvo Kalmyckoj ASSR za 70 let (1917–1987): jubilejnyj statisticheskij sbornik* [National Economy of the Kalmyk ASSR for 70 Years (1917–1987): Jubilee Statistical Collection]. Elista, Kalmizdat Publ., 1987. 214 p.

15. *Narodnoe hozjajstvo Saratovskoj oblasti za gody vosmoj pyatiletki (1966–1970 gody) i 1971 god: stat. sb.* [National Economy of the Saratov Region During the Years of the Eighth Five-Year Plan (1966–1970) and 1971. Statistical Collection]. Saratov, Stat. upr. Sarat. obl., 1972. 472 p.

16. *Narodnoe hozjajstvo Saratovskoj oblasti za 50 let Sovetskoy vlasti: stat. sb.* [National Economy of the Saratov Region for 50 Years of Soviet Power. Statistical Collection]. Saratov, Statistika Publ., 1967. 454 p.

17. *Narodnoe hozjajstvo RSFSR za 1964 g.: stat. ezhegodnik* [National Economy of the RSFSR for 1964 Statistical Yearbook]. Moscow, Statistika Publ., 1965. 576 p.

18. Naumov A.V. *Moj Hvalynsk* [My Khvalynsk]. Moscow, Tsentr strategicheskoy konyunktury, 2013. 304 p.

19. Perepiska s Sovminom SSSR, ministerstvami i vedomstvami RSFSR, Sovminom Tatarskoj ASSR, Uljanovskim, Kujbyshevskim, Saratovskim, Stalingradskim i Astrahanskim oblispolkomami o meroprijatijah po osushhestvleniju zhilishhno-kommunalnogo stroitelstva, po uvelicheniju proizvodstva i postavki naseleniju tovarov shirokogo potreblenija, uluchsheniju kulturno-bytovogo obsluzhivaniya naselenija [Correspondence with the Council of Ministers of the USSR, Ministries and Departments of the RSFSR, the Council of Ministers of the Tatar ASSR, Ulyanovsk, Kuibyshev, Saratov, Stalingrad Astrakhan Regional Executive Committees on Measures to Implement Housing and Communal Construction, to Increase the Production and Supply of Consumer Goods to the Population, to Improve Cultural and Consumer Services to the Population]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 42, d. 2205. 146 l.

20. Pisma v redakciju. «Zabota o passazhire» [Letter to the Editor. “Caring for a Passenger”]. *Sovetskaja Kalmykija*, 1965, November 30.

21. Pisma i zajavlenija trudjashhihsja, rassmotrennyh na bjuro partijnyh organov za 1961 g. [Letters and Statements of Workers Considered at the Bureau of Party Bodies for 1961]. *GASDAO* [State Archive of Modern Documentation of the Astrakhan Region], f. 325, inv. 40, d. 48. 162 l.

22. Predlozhenija, dopolnenija i zamechanija Saratovskogo, Penzenskogo, Uljanovskogo obkomov KPSS i oblispolkomov k projektu postanovlenija CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR «O meroprijatijah po uvelicheniju proizvodstva, rasshireniju assortimenta i uluchsheniju kachestva bytovyh tovarov kulturno-bytovogo naznachenija i hozjajstvennogo obihoda» [Proposals, Additions and Comments of the Saratov, Penza, Ulyanovsk Regional Committees of the CPSU and Regional Executive Committees to the Draft Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR “On Measures to Increase Production, Expand the Range and Improve the Quality of Household Goods for Cultural and Household Purposes and Household Use”]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Modern History], f. 5, inv. 43, d. 65. 102 l.

23. Protokol Atkarskogo gorsoveta [Protocol of the Atkar City Council]. *Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO)* [State Archive of the Saratov Region], f. R-1738, inv. 3, d. 698. 20 l.

24. Protokol zasedanija XIII rajonnoj partijnoj konferencii i materialy k nim [Protocol of the

Meeting of the 13th District Party Conference and Materials to Them]. *GANISO* [State Archive of the Modern History of the Saratov Region], f. 2654, inv. 17, d. 120. 83 l.

25. Protokol i stenogramma VII oblastnoj mezhsouznoj konferencii profsojuzov [Protocol and Transcript of the 7th Regional Inter-Union Conference of Trade Unions]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (daleye – GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region (hereinafter – GAVO)], f. R-523, inv. 1, d. 858. 220 l.

26. Protokol vtoroj sessii (pervogo) sozyva oblispolkoma Kalmyckoj avtonomnoj oblasti [Minutes of the Second Session (First) Convocation of the Regional Executive Committee of the Kalmyk Autonomous Region]. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Kalmykija (NARK)* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. R-309, inv. 1, d. 5. 89 l.

27. Protokol XXII rajonnoj partijnoj konferencii [Protocol of the 22nd District Party Conference]. *GANISO* [State Archive of the Modern history of the Saratov Region], f. 1327, inv. 61, d. 1. 147 l.

28. Protokoly zasedanij Ternovskogo rajsoveta [Protocols of Meetings of the Ternovsky District Council]. *GASO* [State Archive of the Saratov Region], f. R-1738, inv. 3, d. 1294. 11 l.

29. Protokoly i stenogrammy IX oblastnoj mezhsouznoj konferencii profsojuzov [Protocols and Transcripts of the 9th Regional Inter-Union Conference of Trade Unions]. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO)* [State Archive of the Astrakhan Region], f. R-2729, inv. 5, d. 26. 143 l.

30. Reshenija, spravki obshhestvennyh instruktorov o sostojanii rassmotrenija zhalob, pisem i zajavlenij trudjashhihsja i ob organizacii priema posetitelej rajsoveta [Decisions, Certificates of Public Instructors on the Status of Consideration of Complaints, Letters and Applications of Workers and on the Organization of Reception of Visitors to District Councils]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2115, inv. 6, d. 1875. 81 l.

31. Spravka po itogam obsledovanija bjudzhetov semej rabochih, kolhoznikov saratovskoj oblasti [Reference on the Results of the Survey of the Budgets of the Families of Workers, Collective Farmers of the Saratov Region]. *GASO* [State Archive of the Saratov Region], f. R-1738, inv. 1, d. 1130. 24 l.

32. Spravki i perepiska s uchrezhdenijami zdavoohranenija [References and Correspondence with Healthcare Institutions]. *GANISO* [State Archive of the Modern History of the Saratov Region], f. 1012, inv. 1, d. 136. 51 l.

33. Khrushchev S.N. *Nikita Hrushhev: Reformator* [Nikita Khrushchev: Reformer]. Moscow, Vremya Publ., 2010. 1080 p.

Information About the Author

Alexey A. Gumenyuk, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Domestic History and Historiography, Institute of History and International Relations, Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>

Информация об авторе

Алексей Анатольевич Гуменюк, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.10>

UDC 929
LBC 65.02

Submitted: 25.07.2023
Accepted: 28.10.2023

SOCIAL-CULTURAL AND FAMILY-LIFE SPACE OF TWO VOLGA CITIES IN THE 1950s – 1960s IN WOMEN’S SOCIAL MEMORY

Natalya L. Pushkareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Alexander V. Zhidchenko

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* An appeal to the study of the everyday life of large and small Soviet cities in the years of the greatest hopes and convictions in the right direction of the socio-political development of the country (in the 1950s – 1960s) forces us to study the structure of thinking of compatriots with the help of ego-documents. Women’s memory is more selective in this regard; women remember the details of episodes better than men and describe them, declare their readiness to remember faster, date more accurately, and use more emotional terms. *Methods and materials.* These features prompted a longitudinal project aimed at studying women’s memory of the period of the political thaw and collecting unstructured biographical interviews in which the respondents themselves highlight the main points. Biographical narratives of the inhabitants of Zhigulevsk and Stavropol (Togliatti) are a collection of evidence of an objective given. *Analysis.* These subjective narratives of the actors of the social process make it possible to assert the veracity of what has been stated, if not from a historical, then from a personal perspective. Embedded in the historical context, they pave the way for understanding the details of social interactions, among which gender played a role. The socio-cultural history of the two cities is a women’s history of Soviet life with its disorder, anxiety about the family and children, and resentment that strength and time were killed in lines, but at the same time (due to its connection with youth) this story is surprisingly positive. Common difficulties rallied and united women, and the theme of mutual support overlaps the memories of residents of the two cities about annoyance and trouble. *Results.* Common difficulties rallied and united the women, and the theme of mutual support overshadowed the memories of residents of the two cities about annoyances and troubles. The exemplary life, glorified by state propaganda, was created precisely by the efforts of women. In building it, the women of the new Soviet cities overcame many difficulties, simultaneously appreciating both the romance of the surrounding urban space of the Volga and the architectural landscape of the new city. At the same time, the peculiarities of overcoming difficulties in the conditions of such a Soviet general historical context created frames of social optimism among women of that time. *Authors’ contribution.* N.L. Pushkareva proposed the idea and concept of the article and wrote the final text; A.V. Zhidchenko collected, systematized, and analyzed sources of personal origin during the field research. *Funding.* The study was carried out within the framework of the RSF project 24-18-00212 “Women’s family memory in Russia in the 18th – 21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission.”

Key words: women, women’s history, women’s social memory, ego-documents, oral history, anthropology of everyday life.

Citation. Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. Social-Cultural and Family-Life Space of Two Volga Cities in the 1950s – 1960s in Women’s Social Memory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 114-126. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.10>

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ И СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДВУХ ПОВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ 1950–1960-х гг. В ЖЕНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Наталья Львовна Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Александр Владимирович Жидченко

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Обращение к исследованию обыденной жизни больших и малых советских городов в годы самых больших надежд и убеждения в правильном направлении социально-политического развития страны (1950–1960-е гг.) заставляет изучать особенности мышления соотечественников при помощи эго-документов. Женская память в этом отношении более избирательна, женщины лучше мужчин запоминают детали эпизодов и описывают их, быстрее заявляют о готовности вспоминать, точнее датируют, используют более эмоциональные термины. *Методы и материалы.* Эти особенности подтолкнули к лонгитюдному проекту, нацеленному на изучение женской памяти о периоде политической оттепели и сбор неструктурированных биографических интервью, в которых сами респондентки выделяют главное. Биографические нарративы жителей Жигулевска и Ставрополя (Тольятти) являют собой совокупность свидетельств объективной данности. *Анализ.* В то же время нарративы акторов социального процесса субъективны, но безусловно правдивы – если не с исторического, то с личностного ракурса. Встроенные в исторический контекст, они прокладывают путь к пониманию деталей социальных взаимодействий, среди которых свою роль играли и гендерные. Социокультурная история двух городов – это женская история советского быта с его неустроенностью, тревогой о семье и детях, обидой на то, что силы и время были убиты в очередях, но в то же время (в силу связанности с юностью и молодостью) эта история удивительно позитивная. *Результаты.* Общие трудности сплачивали и объединяли женщин, и тема взаимоподдержки перекрывает воспоминания жительниц двух городов о досадах и неблагополучии. Образцовый быт, воспетый государственной пропагандой, создавался именно усилиями женщин. Выстраивая его, женщины новых советских городов преодолевали множество трудностей, одновременно оценивая и романтику окружающей городское пространство Волги, и архитектурный ландшафт нового города. При этом особенности преодоления трудностей в условиях подобного советского общеисторического контекста создавали фреймы социального оптимизма у женщин того времени. *Вклад авторов.* Н.Л. Пушкарева предложила идею и концепцию статьи, осуществила написание окончательного текста; А.В. Жидченко осуществил сбор, систематизацию и анализ источников личного происхождения в ходе полевого исследования. *Финансирование.* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

Ключевые слова: женщины, женская история, женская социальная память, эго-документы, устная история, антропология повседневности.

Цитирование. Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Социально-культурное и семейно-бытовое пространство двух поволжских городов 1950–1960-х гг. в женской социальной памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 114–126. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.10>

Введение. В ставшей ныне знаменитой книге американских русистов П.Л. Вайля и А.А. Гениса «60-е. Мир советского человека» период политической оттепели характеризуется как «особый период в советской истории, период эклектичный, противоречивый,

парадоксальный, но объединенный многими общими тенденциями» [5, с. 23]. Соглашаясь в целом с этой характеристикой, эвристически полезно все же уточнить: насколько такие «общие тенденции» были характерны не для столиц и крупнейших индустриальных цент-

ров (о которых, главным образом, и рассуждают эти авторы), а для локусов провинциальных, незначительных, удаленных от Москвы и Ленинграда. Среди них и так называемые наукограды (Академгородок под Новосибирском, Жуковский, Дубна, Обнинск, Троицк), и «новые рабочие города» 1950–1960-х гг. (Салават, Ангарск, Городок Нефтяников, ныне ставший частью Омска, правобережная часть Магнитогорска или, например, Волжский). К новым рабочим городам, рожденным тем периодом надежд на прекрасное будущее, относятся Жигулевск и Ставрополь-на-Волге, получивший в 1964 г. имя генсека Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, города гидроэнергетиков, оба возникли на волне послевоенной индустриализации при строительстве новых ГЭС.

Методы и материалы. Повседневную жизнь названных выше городов можно реконструировать на основе привычных историко-источников (нормативных постановлений центральных и местных властей, сообщений прессы, статистики), но особую глубину подобным исследованиям малозаметного и привычного дают эго-источники, в том числе устная история. Биографические нарративы жителей Жигулевска и Тольятти могут быть осмыслены и как совокупность свидетельств объективной данности, и как субъективные нарративы акторов социального процесса, в которых сказанное правдиво, если не с исторического, то с личного ракурса. И, наконец, собираемые тексты, будучи сопоставленными исследователями с собственным социальным и научным опытом, да еще встроенные в исторический контекст, – путь к пониманию деталей социальных взаимодействий, среди которых свою роль играли и гендерные. Эмпатия, сопереживание, признание особого значения женской эмоциональности в передаче пережитого как особенность полевой работы специалиста, признающего значимость гендерной методологии [4], – способ углубления воспроизводимой исследователем картины обыденного мира. Такая реконструкция реальности *других* через анализ собственного социального опыта (дистанцированного временем, поколениями, территорией) может быть отнесена к «понимающей социологии», ведь мы предлагаем оценить современное

видение общего прошлого, нашу работу, построенную на биографических инсайдах о нестоличной советской жизни 1950–1960-х годов.

Направление изучения особенностей повседневности через анализ именно женского повседневного опыта как более связанного с ежедневным решением проблем обыденного существования обоснованно представлено прежде всего в работах отечественных историков и этнологов (Н.Л. Пушкарева [21], А.В. Белова [3], Н.Б. Лебина [15], З.З. Мухина [19]), но активно развивается и зарубежными коллегами (Г. Лапидус [29], С. Бойм [27]), в том числе изучающими рассматриваемый нами период (М. Илич [28]). Однако работы зарубежных коллег строятся на анализе реалий жизни крупных, чаще всего столичных городов. Крайне мало внимания уделяется зарубежными специалистами особенностям провинциальной жизни Советской России. Не было и попыток углубиться в суть эмоционально-психологического фона женского переживания трудностей провинциального повседневья и основ того социального оптимизма, которым было пропитано тогдашнее существование старшего поколения.

Анализ. Обращаясь к истории крупнейшего индустриального района страны – Поволжья – и двум очень похожим друг на друга населенным пунктам по обе стороны Волги – Тольятти и Жигулевску, стоит поставить задачу собрать свидетельства живой устной истории. Сопоставить жизнь в этих городах, реконструировав ее на основе женских воспоминаний полувекковой давности, означает оценить влияние на повседневный быт внешних и внутренних факторов в 1950–1960-е годы. Разным ли был социальный состав населения этих городов (ведь Жигулевск был комсомольской стройкой с преобладанием молодежи, а Тольятти возник как новое поселение взамен затопленных Куйбышевским водохранилищем деревень), разным ли (как следствие) было ведомственное покровительство? Была ли сходной степень модерности и/или сохранения патриархальности в семейном быту? На что в реальной жизни могли претендовать работницы, оказавшиеся волею судеб по одну сторону Волги, на службе у гигантской Куйбышевской ГЭС, и по другую – в обслуживающих этот гигант предприятиях?

Для антрополога повседневности ответ на эти вопросы – способ оценить устойчивость традиционного в изменчивом обществе. Если оба этих города были почти идентичны по архитектурно-планировочному ландшафту городских пространств, если оба имели несколько кварталов «сталинского ампира» ленинградской архитектурной школы, но в основном были застроены позже, уже в годы быстрого жилищного строительства времен оттепели, то была ли различной женская повседневность, насколько на нее влияли разные жилищные условия, принадлежность к социальному слою администрации или собственно рабочих? Наша условная научная гипотеза как раз связана с желанием подтвердить или опровергнуть факт различия форм женской повседневности в социальной памяти жительниц двух недалеко друг от друга расположенных городов. При этом в контексте общего нарратива мы хотели бы не противопоставлять женскую память жительниц одного города другому, а рассматривать собранные рассказы как единое целое, но с возможными различиями в случае их выявления.

«Девушка-гимнастка»: память о формировании городского пространства Ставрополя и Жигулевска. История слияния в мае 1949 г. поселков нефтяников Отважное и Моркваши в рабочий поселок Жигулевск, рядом с которым годом спустя началось сооружение Куйбышевской ГЭС, в памяти живших тогда в этом районе запечатлелась плохо. Даже о торжестве в честь открытия станции при участии Н.С. Хрущева, случившемся в августе 1958 г., никто не вспомнил. Первым делом на просьбу рассказать о конце 1950-х отзываются историями появления в этих краях молодежи, комсомолок, становившихся гидростроительницами и пополнивших ряды новоселов. Походя сообщили, что среди прибывших было немало и узников исправительно-трудовых лагерей (что подтверждается и письменными источниками [17]), а также военизированных строительных отрядов.

В те же годы Ставрополь-на-Волге попал в зону затопления и рабочий поселок Комсомольск и в 4 км от него вниз по Волге – Шлюзовой вошли в состав уже нового Ставрополя. Квартиры в нем в 1950-е гг. получали работники гидроузла, порта, шлюзов [26], а

сам город (ровно так же, как стоявший на противоположном берегу Жигулевск) проектировался при участии Ленинградского государственного института проектирования городов (Ленгипрогор). Представительницы образованных слоев Ставрополя-на-Волге и Жигулевска не без гордости говорили о том, что их дома были спроектированы градостроительницами из северной столицы. *«Когда-то наш город планировали ленинградские архитекторы. Отсюда стройность улиц, стиль... Стены с историей. Сколько поколений детей бросали об них мяч, сколько голосов они слышали, сколько ласточкиных гнезд свито под крышами...»* [23]. С особым достоинством прозвучало даже имя их поволжской родины – *«маленький Петербург»* [27]. Такого рода аналогии были типичны для жителей новых промышленных центров (скажем, жительницы Ангарска себя называли «таежными ленинградками») [2]. Важно и то, что к архитектурно-планировочному ландшафту городов, действительно, приложили ум и руку именно женщины – создательницы новых кварталов (в те времена в Европе и США таких примеров не было).

Автором генерального плана Жигулевска была архитектор Ленгипрогора Н.В. Кашкадамова [4], а самые выразительные и изящные дома Шлюзового (ныне – Ставрополь) принадлежат авторству Е.А. Юзбашевой, положившей начало целой династии архитекторов [18], прославившихся позже в столицах.

Как в Ставрополе, так и в Жигулевске создавалось особое городское социокультурное пространство, которое сохранилось в женской социальной памяти как образцовое, родное, но утраченное. Т. Свичкарь писала о Жигулевске 1960-х: *«Фонтаны, журчание воды... Сейчас прежних нет ни одного. Но они были, и их нельзя забыть: фонтан в “верхнем”, больничном, парке – глубокий. Здесь стояли скульптуры спортсменов, и я удивлялась: зачем было лепить этих грубых мужиков с веслами и мячами, когда гораздо красивей – тоненькая девушка-гимнастка?»* [23]. Однако сталинским ампиром могли похвастаться разве что центральные части двух городов, в основном же прибывшие в конце 50-х – начале 60-х говорят, что *«там были одни котлованы и “скеле-*

ты” зданий и сооружений», а женщинам с высшим образованием приходилось идти, например, «*табелъщицами на строительстве домов механосборочного производства, так как в школе мест не было*» [13, с. 147]. На прибывавших из столиц женщин место строительства нового города (который станет позже Тольятти) производило «гнетущее впечатление»: «*Жара 35–37 градусов. Всюду песок, в котором утопали высокие каблукки... Многие жители грызли семечки, на ходу сплевывая шелуху. За несколько дней я только раз увидела грузовую машину, в основном встречались повозки на быках и лошадях*», да и само название одной из улиц (Забегаловская) было для жителей говорящим [24]. Для интеллигенции (тех же врачей) условия работы на этом новом месте «*были трудные: бездорожье, разбросанность домов на большие расстояния друг от друга, неуточненные адреса, номера домов, отсутствие освещения на улицах, транспорта, стаи бездомных собак...*», «*осень – дождь, холод, заморозки*», «*население очень болезненно покидало Старый город, где жили их предки*», было «*недоброжелательно, что, естественно, сказывалось и на отношении*» к прибывшим [14]. Меж тем переселение шло быстро: «*...часть заселялась в сборно-щитовые домики, а кто-то праздновал новоселье в первых многоэтажных домах. На улицах было шумно, повсюду люди что-то строили, обустривались, мастерили. Буквально за месяц [в 1953 г. – Авт.] появилось около 400 зданий*» [25].

Горожанки Жигулевска и ставропольчанки: неоднородный социальный состав. Поскольку строительство Куйбышевской ГЭС было объявлено ударной комсомольской стройкой, стройкой пятилетки, сюда хлынул поток молодежи из деревень Самарской области и других регионов Поволжья, а затем и со всей страны. Девушки без образования соглашались быть низкоквалифицированными разнорабочими, выпускницы строительных техникумов получали более профессионально ориентированную работу (хотя и не особо оплачиваемую). Дочери и жены опытных профессионалов, направленных на Куйбышевскую ГЭС, могли тоже найти себе применение, но, как правило, не соответствовавшее их обра-

зовательному статусу и умениям. Как часто случалось в семьях совруководителей (главных инженеров, директоров, партийных функционеров), жены «не выставлялись», обеспечивая надежный тыл мужьям и занимая скромные должности. Так, жене директора Жигулевского комбината строительных материалов – отличнице Новочеркасского политеха, прельщенной возможностью уехать в новый город и получить там сразу собственное жилье, пришлось стать простым технологом, заведовать технической библиотекой. «*Она поддерживала мужа в его порыве усовершенствовать труд цементников, освободила от рутинной домашней работы, занималась воспитанием сыновей, дочки, внучки*» [22, с. 95–96]. Сразу согласившись ехать за мужем в новый город (с собой у молодых специалистов были только ванночка для купания ребенка и перина), ей пришлось жить вначале в общежитии – во имя скорейшего получения квартиры (и ее дали быстро, не прошло и года, в хорошем районе – Яблоневом Овраге [22] будущего Тольятти).

Сарафанное радио работало бесперебойно, и манком для притока населения было как раз обеспечение своим бесплатным жильем. В начале 1950-х гг. сюда ехали рожденные незадолго до войны и в ее годы, стремившиеся к созиданию, готовые жертвовать комфортом ради будущего. В начале 60-х прибывала уже молодежь с иными установками, ориентированная на обретение квартиры, более высокую зарплату, спецнабжение. Пригласившие подруг девушки помогали устроиться, попасть в одну бригаду, в одно общежитие, стать соседями. Иные оказывались на месте уже с семьями. «*При устройстве на работу зашла в отдел кадров с подругой по вузу, оставив ребенка с мужем в коридоре – больше не с кем было оставить*» [11]. На жен рассчитывали, когда какие-то низкоквалифицированные работы надо было выполнить аврально – например, сдать ГЭС в 1958 г. к приезду ведомственной столичной комиссии: «*“Бери автобус, садись, вези всех жен руководящих работников, с детьми, с тряпками, швабрами, с ведрами!” – Я по Жигулевску проехал, часа за полтора собрал около шестидесяти человек, и к утру все привели в порядок*» [20]. Благоустройство,

высадка зеленых насаждений, даже судя по архивным фото 1950-х, – почти исключительно была «женская работа» (на фото видны бесконечные женские платочки) [14]. Никакого равенства в обеспечении жильем не было: руководящая верхушка ИТР, парторги и комсомольские вожаки могли рассчитывать на особые условия – *«деревянные финские домики на 2 хозяев с водопроводом, канализацией, ваннами и водяным внутренним отоплением»*. «Простым» строителям предназначались двухэтажные восьмиквартирные щитовые дома с 8 сараями рядом (по 8 кв. метров каждый). *«Однако и здесь селилось не 8 семей, как предполагалось, а 12–15. Иметь отдельную квартиру считалось роскошью»* [14] – во всяком случае, на всем протяжении 1950-х годов.

Спецснабжение Жигулевска и Ставрополя, обусловившее женский быт. При советской плановой экономике в рабочих городах середины XX в. женский быт сильно зависел от того, как город снабжался. Уровень снабжения определял затраты времени хозяйки на домашние хлопоты (закупку продуктов, очереди за ними, заготовку и приготовление еды). Наличие «домашних помощников», как именовали тогда бытовые приборы, подчас не очень доступные в финансовом отношении, было мечтой, она осуществлялась не всегда и не сразу. Различия в снабжении и образе жизни семей и их хозяек оказались заметны при суммировании сообщенного респондентками и воспоминаний старожилов двух городов.

Продукты и товары первой необходимости поступали в Тольятти и Жигулевск в разном количестве, ассортимент тоже был весьма различным. Со строительством в 1950-е гг. молодого ведомственного Жигулевска старый портовый Ставрополь стал второстепенным. И хотя жилищное строительство было интенсивным и одновременным, все же женщины частенько ездили из Ставрополя в Жигулевск, особенно когда надо было обеспечить праздничный стол. Он тоже отличался: ставропольчанка вспомнила, как *«13-ю зарплату обмывали: пельмени, щи»* [12], а старожилка Жигулевска назвала другие продукты – «колбаса сырокопченая, индейка, мясо с сыром» – и добавила: *«...стол был очень разнообразен»* [2]. С конца 1950-х в Жигулевске были отличные

полуфабрикаты, в 1960-е гг. к ним добавились кукурузные палочки, конфеты «Соломка», «Чернослив в шоколаде», надолго ставшие фирменными лакомствами города [14]. Снабжение Ставрополя в 1950-е гг. сильно отставало. Старожилки рассказывали, как ездили *«в Жигулевск и за вещами»*, с женской наблюдательностью отметив, что *«в Жигулевск завозили Ленинградский фарфоровый завод, или Дулево, а нам – привезут подешевле сервизы, в Жигулевск же – подороже и качеством получше»* [10].

Отсутствие в ставропольских магазинах модных платьев и другой нужной одежды при желании «быть не хуже» заставляло решать проблему самостоятельно. Почти все девушки и женщины в новых районах города умели шить, делились друг с другом выкройками, обрезками тканей, фурнитурой: *«Перешивали мы сколько! Все были молодые, “моднячие”, и бабочки, и шнурочки, и горошек хотелось; раньше голь была на выдумку хитра!»* [12]. По деревенской традиции женщины сами шили и постельное белье (*«наволочки сами шили, руки до сих пор помнят»*) [2]). Сложные фасоны и в портовом Ставрополе, и в «ГЭСовском» Жигулевске доверяли в 1950-е, и особенно в 1960-е гг., портнихам. По воспоминаниям, их было немало; многие жены речников, отправив мужей в плавание, оставались с детьми и осваивали шитье на заказ. В ходу была и бесплатная взаимопомощь: соседки могли приглядывать за детьми, готовы были постирать-погладить вещи подруг, работавших на ГЭС и не имевших много свободного времени [7]. Случалось, старшие работницы полагали, что *«шить и вязать могут только бездельники»*; тем не менее украшением кровати в комнате (на которую днем никто не садился) был непременно отделанный ришелье (род ажурной вышивки) *«оборник»*; в домах хранились праздничные скатерти с ручной обработкой краев [12].

С началом строительства в Ставрополе (который вскоре поменял имя на Тольятти) Волжского автомобильного завода (ВАЗ) в 1966 г. снабжение городов круто изменилось, и уже из Жигулевска, утратившего свой статус «нового города», жительницы стали ездить в новые роскошные магазины «автограда». По воспоминаниям старожилок, в Тольятти

конца 60-х уже можно было купить даже редкие в то время грампластинки с песнями зарубежных исполнителей [12], не говоря уже о желанных фасонах одежды и модной обуви.

Локальный романтизм женской повседневности: рыбалка и совместное пение. Два новых быстрорастущих города по обе стороны могучей, овсянной романтикой русской реки были отличным субстратом для рождения ненаносного патриотизма. Юноши и девушки гордились «быть первыми», искренне веря, что они созидают светлое будущее и в то же время остаются продолжателями самобытных духовных традиций этих мест [16]. Сам ландшафт порождал романтизированную оценку собственных жизненных успехов, равно как социокультурный запрос на определенный уровень житейской устроенности середины XX века. Размышления о прошлом, о пережитом в женских рассказах о своем быте и повседневности полувековой давности заставили рассказчиц сделать вывод о значимости малой родины для обретения особого духовного состояния, характеризуемого положительным восприятием действительности, уверенностью в возможностях улучшения жизни, осознанием себя общественно значимой силой. *«Мы вообще не представляли свою жизнь без Волги. Всю жизнь прожили в 100 метрах от нее. Тот запах, когда она цветет, – ни с чем не сравнимый. Везжала когда – все время переживала, вспоминала. Мне было тоскливо. Стоило мне только вернуться домой, вдохнуть запах цветущей Волги, все вставало на свои места»* [12].

Романтика жизни в Положье рождала романтизацию повседневья в городском пространстве: *«Мы “дарили” друг другу деревья. Когда гуляли по улицам с мамой и сестрой, звучало: “Смотри, какая красивая береза. Я дарю ее тебе!” И до сих пор, пробегая мимо, вспоминаешь: эта береза – мамина, эта – Олина, эта – моя»* [23].

Очевиден и утилитарный смысл соседства с великой рекой: она была «кормилицей», рыбалка была любимым занятием и формой досуга (*«мужики рыбы наловят, бабы ухи наварят»* [9]). Шли рыбачить и пешком, ехали иной раз на попутках, одно время популярны были семейные выезды на мотоциклах, кто-то имел знакомства и умел подобраться

к местам клева на технических судах (*«на рыбалку на ту сторону нас с мамой вывозили “Чайки РБТ”, были баржи с лесом, продуктами – можно было подплыть на маленьком суденышке, что-то купить у них, мы покупали сушеную рыбу»* [12]). Но конечно, едва в 1970 г. начал выпускать продукцию ВАЗ, народ стал вставать в очередь на приобретение автомобиля. Вопреки стереотипу о том, что рыбалка – дело мужское, жительницы приволжских городов наперебой вспоминали именно свое участие в организации рыбалок, вспоминали восторженно: *«Рыба какая водилась! Поймали осетра, вытащили, наготовили целое эмалированное ведро черной икры – не знали, что с ней делать. Всех угощали, хранить-то было негде»* [7].

Песни о Волге, как рассказали помнящие оттепельные времена, были неотъемлемым элементом любых досуговых застолий. Старшее поколение женщин, родившихся в окрестных деревнях Куйбышевской области, знали песни довоенных лет. Молодые девушки, создавая новые семьи в 1950–60-е гг., пели песни, которые звучали по радио, *«и ни одна радость, и ни одно горе без песен не обходилось»* [9]. Традиция волжских песен более поддерживалась ставропольчанками, так как среди них было больше рожденных в Поволжье, чем в эклектичном по социальному составу Жигулевске. По профессиональному составу в Ставрополе тоже было больше «речников», знавших *«застольные речные песни»*. *«У мамы отец был с Урала, мать с Черкасс – так они пели протяжные песни, “бабье нытье”. Мама играла на гитаре, балалайке, мандолине. Застольные песни – каждый праздник, свадьба, гулянка, да или просто собрались выпить. Каждый раз пели»* [12]. Песни были непременным элементом коллективного досуга и старших, и младших. Пели душевное, перекликавшееся с индивидуально-личностными переживаниями, дорожили дружественным настроем, возможностью запеть начало, чтобы песню продолжили другие, рассчитывая в ответ на доверие [15]. В картине мира советской песни тех лет находила выражение марксистская модель развития истории и общества «по спирали» (один «рай» сменял другой, повторяя

его в более совершенном виде), поэтому в текстах советской песни всегда было ожидание нового «витка», подготовки к «светлому будущему» [1].

Женская взаимопомощь в повседневном быту Жигулевска и Тольятти. В женских бытовых практиках новых многонациональных городов Поволжья середины XX в. отчасти сохранились этнические традиции, заметные в особенностях проведения праздников, в кулинарии, подходах к воспитанию детей. При этом все респондентки спешили подчеркнуть, что тогда «все дружили – русские, мордва, чувашки» («мордва варила зеленые щи из свинины или говядины – так запах стоял на весь подъезд» [12]). Готовить нехитрые повседневные блюда: каши, квашеную капусту, борщи, блины, по воспоминаниям респонденток, их учили мамы, а тех по большей части учила сама жизнь: послевоенное поколение не знало «разносолов», училось всему с ходу: «...мама моя – детдомовская, [у нее в детдоме] повара-немцы жили, она научилась у них – делала винегрет, огурцы солила, котлеты жарили на ура» [12]. В отличие от молодого Жигулевска, в Ставрополе было больше представительниц старшего поколения (переселенок из зоны затопления при строительстве ГЭС) – те привыкли готовить помногу и часто. Любили угощать соседей: простые продукты стоили в советское время недорого («Соседка тетя Зоя очень любила печь, пекла на все квартиры в нашем подъезде. У нее всегда пахло сдобой, дрожжами: то пирожки, то беляши» [8]).

Главной же сферой женской взаимопомощи была забота о детях. В молодых городах Поволжья далеко не все молодые мамы могли рассчитывать на помощь старших родственников. В 1960-е гг., ставшие десятилетием химизации промышленности, немало молодых женщин устроилось на работу на новые заводы, получив жилье и создав там семьи, но сохраняя и связь со старшим поколением («В Жигулевск меня отдали в 1961 году, девятимесячной, бабушке с бабушкой. Маме нужно было возвращаться на работу, выходит на свой химический завод» [23], – рассказала жительница Ставрополя). Так везло не всем. У многих осталось впечатление, что множество детей в

двух городах родилось почти одновременно (что закономерно для молодого населенного пункта). С этим и связано воспоминание, что детей воспитывали коллективно, «всем двором» («забот и хлопот много, одна [мама] смотрит за всеми детьми, другие побежали по магазинам: в 4–5 утра вставали, сначала – в магазин, затем у плиты варили каши» [12]). Детвора во дворе копировала в играх образ жизни мам: играли в продуктовые магазины, готовили на домашней кухне и старались потом угостить всю округу. «Дома никто не хотел сидеть – все лызгали на улице. Кто [играл в] казаки-разбойники, [а кто] магазин “Продукты” из песка [строил]: кирпич, палка – готовые весы. Выдумывали ерунду себе из всего»; «всегда старших уважали» [12] – соседи приглаждали за детьми без всяких просьб. Воспоминания о женской взаимопомощи тех лет открыли диссонанс между современным закрытым и небезопасным городским социальным пространством, в котором родители не доверяют детей улице, и советским образом жизни, где улица формировала характеры и социальную компетентность детей. Это заметно даже в городах, построенных в 1950-е гг., где «спецконтингент» подведомственных домов соседствовал с жильем рабочих и семьями вольнонаемных строителей, часто – бывших заключенных, среди коих были и политзэки [20]. Девочек «не боялись никуда отпускать», они «с пацанами где только ни лазали: и гаражи, и стройки, и дебаркадер стоял, мы туда спускались по трапам» [2]. Город имел некое общее лицо, «все друг дружку знали», родительницы легко отпускали дочек на Волголесосплав, на пляж [12]. Атмосфера дружбы пронизывала оба рабочих городка, сплоченных особенной корпоративной культурой и общими трудностями («интеллектуции много было, архитекторы, инженеры – после постройки ГЭС соседи поехали в Египет ГЭС строить, так мама приглаждала за их квартирой») [12].

Отдельной частью воспоминаний о взаимопомощи тех лет остались бытовые детали, связанные со стиркой. До появления в домах стиральных машин в распоряжении хозяек Жигулевска и Ставрополя вплоть до середины 1960-х гг. были по большей части алю-

миниевые тазы и деревянные доски с волнистой поверхностью. Было принято кипятить, подсинивать, иногда даже крахмалить белье, на стирку у каждой хозяйки обычно уходил день. («Цветного постельного белья не было. И у всех кипельно-белое [так в тексте вместо «кипенно». – Авт.] должно было оно быть. В соде кипятили, затем синькой подсинивали, сушили всегда на улице – и зимой и летом, дома не сушили никогда» [14]). Стиральные машины несильно изменили женский быт и не так уж упростили его, ведь машина заменяла лишь одну из многоэтапных процедур («первая стиральная машинка появилась у нас в 1958 году с 2 валиками активаторного типа, ты стираешь, а полоскать все равно в ванне будешь, и все вручную отжимаешь, полуавтомат такой») [9].

Поскольку до конца 1950-х гг., как в Жигулевске, так и в Ставрополе, семьи чаще всего получали не отдельные квартиры, а комнату в коммуналках, бытовые дела (стирка – не исключение) рождали пространство общения, совместного времяпрепровождения, не исключая элемент соревновательности: «У всех были алюминиевые оцинкованные баки большие. Заходишь на кухню, там все парит! Все кипятят – по 2–3 хозяйки сразу. Хвастались друг перед другом, у кого белье чище» [7]. В рабочих городах середины XX в. (в отличие от строившихся в то же время наукоградов) бытовые вопросы – стирка, готовка, зашивание – занимали большую часть свободного женского времени. Девочки обучались бытовым мелочам походя, и лайфхаки (которые именовали попросту «маленькими хитростями»), запомнившиеся тогда, ныне с радостью сообщались рассказчицами: «Крахмалили белье обязательно! Крахмал делали сами: натирали картошку на крупной терке, заливали холодной водой, потом отжимали, так внизу был крахмал сначала розового цвета. Его надо 10 раз водой размыть, чтобы слить розовизну, потом складывали в баночки, потом белье крахмалили. Воротнички стояли!» [7]. На вопрос о целесообразности столь сложных процедур старожилки убеждали, что с крахмалом все вещи принимали нужную форму («...встряхнула, натянула – и он [пододе-

яльник или простыня. – Авт.] жестковатым становится», без крахмала же «2 раза поспал – и белье уже не такое» [2]). Утюги в тогдашнему быту обоих поволжских городов использовались также нередко еще угольные; их разогревали на строившихся в новых жилых домах голландских печах [8] («В наших домах были сначала голландки, уж потом, когда в Тольятти стали газ проводить, по благу нашли газозвоника – он все голландки подключил к газу, поставил нам газовые колонки» [2]).

Культурно-досуговые практики горожанок. В отличие от повседневной жизни наукоградов, также возникших в середине XX в. и ставших центрами неформальной, неорганизованной, отчасти оппозиционной культуры, рабочие города Поволжья не были избалованы вниманием известных писателей, актеров и эстрадных исполнителей. Жительницы рабочих городов довольствовались в свободное время, скорее, роскошью общения друг с другом. И самыми знаменательными событиями в часы досуга для них становились семейные праздники. Собирались большими компаниями там, где позволяли условия, – в чьей-то большой квартире. В гости принято было приходить всей семьей вместе с детьми разных возрастов, которые на время застолья были предоставлены сами себе. «Детям не разрешали за столом сидеть», их могли «в отдельной комнате всех собрать» или посадить за отдельный детский столик [12]. «Мы никогда с родителями не сидели за столом, – вспоминает ставропольчанка. – Даже кусок не удавалось иногда ухватить – чтоб не подслушали – истории-то обсуждались разные, не для детских ушей» [8]. Еще более многолюдными были свадьбы, объединявшие соседей, друзей, коллег по работе. В женской социальной памяти они – одни из самых запомнившихся торжеств. Взаимопомощь в их подготовке была их незаменимым спутником («Если у кого-то дома свадьба, работают на это все соседи» [2]).

Практически во всех семьях принято было отмечать и государственные, официальные идеологические праздники. «На 1 мая любили ходить, мы ждали этих мероприятий. Мать покупала красный коленкор, шила всем флажки на деревянной палоч-

ке – все мы ходили с флажками» [12]. Фотографии тех лет донесли атмосферу общей радости и приподнятого настроения участниц демонстраций и шествий, тем более что именно женщины и создавали уют городского пространства в этих молодых городах. По воспоминаниям, «цветы на балконах любили разводить абсолютно все, особенно герань, красную, розовую» [7]. Но счастливыми обладательницами комнат или квартир с балконами в 1950–60-е гг. были не все, и многие женщины терпеливо разбивали клумбы перед подъездами, выращивали цветы под окнами своих домов.

С начала 1960-х гг. жигулевцам начали выделять землю под дачные участки, с 1965 г. дачи начали строить и ставропольцы. Женский досуг стал досугом дачным. Женщины себя ощущали на дачах хозяйками собственных соток, помогали мужьям строить сараи и простенькие садовые домики; стройматериалов не хватало, и в ход шло все, что можно было достать. В воспоминаниях о дачном досуге всплыла тема неравенства в снабжении более ведомственно обеспеченного Жигулевска и (до появления ВАЗа) скромного Ставрополя. «Когда родителям и нашим друзьям в 1965 году дали данные участки, они строили дома друг другу – деревянные, дражкой обшитые и раствором [обмазанные]. Тяжело было со снабжением, все с трудом доставали» [12].

Где, как не на даче, летом можно было передать детям домашние хозяйственные навыки? Для поволжских городов 1960-х гг. типичным было содержание на дачных участках домашней птицы. Мамы весной ходили с детьми покупать в магазине «Дом природы» цыплят, их там всегда «по весне продавали в коробках». «Как-то раз нам с подружкой достались два последних. Один из них был с больной ножкой – она неестественно загибалась кверху. Дедушка сделал цыпленку костыль из щепки, и он отлично выучился с ним бегать» [23]. В этом бесхитростном воспоминании – квинтэссенция готовности и самим рассказчицам приравниваться, хоть к костылям из щепок, лишь бы вернуться вновь в ту пору, когда общей жизненной темой было соучастие, подспорье и подмога соседей и друзей.

Результаты. В палимпсесте приукрашенной, наполненной оптимизмом, молодостью и ностальгией женской социальной памяти между строк угадывается невысказанное. Большинству опрошенных пришлось в те годы очень тяжело.

Общая неустроенность быта, тревога о семье и детях (и лишь потом о себе), очевидная готовность жертвовать собой ради лучшего будущего – все это накладывало отпечаток на женскую повседневность. Среди зыбких границ смыслов, непроявленных чувств и отблесков идей, внушенных со страниц газет и с общих собраний, вдруг проскальзывает разочарование в том, что силы были потрачены в очередях, или сожаление о том, скольких усилий стоило в условиях тогдашних «советских трудовых будней» удержание мужей от алкоголизма. Рассказчицы, очевидно, были не просто надежным тылом для мужчин, строивших индустриальные гиганты, но и своеобразным гарантом того социального оптимизма, который воспитывался идеологией и который тогда позволил выжить, а сегодня вспоминать о тех годах, как о лучших в жизни. Общие трудности сплывали и объединяли женщин, и тема взаимоподдержки больше запечатлелась в индивидуальной памяти ставропольчанок, нежели жительниц Жигулевска.

Образцовый быт, воспетый государственной пропагандой, с цветущими клумбами у подъездов и на балконах, с пышными застольями и яркими нарядами, давался «огромным трудом и при любой погоде» [6], и создавался он (если и был где-то запечатлен на фото) именно усилиями женщин. В обоих городах они умели стирать вручную горы белья, вставая в 5 утра, чтобы успеть в магазин на другой конец города, и одновременно замечать новую архитектуру, радоваться романтике родной Волги и помогать друг другу воспитывать в детях любовь к своему дому. Советский быт учил выживать и формировал характер, создававший рамки того социального оптимизма, которым окрашены литературные и кинопроизведения времен хрущевской оттепели. Разный уровень ведомственного снабжения Жигулевска и Ставрополя наложил отпечаток на женский быт и особенности домашней жизни, однако в социальной женской памяти (вопреки этому дисбаланс) со-

хранилось лучшее и затерто травматичное. Пережившие сложности и неудобства полвека, спустя годы смотрят на ту жизнь как на период, когда они верили в свои силы, и ставили на первый план человеческие отношения, а не продукты, жилье, машины и другие потребительские блага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимов Е. А. Семиотика бардовской песни: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2006. 23 с.
2. Анонимные воспоминания. 1951 г. р. Жигулевск (из семьи работников Куйбышевской ГЭС) // Авторский архив (далее – АА). 11.03.2023.
3. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 25–67.
4. Бурая И. В. Архитектура и планировка Жигулевска: К истории основания единственного города на территории Самарской Луки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (77). В 2 ч. Ч. 2. С. 23–25.
5. Ваиль П., Генис, А. 60-е. Мир советского человека. М.: Наука, 2001. 297 с.
6. Воспоминания Артюховой Н.Н., 1960 г. р. // АА. 19.05.2011.
7. Воспоминания Захаровой Н.Г. Ставрополь, 1934 г.р. (работница сферы торговли и общепита) // АА. 14.03.2023.
8. Воспоминания Ивановой В.А., 1947 г.р. Ставрополь (Тольятти). (Из семьи работников Куйбышевгидростроя) // АА. 11.03.2023.
9. Воспоминания Кучериной З.Н. Жигулевск, 1936 г. р. (работница Куйбышевгидростроя) // АА. 17.03.2023.
10. Воспоминания Романюк (в девичестве Байцева) А.А. (г. р. не известен). Ставрополь (Тольятти). (Работница Ставропольского химкомбината) // АА. 10.03.2023.
11. Воспоминания Саркисова В.А. // АА. 2022.
12. Воспоминания Э.К. 1958 г. р. Ставрополь (Тольятти). (Из семьи работников порта Ставрополя) // АА. 12.03.2023.
13. Высоцкий В. С. Исследования и материалы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 244 с.
14. Кондратьев В. От Ставрополя до Тольятти // Хронограф. Фотоблог В. Кондратьева. 14.03.2012. URL: <https://chronograph.livejournal.com/106709.html>
15. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. 1920–30 гг. СПб.: Летний сад, 1999. 350 с.
16. Матвеева Л. Счастье быть первым // Гидростроитель. 1968. 2 сент. С. 1.
17. Мельник С. Жигулевск изначальный // Релга: научно-культурологический журнал. 2022. № 10. С. 45–48.
18. Мельник С. Г. Рукотворный город: как строился Тольятти. Ч. 36. Остров Шлюзовой. URL: <https://tltgorod.ru/reporter/?reporter=57052>
19. Мухина З. З. Повседневная жизнь женщины-крестьянки в пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 155–176.
20. Пещерова Н. Саркисов: человек своего поколения // Жигулевский рабочий. 2021. 4 окт.
21. Пушкарева Н. Л. Гендерная система в советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 8–24.
22. Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В., Белов С. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3-1. С. 95–103.
23. Свичкарь Т. Старый Жигулевск // Жигулевский рабочий. 2021. 8 окт.
24. Слесаренко Л. И. О медиках и медицине (1950–1978) // История Ставрополя-Тольятти: Научно-просветительский проект ТГУ. URL: <https://1737.tltsu.ru/?p=476>
25. Ткаченко Т. и др. «Взрывали все, что не могли перенести» // СамараОнлайн. Город. Подробности. 13.12.2021. URL: <https://63.ru/text/gorod/2021/12/13/70313486/>
26. Тольятти. «Трижды рожденный...» // Архитектура и строительство г. Тольятти. URL: <https://web.archive.org/web/20111115203935/http://www.gadtl.ru/>
27. Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Harvard, Harvard University Press, 1994. 368 p.
28. Ilić M. Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From “Protection” to “Equality”. L.: Palgrave Macmillan, 1998. 251 p.
29. Lapidus G. W. Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. Los Angeles: University of California Press, 1978. 370 p.

REFERENCES

1. Abrosimova E.A. *Semiotika bardovskoy pesni: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Semiotics of a Bard's Song. Cand. philol. sci. abs. diss.: 10.02.01]. Omsk, 2006. 23 p.
2. Anonimnyye vospominaniya. 1951 g.r Zhigulevsk (iz semyi rabotnikov Kuybyshevskoy GES)

[Anonymous Memories. Born 1951 Zhigulevsk. (From a Family of Workers at the Kuibyshev Hydroelectric Station)]. *Avtorskiy arkhiv (daleye – AA)* [Author's Archive (hereinafter – AA)], 2023, Mar. 11.

3. Belova A.V. Zhenskaya povsednevnost kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskij i metodologicheskij aspekty [Women's Everyday Life as a Subject of the History of Everyday Life: Historiographical and Methodological Aspects]. *Rossiyskaya povsednevnost v zerkale gendernyh otnoshenij* [Russian Daily Life in the Mirror of Gender Relations]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2013, pp. 25-67.

4. Buraya I.V. Arhitektura i planirovka Zhigulevska: K istorii osnovaniya edinstvennogo goroda na territorii Samarskoj Luki [Architecture and Planning of Zhigulevsk: On the History of the Founding of the Only City on the Territory of Samarskaya Luka]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences; Cultural Studies; and Art Criticism. Theory and Practice Issues]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 3 (77), in 2 pts., pt. 2, pp. 23-25.

5. Vail P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. World of the Soviet Man]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 297 p.

6. Vospominaniya Artyukhovoy N.N., 1960 g.r. [Memoirs of N.N. Artyukhova, Born in 1960]. *AA* [Author's Archive], 2011, May 19.

7. Vospominaniya Zakharovoy N.G. Stavropol, 1934 g.r. (rabotnitsa sfery trgovli i obshchepita) [Memoirs of Zakharova N.G. Stavropol, Born 1934 (Trade and Catering Worker)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 14.

8. Vospominaniya Ivanovoy V.A., 1947 g.r. Stavropol (Tolyatti). (Iz semyi rabotnikov Kuybyshevgidrostroya) [Memoirs of Ivanova V.A. Born 1947 Stavropol (Tolyatti). (From a Family of Kuibyshevgidrostroy Workers)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 11.

9. Vospominaniya Kucherinoy Z.N. Zhigulevsk, 1936 g.r. (rabotnitsa Kuybyshevgidrostroya) [Memoirs of Kucherina Z.N. Zhigulevsk, Born 1936 (Employee of Kuibyshevgidrostroy)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 17.

10. Vospominaniya Romanyuk (v devichestve Baytseva) A.A. (g.r. ne izvesten) Stavropol (Tolyatti). (Rabotnitsa Stavropolskogo khimkombinata) [Memoirs of Romanyuk (nee Baytseva) A.A. (Birth Unknown) Stavropol (Tolyatti). (Worker of the Stavropol Chemical Plant)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 10.

11. Vospominaniya Sarkisova V.A. [Memoirs of Sarkisov V.A.]. *AA* [Author's Archive], 2022.

12. Vospominaniya E.K. 1958 g.r. Stavropol (Tolyatti). (Iz semyi rabotnikov porta Stavropolya)

[Memoirs of E.K. Born 1958 Stavropol (Tolyatti). (From a Family of Stavropol Port Workers)]. *AA* [Author's Archive], 2023, Mar. 12.

13. Vysotsky V.S. *Issledovaniya i materialy* [Research and Materials]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1990. 244 p.

14. Kondratyev V. Ot Stavropolya do Tolyatti [From Stavropol to Togliatti]. *Hronograf. Fotoblog V. Kondratyeva*. [Chronograph. Photoblog by V. Kondratyev], 2012, Mar. 14. URL: <https://chronograph.livejournal.com/106709.html>

15. Leбина N.B. *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda. 1920–30 gg.* [Daily Life of the Soviet City. 1920–30s]. Saint Petersburg, Letnitsad Publ., 1999. 350 p.

16. Matveeva L. Schastye byt pervym [Happiness of Being First]. *Gidrostroitel* [Hydrobuilder], 1968, Sep. 2, p. 1.

17. Melnik S. Zhiuglevsk iznachalnyj [Zhuglevsk Original]. *Relga: nauchno-kul'turologicheskij zhurnal* [Relga: Scientific and Cultural Journal], 2022, no. 10, pp. 45-48.

18. Melnik S.G. *Rukotvornyj gorod: kak stroilsya Tolyatti. Ch. 36. Ostrov Shlyuzovoj* [Man-Made City: How Togliatti Was Built. Gateway Island]. URL: <https://tltgorod.ru/reporter/?reporter=57052>

19. Muhina Z.Z. Povsednevnyaya zhizn zhenshchiny-krestyanki v poreformennoj Rossii [Everyday Life of a Peasant Woman in Post-Reform Russia]. *Rossiyskaya povsednevnost v zerkale gendernyh otnoshenij* [Russian Everyday Life in the Mirror of Gender Relations]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2013, pp. 155-176.

20. Peshcherova N. Sarkisov: chelovek svoego pokoleniya [Sarkisov: Man of His Generation]. *Zhigulevskij rabochij* [Zhigulevsky Worker], 2021, Oct. 4.

21. Pushkareva N.L. Gendernaya sistema v sovetskoj Rossii i sudby rossiyanok [Gender System in Soviet Russia and the Fate of Russian Women]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2012, iss. 117, pp. 8-24.

22. Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V., Belov S. «Taezhnye leningradki»: povsednevnyaya zhizn zhenshchin Angarska v 1950-h – 1960-h gg. [“Taiga Leningradki”: Daily Life of the Women of Angarsk in the 1950s – 1960s]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2022, no. 3-1, pp. 95-103.

23. Svichkar T. Staryj Zhigulevsk [Old Zhigulevsk]. *Zhigulevskij rabochij* [Zhigulevsky Worker], 2021, Oct. 8.

24. Slesarenko L.I. O medikah i medicine (1950–1978) [About Doctors and Medicine (1950–1978)]. *Istoriya Stavropolya-Tolyatti: Nauchno-prosvetitel'skiy proyekt TGU* [History of Stavropol-Togliatti: TSU Scientific and Educational Project]. URL: <https://1737.tltsu.ru/?p=476>

25. Tkachenko T. et al. «Vzryvali vse, chto ne mogli perenesti» [“Blowing up Everything That Couldn’t Be Moved”]. *SamaraOnlayn. Gorod. Podrobnosti* [SamaraOnline. City. Details], 2021, Dec. 13. URL: <https://63.ru/text/gorod/2021/12/13/70313486/>

26. Tolyatti. «Trizhdy rozhdenyj...» [Tolyatti. “Thrice-Born...”]. *Arhitektura i stroitelstvo g. Tolyatti* [Architecture and Construction of Togliatti]. URL: <https://web.archive.org/web/20111115203935/http://www.gradtlt.ru/>

27. Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Harvard, Harvard University Press, 1994. 368 p.

28. Ilić M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From “Protection” to “Equality”*. London, Palgrave Macmillan, 1998. 251 p.

29. Lapidus G.W. *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. Los Angeles, University of California Press, 1978. 370 p.

Information About the Authors

Natalya L. Pushkareva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, info@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Alexander V. Zhidchenko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for Gender Studies, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, travel822@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Информация об авторах

Наталья Львовна Пушкарёва, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, info@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Александр Владимирович Жидченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, travel822@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.11>

UDC 94(470.45)«1947/1953»:642.5
LBC 63.3(2Рос-4Вор)631-2

Submitted: 13.11.2024
Accepted: 13.02.2025

PUBLIC CATERING SYSTEM IN STALINGRAD AFTER THE ABOLITION OF FOOD CARDS (1947–1953)

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article examines the development of the public catering system in Stalingrad in the first years after the abolition of rationing in 1947. **Methods.** For the preparation of this article, special historical methods were used: historical-descriptive and historical-comparative. When studying the office documentation, the method of quantitative analysis was used. **Analysis and results.** Unlike retail trade, the public catering industry experienced a noticeable drop in turnover after the abolition of rationing. Former commercial enterprises that purchased products at the market lost income due to a decrease in purchasing and, accordingly, selling prices. One of the main reasons for the drop in demand was the meager assortment of former ration canteens and the low quality of their dishes. Changes occurred in the structure of the public catering industry and its turnover. The number of canteens was reduced, and buffets and snack bars appeared en masse, selling mainly purchased products, primarily alcoholic beverages. An optimal structure of public catering was sought. In 1948–1950 most of the workers' canteens and cooperative teahouses came under the jurisdiction of the city canteen trust, but in 1950, catering enterprises in the southern and northern districts of the city were transferred to the newly created regional mixed trades. The catering system of Stalingrad began to fulfill the turnover plans only in 1950, but only thanks to purchased goods. Its own products significantly lagged in volume, and the plans for their release were not fulfilled. An acute shortage of premises did not allow for a rapid expansion of the catering network. Most canteens were located in temporary premises that did not meet sanitary conditions. The priority for the builders was production facilities: a few new canteens were built, and many of the existing ones had to be closed due to emergency and unsanitary conditions. Until the end of 1950, the number of catering enterprises even decreased and began to grow only in connection with the rise of civil construction in the city. A constant problem for canteens was the monotony of the menu, low quality of food, and long lines. While workers' meals were generally organized at the enterprises, there were almost no accessible canteens in the city center. By 1953, Stalingrad's public catering system was still in an unsatisfactory state.

Key words: public catering, abolition of the rationing system, consumer cooperatives, workers' supply departments, canteens, restaurants, teahouses, Stalingrad, 1947–1953.

Citation. Lunochkin A. V. Public Catering System in Stalingrad After the Abolition of Food Cards (1947–1953). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 127-137. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.11>

УДК 94(470.45)«1947/1953»:642.5
ББК 63.3(2Рос-4Вор)631-2

Дата поступления статьи: 13.11.2024
Дата принятия статьи: 13.02.2025

СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ СТАЛИНГРАДА ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ КАРТОЧЕК (1947–1953 гг.)

Андрей Валентинович Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассматривается развитие системы общественного питания Сталинграда в первые годы после отмены карточного распределения продовольствия в 1947 году. В отличие от розничной торговли, в общепите после отмены карточек произошло заметное падение товарооборота. Од-

ной из главных причин падения спроса был скудный ассортимент бывших пайковых столовых и низкое качество их блюд. Произошли изменения в структуре общепита и его товарооборота. Количество столовых сокращалось, взамен массово появлялись буфеты и закусовые, торговавшие преимущественно покупной, то есть не собственной, продукцией. Шел поиск оптимальной структуры общественного питания. В 1948–1950 гг. большинство рабочих столовых и кооперативных чайных перешли в ведение городского треста столовых, но в 1950 г. предприятия общепита южных и северных районов города отошли к вновь созданным районным смешанным торгам. Планы товарооборота система общепита Сталинграда стала выполнять только с 1950 г., но только благодаря покупным товарам. Собственная продукция значительно отставала по объему, планы ее выпуска не выполнялись. Острая нехватка помещений не давала возможности быстро увеличить сеть общепита. Большинство столовых размещались во временных помещениях, не отвечающих санитарным условиям. Приоритетом для строителей были производственные объекты, новых столовых строилось мало, многие из имеющихся приходилось закрывать из-за аварийного и антисанитарного состояния. До конца 1950 г. количество предприятий общепита даже сокращалось и стало расти лишь в связи с подъемом гражданского строительства в городе. Постоянной проблемой столовых оставалось однообразие меню, низкое качество пищи, большие очереди. Если питание рабочих на предприятиях в целом было организовано, то в центре города почти не было доступных столовых. К 1953 г. система общественного питания Сталинграда все еще находилась в неудовлетворительном состоянии.

Ключевые слова: общественное питание, отмена карточной системы, потребительская кооперация, отделы рабочего снабжения, столовые, рестораны, чайные, Сталинград, 1947–1953 годы.

Цитирование. Луночкин А. В. Система общественного питания Сталинграда после отмены продовольственных карточек (1947–1953 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 127–137. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.11>

Введение. Отмена карточной системы в торговле и общественном питании в 1947 г. стала одной из важнейших реформ, которая должна была продемонстрировать миру успешность послевоенного восстановления СССР. Для разрушенного Сталинграда, где десятки тысяч строителей и рабочих обитали в общежитиях, общественное питание было ключевым направлением развития социальной сферы.

Изучая проведение реформы 1947 г., исследователи в основном обращают внимание на организацию розничной торговли [1]. Работ, посвященных общепиту, гораздо меньше. Можно указать диссертацию Н.В. Пашиной, на примере Красноярского края отметившей падение спроса на услуги общепита после отмены карточек [19]. Как важный этап в развитии системы общественного питания реформу 1947 г. кратко охарактеризовал Д.А. Попов [21]. А.М. Имангалиева рассмотрела роль сталинградских профсоюзов в контроле за общественным питанием [15]. Таким образом, данная тема еще не становилась предметом специального изучения. Целью настоящей статьи является исследование влияния отмены карточной системы на систему общественного питания

Сталинграда. Это позволит существенно дополнить наше представление об эффективности социальной политики Советского государства в данный период.

Методы и материалы. При подготовке данной статьи были использованы специально-исторические методы: историко-описательный, историко-сравнительный. При изучении делопроизводственной документации привлекался метод количественного анализа. Источниками послужили неопубликованные документы из фондов Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО): Сталинградского областного и городского комитетов Коммунистической партии. Это постановления бюро обкома и горкома партии, доклады и справки о состоянии общественного питания. В Государственном архиве Волгоградской области (далее – ГАВО) нами использованы фонды отдела торговли Сталинградского городского совета народных депутатов (горторготдел), городского объединения кооперативной торговли (горкоопторг), городского треста столовых, а также отделов рабочего снабжения (далее – ОРС) крупных предприятий. Это приказы по текущей деятельности, статистические и бух-

галтерские отчеты, аналитические записки, результаты проверок и т. п.

Анализ. К концу 1947 г. большинство столовых в Сталинграде обслуживали прикрепленный контингент по карточкам. Это были закрытые столовые ОРСов предприятий и учреждений, а также столовые, относившиеся к Сталинградскому городскому тресту столовых. Всего в городе было 136 таких столовых и 55 буфетов [14, л. 58]. Часть общедоступных столовых, все чайные, кафе и рестораны работали на коммерческих началах с ценами, в несколько раз превышающими пайковые. Осенью 1947 г. в Сталинграде имелось 3 ресторана, 1 кафе, 12 чайных и 7 коммерческих столовых разной ведомственной принадлежности [16, с. 98].

После отмены продовольственных карточек с 16 декабря 1947 г. разделение предприятий общественного питания на коммерческие и пайковые прекратилось, блюда стали отпускаться посетителям без ограничений. Правда, по хлебу лимит остался. По решению Сталинградского облисполкома от 14 января 1948 г. клиент общепита мог получить не более 100 граммов хлеба к каждому блюду и стакану напитков, но не более 300 граммов в общем количестве [29, л. 10]. После отмены карточек цены на хлеб и муку понизились на 12 %, на крупы и макаронные изделия на 10 % по сравнению с прежними пайковыми ценами. На остальные продукты цены равнялись пайковым. В бывших коммерческих чайных и ресторанах цены на блюда зависели, как и раньше, от цен на продукты, закупаемых на рынке.

При подготовке реформы местные власти уделяли основное внимание организации розничной торговли продуктами питания и промтоварами. Так, в Сталинграде к моменту отмены карточной системы готовились к открытию 69 новых магазинов и ларьков и только 6 столовых (в итоге открылось 5) [27, л. 95]. В розничной торговле в первые месяцы после отмены карточной системы наблюдался повышенный спрос на продукты питания и промышленные товары. В отличие от нее, общественное питание столкнулось с существенным падением оборотов и прибыли. В Сталинграде за январь 1948 г. товарооборот предприятий общепита всех ведомств со-

ставил 12 307 тыс. руб., всего было выпущено 3 192 тыс. блюд. Для сравнения: в январе 1947 г. оборот составил 20 868 тыс. руб., тогда было выпущено 5 637 тыс. блюд [14, л. 79]. ОРС Сталинградского химзавода при плане IV квартала 1947 г. в 297 тыс. блюд реализовал всего 79 тыс., или 26,6 % [6, л. 15].

В результате отмены карточек столовые недосчитались ряда категорий потребителей, ранее привязанных к ним. Как отмечалось в отчете городского треста столовых, «контингент, обслуживаемый питанием в столовых и чайных, после отмены карточной системы резко сократился» [10, л. 46]. Исчезли категории «литерного» снабжения руководящих работников, лиц, получавших дополнительное питание, инвалидов войны, учащихся школ фабрично-заводского обучения (далее – ФЗО), ремесленных училищ и т. п. В то же время выросла категория «прочих» с 107 чел. в июле 1947 г. до 6 300 чел. на 1 января 1948 года. В итоге предприятия треста обслуживали в январе 1948 года. 51 832 чел. в день, что было на 1 093 чел. больше, чем год назад [10, л. 46].

Отмена карточек создала новую ситуацию в общепите. Прежде посетитель, прикрепленный к конкретной столовой, был обязан пользоваться только ее услугами. Это снижало мотивацию работников столовых улучшать качество и ассортимент своей продукции. Как правило, это были наиболее простые по составу и приготовлению и зачастую невкусные блюда. Стоимость же их после повышения пайковых цен в сентябре 1946 г. уже была неприемлема для малооплачиваемых категорий работников [17, с. 31]. Теперь же посетитель получил право выбора. Как признавалось в отчете горкоопторга за 1948 г., «после 16 декабря спрос на массовые блюда, как супы, особенно без мяса, и вторые блюда с крупяными гарнирами, резко сократился, зато возрос спрос на порционные блюда» [30, л. 77]. Там, где столовые не могли предложить качественные блюда, рабочие «голосовали ногами», то есть переходили на еду, принесенную из дома. Так, в столовых Сталинградского энергокомбината спрос на горячее питание в 1947 г. упал почти вдвое [9, л. 1–2].

Реформа также ударила по чайным потребительской кооперации, закупавшей продукты напрямую у крестьян. Там до 16 де-

кабря 1947 г. все продукты закупались централизованно и стоили в среднем: мясо 28–32 руб., жиры 100–120 руб., картофель 8–10 руб., овощи 3–5 руб. за кг. После 16 декабря предприятия общепита потребкооперации стали самостоятельно закупать продукты, но мясо на рынке стало стоить 18–20 руб., жиры 35–45 руб., картофель 1,50 руб. и овощи 1 руб. за кг. В результате продажные цены на блюда упали, что привело к невыполнению плана и уменьшению прибыли. Однако и после такого падения цены в чайных оставались слишком высокими для массового потребителя (табл. 1).

Первой попыткой реагирования на падение доходов можно считать приказ по Сталинградскому тресту столовых от 31 декабря 1947 г., согласно которому 8 столовых, 1 кафе и закусочная были объединены с более крупными столовыми и чайными. Приказ требовал от директоров предприятий в целях экономии «установить минимум единиц административно-управленческого аппарата», а взамен их увеличить число «производственных единиц» [23, л. 130]. В январе 1948 г. для увеличения товарооборота были увеличены часы работы предприятий общепита [29, л. 1].

14 февраля 1948 г. вышел Приказ Министерства торговли (далее – Минторг) РСФСР № 53 «О мероприятиях по увеличению товарооборота и обеспечении рентабельности предприятий общественного питания», констатирующий невыполнение плана за январь практически по всем областям республики. Министерство потребовало от торгов и трестов столовых обратить особое внимание на

увеличение реализации продукции собственного производства. «Незагруженных» работников предписывалось использовать для продажи кухонной продукции в буфетах, на лотках, развозках и т. п. [24, л. 4]. 9 октября 1948 г. вышел новый приказ «О снижении издержек обращения и усилении борьбы с непроизводительными расходами», нацеливший местные торги и тресты столовых на строгую экономию ресурсов. До 15 ноября им надлежало сократить лишний подсобный и административный персонал, установить на предприятиях водомеры и счетчики электричества, принять меры к сокращению расхода топлива [24, л. 17, 22].

Работа в новых условиях привела к серьезным изменениям в структуре сети общепита. Руководство всех ведомств стало закрывать небольшие столовые, приносившие одни убытки. Взамен массово открывались дешевые закусочные и буфеты, торговавшие в основном покупными, то есть не собственными, товарами. Затраты на их содержание были минимальны, так как не требовалось наличие кухонных помещений, оборудования и персонала, а зачастую и торгового зала. В целом по Сталинграду за 1948 г. число столовых и чайных сократилось с 148 до 109, зато закусочных и буфетов стало больше вдвое: 248 вместо 117 [3, л. 41].

Существенным последствием борьбы за выполнение плана товарооборота стало падение доли собственной продукции в выручке общепита. Работники даже обычных столовых делали ставку на продажу покупных товаров, прежде всего винно-водочных, табач-

Таблица 1. Изменение цен на наиболее массовые блюда в чайных Сталинградского горкоопторга в декабре 1947 года

Table 1. Change in prices for the most popular dishes in the Stalingrad Gorcooptorg teahouses in December 1947

Наименование блюда	Цена, руб.	
	до 16.12.1947	после 16.12.1947
Суп крупяной с картофелем и мясом	4,00	2,35
Лапша без картофеля	3,95	2,35
Суп крупяной без мяса	2,25	1,00
Котлеты и биточки с крупяным гарниром	6,55	4,00
Котлета московская без гарнира	2,50	1,70
Каша рисовая с мясом	4,55	4,55
Каша пшенная с маслом	3,50	1,50

Примечание. Источник: [30, л. 77].

ных, готовых кондитерских изделий. В городском тресте столовых собственная продукция составила в 1948 г. всего 14 635 тыс. руб., в то время как покупных товаров было реализовано на 38 127 тыс. рублей. При плане 12 700 тыс. блюд их было выпущено лишь 7 132 тыс. [11, л. 33]. В столовых ОРСа Сталинградского энергокомбината при падении собственного производства реализация буфетной продукции выросла двукратно – с 324,8 тыс. до 667,5 тыс. руб. [9, л. 1–2].

Однако даже всемерное привлечение покупных товаров не помогло. План товарооборота 1948 г. система общепита Сталинграда выполнила только на 84,3 %. Городской трест столовых выполнил план на 87,9 %, ОРСы предприятий – на 88,1 %, прочие столовые – на 57,1 % [3, л. 46]. Свою хозяйственную деятельность трест столовых закончил в 1948 г. с убытком в 788 224 руб. [11, л. 50]. За развал работы его директор И.Ф. Соколовский был снят с должности.

Уже вскоре после отмены карточной системы начался усиленный поиск оптимальной системы руководства общественным питанием. В июле 1948 г. был образован самостоятельный Сталинградский горкоопторг, в ведение которого перешли все чайные потребительской кооперации в областном центре. Правда, скоро в условиях спада покупательской активности потребкооперация стала рассматриваться как нежелательный конкурент государственной торговле. 8 августа 1949 г. вышло постановление Совета министров СССР, согласно которому предприятия торговли и общепита потребкооперации в городах подлежали передаче Министерству торговли СССР. Сталинградский горкоопторг был ликвидирован, его чайные и закусовые перешли городскому тресту столовых.

После отмены карточек упало значение ОРСов предприятий в снабжении работников продовольствием. Некоторые из них, как ОРС Сталинградского химзавода, смогли за счет приобретения продуктов от децентрализованных закупок и собственного подсобного хозяйства значительно расширить ассортимент продуктов в магазинах, блюд в столовых и повысить их качество. В результате план по выпуску блюд в 1948 г. был выполнен на 103 %, а товарооборота на 106,7 % [7, л. 8].

Однако многие ОРСы, особенно небольших предприятий и организаций, стали приносить убытки. Именно поэтому с 1948 г. в СССР началась ликвидация ОРСов ряда предприятий и ведомств. В результате Сталинградский трест столовых принял в 1948 г. от ОРСов 11 столовых, 2 буфета и 5 закусовых [11, л. 30]. В 1949 г. трест столовых получил от ликвидированных ОРСов еще 15 столовых [12, л. 49].

В 1950 г. произошла новая административная реформа. В отдаленных районах Сталинграда были образованы Красноармейский, Кировский, Тракторозаводский смешанные торги, которым трест столовых передал всю свою сеть, расположенную на территории этих районов. Металлогородский смешторг объединил два городских района – Баррикадский и Краснооктябрьский. В итоге городской трест столовых остался таковым лишь по названию, ему подчинялись предприятия общепита только трех центральных районов Сталинграда.

Помимо административных преобразований, государство пыталось внедрять новые формы обслуживания потребителей. Вспомнив довоенный опыт, 16 сентября 1949 г. Минторг СССР издал приказ, предписывающий предприятиям торговли и общественного питания «не позднее 1 октября организовать продажу горячих мясных котлет, сосисок и сарделек в специальных отделах магазинов и мелкорозничной сети трестов столовых» [22, л. 62]. Новые и новые циркуляры требовали от общепита увеличения и улучшения продажи кофе, чая, пирожков, фруктовых и томатных соков, блюд из зеленого горошка и т. п. В мае 1953 г. Минторг СССР предписал организовать продажу шампанского бокалами в кафе и даже столовых.

Главным способом увеличения товарооборота руководство считало расширение сети общепита. О необходимости увеличения сети специализированных предприятий (сосисочные, шашлычные, пельменные, кафе-кондитерские и т. п.) говорилось еще в приказе Минторга СССР от 14 февраля 1948 г. [24, л. 4]. Определенные подвижки здесь происходили. Осенью 1949 г. открылась первая в Сталинграде диетическая столовая в Ворошиловском районе и кафе-закусочная на центральной площади Павших Борцов, где пред-

лагали холодные и горячие закуски, чай, кофе, какао, а также образцовая столовая облпотребсоюза, которая по интерьеру и ассортименту блюд вполне могла называться кафе.

Несмотря на все усилия, и в 1949 г. общепит Сталинграда сорвал план по товарообороту, выполнив его на 91,9 %. Трест столовых дал 94 %, ОРСы – 96,6 % [8, л.17]. Положение государственного общепита существенно осложнилось после выхода Постановления Совета министров СССР от 18 мая 1949 г., запретившего его предприятиям покупать у колхозов, колхозников и другого сельского населения незерновые продукты по ценам, складывающимся на рынке. Теперь они должны были заключать договоры на поставку этих продуктов с организациями потребительской кооперации по ценам, не выше государственных розничных цен за минусом торговой скидки. В условиях частых срывов потребкооперацией поставок мяса, свежих овощей и т. п. меню столовых становилось еще более однообразным и непривлекательным.

Серьезным препятствием для увеличения сети общепита в Сталинграде была острая нехватка помещений. В разрушенном городе силы строителей были заняты прежде всего на объектах промышленности. Центральная часть города вплоть до начала 1950-х гг. лежала в руинах. В отчете треста столовых за 1950 г. отмечалось: «Предприятия общественного питания в большинстве случаев размещены в случайных помещениях, временно приспособленных под столовые-закусочные. Часть из них находится в зданиях барачного типа или временных сооружениях, относящихся к периоду строительства 1943/44 гг.» [13, л. 1]. Так, чайная № 23 находилась в помещении бывшей бани, столовая № 20 – в землянке, построенной в 1943 г. [13, л. 3]. Из 38 предприятий треста столовых, имевших кухонные

очаги, полностью отвечали санитарно-техническим требованиям лишь 9-10, многие периодически закрывались санэпиднадзором и работали только по временным разрешениям [12, л. 51]. Открытая в 1949 г. на центральной площади Павших Борцов в деревянном павильоне столовая № 1 «Волга» не имела водопровода и канализации. Работники столовой носили воду на себе на расстояние более полукилометра [28, л. 20]. Одновременно с вводом новых столовых приходилось закрывать старые, находившиеся в непригодных помещениях. В результате количество предприятий общепита в Сталинграде, как видно из таблицы 2, в 1949 г. не только не выросло, но даже сократилось.

В неподходящих помещениях находились даже рестораны. Ресторан «Волга» размещался на дебаркадере речного вокзала и работал только в период навигации, ресторан станции Сталинград-1 находился во временном деревянном здании вокзала. Единственное в центре города кафе «Метро» занимало подземное помещение одноименного довоенного кафе, где не было отопления. Флагман треста столовых – ресторан № 7 – располагался в капитальном здании Дома грузчиков, но не имел собственного туалета и гардеробной и был в 1949 г. переименован обратно в столовую. Ни о каком качественном обслуживании в этих условиях говорить не приходилось.

Немалое значение имел и субъективный фактор. Далеко не везде коллективы предприятий общепита и их управленцы смогли перестроиться и начать борьбу за посетителя. В Приказе Минторга СССР от 31 октября 1950 г. № 370 «О недостатках в работе предприятий общественного питания местных торгов и треста столовых г. Сталинграда» обслуживание населения было признано неудовлетворительным: «Качество приготовления

Таблица 2. Количество предприятий общественного питания в Сталинграде в 1948–1951 годах

Table 2. Number of public catering establishments in Stalingrad in 1948–1951

Предприятия	На 01.01.1948	На 01.01.1949	На 01.01.1950	На 01.01.1951
Рестораны, чайные, столовые	148	109	96	99
Буфеты и закусовые	117	248	221	261
<i>Всего</i>	265	357	317	360

Примечание. Составлено по: [3, л. 41; 4, л. 3; 8, л. 17–18].

пищи во многих столовых низкое, мясные котлеты готовятся с завышенной нормой вложения хлеба, панируются в муке вместо сухарей. Приготовление первых блюд и обжаривание котлет производится заранее на весь рабочий день, а не по мере необходимости. <...> В чайной № 30 треста столовых в день проверки были сняты с продажи 18 мясных котлет, совершенно непригодных в пищу (прокисших). <...> Обязательный ассортимент блюд не соблюдается. Меню однообразно. Молочные, рыбные, овощные блюда во многих столовых отсутствуют. Ко вторым блюдам подаются гарниры преимущественно из риса и макарон. В закусовых и буфетах треста столовых и торгов совершенно отсутствует продажа кухонной продукции и реализуются только покупные товары» [25, л. 204–205]. В тресте столовых только в 1949 г. за различные нарушения было снято с должности и отдано под суд 18 чел., на 52 работника наложены административные взыскания, на 5 чел. – денежные начеты. Типичными нарушениями были выпуск кухонной продукции с заниженным выходом, недолив и разбавление спиртных напитков [12, л. 61]. В столовых совершенно не хватало посадочных мест. Обычной была картина, описанная в одной из справок: «во время обеденного перерыва в столовой большое скопление рабочих, около 30–40 чел. в ожидании посадочного места, в результате чего многие рабочие уходят, не пообедав» [28, л. 33].

Большие проблемы были с питанием учащихся и студентов. Буфеты находились в непригодных помещениях, зачастую в коридорах и подвалах, они не имели оборудо-

вания для организации горячего питания. Особенно тяжелое положение сложилось с питанием учащихся, находившихся на полном государственном обеспечении. Выделявшиеся на это средства не соответствовали ценам в столовых. Проверка питания учащихся школы ФЗО фабрики им. 8-го Марта в марте 1950 г. показала, что 9,50 руб., выделявшиеся в день в расчете на трехразовое питание, расходовались за один прием пищи: «завтрака и ужина учащиеся не получают, получают один обед, который длится с 12 часов дня до 12-30. Хлеб 700 гр. выдается полностью за обедом. Молокопродуктов и яиц с момента питания в данной столовой (сентябрь 1949 г.) учащиеся не получают» [28, л. 21]. Меню на 13–14 марта 1950 г. учащихся этой школы представлено в таблице 3.

Начинания руководства, направленные на повышение качества обслуживания, зачастую уходили в песок. Менее чем через год после грозного приказа о торговле горячими сосисками и котлетами горторготдел признал, что «большинство торгующих организаций города почти полностью свернули торговлю горячими сосисками, сардельками и котлетами, как горячими, так и в полуфабрикатах» [22, л. 62]. Единственная в центре города кафе-закусочная на площади Павших Борцов недолго радовала посетителей возможностью «выпить стакан чая, кофе или молока, съесть яичницу, горячие сосиски» [18]. Уже через три месяца после открытия ассортимент сузился до привычных спиртных напитков и колбасы [18]. В августе 1953 г. в газету «Правда» пришло письмо из Сталинграда от читателя Н.И. Алексеева. От имени командированных

Таблица 3. Дневное меню учащихся школы ФЗО фабрики им. 8-го Марта на 13 и 14 марта 1950 года

Table 3. Daily menu of students of the factory-and-workshop school of the 8th March factory on March 13 and 14, 1950

13.03	Наименование блюда	Цена, руб.	14.03	Наименование блюда	Цена, руб.
	Щи без мяса	1,35		Суп макаронный	0,85
	Запеканка пшеничная с мясом	2,55		Котлета домашняя	3,15
	Пирожки, 2 шт.	2,10		Пироги с мясом	3,35
	Кисель	0,95		Кисель	0,95
	Хлеб, 700 г	1,75		Хлеб, 700 г	1,75
	<i>Итого</i>	8,70		<i>Итого</i>	10,05

Примечание. Источник: [28, л. 22].

и одиноких граждан он жаловался: «Столовых в центре только три, и там приходится тратить до двух часов времени, а в чайных продают только спиртные напитки. В большинстве случаев приходится ходить на рынок и в магазины и довольствоваться сухой пищей» [20, л. 89].

Усиление развития социальной сферы в Сталинграде началось только после выхода постановлений Совета министров СССР от 9 октября 1949 г. и 8 мая 1951 г., когда резко увеличились ассигнования на новое строительство. В августе 1950 г. открылся первый ресторан, находившийся не в приспособленном помещении, а в новом здании в центре города на ул. Ленина. Он получил название «Ресторан № 2» и стал самым комфортабельным в городе. В 1951 г. в городском саду открылся летний ресторан «Весна». После ввода в строй Центральной набережной в 1952 г. на волжском откосе появилось красивое здание с колоннами – летнее кафе-мороженое. План развития хозяйства Сталинграда на 1951–1955 гг. предусматривал строительство 34 предприятий общепита на 3 240 мест, из них 26 в нижних этажах жилых зданий [26, л. 53]. К концу 1953 г. сеть предприятий общественного питания Сталинграда состояла из 6 ресторанов (3 из них летние), 99 столовых, 8 чайных и 317 буфетов и закусовых, в которых имелось 9 693 посадочных места, а также 60 киосков и ларьков [5, л. 6–7].

Впервые выполнить план товарооборота общепит Сталинграда смог только в 1950 году. При плане 199 000 тыс. руб. было выручено 214 200 тыс. рублей. Городской трест столовых выполнил 109,8 % плана, ОРСы предприятий – 102,5 % [4, л. 3–4]. Однако по-прежнему в структуре товарооборота преобладали покупные товары. Так продолжалось и дальше. В 1952 г. товароборот всех предприятий общепита Сталинграда при плане 225 114 тыс. руб. составил 228 000 тыс., то есть план был выполнен. Однако собственной продукции из этого количества было произведено лишь на 58 529 тыс. руб., ее доля в товарообороте составила 25,71 % вместо запланированных 28,3 %. План по выпуску блюд был реализован только на 86,3 % [2, л. 2]. В 1953 г. товароборот предприятий общепита Сталинграда увеличился на 12,6 % по сравне-

нию с 1952 г., но план вырос еще больше, и в итоге его выполнение составило всего 96,3 % [5, л. 2]. Полностью переломить ситуацию с товарооборотом так и не удалось.

Результаты. Отмена карточного распределения продуктов стала серьезным испытанием для системы общественного питания Сталинграда. Произошло значительное падение спроса на ее продукцию, снизился товароборот. В этих условиях руководству общепитом пришлось сокращать число столовых и массово открывать дешевые буфеты и закусовые. Увеличилась доля покупных товаров, прежде всего спиртных напитков. Серьезной проблемой разрушенного города являлось отсутствие подходящих для общепита помещений. Новых предприятий строилось мало, поскольку силы строителей были заняты на производственных объектах. Лишь с начала 1950-х гг. произошло увеличение капиталовложений в социальную сферу, сеть общепита стала расти, планы товарооборота выполнялись. Однако этого количества предприятий и посадочных мест в них еще было недостаточно. Большинство столовых находились на заводах и в учреждениях и обслуживали только их работников. В так называемом открытом секторе общепита положение оставалось напряженным. Особенно это касалось центральных районов города, где восстановление зданий только начиналось. Серьезные нарекания посетителей вызывали обслуживание, ассортимент и качество блюд. В структуре товарооборота по-прежнему преобладали покупные товары. Система общественного питания Сталинграда все еще была далека от удовлетворительного состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Австрийков Е. В. Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы: май 1945 – март 1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 180 с.
2. Годовые итоги хозяйственной деятельности // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 123. 77 л.
3. Годовые сведения о выполнении плана товарооборота за 1948 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 21. 65 л.
4. Годовые отчеты о товарообороте за 1950 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 66. 64 л.

5. Годовые отчеты о обороте и сети предприятий общественного питания за 1953 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 151. 68 л.
6. Годовой отчет ОРСа завода п/я 5 за 1947 г. // ГАВО. Ф. Р-6212. Оп. 1. Д. 215. 148 л.
7. Годовой отчет ОРСа завода 91 за 1948 г. // ГАВО. Ф. Р-6212. Оп. 1. Д. 219. 154 л.
8. Годовой отчет о товарообороте за 1949 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 42. 37 л.
9. Годовой отчет по общественному питанию ОРСа Энергокомбината за 1947 г. // ГАВО. Ф. Р-3334. Оп. 1. Д. 36. 65 л.
10. Годовой статистический отчет о хозяйственной деятельности треста за 1947 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 60. 63 л.
11. Годовой статистический отчет треста столовых за 1948 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 75. 101 л.
12. Годовой статистический отчет треста столовых за 1949 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 91. 82 л.
13. Годовой статистический отчет треста столовых за 1950 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 114. 65 л.
14. Доклад об итогах работы горторготдела // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 4. 114 л.
15. Имангалиева А. М. Профсоюзный контроль за продовольственным обеспечением рабочих и служащих Сталинградской области в 1945 – начале 1950-х гг. // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 3 (20). С. 94–100.
16. Луночкин А. В. Коммерческая торговля в системе общественного питания Сталинградской области в 1944–1947 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 91–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.8>
17. Никонова А. Ю. Борьба за «минимум калорий»: общественное питание и продовольственное снабжение в послевоенном Челябинске (1945–1950) // Управление в современных системах. 2014. № 4 (4). С. 27–36.
18. Озеров С. О стакане чая // Сталинградская правда. 1950. 25 июня.
19. Пашина Н. В. Торговля и снабжение населения Красноярского края в послевоенный период (1945–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 261 с.
20. Переписка с министерством торговли о работе общепита. 1953 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 164. 145 л.
21. Попов Д. А. Общественное питание: советская организация // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2017. № 3 (89). С. 123–135.
22. Приказы горторготдела за 1950 г. // ГАВО. Ф. Р. 3436. Оп. 7. Д. 60. 86 л.
23. Приказы директора треста столовых // ГАВО. Ф. Р-2882. Оп. 2. Д. 1. 574 л.
24. Приказы министерства торговли за 1948 г. // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 67. 35 л.
25. Приказы министерства торговли за 1950 г. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 243. 214 л.
26. Протоколы бюро горкома КПСС. Январь 1951 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДН ИВО). Ф. 71. Оп. 15. Д. 8. 134 л.
27. Протоколы бюро обкома ВКП(б) // ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 23. 242 л.
28. Решения горсовета за 1950 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 74. 199 л.
29. Решения Сталинградского облисполкома за 1948 г. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 3. Д. 181. 169 л.
30. Справки о хозяйственной деятельности Сталинградского горкоопторга за 1948 г. // ГАВО. Ф. Р-6024. Оп. 1. Д. 4. 81 л.

REFERENCES

1. Avstrijskov E.V. *Snabzhenie naseleniya Nizhnego Povolzhya prodovolstvennymi i promyshlennymi tovarami v poslevoennye gody: maj 1945 – mart 1953 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Supply of the Population of the Lower Volga Region with Food and Industrial Goods in the Post-War Years: May 1945 – March 1953. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2008. 180 p.
2. *Godovye itogi hozjajstvennoj dejatelnosti* [Annual Results of Economic Activity]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 123. 771.
3. *Godovye svedenija o vypolnenii plana tovarooborota za 1948 g.* [Annual Information on the Fulfillment of the Trade Turnover Plan for 1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 21. 65 l.
4. *Godovye otchety o tovarooborote za 1950 g.* [Annual Reports on Trade Turnover for 1950]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 66. 64 l.
5. *Godovye otchety o oborote i seti predpriyatij obshhestvennogo pitaniya za 1953 g.* [Annual Reports on the Turnover and Network of Public Catering Establishments for 1953]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 151. 68 l.
6. *Godovoj otchet ORSa zavoda p/ja 5 za 1947 g.* [Annual Report of the ORS Plant P.O. Box 5 for 1947]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6212, inv. 1, d. 215. 148 l.
7. *Godovoj otchet ORSa zavoda 91 za 1948 g.* [Annual Report of ORS Plant 91 for 1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6212, inv. 1, d. 219. 154 l.
8. *Godovoj otchet o tovarooborote za 1949 g.* [Annual Report on Trade Turnover for 1949]. *GAVO*

[State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 42. 371.

9. Godovoj otchet po obshhestvennomu pitaniyu ORSa Energokombinata za 1947 g. [Annual Report on Public Catering of the ORS Power Plant for 1947]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3334, inv. 1, d. 36. 651.

10. Godovoj statisticheskij otchet o hozjajstvennoj dejatel'nosti tresta za 1947 g. [Annual Statistical Report on the Economic Activities of the Trust for 1947]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 60. 631.

11. Godovoj statisticheskij otchet tresta stolovyh za 1948 g. [Annual Statistical Report of the Canteen Trust for 1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 75. 101 l.

12. Godovoj statisticheskij otchet tresta stolovyh za 1949 g. [Annual Statistical Report of the Canteen Trust for 1949]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 91. 82 l.

13. Godovoj statisticheskij otchet tresta stolovyh za 1950 g. [Annual Statistical Report of the Canteen Trust for 1950]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 114. 65 l.

14. Doklad ob itogah raboty gortorgotdela [Report on the Results of the Work of the City Trade Department]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 4. 114 l.

15. Imangalieva A.M. Profsojuznyj kontrol za prodovol'stvennym obespecheniem rabochih i sluzhashchih Stalingskogo oblasti v 1945 – nachale 1950-h gg. [Trade Union Control over Food Supply of Workers and Employees of the Stalingrad Region in 1945 – Early 1950s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Perm University Bulletin. History], 2012, no. 3 (20), pp. 94-100.

16. Lunochkin A.V. Kommercheskaja trgovlja v sisteme obshhestvennogo pitaniya Stalingskogo oblasti v 1944–1947 godah [Commercial Trade in the Public Catering System of the Stalingrad Region in 1944–1947]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 91-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/volsu4.2024.2.8>

17. Nikonova A.Ju. Borba za «minimum kalorij»: obshhestvennoe pitanie i prodovol'stvennoe snabzhenie v poslevoennom Cheljabinske (1945–1950) [Struggle for the “Minimum Calories”: Public Catering and Food Supply in Post-War Chelyabinsk (1945–1950)]. *Upravlenie v sovremennyh sistemah* [Management in Modern Systems], 2014, no. 4 (4), pp. 27-36.

18. Ozerov S. O stakane chaja [About a Glass of Tea]. *Stalingskaja pravda*, 1950, June 25.

19. Pashina N.V. *Torgovlja i snabzhenie naselenija Krasnojarskogo kraja v poslevoennyj period (1945–1953 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Trade and Supply of the Population of the Krasnoyarsk Territory in the Post-War Period (1945–1953). Cand. hist. sci. diss.]. Barnaul, 2018. 261 p.

20. Perepiska s ministerstvom trgovli o rabote obshhepita. 1953 g. [Correspondence with the Ministry of Trade on the Work of Public Catering. 1953]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 164. 145 l.

21. Popov D.A. Obshhestvennoe pitanie: sovetskaja organizacija [Public Catering: Soviet Organization]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law], 2017, no. 3 (89), pp. 123-135.

22. Prikazy gortorgotdela za 1950 g. [Orders of the City Trade Department for 1950]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 60. 86 l.

23. Prikazy direktora tresta stolovyh [Orders of the Director of the Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2882, inv. 2, d. 1. 574 l.

24. Prikazy ministerstva trgovli za 1948 g. [Orders of the Ministry of Trade for 1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 67. 35 l.

25. Prikazy ministerstva trgovli za 1950 g. [Orders of the Ministry of Trade for 1950]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 243. 214 l.

26. Protokoly bjuro gorkoma KPSS. Janvar 1951 g. [Minutes of the Bureau of the City Committee of the CPSU. January 1951]. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskogo oblasti (CDNIVO)* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 15, d. 8. 134 l.

27. Protokoly bjuro obkoma VKP(b) [Minutes of the Bureau of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *CDNIVO* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 24, d. 23. 242 l.

28. Reshenija gorsoveta za 1950 g. [City Council Decisions for 1950]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 74. 199 l.

29. Reshenija Stalingskogo oblispolkoma za 1948 g. [Decisions of the Stalingrad Regional Executive Committee for 1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 3, d. 181. 169 l.

30. Spravki o hozjajstvennoj dejatel'nosti Stalingskogo gorkooptorga za 1948 g. [Information on the Economic Activities of the Stalingrad Gorkooptorg for 1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6024, inv. 1, d. 4. 81 l.

Information About the Author

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Информация об авторе

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.12>

UDC 94(470.45)«1953/1964»:796
LBC 63.3(2Рос-4Вор)632-7

Submitted: 26.08.2024
Accepted: 15.01.2025

DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN RURAL AREAS OF THE STALINGRAD (VOLGOGRAD) REGION IN 1953–1964

Ivan A. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article considers the development of physical culture and sports in rural areas of the Stalingrad (Volgograd) region during the so-called Khrushchev Thaw. *Methods and materials.* The article is based on the documents of the current office work of the regional authorities, regional councils of voluntary sports societies “Kolkhoznik” and “Urozhai,” as well as on the materials of the periodical press. The method of comparative analysis was used, with the help of which the dynamics of the development of the material base and results of rural athletes were established. *Analysis.* The article shows the state of physical culture and sports in the village of the Stalingrad region by 1953, the activities of local government bodies, and rural voluntary sports societies in the development of physical culture and sports. The development of the material and technical base, mass physical culture, and individual sports is traced; the results of performances of rural athletes at the largest competitions of the country during the study period; and the achievements, problems, and shortcomings of rural physical culture and sports in the Volgograd region by 1964 are characterized. *Results.* It has been established that in the period 1953–1964, the authorities’ attention to the development of physical education and sports in the countryside increased significantly. Stadiums were built in most district centers, and complex sports grounds were built on state and collective farms. The physical education movement became truly mass, and the number of competitions increased. The unification of two rural voluntary sports societies into one society, “Urozhai,” in 1956 had a positive effect on the development of rural physical education and sports. However, the division of the governing bodies into urban and rural ones in the early 1960s led to a worsening of the situation. The regional council of the Union of Sports Societies and Organizations dealt only with city affairs, while the voluntary sports society “Urozhai” did not have the financial or personnel resources to fully manage physical education and sports in rural areas of the region. The level of training of rural athletes remained low, and the range of sports they practiced was limited.

Key words: physical culture, sports, voluntary sports societies, voluntary sports society “Kolkhoznik”, voluntary sports society “Urozhai”, Stalingrad region, Volgograd region, Khrushchev Thaw.

Citation. Lunochkin I.A. Development of Physical Culture and Sports in Rural Areas of the Stalingrad (Volgograd) Region in 1953–1964. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 138-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.12>

УДК 94(470.45)«1953/1964»:796
ББК 63.3(2Рос-4Вор)632-7

Дата поступления статьи: 26.08.2024
Дата принятия статьи: 15.01.2025

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ СТАЛИНГРАДСКОЙ (ВОЛГОГРАДСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1953–1964 ГОДАХ

Иван Андреевич Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматривает развитие физической культуры и спорта в сельских районах Сталинградской (Волгоградской) области в период так называемой хрущевской оттепели. *Методы и материалы.* Исследование основано на документах текущего делопроизводства областных органов власти, областных советов добровольных спортивных обществ (ДСО) «Колхозник» и «Урожай», а также на материа-

лах периодической печати. Использован метод сравнительного анализа, с помощью которого установлена динамика развития материальной базы и результатов сельских спортсменов. *Анализ.* В статье показаны состояние физической культуры и спорта на селе в Сталинградской области к 1953 г. и деятельность местных органов государственной власти и сельских ДСО по развитию физкультуры и спорта. Прослежено развитие материально-технической базы, массовой физкультуры и отдельных видов спорта, охарактеризованы результаты выступлений сельских спортсменов на крупнейших соревнованиях страны в течение исследуемого периода, достижения, проблемы и недостатки сельской физкультуры и спорта Волгоградской области к 1964 году. *Результаты.* Установлено, что в период 1953–1964 гг. внимание властей к развитию физкультуры и спорта на селе значительно усилилось. В большинстве райцентров были построены стадионы, в совхозах и колхозах – комплексные спортивные площадки. Физкультурное движение стало по-настоящему массовым, увеличилось количество соревнований. На развитии сельской физкультуры и спорта в целом положительно сказалось объединение в 1956 г. двух сельских ДСО в одно общество «Урожай», поскольку упростилось управление ими. Однако разделение в начале 1960-х гг. органов управления на городские и сельские привело к ухудшению ситуации. Областной совет Союза спортивных обществ и организаций занимался лишь делами городов, а ДСО «Урожай» не имело финансовых и кадровых возможностей для полноценного руководства физкультурой и спортом в сельских районах области. Уровень подготовки сельских спортсменов оставался невысоким, а перечень видов спорта, которыми они занимались, был ограниченным.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, добровольные спортивные общества, ДСО «Колхозник», ДСО «Урожай», Сталинградская область, Волгоградская область, хрущевская оттепель.

Цитирование. Луночкин И. А. Развитие физической культуры и спорта в сельских районах Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 138–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.12>

Введение. Время хрущевской оттепели ознаменовалось заметными успехами в развитии советской физкультуры и спорта. Наряду с высокими достижениями спортсменов международного уровня, большое развитие получило и физкультурное движение. Спорт и физкультура рассматривались властью и как один из способов поднятия престижа СССР в мире, и в то же время как важная часть формирования нового человека. Особенно заметными стали изменения на селе, где занятия физкультурой и спортом действительно стали массовыми. Изучение опыта реализации этого направления социальной политики является актуальным и для наших дней.

Методы и материалы. Развитие советского спорта в данный период нашло отражение в общих работах [4]. Наибольшее внимание современных исследователей советского спорта привлекают управленческие реформы Н.С. Хрущева [1], спортивная пропаганда в годы «оттепели» [7]. Как часть молодежной политики государства физкультуру и спорт рассматривает А.А. Гуменюк [5]. На региональном уровне наиболее плодотворно работают Л.А. Королева и Е.А. Нурдыгин. Им принадлежат монография и ряд статей о развитии физкультуры и спорта в Пензенской об-

ласти в первой половине 1950-х гг., в том числе статья, посвященная деятельности добровольного спортивного общества (далее – ДСО) «Колхозник» [10; 11]. Физкультура как одна из форм досуга рабочей молодежи рассмотрена Ю.А. Киляковой [9]. Несколько работ об истории спорта в Волгограде принадлежат ректору Волгоградской академии физической культуры А.А. Сучилину и его коллегам [32–34], но их интересовал прежде всего спорт высоких достижений. Сельская физкультура и спорт остались за рамками этих исследований. Т.Н. Орешкина, А.В. Липатов и М.Г. Сотников плодотворно изучают восстановление системы физкультуры и спорта в Сталинграде в послевоенный период [12; 16]. Однако развитие физкультуры и спорта в сельских районах Сталинградской (Волгоградской) области в период хрущевской оттепели еще не становилось предметом специального исследования.

В статье использованы источники из фондов Государственного архива Волгоградской области (ГАВО): Комитета по физической культуре и спорту администрации г. Волгограда (Ф. Р-5966), Комитета по физической культуре и спорту администрации Волгоградской области (Ф. Р-6112), областных советов

ДСО «Колхозник» и «Урожай» (Ф. Р-6517), – и из фондов Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДННВО): областных комитетов КПСС (Ф. 113) и ВЛКСМ (Ф. 114). Это решения партийных и комсомольских организаций, приказы и распоряжения центральных и местных органов управления физической культурой и спортом, результаты проверок ДСО, их отчеты, планы работы и т. д. Важным источником информации являются также статьи и хроникальные заметки местной прессы. Использование метода сравнительного анализа позволило изучить динамику развития спортивных обществ и результатов, показанных сельскими спортсменами.

Анализ. В начале 1950-х гг. наиболее массовым на селе было учрежденное в 1951 г. ДСО «Колхозник», членами которого являлись не только колхозники, но и юридические лица – колхозы и сельские потребительские общества (сельпо). В 1953 г. из 855 колхозов Сталинградской области в 671 были созданы коллективы физкультуры, в которых систематически занимались 18 681 чел. [15, л. 21–22]. Общество проводило зимнюю и летнюю областные спартакиады сельских физкультурников, а в сентябре 1953 г. сборная области из 28 чел. заняла общее 6-е место в финале республиканской спартакиады колхозных физкультурников. В состав сборной РСФСР на всесоюзной спартакиаде колхозной молодежи в Ереване вошли семь легкоатлетов из Сталинградской области. Николай Фокин из Нехаевского района занял второе место в беге на 5 и 10 тыс. м, Елена Земцова (Сарпинский район) также стала второй в прыжках в длину и в беге на 100 м. Четвертые места заняли Павел Шайкин (Среднеахтубинский район) в беге на 200 и 400 м и Николай Носов (Вязовский район) в пятиборье [15, л. 17].

Одним из лучших в области считался коллектив физкультуры колхоза «Память Ленина» Алексеевского района. Здесь летом работали секции по легкой атлетике, плаванию, велосипедному спорту, зимой колхозники занимались лыжами, шахматами и шашками, постоянно проводились внутриколхозные соревнования. За год в колхозе было подготовлено 16 значкистов ГТО, 3 физкультурника сдали нормы III спортивного разряда. Сила-

ми общественности были оборудованы волейбольная площадка, яма для прыжков, полоса для препятствий, установлена перекладина. Правление колхоза приобрело 5 пар лыж, волейбольный и легкоатлетический инвентарь [15, л. 1].

Однако так дела обстояли далеко не везде. Главной проблемой являлись финансы. Многие юридические члены ДСО – колхозы и сельские потребительские общества (сельпо) – находились в тяжелом материальном положении и уклонялись от уплаты взносов. Так, в 1953 г. от них поступило только 20,3 % членских взносов от плана [15, л. 20]. Из-за этого пришлось сократить должности оплачиваемых председателей райсоветов ДСО (из 16 осталось 4). Внештатные работники ДСО не имели большой мотивации к работе. Как говорилось в годовом отчете за 1953 г., «ряд райсоветов с момента их избрания никакой работы не проводили и не руководили районными организациями общества» [15, л. 3]. Многие физкультурные коллективы были малочисленными, занятия в секциях велись нерегулярно, как правило перед соревнованиями. Большинство рекордов области находились на уровне III спортивного разряда. План подготовки значкистов ГТО был провален: из запланированных 3 100 нормативы выполнили только 1 155 человек. Предусмотренные планом первенства области по волейболу и тяжелой атлетике, соревнования на кубок по городкам и футболу «ввиду отсутствия средств» не проводились вовсе [15, л. 9].

Второе сельское общество – «Урожай» – объединяло работников совхозов, машинно-тракторных станций (далее – МТС), учащихся техникумов. В 1953 г. здесь числилось 72 коллектива физкультуры, в которых занималось 4 575 чел. [3, л. 5]. В областной спартакиаде спортивных обществ 1953 г. команда «Урожай» заняла общее второе место, здесь проводилось больше внутренних соревнований. Однако и здесь план подготовки значкистов и разрядников был провален. Из 934 значкистов ГТО нормы сдали только 600, из 32 разрядников I–II разряда было подготовлено 20. Лишь спортсменов III разряда было подготовлено больше плана: 259 из требуемых 200 [3, л. 5].

Общей проблемой для всех сельских физкультурников было положение с матери-

ально-технической базой, причем это в равной мере относилось и к районам, не затронутым войной. На 855 колхозов имелось 84 футбольных поля, 489 волейбольных и 104 городошные площадки, 52 полосы препятствий [15, л. 21–22]. В ДСО «Урожай» дела обстояли немного лучше. На 72 коллектива физкультуры общество располагало 24 футбольными полями, 59 волейбольными, 17 волейбольными и 31 городошной площадками, но и этого было крайне недостаточно [3, л. 5]. Общей проблемой для обоих обществ был острый дефицит спортивного инвентаря. Не хватало даже гранат для метания, не говоря уже о боксерских перчатках или штангах. Для примера, в 1953 г. на весь Палласовский район имелось всего 10 пар лыж [27, л. 49].

Сложное положение с физкультурой и спортом на селе отмечалось и в других регионах страны. Постановление Совета министров РСФСР № 58 от 9 января 1954 г. «О мероприятиях по улучшению массовой физкультурной и спортивной работы в колхозах» обязывало ДСО «Колхозник» принять действенные меры по улучшению работы. Постановление требовало развернуть широкое строительство простейших спортивных сооружений в колхозах и добиться, чтобы в каждом колхозе имелись «как минимум волейбольная, баскетбольная, городошная площадки, полоса препятствий комплекса ГТО, место для занятий легкой атлетикой, а там, где имеются водоемы, – место для плавания» [18, л. 4]. Но в Сталинградской области проблемами сельской физкультуры озаботились раньше. Еще в 1952 г. председатель Сталинградского областного комитета по делам физкультуры и спорта В.А. Изнаирский, занимавший этот пост десять лет, решением бюро обкома партии был снят с должности «как не обеспечивший руководство» [28, л. 41]. Новым главой ведомства стал молодой и энергичный Б.П. Гончаров, ранее возглавлявший областную комсомольскую организацию. После апрельского Пленума ЦК ВЛКСМ в 1952 г., нацелившего комсомол на массовое развитие физкультурного и спортивного движения в стране, эта работа резко активизировалась. В 1953–1954 гг. вопрос с развитием физкультуры и спорта находился на постоянном контроле обкома комсомола. Областная комсо-

вольская газета «Молодой ленинец» только в 1953 г. опубликовала 82 больших материала (передовые статьи, очерки и т. п.), посвященные проблемам спорта. В газете размещались также описания типовых проектов простейших спортплощадок с чертежами, ход их строительства постоянно освещался корреспондентами и рейдовыми бригадами. В июне 1953 г. пленум обкома ВЛКСМ специально разбирал вопрос о спортивно-массовой работе среди молодежи области и поставил задачу резко активизировать работу в этом направлении [31, л. 51–66].

Сталинградский облисполком своим решением от 30 января 1954 г. наметил конкретные меры – от укрепления кадрового состава и улучшения снабжения спортивным инвентарем до разработки программы массового строительства простейших спортивных сооружений на селе. Предприятиям местной промышленности были даны задания по производству спортивного инвентаря и формы. Для физкультурных районных организаций было учреждено ежегодно переходящее Красное знамя облисполкома «за лучшую постановку физкультурной и спортивной работы». Еще раз облисполком возвращался к этому вопросу 24 июня 1954 г. [22, л. 6–11]. Городские спортсмены брали шефство над новыми целинными совхозами. Так, в ноябре 1954 г. группа ведущих сталинградских спортсменов, в том числе чемпион мира по тяжелой атлетике Н. Саксонов, привезла в совхоз «Степной» Сарпинского района большое количество спортивного инвентаря и устроила показательные выступления [6]. Увеличилось количество состязаний. В феврале – марте 1954 г. в лыжном кроссе приняли участие более 23 тыс. чел., летом 1954 г. во всех районах области прошли массовые соревнования по плаванию на приз обкома ВЛКСМ. В августе 1954 г. состоялась областная спартакиада сельских физкультурников, где только в финале приняли участие 678 чел. [26, л. 2].

В следующий раз к вопросу о состоянии массовой физкультурной и спортивной работы в сельских районах области бюро обкома КПСС вернулось 25 января 1955 года. На заседании был сделан вывод о том, что крупные недостатки в этой работе все еще сохранялись: «До сих пор в 219 колхозах, совхозах и

МТС не созданы коллективы физкультуры. <...> Более половины сельских комсомольцев не овладели нормами ГТО и не вовлечены в занятия физкультурой и спортом» [19, л. 140]. Решение бюро обкома партии снова требовало уже в 1955 г. создать коллективы физкультуры в каждом коллективе, в каждом райцентре устроить стадион, а в каждом колхозе и совхозе спортивные площадки. Местная промышленность должна была выпустить 5 тыс. мячей, 2 тыс. хоккейных клюшек, 2 тыс. гранат, 3 тыс. лыж и спортивных костюмов, 15 тыс. кожаных тапочек [19, л. 141–142]. К сожалению, сведений о степени выполнения этого задания нам пока найти не удалось, но такого количества инвентаря на 25 тыс. сельских физкультурников было явно недостаточно.

Заметным рубежом в развитии советской физкультуры и спорта стала подготовка к I Спартакиаде народов СССР 1956 года. В рамках подготовки к ней в июле 1955 г. была проведена первая объединенная областная спартакиада колхозов, совхозов и МТС, победители которой отправились на финал областной спартакиады. По положению, в областной спартакиаде могли принимать участие спортсмены не ниже II разряда, но всего в области, как сообщал председатель обкома физкультуры Б.П. Гончаров, имелось не более 80 чел., отвечавших этому критерию. В 8 видах спорта из 15 их не было вовсе [29, л. 65]. Подводя итоги подготовки к спартакиаде, Б.П. Гончаров признал: «Мы значительно отстаем от Астраханской, Саратовской, Куйбышевской областей. На областных соревнованиях очень много участников не укладываются даже в нормы комплекса БГТО» [30, л. 48].

Команда Сталинградской области выступила на Спартакиаде народов РСФСР очень плохо, заняв 58-е место из 85 участников. Лучший результат (6-е место) был получен по спортивной гимнастике. По легкой атлетике сборная области заняла 62-е место. По итогам Спартакиады было принято Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 3 декабря 1956 г., где от местных властей требовалось принять решительные меры по исправлению выявленных недостатков в развитии физкультуры и спорта. Обсуждая его, бюро Сталинг-

радского обкома КПСС признало, что «физкультура и спорт не носят массового характера, физкультурная работа организована без учета возраста и профессиональных особенностей различных групп трудящихся» [20, л. 44]. В запущенном состоянии находилась работа в ряде районов области – Ольховском, Солдочинском, Кругловском, Кумылженском, Пролейском, Клетском, Подтелковском. В постановлении в очередной раз была намечена высокая цель – «в ближайшие полтора-два года удвоить число занимающихся физкультурой и спортом» и «добиться, чтобы в ближайшие 2–3 года в каждом райцентре был построен стадион или комплексная спортивная площадка» [20, л. 47, 49].

Еще во время подготовки к Спартакиаде работа в сельской местности двух отдельных спортивных обществ была признана неэффективной. Постановлением Совета министров СССР от 14 июня 1956 г. на их базе было создано единое сельское ДСО «Урожай», куда вошли работники и совхозов, и МТС, и колхозов, и потребительской кооперации. Объединенное общество значительно активизировало работу.росло количество физкультурников, укреплялась материальная база. В ноябре 1956 г. в Кагановичском (ныне Суровикинский) районе был проведен эксперимент. Райком физкультуры был передан из подчинения райисполкому в ведение райкома комсомола, поскольку физкультура и спорт считались молодежным делом. Дело оживилось, уже за три первых месяца количество низовых коллективов ДСО «Урожай» выросло с 9 до 20, чаще стали проводиться соревнования. Однако финансирование, как и ранее, осталось у райисполкома, вдобавок реформа фактически отсекала от спорта людей, вышедших из комсомольского возраста [8]. В итоге эксперимент был свернут.

Несмотря на принятые постановления, на местах власти порой по-прежнему относились к физкультуре и спорту как к второстепенным. Так, во Фрунзенском (ныне часть Серафимовичского) районе на месте, предназначенном для стадиона, построили школу, в Ленинском районе – больницу, в Красноармейском районе вместо стадиона высажен парк. В Старополтавском районе на строительство стадиона было выделено

50 куб. м леса, но он весь ушел на ремонт различных зданий, в том числе «на ремонт квартиры зам. председателя райисполкома» [23, л. 9–10].

Нужно отметить, что значительная часть спортивных успехов в районах области была заслугой физкультурников, проживавших в районных центрах, – рабочих местных предприятий, учащихся школ и техникумов. Собственно сельское население в делах физкультуры и спорта принимало гораздо меньшее участие. Так, в марте 1958 г. на бюро обкома ВЛКСМ был заслушан вопрос «Об участии комсомольской организации Среднеахтубинского района в развертывании спортивно-массовой работы среди молодежи», в котором были отмечены несомненные успехи района. За 1957 г. там было проведено более 30 крупных соревнований, подготовлено 95 разрядников и 394 значкиста. Однако большая часть этих достижений приходилась на коллектив физкультуры судоремонтного завода в г. Краснослободске, основная же масса комсомольцев и молодежи района оставалась в стороне от регулярных занятий физкультурой и спортом [2, л. 22]. В Серафимовичском районе из 2 000 комсомольцев и молодежи членами ДСО «Урожай» являлись лишь 350 чел., из них 200 были учащимися расположенного в г. Серафимовиче техникума механизации сельского хозяйства [2, л. 40].

На II Всероссийской спартакиаде народов РСФСР 1959 г. сборная Сталинградской области заняла 7-е место из 70 участников. Дело было, однако, не в выросшем уровне сельских спортсменов. В 1958 г. Сталинград лишился статуса города республиканского подчинения, и теперь и город, и область выступали единой командой. Сельских спортсменов там были единицы. Подводя итоги Спартакиады, бюро обкома КПСС особо отметило, что даже крупнейшие районы (Камышинский, Михайловский, Фроловский, Новоаннинский и др.) «не дали ни одного спортсмена в сборную команду» области [21, л. 96]. Неважно обстояло дело с развитием целого ряда видов спорта, например плавания. В областной спартакиаде 1960 г. в соревнованиях по плаванию приняли участие команды лишь 5 сельских районов из 32. Секции плавания не было даже в расположенном на берегах Волги Дубовском районе. По отчетам, много спортсме-

нов занималось легкой атлетикой: в Урюпинском районе – 997 чел., Нижне-Чирском – 887 чел., Новониколаевском – 620 чел. и т. д., но никто из них не имел даже III спортивного разряда. Поэтому на областной спартакиаде эти районы не смогли выставить ни одного легкоатлета [13, л. 62–63].

Немалые проблемы советскому спортивному движению принесли управленческие решения Н.С. Хрущева. Если ликвидацию государственных комитетов по делам физической культуры и спорту и замену их на общественные Союзы спортивных обществ и организаций (ССОО) в 1959 г. ДСО «Урожай» пережило относительно спокойно, то кампания начала 1960-х гг. по разделению органов власти на промышленные и сельские явно ухудшила положение сельских физкультурников. В 1961–1962 гг. в районах области были упразднены советы ССОО, а ДСО «Спартак», «Труд», «Локомотив» передали свои сельские коллективы в ДСО «Урожай». Вся спортивная работа на селе, в том числе в районных центрах, была возложена на райсоветы ДСО «Урожай», не имевшие для этого необходимых финансовых и кадровых возможностей. Облсовет ССОО стал заниматься только делами городов и фактически устранился от поддержки спортивного движения на селе. Селянам не оказывалась даже методическая помощь. Председатель облсовета ДСО «Урожай» А.А. Монастырев жаловался сельскому обкому КПСС в письме от 13 ноября 1963 г.: «За последние три года облспортсоюз ни разу не разбирался с работой общества» [25, л. 1].

С конца 1950-х гг. в СССР началось внедрение производственной гимнастики. Так, в 1961 г. только в совхозах Волгоградской области работал 61 штатный методист по гимнастике. Правда, далеко не везде это были специалисты в сфере физкультуры. Зачастую руководство использовало эти ставки для оплаты труда совершенно других людей. В отчете облсовета ДСО прямо говорилось: «На место методистов, несмотря на наличие имеющихся указаний, принимаются агрономы (совхоз “Степной”, руководители художественной самодельности (совхоз “Баррикады”, председатели рабочих комитетов (совхоз “Иловлинский” и т. д.)» [17, л. 1].

Большой проблемой оставался низкий уровень профессиональной подготовки сельских работников физкультуры. Специалисты с профильным образованием неохотно шли работать в спортивные структуры из-за небольшой зарплаты. Так, выпускник техникума физкультуры, работавший в средней школе учителем, получал 110 руб. в месяц, в то время как даже в облсовете ДСО «Урожай» он мог рассчитывать лишь на 80 рублей. В результате в 1964 г. из 43 работников райсоветов ДСО «Урожай» только 3 имели физкультурное образование [14, л. 182].

В 1964 г. в ДСО «Урожай» Волгоградской области насчитывалось 436 коллективов физкультуры (209 колхозов, 157 совхозов и 7 техникумов), объединявших 71 615 физкультурников. По численности оно было вторым в области после объединенного ДСО профсоюзов. Общество располагало неплохой материальной базой, имея 44 комплексные спортивные площадки (футбольное поле, легкоатлетический сектор, места для зрителей), 267 футбольных полей, 1 008 волейбольных площадок, 203 баскетбольные площадки, 1 бассейн и 4 турбазы. За год здесь было подготовлено 30 спортсменов I разряда, 1 003 – II разряда, 6 329 – III разряда и 3 483 юношеских разрядов. ДСО «Урожай» отставало от крупных городских обществ по спортсменам высокой квалификации (спортивное общество профсоюзов дало 267 перворазрядников, «Спартак» – 102), но вполне достойно выглядело на уровне II разряда (общество профсоюзов – 1 344, «Спартак» – 478) и особенно III разряда (общество профсоюзов – 7 485 и «Спартак – 3 862») [23, л. 1]. Правда, оставались и проблемы. 27 сельских коллективов физкультуры не подготовили ни одного разрядника. Подготовленные разрядники в основном были футболистами, волейболистами или легкоатлетами, прочие виды спорта были развиты слабо. Уровень рекордов общества по основным видам спорта доходил максимально лишь до II разряда [24, л. 38].

Результаты. За период хрущевской оттепели физическая культура и спорт в сельских районах Сталинградской (Волгоградской) области получили значительное развитие. Благодаря усилиям областных и местных партийных, комсомольских и советских органов,

а также энтузиазму физкультурников была существенно укреплена материальная база. Большинство райцентров располагали благоустроенными стадионами, в совхозах и колхозах появились спортивные площадки. Заметно выросло число членов ДСО и жителей сельской местности, постоянно занимающихся физкультурой и спортом. В производственных коллективах появились штатные должности инструкторов производственной гимнастики. Объединение сельских ДСО в одно общество «Урожай» в 1956 г. позволило сконцентрировать ресурсы и управление в одних руках. Однако оставался еще целый ряд нерешенных проблем. Несмотря на все усилия по выпуску на местных предприятиях спортивного инвентаря и оборудования, сохранялся его дефицит. Оставался ограниченным перечень видов спорта, по которым велась подготовка, общий уровень результатов сельских спортсменов был довольно низким. Существенный ущерб развитию сельской физкультуры и спорта нанесли управленческие реформы Н.С. Хрущева начала 1960-х годов. Упразднение в сельских районах советов Союза спортивных обществ и организаций привело к тому, что все проблемы легли на плечи ДСО «Урожай», не имевшего достаточных финансовых и кадровых ресурсов. Популярность физической культуры и спорта на селе продолжала отставать от города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбов Е. А. Передача государственных функций в сфере физической культуры и спорта общественным организациям в 1960-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 4. С. 588–599.
2. Выписки из протоколов заседаний бюро Сталинградского обкома ВЛКСМ. 1958 // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 114. Оп. 18. Д. 148. 384 л.
3. Годовой статистический отчет облсовета ДСО «Урожай» за 1953 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6517. Оп. 1. Д. 17. 126 л.
4. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. М.: Академия, 2001. 312 с.
5. Гуменюк А. А. Молодежная политика в СССР в 1953–1985 годы (по материалам Нижнего

Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 269–277.

6. Гуммер И. Праздник в совхозе «Степной» // Молодой ленинец. 1954. 26 нояб.

7. Истягина-Елисеева Е. А. Пропаганда физкультуры и спорта в период «хрущевской оттепели» // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 77–79.

8. Калашников В. Интересный опыт // Молодой ленинец. 1957. 9 февр.

9. Киякова Ю. А. Основные направления организации досуга рабочей молодежи Сталинградской (Волгоградской) области в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // Проблемы развития повседневной культуры и организации досуга детей и молодежи в СССР в 1945–1964 гг.: общесоюзный и региональный срез. Волгоград: Сфера, 2019. С. 42–44.

10. Королева Л. А., Нурдыгин Е. А. Добровольные спортивные общества в СССР во второй половине 1940–1950-х гг. (на примере Пензенской области). Пенза: ПГУАС, 2016. 176 с.

11. Королева Л. А., Нурдыгин Е. А. Добровольное спортивное общество «Колхозник» в СССР в начале 1950-х гг. (на примере Пензенской области) // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2019. № 1 (20). С. 43–54.

12. Липатов А. В. Развитие физической культуры и спорта в послевоенные годы (1946 – нач. 1950-х гг.): на материалах периодической печати Сталинграда // Теоретические и методологические аспекты подготовки специалистов для сферы физической культуры, спорта и туризма. Т. 2. Волгоград: ВГАФК, 2021. С. 26–32.

13. Материалы II Областной конференции спортсоюза. 20 апреля 1961 г. // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 16. 228 л.

14. Материалы III Областной отчетно-выборной конференции облспортсоюза. 17 апреля 1964 г. // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 54. 238 л.

15. Описательный отчет о работе Сталинградского областного совета ДСО «Колхозник» за 1953 г. // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 1. Д. 16. 24 л.

16. Орешкина Т. Н., Сотников М. Г. Реализация государственной политики в области физической культуры и массового спорта в Сталинграде в 1945–1953 гг. // Грани познания. 2015. № 3 (37). С. 57–60.

17. Отчет облсовета ДСО «Урожай» по итогам работы с сентября 1961 по сентябрь 1962 г. // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 2. Д. 174. 6 л.

18. Постановления Центрального совета ДСО «Колхозник» за 1954 г. // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 1. Д. 20. 131 л.

19. Протоколы заседаний бюро обкома КПСС. 1955 // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 51. Д. 9. 287 л.

20. Протоколы заседаний бюро обкома КПСС. 1957 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 56. Д. 19. 253 л.

21. Протоколы заседаний бюро обкома КПСС. 1959 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 60. Д. 20. 350 л.

22. Решения Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся. 1954 г. // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 1. Д. 26. 51 л.

23. Решения Сталинградского областного совета депутатов трудящихся. 1957 г. // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 7. 39 л.

24. Сводный статистический отчет за 1964 г. // ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 58. 45 л.

25. Справка сельскому обкому КПСС. 13 ноября 1963 г. // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 2. Д. 189. 3 л.

26. Справка о ходе выполнения решения облсовета от 21.01.1954 г. // ГАВО. Ф. Р-6517. Оп. 1. Д. 32. 6 л.

27. Справки о выполнении постановления бюро обкома КПСС. 1953 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 42. Д. 313. 64 л.

28. Справки отдела обкома КПСС // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 39. Д. 199. 92 л.

29. Стенограмма областного совещания комсомольско-физкультурного актива // ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 17. Д. 331. 80 л.

30. Стенограмма областного совещания по вопросам физкультуры и спорта. 4 июня 1956 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 52. Д. 120. 85 л.

31. Стенограмма III пленума обкома ВЛКСМ // ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 116. Д. 4. 96 л.

32. Сучилин А. А. Волгоград олимпийский. Плавание. Волгоград: Принт, 2013. 199 с.

33. Сучилин А. А., Беляев А. Н., Осколков Ю. А. Не боксом единым... Волгоград: Принт, 2007. 187 с.

34. Сучилин А. А., Шубин Ю. К. Блеск вёсел волгоградских гребцов. Волгоград: Принт, 2008. 243 с.

REFERENCES

1. Bogolyubov E.A. Peredacha gosudarstvennyh funkcij v sfere fizicheskoj kultury i sporta obshchestvennym organizacijam v 1960-e gg. [Transfer of State Functions in the Field of Physical Culture and Sports to Public Organizations in the 1960s]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 588-599.

2. Vypiski iz protokolov zasedanij byuro Stalingradskogo obkoma VLKSM. 1958 [Extracts from the Minutes of Meetings of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the Komsomol. 1958]. *Tsentr dokumentatsii novejshey istorii Volgogradskoy oblasti (TsDNIVO)* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 114, inv. 18, d. 48. 384 l.

3. Godovoj statističeskij otčet obsoвета DSO «Urozhaj» za 1953 g. [Annual Statistical Report of the

Regional Council of the Voluntary Sports Society “Urozhai” for 1953]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 1, d. 17. 126 l.

4. Goloshchapov B.R. *Istoriya fizicheskoy kultury i sporta* [History of Physical Education and Sports]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 312 p.

5. Gumenyuk A.A. Molodezhnaya politika v SSSR v 1953–1985 gody (po materialam Nizhnego Povolzhya) [Youth Policy in the USSR in 1953–1985 (Based on Materials from the Lower Volga Region)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 269–277.

6. Gummer I. Prazdnik v sovhoze «Stepnoj» [Holiday at the Stepnoy State Farm]. *Molodoj leninec*, 1954, Nov. 26.

7. Istyagina-Eliseeva E.A. Propaganda fizkultury i sporta v period «hrushchevskoj ottepelii» [Propaganda of Physical Education and Sports During the “Khrushchev Thaw”]. *Nauka v sovremennom obshchestve: zakonomernosti i tendentsii razvitiya* [Science in Modern Society: Development Patterns and Trends]. Ufa, Aeterna Publ., 2017, pp. 77–79.

8. Kalashnikov V. Interesnyj opyt [Interesting Experience]. *Molodoj leninec*, 1957, Febr. 9.

9. Kilyakova Yu.A. Osnovnye napravleniya organizatsii dosuga rabochej molodezhi Stalingradskoj (Volgogradskoj) oblasti v seredine 1950-h – nachale 1960-h gg. [Main Directions of Organizing Leisure Time of Working Youth of the Stalingrad (Volgograd) Region in the Mid-1950s – Early 1960s]. *Problemy razvitiya povsednevnoy kultury i organizatsii dosuga detey i molodezhi v SSSR v 1945–1964 gg.: obshchesoyuznyy i regionalnyy srez* [Problems of the Development of Everyday Culture and Organization of Leisure for Children and Youth in the USSR in 1945–1964: All-Union and Regional Cross-Section]. Volgograd, Sfera Publ., 2019, pp. 42–44.

10. Koroleva L.A., Nurdygin E.A. *Dobrovolnye sportivnye obshchestva v SSSR vo vtoroj polovine 1940–1950-h gg. (na primere Penzenskoj oblasti)* [Voluntary Sports Societies in the USSR in the Second Half of the 1940–1950s (On the Example of the Penza Region)]. Penza, PSUAS, 2016. 176 p.

11. Koroleva L.A., Nurdygin E.A. Dobrovolnoe sportivnoe obshchestvo «Kolhoznik» v SSSR v nachale 1950-h gg. (na primere Penzenskoj oblasti) [Voluntary Sports Society “Kolkhoznik” in the USSR in the Early 1950s (On the Example of the Penza Region)]. *Obrazovanie i nauka v sovremennom mire. Innovacii*, 2019, no. 1 (20), pp. 43–54.

12. Lipatov A.V. Razvitie fizicheskoy kultury i sporta v poslevoennye gody (1946 – nach. 1950-h gg.): na materialah periodicheskoy pechati Stalingrada [Development of Physical Culture and Sport in the Post-War Years (1946 – Early 1950s): Based on Materials

from the Periodical Publication of Stalingrad]. Gorbacheva V.V., Borisenko Ye.G., eds. *Teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty podgotovki spetsialistov dlya sfery fizicheskoy kultury, sporta i turizma* [Theoretical and Methodological Aspects of Training Specialists for the Field of Physical Culture, Sports and Tourism], vol. 2. Volgograd, VGAFK, 2021, pp. 26–32.

13. Materialy II Oblastnoj konferencii sportsoyuzov. 20 aprelya 1961 g. [Proceedings of the 2nd Regional Conference of the Sports Union. April 20, 1961]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 16. 228 l.

14. Materialy III oblastnoj otchetno-vybornoj konferencii oblsportsoyuzov. 17 aprelya 1964 g. [Proceedings of the 3rd Regional Reporting and Election Conference of the Regional Sports Union. April 17, 1964]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 54. 238 l.

15. Opisatelnyj otchet o rabote Stalingradskogo oblastnogo soveta DSO «Kolhoznik» za 1953 g. [Descriptive Report on the Work of the Stalingrad Regional Council of the Voluntary Social Society “Kolkhoznik” for 1953]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 1, d. 16. 24 l.

16. Oreshkina T.N., Sotnikov M.G. Realizatsiya gosudarstvennoj politiki v oblasti fizicheskoy kultury i massovogo sporta v Stalingrade v 1945–1953 gg. [Implementation of State Policy in the Field of Physical Culture and Mass Sports in Stalingrad in 1945–1953]. *Grani poznaniya*, 2015, no. 3 (37), pp. 57–60.

17. Otchet obsovetu DSO «Urozhaj» po itogam raboty s sentyabrya 1961 po sentyabr 1962 g. [Report of the Regional Council of the Voluntary Social Society “Urozhai” on the Results of Work from September 1961 to September 1962]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 2, d. 174. 6 l.

18. Postanovleniya Centralnogo soveta DSO «Kolhoznik» za 1954 g. [Resolutions of the Central Council of the Voluntary Social Society “Kolkhoznik” for 1954]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 1, d. 20. 131 l.

19. Protokoly zasedanij byuro obkoma KPSS. 1955 [Protocols of Meetings of the Bureau of the Regional Committee of the CPSU. 1955]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 51, d. 9. 287 l.

20. Protokoly zasedanij byuro obkoma KPSS. 1957 [Protocols of Meetings of the Bureau of the Regional Committee of the CPSU. 1957]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 56, d. 19. 253 l.

21. Protokoly zasedanij byuro obkoma KPSS. 1959 [Protocols of Meetings of the Bureau of the Regional Committee of the CPSU. 1959]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 60, d. 20. 350 l.

22. Resheniya Stalingradskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashchihsya. 1954 g. [Decisions of the Stalingrad Regional Council of Working People's Deputies. 1954]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 1, d. 26. 51 l.

23. Resheniya Stalingradskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashchihsya. 1957 g. [Decisions of the Stalingrad Regional Council of Working People's Deputies. 1957]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 3, d. 7. 39 l.

24. Svodnyy statisticheskiy otchet za 1964 g. [Consolidated Statistical Report for 1964]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6112, inv. 3, d. 58. 45 l.

25. Spravka selskomu obkomu KPSS. 13 noyabrya 1963 g. [Note to the Rural Regional Committee of the CPSU. November 13, 1963]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 2, d. 189. 31 l.

26. Spravka o hode vypolneniya resheniya oblsoveta ot 21.01.1954 g. [Note on the Progress of Implementation of the Decision of the Regional Council Dated Jan. 21, 1954]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-6517, inv. 1, d. 32. 61 l.

27. Spravki o vypolnenii postanovleniya byuro obkoma KPSS. 1953 g. [Notes on the Implementation of the Resolution of the Regional Committee of the CPSU. 1953]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 42, d. 313. 64 l.

28. Spravki otdela obkoma KPSS [Notes of the Regional Committee of the CPSU]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 39, d. 199. 92 l.

29. Stenogramma oblastnogo soveshchaniya komsomolsko-fizkulturnogo aktiva [Transcript of the Regional Meeting of the Komsomol and Physical Culture Activists]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 114, inv. 17, d. 331. 80 l.

30. Stenogramma oblastnogo soveshchaniya po voprosam fizkultury i sporta. 4 iyunya 1956 g. [Transcript of the Regional Meeting on Physical Education and Sports. June 4, 1956]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 52, d. 120. 85 l.

31. Stenogramma III plenuma obkoma VLKSM [Transcript of the 3rd Plenum of the Regional Committee of the Komsomol]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 114, inv. 116, d. 4. 96 l.

32. Suchilin A.A. *Volgograd olimpijskij. Plavanie* [Volgograd Olympic. Swimming]. Volgograd, Print Publ., 2013. 199 p.

33. Suchilin A.A., Beljaev A.N., Oskolkov Ju.A. *Ne boksom edinyim...* [Not Just Boxing...]. Volgograd, Print Publ., 2007. 187 p.

34. Suchilin A.A., Shubin Ju.K. *Blesk vjosel volgogradskih grebcov* [Shine of the Oars of Volgograd Rowers]. Volgograd, Print Publ., 2008. 243 p.

Information About the Author

Ivan A. Lunochkin, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lunochkin98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6872-3617>

Информация об авторе

Иван Андреевич Луночкин, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lunochkin98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6872-3617>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.13>

UDC 930.1
LBC 63.012

Submitted: 16.07.2024
Accepted: 10.10.2024

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE RESULTS OF THE UNIFIED STATE EXAM IN HISTORY IN THE VOLGOGRAD REGION IN 2021–2024

Elena P. Piskunova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Igor A. Kuzibetskiy

Volgograd State Academy of Postgraduate Education, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* For the last four years, the content of the Unified State Exam in History was constantly changing. The purpose of these changes was to identify knowledge, skills, and abilities in the most objective form, to get away from the mechanical memorization of the material, and to achieve the manifestation of creative, analytical, and logical abilities of graduates. *Methods and materials.* The results of the Unified State Exam in History, demonstrated by the students of the Volgograd region in the 2021–2024 years, give the understanding of the received skills. *Analysis.* An analysis of the fulfillment of controlling and measuring materials tasks by graduates of the Volgograd region allows us to conclude that the main dates, facts, processes, and phenomena of the history of Russia constitute the most successfully acquired knowledge, as well as the ability to search for information in written sources and the simplest skills of working with a historical map. The greatest difficulty for graduates is represented by tasks on the ability to use historical information for argumentation and analysis, tasks for working with images, and tasks that test the knowledge of historical personalities. *Results.* Comparing the results over several years allows us to come to the conclusion that controlling and measuring materials meaningful changes over four years did not lead to a significant change in the average test score of the results of the Unified State Exam in History since changing the form and content of a number of tasks did not change the elements of the knowledge, skills, and abilities being tested.

Key words: Unified State Exam in History, Volgograd region, controlling and measuring materials, level of graduate training, universal learning activities, causal relationships, systematization of historical information.

Citation. Piskunova E.P., Kuzibetskiy I.A. Analysis of the Dynamics of the Results of the Unified State Exam in History in the Volgograd Region in 2021–2024. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 148-162. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.13>

УДК 930.1
ББК 63.012

Дата поступления статьи: 16.07.2024
Дата принятия статьи: 10.10.2024

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕГЭ ПО ИСТОРИИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2021–2024 ГОДАХ

Елена Павловна Пискунова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Игорь Александрович Кузибецкий

Волгоградская государственная академия последиplomного образования,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. На протяжении последних четырех лет содержательная часть Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по истории постоянно менялась, и целью этих изменений было стремление выявить знания,

умения и навыки в наиболее объективной форме, уйти от механического заучивания материала, добиться проявления творческих, аналитических, логических способностей выпускников. Анализ выполнения заданий контрольных измерительных материалов (КИМ) выпускниками Волгоградской области позволяет сделать вывод, что наиболее успешно усвоенными являются знания основных дат, фактов, процессов и явлений истории России; умение проводить поиск информации в письменных источниках; простейшие навыки работы с исторической картой. Наибольшую сложность для выпускников представляют задания на умение использовать исторические сведения для аргументации и анализа, задания на работу с изображениями и задания, проверяющие знания об исторических деятелях. Сравнение результатов за несколько лет позволяет прийти к выводу, что содержательные изменения КИМ за четыре года не привели к существенному изменению среднего тестового балла результатов ЕГЭ по истории, поскольку изменение формы и содержания ряда заданий не меняло элементов, проверяемых знаний, умений и навыков.

Ключевые слова: Единый государственный экзамен по истории, ЕГЭ, Волгоградская область, контрольные измерительные материалы, уровень подготовки выпускников, универсальные учебные действия, причинно-следственные связи, систематизация исторической информации.

Цитирование. Пискунова Е. П., Кузибецкий И. А. Анализ динамики результатов ЕГЭ по истории в Волгоградской области в 2021–2024 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 148–162. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.13>

Введение. Проведение Единого государственного экзамена (далее – ЕГЭ) со времени его введения вызывает много дискуссий и по форме его проведения, и по содержанию контрольных измерительных материалов. При несомненной актуальности проблемы и многочисленных заявлениях в средствах массовой информации об эффективности или бесполезности этой формы проведения итоговой аттестации, собственно научного анализа, особенно с привлечением фактических данных, основанных на результатах его проведения, не проводилось. Особенно это касается истории. В последние несколько лет вышло лишь несколько статей, посвященных итогам ЕГЭ по истории в отдельных российских регионах [2; 3; 8]. Они представляют собой публикацию данных, представленных в статистико-аналитических отчетах этих регионов, и в первую очередь призваны продемонстрировать уровень подготовки выпускников и их способность справиться с экзаменационными заданиями. Подробный анализ оценивания ответов ЕГЭ по истории и анализу выполнения отдельных заданий проводит в своих статьях и методических рекомендациях И.А. Артасов [1]. При всей значимости этих работ их явно недостаточно. Все это подтверждает актуальность заявленной проблемы, а также то, что наиболее наглядно ее следует рассматривать и анализировать на основе статистических данных по разным российским регионам.

Авторы представленной работы стремятся проанализировать результаты выполнения экзаменационных заданий с целью выявления тенденции, характерной для последних лет и определения проблем, связанных с усвоением школьниками учебного материала и необходимых навыков, на примере Волгоградской области за последние четыре года. Представляется, что данная информация будет полезна не только учителям средних образовательных учреждений, но и преподавателям вузов для лучшего понимания, с каким уровнем исторических знаний и навыков приходят выпускники в высшие учебные заведения и на решение каких образовательных проблем стоит обратить особое внимание.

Методы и материалы. В основу статьи также положены материалы статистико-аналитических отчетов (далее – САО), которые авторы ежегодно готовят по результатам проведения ЕГЭ по истории [5]. В данной работе применяются статистический, аналитический и сравнительный методы, что позволяет в наиболее полной мере выявить основные тенденции, связанные с динамикой результатов выполнения заданий единого государственного экзамена.

Для анализа привлекались контрольные измерительные материалы (далее – КИМ) по истории, используемые в САО и представленные в открытых базах данных. Задания КИМ включают в себя значительный пласт факти-

ческого материала и охватывают содержание курса истории России с древности по настоящее время с включением элементов всеобщей истории (история войн, дипломатии, культуры, экономических связей и т. п.) [6].

С 2021 г. содержательная часть экзамена постоянно менялась, и целью этих изменений было стремление выявить уровень усвоенных знаний, умений и навыков в наиболее объективной форме, добиться проявления творческой, аналитической, логической способности выпускников, стимулируя их уйти от механического заучивания материала.

В настоящее время каждый вариант экзаменационной работы состоит из двух частей и включает в себя 21 задание (в 2022 г. – 19, в 2021 г. – 25), различающихся формой и уровнем сложности. Часть 1 содержит 12 заданий (в 2022 г. – 11, в 2021 г. – 19) с кратким ответом. Часть 2 содержит 9 заданий (в 2022 г. – 8, в 2021 г. – 6) с развернутым ответом, выявляющих и оценивающих освоение выпускниками различных комплексных умений. Задания № 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 14 по уровню сложности являются базовыми; задания № 4, 6, 11, 13, 15, 16, 17, 19 – повышенной сложности; задания № 18, 20, 21 – высокой [4].

Анализ. Прежде всего следует отметить, что на протяжении последних четырех лет количество участников ЕГЭ по истории от общего числа выпускников продолжает снижаться. Если в 2021 г. в Волгоградской области экзамен по истории сдавали 1 446 участников, что составляло 14,8 % от общего числа выпускников в области, то в 2022 г. было 1 399 человек (14,65 %), в 2023 г. – 1 310 (14,61 %), а в 2024 г. – 1 222 человека (13,7 %) [5]. Это связано с общей тенденцией к сокращению количества выпускников и соответственно уменьшению числа участников, выбирающих предмет история для прохождения государственной итоговой аттестации.

В соответствии с процентом выполнения заданий участники экзамена с разным уровнем подготовки делятся на четыре группы: группа 1 – не преодолевшие минимальный проходной балл, группа 2 – с баллами от минимального до 60, группа 3 – с баллами от 61 до 80, группа 4 – с баллами от 81 до 100.

Анализируя результаты, можно выявить, что наиболее успешно усвоенными являются:

знания основных дат, фактов, процессов и явлений истории России; знание основных событий Великой Отечественной войны; умение систематизировать историческую информацию и проводить поиск информации в письменных источниках; простейшие навыки работы с исторической картой (соотнесение картографической информации с текстом и нахождение на карте городов).

Лучше всего участники ЕГЭ выполняют задания на знание хронологии, о чем свидетельствует успешное выполнение базового задания 1, которое проверяет знание дат и умение устанавливать соответствие между событиями и годами. Как видно на рисунке 1 по Волгоградской области средний процент справившихся с данным заданием в 2024 г. выше, чем в 2023 г. и показывает возвращение к показателю предыдущих лет. При этом наблюдается повышение результативности выполнения этого задания во всех группах участников, кроме первой. В задании представлены события, происходившие в разные века: для его выполнения достаточно соотнести событие с веком, даже не зная точной даты. Проблемы с выполнением данного задания свидетельствуют о незнании самих исторических фактов, что характерно для выпускников с низким уровнем подготовки. Следует отметить, что наибольшие трудности связаны с материалом, относящимся к событиям XI–XVI веков.

В задании 2 (базовый уровень) участникам ЕГЭ было предложено расположить три события в хронологической последовательности, причем одно из событий из всеобщей истории. Так же, как и при выполнении первого задания, участники ЕГЭ-2024 демонстрируют хорошие знания фактического материала. Средний в регионе процент справившихся с этим заданием традиционно так же высокий (см. рис. 1). В группе не преодолевших минимальный порог баллов с этим заданием справляются 26,17 % участников. В динамике по годам информация представлена на рисунке 2. В группе 2 участников с этим заданием справляются порядка 64 %, что демонстрирует явное повышение в сравнении с предыдущими годами (см. рис. 3). В группе 3 и 4 также наблюдается увеличение доли участников, справляющихся с заданием в этом году (см. рис. 4 и 5).

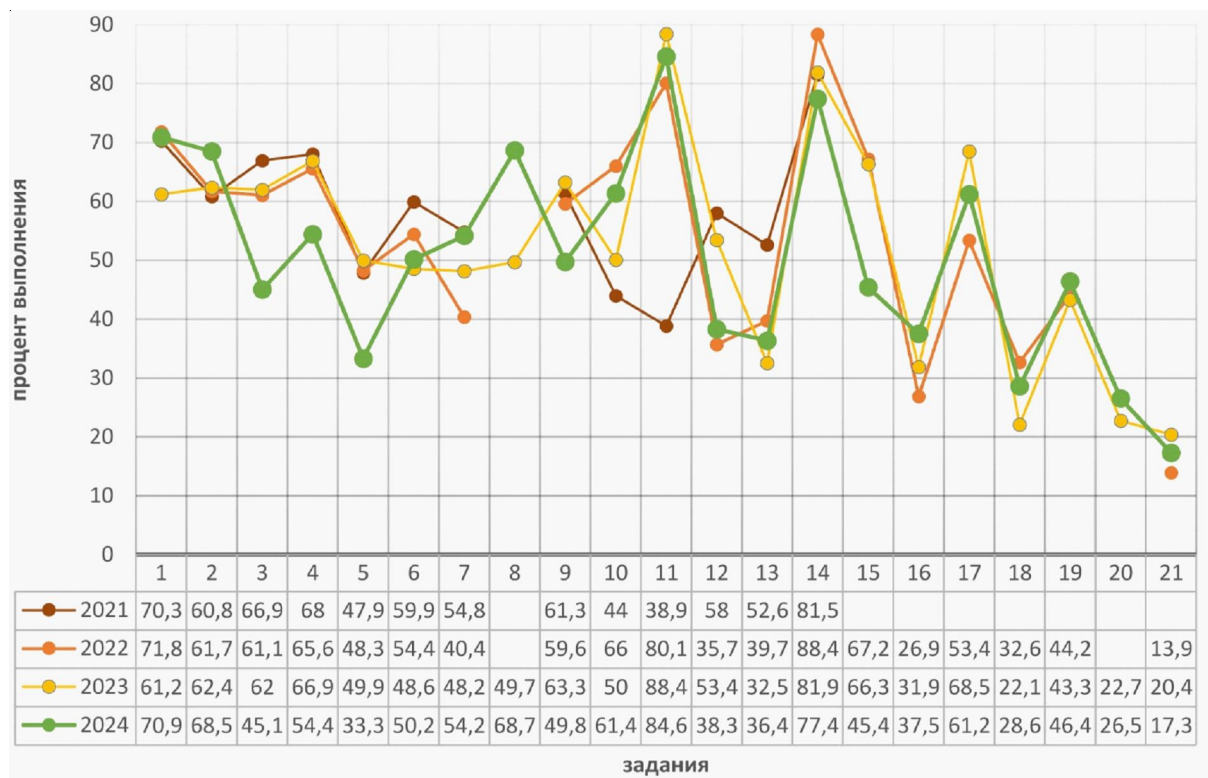

Рис. 1. Средний процент выполнения заданий в 2022–2024 годах

Fig. 1. Average percentage of tasks completed in 2022–2024

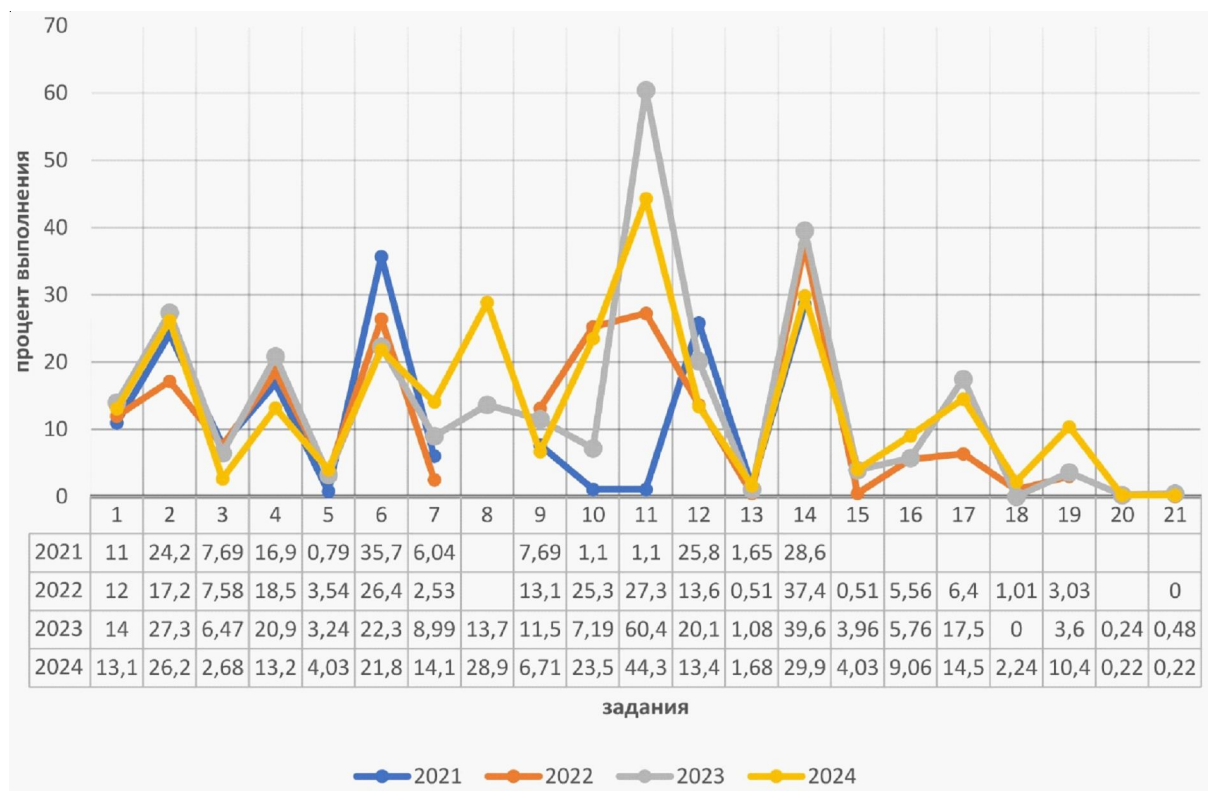

Рис. 2. Процент выполнения заданий участниками группы 1 в 2022–2024 годах

Fig. 2. Percentage of tasks completed by participants in group 1 in 2022–2024

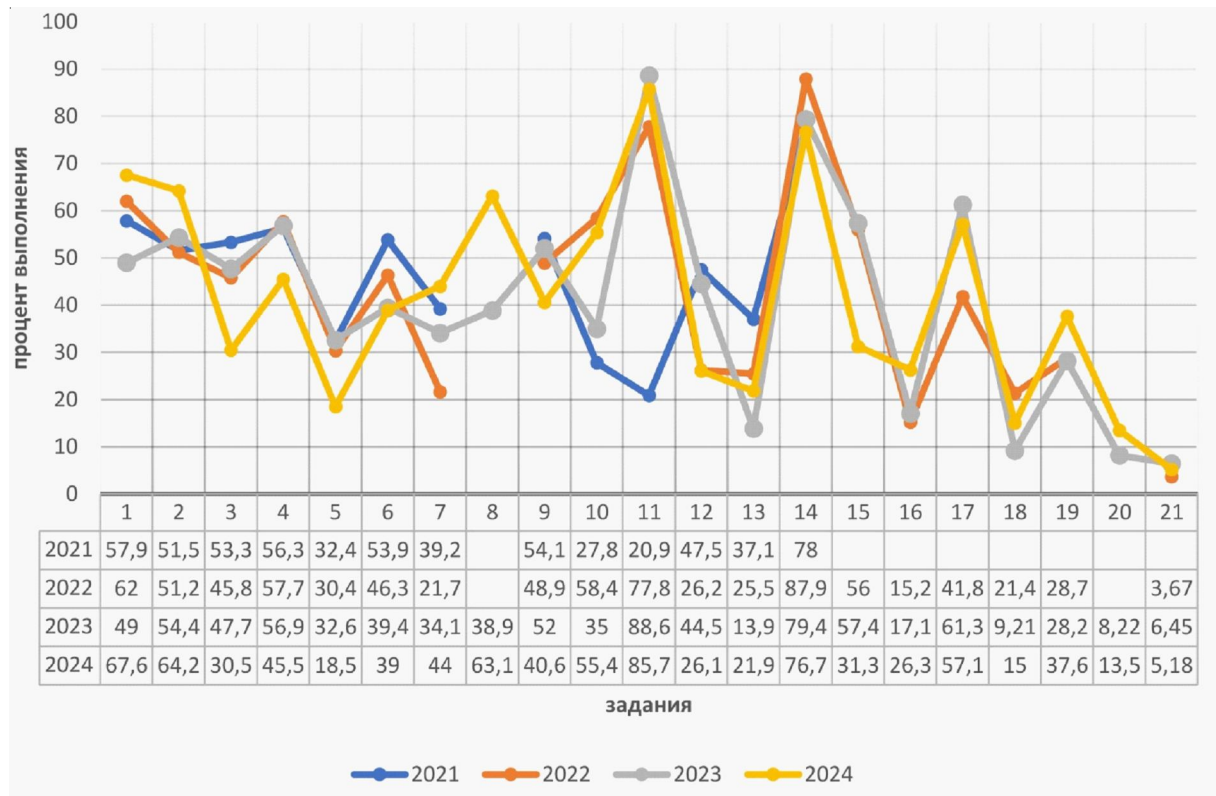

Рис. 3. Процент выполнения заданий участниками группы 2 в 2022–2024 годах
 Fig. 3. Percentage of tasks completed by participants in group 2 in 2022–2024

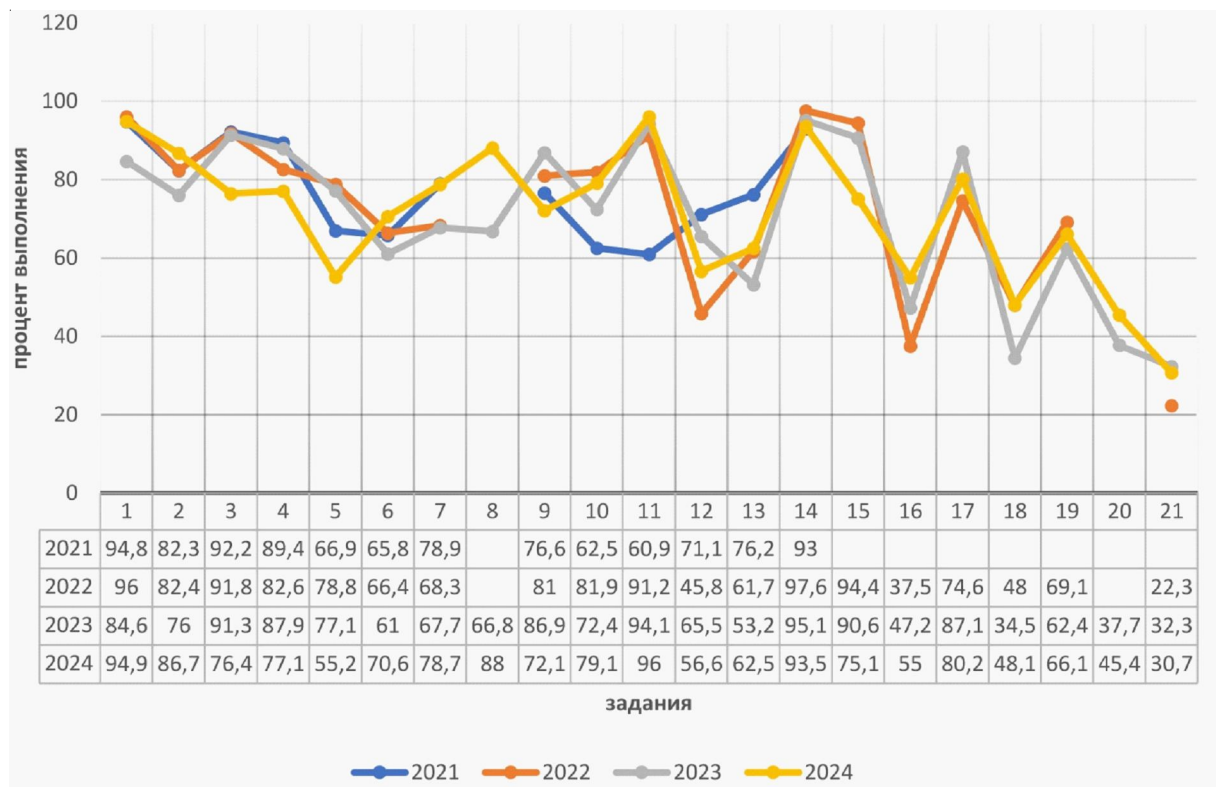

Рис. 4. Процент выполнения заданий участниками группы 3 в 2022–2024 годах
 Fig. 4. Percentage of tasks completed by participants in group 3 in 2022–2024

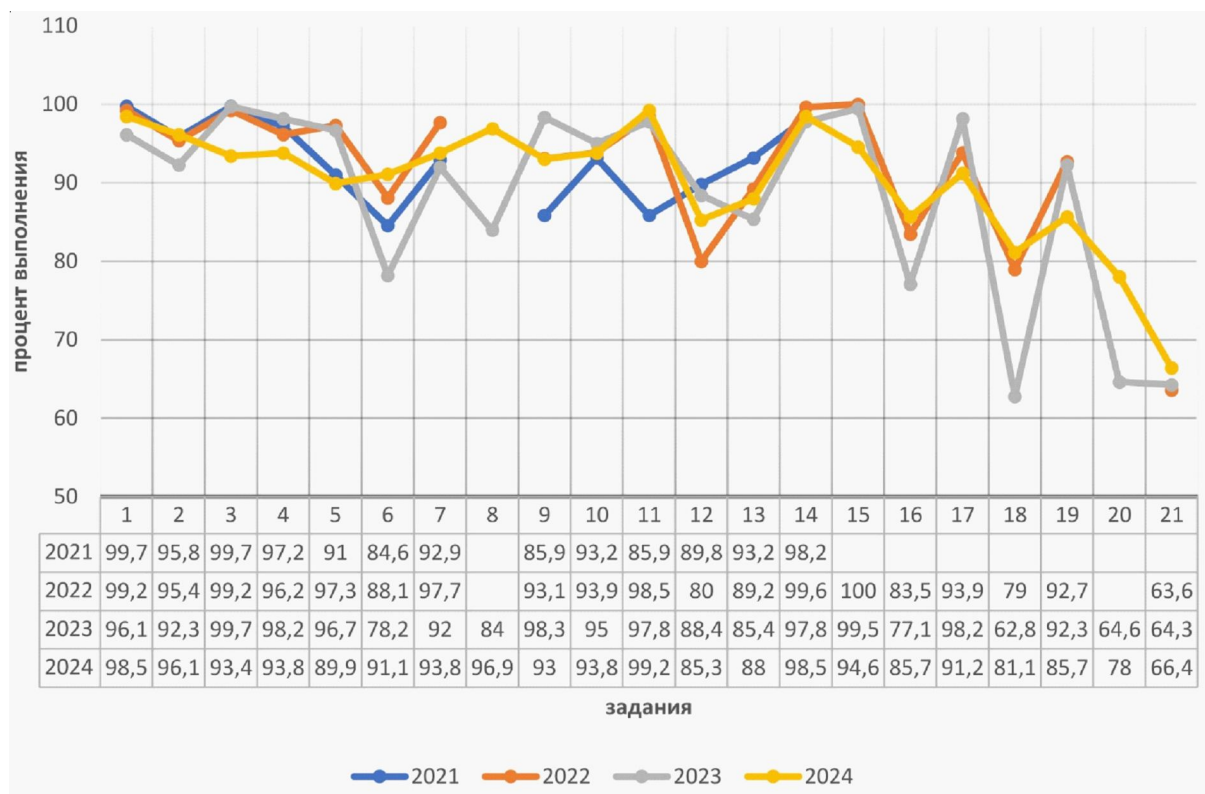

Рис. 5. Процент выполнения заданий участниками группы 4 в 2022–2024 годах

Fig. 5. Percentage of tasks completed by participants in group 4 in 2022–2024

Основная сложность при выполнении задания 2 связана с определением в хронологической цепочке элемента всеобщей истории.

Задание 14 (базовое) из второй части проверяет умение проводить поиск исторической информации в источниках разного типа. Особенностью этого задания в последние четыре года является то, что нельзя допустить избыточного текста, не содержащего положений, которые должны быть приведены по условиям задания. Средний показатель в 2024 г. – 77,41 %, что ниже, чем в прошлом году. По группам участников статистика представлена на рисунках 2–5. Для участников из первой группы (не набравших минимальный проходной балл) данное задание является наиболее легким. Зачастую во второй части они способны выполнить только его. Это связано с тем, что они легче всего могут отыскать необходимую информацию, представленную в текстовом источнике в прямом виде (то есть, понимают прочитанное), даже если не могут определить к какому историческому периоду эта информация относится.

Задание 17 (повышенной сложности) посвящено событиям Великой Отечественной

войны и также относится к группе заданий, проверяющих навыки работы с письменными историческими источниками. Средний балл выполнения в 2024 г. – 61,21 %. Изучению истории Великой Отечественной войны традиционно уделяется большое внимание и в рамках школьного курса и при подготовке к ЕГЭ, и высокий результат выполнения задания свидетельствует о хороших знаниях событий войны. Определение сражений, военных операций, периодов, как правило, не вызывает трудностей, гораздо хуже со знанием исторических деятелей – участников ВОВ.

Новое задание 8, появившееся в 2023 г., проверяет знания по истории Великой Отечественной войны, на основе работы с изобразительным материалом. В ходе анализа изображения (марка, плакат) необходимо установить событие или год. Средний процент выполнения значительно увеличился в сравнении с прошлым годом, когда данное задание было введено, с 49,7 до 68,7 %. Выполнение этого задания свидетельствует о сформированности навыков работы с изобразительными источниками и хороших репродуктивных знани-

ях выпускников в целом о событиях Великой Отечественной войны. Возможно, улучшение качества выполнения данного задания связано с научением его выполнения и особому вниманию со стороны педагогов к этому новому заданию в 2023–2024 годах. Как и при выполнении рассмотренного выше задания, проблемой является плохое знание участников войны. Так, в задании 2023 г. было необходимо, рассмотрев марку, указать в ходе какой битвы произошло событие, которому она посвящена. На марке изображен воздушный таран, портрет летчика и его фамилия «Талалихин». Типичной ошибкой было указание вместо Московской битвы – «Сталинградская», а также «Курская». Мы видим, что школьники не могут связать имя героя с известными им событиями.

В заданиях 9–12 проверяются навыки работы с исторической картой или схемой, результативность их выполнения крайне различна. Можно свидетельствовать о хорошем усвоении простых навыков, и значительных трудностях с более сложными. Задание 11 повышенной сложности соединяет работу с картой и текстом. В 2024 г. его смогли успешно выполнить 84,62 %.

Трудности у участников экзамена начинаются тогда, когда задания предполагают не только демонстрацию теоретических знаний о фактах и событиях, но и демонстрацию навыков работы с исторической картой (схемой) или соотнесение картографической информации с предложенным текстом. При этом отметим, что для выпускников с высоким уровнем подготовки (группы 3 и 4) такие задания не представляют значительной сложности, а вот для участников из средней и слабой группы становятся тем определителем, который демонстрирует недостаточность практической подготовки. В задании 9 средний процент выполнения в 2024 г. – 49,75 %. Обращает на себя внимание тот факт, что доля участников, успешно выполняющих задание, в сравнении по годам, претерпевает постоянное колебание. В группе не преодолевших минимальный порог баллов результат ухудшился наполовину, в группе с низкими баллами результат также оказался значительно хуже, чем в прошлом году и даже в группах высоких баллов отсутствует улучшение и происходит возвращение к прежним, более низким результатам.

В задании 10 необходимо указать название города, обозначенного на схеме цифрой, здесь проверяются не только исторические знания, но и знание географии, а также установление связи между историческими событиями и географическими местами. Последние годы мы наблюдаем устойчивое повышение процента участников, успешно справляющихся с данным заданием.

Из заданий базового уровня на втором месте по сложности (38,3 %) находится задание 12, предполагающее множественный выбор при работе с исторической картой. В нем необходимо определить верные суждения, относящиеся к схеме. Показательно, что это задание является наиболее сложным для всех групп участников экзамена. При этом в группах 2–3 наблюдается снижение доли участников, выполняющих это задание.

В одном из вариантов 2024 г., представленном для анализа, данное задание было посвящено событиям Великой Отечественной войны, происходившим в 1943 году. Из шести представленных суждений было необходимо выбрать те, которые соответствуют событиям, представленным на схеме [5]. Правильных ответов было два, однако теперь в задании не указывается количество правильных определений. Наиболее распространенная ошибка вновь связана с незнанием исторических деятелей. В рассматриваемом варианте часто выбирали ответ «участником событий, обозначенных на схеме, был В.В. Талалихин», вторым распространенным ошибочным выбором было суждение: «В период, когда произошли отраженные на схеме события, уже был открыт Второй фронт во Франции». Таким образом, мы можем сделать вывод, что типичные ошибки связаны с незнанием исторических деятелей, незнанием событий, связанных со всеобщей историей, а также плохой ориентацией в схеме.

Знание основных фактов, процессов, явлений и способность установления соответствия событий и явлений, процессов и фактов, относящихся к этим событиям, проверяют задания 3 (базовый уровень) и 4 (повышенный уровень). В задании 3 необходимо установить соответствие между процессами (явлениями, событиями) и фактами, относящимися к этим процессам (явлениям и событиям). Оно про-

веряет знание основных фактов, процессов, явлений и способность понимать разницу между общим и частным и находится на третьем месте по степени сложности для выпускников в базовой части. Средний процент выполнения в 2024 г. составил 45,05 %, что является значительным понижением в сравнении с предыдущим периодом (см. рис. 1). С этим заданием очень плохо справляется группа, не достигшая минимального балла. Всего 2,7 % справляются с заданием. В базовой части именно оно оказалось наиболее сложным для этой группы. Также понижение наблюдается и в сильных группах, ранее традиционно выполнявших его на высоком уровне.

Как свидетельствует данное задание, именно факты запоминаются хуже. Анализ одного из вариантов 2024 г. показывает, что типичной ошибкой было неправильное указание битвы применительно к войне. Так, для Ливонской войны чаще всего ошибочно указывали «осаду Плевны» или «сражение при Рымнике», для русско-турецкой войны 1877–1878 гг. практически массовой ошибкой было указание «битвы на реке Сити» [5]. Таким образом, мы видим, что, зная крупное событие, большинство школьников испытывают затруднение, когда речь идет о событиях, происходящих внутри него, не запоминают битвы.

Задание 4 на систематизацию исторической информации является повышенным по уровню сложности. Оно существенно изменилось в 2022 г. (ранее это было задание 11), поскольку из него был исключен элемент всеобщей истории. Однако в 2024 г., как и в предыдущие годы, это не привело к лучшему выполнению задания, о чем свидетельствует понижение среднего процента с 66,9 до 54,42 %. Снижение процента справившихся с заданием участников наблюдается во всех группах, хотя ранее данный показатель почти не изменял свое значение на протяжении трех лет. Можно сделать вывод, что школьникам легче соотносить события с хронологическими периодами (как в задании 3), и они начинают испытывать трудности, когда требуется сделать выбор в рамках более широких процессов или явлений, частью которых эти события являются.

Работе с письменным историческим источником посвящено задание 6 (до 2022 г. это

было задание 12). Это задание повышенной сложности, средний процент выполнения в 2024 г. оказался немного выше, чем в прошлом году. Процент выполнения данного задания в первых двух группах остается примерно одинаковым (небольшое колебание) (см. рис. 2–3). А вот в группах участников с высокими баллами (группы 3–4) в 2024 г. наблюдается существенное повышение значения доли участников, справившихся с заданием (см. рис. 4–5).

В данном задании необходимо прочесть отрывок и соотнести с прочитанным приведенные ниже суждения, выбрав из них верные. Задание несколько усложнилось, поскольку в предыдущие годы было необходимо выбрать три правильных суждения, теперь число правильных суждений не указано. Это задание является трудным для всех трех групп, набравших проходной балл, включая группу с высокими показателями, что свидетельствует о серьезной проблеме: плохие навыки работы с текстом. При этом сохраняется стойкая тенденция, демонстрирующая, что ученики, не преодолевшие пороговый показатель, неплохо справляются с этим заданием (21,81 %), из чего можно сделать вывод, что для выпускников с низким уровнем подготовки легче выбрать правильный ответ из предложенных вариантов, ориентируясь на текст, чем самостоятельно вспомнить нужный ответ.

Знание основных фактов, процессов, явлений истории культуры России проверяет задание 7. Его результативность также можно отнести к средней, и при выполнении этого задания также очень хорошо проявляется уровень подготовки выпускников. Здесь просматривается существенное повышение показателей в сравнении с прошлым годом (см. рис. 1).

Отметим, что для группы, не прошедшей минимальный порог, это задание является одним из наиболее сложных, но в этом году наблюдается лучший результат за последние несколько лет – 14,09 %. В этом задании необходимо было установить соответствие между деятелем культуры или науки и сферой его деятельности, то есть требуется применить конкретные знания не только исторического материала, но и развития других направлений (литературы, биологии, физики) [5]. При слабом усвоении подобных знаний выполнить его невозможно.

Недостаточно усвоенными для всех групп выпускников являются: знание исторических деятелей, основных фактов, процессов, явлений истории культуры и всеобщей истории; умения использовать исторические сведения для аргументации, для сравнения исторических событий, процессов и явлений; умения использовать принципы причинно-следственного анализа, навыки работы с изображением.

Из заданий базового уровня наименьший процент выполнения (33,31 %) в задании 5, предполагающего знание исторических деятелей (до 2022 г. это было задание 9), то есть оно занимает первое место по степени сложности для всех участников среди заданий базового уровня.

Знание исторических деятелей (персоналий) проверяется в задании через установление соответствия между событиями и историческими деятелями. Для участников с низким уровнем задание является практически невыполнимым, поскольку они не запоминают исторических деятелей. Тревожно, что школьники с хорошим и высоким уровнем стали уделять меньше внимания персоналиям.

Трудности, как правило, связаны с определением соответствия между событием и историческим деятелем в случае общего для персонажей периода. Так, самые распространенные ошибки на примере анализируемого варианта: при определении «Любечский съезд князей» вместо Владимира Мономаха указывали Юрий Долгорукого, при определении «Ленинградско-Новгородская стратегическая операция» вместо Л.А. Говорова указывали М.Н. Тухачевского. Наконец, крайне небольшой процент выпускников при определении «Реализация концепции нового политического мышления» указывал фамилию Э.А. Шеварднадзе, чаще всего заменяли его ошибочным утверждением – Н.А. Милютин. Таким образом, школьники путают исторических деятелей, которые жили в один исторический период (Древняя Русь; конец XIX – XX в.), особенно если эти деятели из одной сферы (например, Тухачевский, Говоров – военная), практически не запоминают исторических деятелей, не являвшихся главами государств, а занимавшихся правительственной или реформаторской деятельностью. Хуже всего

знают деятелей второй половины XX в., особенно периода перестройки.

Задания второй части проверяют умения и навыки, демонстрирующие способность использовать имеющиеся знания при составлении развернутых ответов.

Задание 13 повышенной сложности проверяет умение осуществлять внешнюю и внутреннюю критику источника (характеризовать авторство источника, время, обстоятельства, цели его создания, степень достоверности источника). Среди заданий повышенного уровня оно находится на первом месте по степени сложности. В 2024 г. задание было выполнено 36,37 % участников, что немного лучше, чем в 2023 г., но хуже в сравнении с 2021–2022 гг. (см. рис. 1). Это еще раз демонстрирует актуальнейшую проблему сформированности у выпускников навыков понимания прочитанного текста.

Для группы, не прошедшей порог, данное задание является практически невыполнимым – 1,68 % справившихся. В других группах данный показатель повысился.

Школьники с низким уровнем подготовки плохо понимают содержание текста и не могут применить для его анализа даже имея определенное знание конкретных фактов. В рассматриваемом варианте, где приводился текст письма В.И. Ленина с призывом немедленно начать вооруженное восстание, основные трудности вновь были связаны с необходимостью указать исторических деятелей – автора данного письма и главу российского правительства в тот период, когда было написано письмо.

Умение работать с иллюстративным материалом, а также знание основных фактов, процессов, явлений истории культуры России проверяют задания 15 и 16. Задание 15 повышенной сложности предусматривает анализ иллюстративного материала, представленного на памятной монете.

Средний процент выполнения в 2024 г. значительно понизился до 45,42 %. В 2022 г., когда это задание было введено, оно оказалось для группы с баллами меньше проходного почти невыполнимым. Его смогли сделать лишь 0,51 % участников. В 2024 г. доля этих участников составляет 4,03 %. В группах 2–4 мы наблюдаем в 2024 г. уменьшение доли участников, справившихся с заданием 15.

Задание 16 также повышенной сложности остается для выпускников одним из самых трудных. Оно на втором месте по степени сложности из заданий повышенного уровня. Средний балл выполнения в 2024 г. – 37,52 %.

Работа с иллюстративным материалом также наиболее точно отражает уровень подготовки выпускников. Для заданий повышенного уровня именно здесь демонстрируют худший результат группы с баллами от 61 до 80 и от 81 до 100. Традиционно наибольшие проблемы связаны с определением архитектурного памятника, и особенно указания фамилии архитектора. В рассматриваемом варианте было необходимо указать архитектурный памятник, который был создан после событий Смутного времени и указать название города, в котором он находится (Санкт-Петербург). Таким образом, данное задание проверяло способность определять исторический период, в который был создан архитектурный памятник по его внешним характеристикам. Таким образом, низкий уровень выполнения данного задания демонстрирует плохое знание истории культуры.

Задание 18 высокой сложности проверяет умение использовать принципы причинно-следственного, структурно-функционального, временного и пространственного анализа для изучения исторических процессов и явлений. Оно оказалось на третьем месте по степени сложности из заданий высокого уровня. Следует также отметить, что форма задания в этом году существенно изменилась. Задание представляет сложность для всех групп участников, поскольку требует не только знаний, но прежде всего понимания закономерностей исторических процессов и умения видеть взаимосвязи между событиями.

В рассматриваемом варианте было необходимо указать причины, повлиявшие на активизацию и организационное оформление общественного движения в первой четверти XIX в., что в результате привело к выступлению 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади Санкт-Петербурга, и одно последствие этого выступления. Изменение заключалось в том, что причины и последствие в задании конкретизируются, а не носят общий характер как в предыдущие годы. Было необходимо указать внешнеполитическую причину (предпосылку)

активизации общественного движения; причину (предпосылку) активизации общественного движения, связанную с внутренней политикой Александра I во второй период его царствования; последствие декабристского восстания для внутривластного курса властей. Проверка выявила, что сложнее всего для выпускников было указать последствие. Типичной ошибкой было определение в качестве последствия – самого факта подавления восстания, то есть мы видим характерную для большинства школьников неспособность определить, где заканчивается событие, и где начинаются события, к которым оно привело. Вторая сложность была связана с внешнеполитической причиной: здесь также ограничивались констатацией факта войны с Наполеоном или Заграничного похода, но не указывали каким образом это повлияло на формирование взглядов будущих декабристов. Однако, следует отметить, что новая форма задания на выявление причинно-следственных связей стала для выпускников более простой для выполнения, чем предыдущие, когда требовалось указать любые причины или последствия. Концентрация на определенных обстоятельствах позволяет им лучше понять задание и более успешно его выполнить.

Задание 19 повышенной сложности проверяет знание исторических понятий и умение их использовать. Средний балл выполнения мало изменился в 2024 г. – 46,4 %. Данное задание является очень сложным для групп с низкой подготовкой, вызывает затруднения у средней группы, и достаточно эффективно выполнялось группой с высокими показателями. В одном из вариантов этого года было необходимо раскрыть смысл понятия «кормление». Ответы демонстрировали, что участники испытывают трудности с правильной формулировкой, а это свидетельствует о непонимании сущности рассматриваемого понятия. Типичной ошибкой было отсутствие в ответе объяснения, что «кормление» – это система содержания должностных лиц, то есть видового признака. Отсутствие именно видового признака типично для выполнения данного задания.

Задание 20, появившееся в прошлом году, проверяет умение использовать различные принципы анализа для сравнения историчес-

ких событий, процессов и явлений. Оно является для всех групп участников вторым по степени сложности из заданий высокого уровня: средний процент выполнения в 2024 г. – 26,54 %, в 2023 г. – 22,73 %. В группе не преодолевших минимальный проходной балл с ним справились 0,22 % участников, в 2023 г. – 0,24 %. В группе с низкими показателями – 13,48 %, в 2023 г. – 8,22 %. В группе со средними показателями – 45,4 %, в 2023 г. – 37,71 %. В группе с высокими баллами – 78,04 %, в 2023 г. – 64,64 %. Мы видим повышение результатов для всех трех групп. Одна из главных трудностей связана с необходимостью самостоятельно сформулировать тезис (суждение), на основе знания и понимания фактического материала. Выпускники с низким уровнем подготовки, имеющие фрагментарные, бессистемные знания, подобными навыками не обладают. Выпускники со средним уровнем подготовки не могут применить свои знания для обобщения и сравнения. В рассматриваемом варианте было необходимо указать любой тезис (обобщенное оценочное суждение), содержащий информацию о сходстве внутренней политики князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого по какому(-им)-либо признаку(-ам) и привести два обоснования этого тезиса. Каждое обоснование должно содержать два исторических факта (по одному для каждого из сравниваемых объектов). Типичным остается формулировка тезиса только на основании одного признака (например, распространение христианства), но фактов для двух обоснований подобрать не могут, или повторяют одно и то же обоснование разными словами. У значительной части выпускников нет понимания, что тезис – это обобщение, вместо него приводят факты, которые следует использовать для обоснования, или, напротив, заменяют тезис рассуждениями общего характера, не связанными с поставленной проблемой.

Задание 21 высокой сложности проверяет умение использовать исторические сведения для аргументации в ходе дискуссии. По проверяемым умениям и навыкам оно подобно заданию 24 прошлых лет (на аргументацию), но отличается от него существенным образом, поскольку включает элемент всеобщей истории и требует глубоких знаний по это-

му разделу. Задание оказалось самым сложным для всех групп. Именно оно занимает первое место по уровню сложности среди заданий повышенной группы и представлено наименьшим средним показателем выполнения среди всех заданий в 2024 г. – 17,32 %.

В рассматриваемом варианте было необходимо привести аргументы в подтверждение точки зрения, что «внутриполитические события 1970-х гг. в стране, расположенной в непосредственной близости от СССР, и внутриполитические события 1950-х гг. в стране, расположенной в непосредственной близости от США, стали причинами международных кризисов или войн с участием СССР и США: один аргумент для СССР и один для США». Распространенной ошибкой было указание в качестве страны, расположенной в непосредственной близости от СССР – Чехословакии, то есть школьники не прочитывают задание внимательно, не обращают внимание на период – 1970-е гг., а выхватывают лишь отдельное определение – «внутриполитические события». При этом, даже указывая правильно – «Афганистан», ограничиваются констатацией ввода советских войск и обострения международной обстановки, но не указывают, какие внутриполитические события в Афганистане привели к вмешательству со стороны СССР. То же характерно и для попытки аргументации для США – отсутствует часть, характеризующая события, произошедшие на Кубе, или в этой характеристике присутствуют фактические ошибки. В целом, анализируя результаты выполнения данного задания за несколько лет, можно сделать вывод, что для выпускников типичной ситуацией остается указание фактов без аргументов, а основной проблемой, препятствующей более высокому выполнению этого задания – незнание или поверхностное знание событий всеобщей истории. Эти задания особенно ярко демонстрируют несформированность базовых логических действий у выпускников группы не преодолевших минимальный проходной балл и группы от минимального до 60 баллов.

Низкий показатель выполнения заданий 20 (умение проводить сравнение) и 21 (навыки аргументации) показывает слабую сформированность не только предметных знаний и умений, но и универсальных учебных действий (да-

лее – УДД), определяемых федеральным государственным образовательным стандартом среднего общего образования (ФГОС) [7]. Речь идет о слабой сформированности познавательных, коммуникативных и регулятивных УДД. Результаты выполнения свидетельствуют о несформированности прежде всего базовых логических действий: умении устанавливать существенный признак или основания для сравнения, навыках классификации и обобщения, неспособности самостоятельно формулировать и актуализировать проблему и рассматривать ее всесторонне; базовых исследовательских действий: отсутствия навыка актуализировать задачу, выдвигать гипотезу ее решения, находить аргументы для доказательства своих утверждений, задавать параметры и критерии решения. В рамках коммуникативных УДД не освоено умение развернуто и логично излагать свою точку зрения, аргументировать. Соотношение метапредметных и предметных результатов демонстрирует слабое умение выявлять существенные черты исторических событий, явлений, процессов; анализировать; характеризовать исторические события, явления, процессы в том числе составлять описание в письменной форме; формулировать и обосновывать собственную точку зрения (версию, оценку) с опорой на фактический материал; систематизировать историческую информацию в соответствии с заданными критериями.

Результаты. Результаты выполнения заданий разной степени сложности объективно отражают уровень подготовки выпускников и позволяют выявить имеющиеся проблемы в этой подготовке. Сравнение результатов за последние четыре года позволяет прийти к выводу, что содержательные изменения КИМ, имевшие место в этот период, не привели к существенному изменению среднего

тестового балла результатов ЕГЭ по истории, поскольку изменение формы и содержания ряда заданий не меняло элементов, проверяемых знаний, умений и навыков (см. таблицу).

Все группы выпускников демонстрируют слабое умение использовать исторические сведения для аргументации, сравнения и причинно-следственного анализа. Крайне низким является усвоение знаний по всеобщей истории. Недостаточным является усвоение знаний по истории культуры России. Слабым остается понимание сущности исторических процессов и явлений даже при хорошем знании событий и дат. На протяжении последних лет остается недостаточным знание исторических деятелей (деятелей науки и культуры, политических деятелей, участников Великой Отечественной войны), слабым также является понимание различий сфер их деятельности (административной и военной, законодательной и исполнительной и т. д.).

Помимо этих общих проблем с усвоением умений и видов деятельности, можно отметить, что выпускники, не получившие минимальный проходной балл, демонстрируют фрагментарные, бессистемные знания, испытывают наибольшие трудности при работе с изобразительными источниками, не владеют достаточными навыками понимания и атрибуции письменных источников.

Следует обратить особое внимание на самую многочисленную группу выпускников, получившую баллы от минимального до 60. Анализируя данные за несколько лет, можно утверждать, что именно эта группа своими результатами в значительной степени формирует средний балл. В эту группу нередко попадают школьники, демонстрирующие на уроках хорошие знания и имеющие высокую мотивацию, но на экзамене они забывают и пу-

Результаты ЕГЭ по истории в Волгоградской области в 2021–2024 годах

Results of the Unified State Exam in History in the Volgograd Region in 2021–2024

Результат ЕГЭ	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Ниже минимального балла, %	6,3	6,0	10,3	12,2
От минимального до 60 баллов, %	53,9	56,0	50,0	52,6
От 61 до 80 баллов, %	26,6	29,2	26,4	24,6
От 81 до 99 баллов, %	12,7	8,4	13,1	10,6
100 баллов, чел.	7	5	3	6
Средний тестовый балл	56,2	55,1	55,8	53,5

тают выученный исторический материал из-за неспособности сконцентрироваться и справиться с волнением. Одной из существенных проблем этой группы является слабое развитие долговременной памяти и психологическая неподготовленность, которая ведет к неспособности вспомнить нужную информацию в стрессовой ситуации.

Что касается тематики заданий, можно отметить повышение успешности выполнения заданий, посвященных Великой Отечественной войне. При этом выпускники стабильно демонстрируют хорошие знания фактов и событий Великой Отечественной войны, но знание участников войны остается низким и, более того, продолжает снижаться, то есть базовое умение определять современников исторических событий, явлений, процессов сформировано недостаточно.

Одними из наиболее проблемных тем для выпускников являются ключевые события истории России второй половины XX в., особенно темы «Советское государство и общество в середине 1960-х – начале 1980-х гг.» и «Политика перестройки. Распад СССР». Сформированность понимания причин и следствий распада СССР является недостаточной.

Преодолеть имеющиеся проблемы и повысить уровень подготовки выпускников невозможно без совместной работы преподавателей средних общеобразовательных учреждений и вузов. Необходимо проведение серии совместных специальных учебно-методических семинаров, направленных не только на обмен опытом преподавания истории, но и на развитие у выпускников метапредметных умений и навыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арташов И. А. Оценивание ответов на задание Единого государственного экзамена по истории, предполагающее сравнение исторических событий, явлений, процессов // Педагогическое измерение. 2023. № 1. С. 59–66.
2. Балакирев А. Н. Основные итоги Единого государственного экзамена по истории в республике Бурятия в 2021 году // Оценка качества образования: от проектирования к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2022. С. 70–81.

3. Данилина И. С., Ушаков А. И. Результаты единого государственного экзамена по истории за 2014–2015 учебный год // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2016. № 1. С. 128–131.

4. Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена 2024 года по истории. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-7>

5. Кузибецкий И. А., Пискунова Е. П. Статистико-аналитический отчет о результатах государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования в 2024 году в Волгоградской области. Методический анализ результатов ЕГЭ по истории и информация о мероприятиях, запланированных для включения в «дорожную карту» по развитию региональной системы образования. URL: <https://vgapkro.ru/wp-content/uploads/2024/08/volgogradskaya-sao-11-2024-glava-2-istoriya.pdf>

6. Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2024 году единого государственного экзамена по истории. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-7>

7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (ФГОС) (с изм. и доп.): ред. с изм. № 732 от 12.08.2022. URL: <https://minobr.tverreg.ru/files/ФГОС%20ОО%20с%20изменениями%20от%2023.09.2022.pdf?ysclid=m2hvs1teej19240266>

8. Хадимуллин Р. Р., Хадимуллина Э. Д. Итоги ЕГЭ–2021 по истории в Башкортостане и основные рекомендации для успешной подготовки к экзамену // Конструирование стратегических приоритетов развития образования как ответ на вызовы третьего тысячелетия: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Уфа, 2021. С. 147–151.

REFERENCES

1. Artasov I.A. Ocenivanie otvetov na zadanie Edinogo gosudarstvennogo ekzamena po istorii, predpolagajushhee sravnenie istoricheskikh sobytij, javlenij, processov [Assessment of Answers to the Task of the Unified State Exam in History, Involving a Comparison of Historical Events, Phenomena, Processes]. *Pedagogicheskoe izmerenie*, 2023, no. 1, pp. 59-66.
2. Balakirev A.N. Osnovnye itogi Edinogo gosudarstvennogo ekzamena po istorii v respublike Burjatija v 2021 godu [Main Results of the Unified State Exam in History in the Republic of Buryatia in 2021]. *Otsenka kachestva obrazovaniya: ot*

proyektirovaniya k praktike: materialy Vseros nauch.-prakt. konf. [Assessment of the Quality of Education: From Design to Practice: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, 2022, pp. 70-81.

3. Danilina I.S., Ushakov A.I. Rezultaty edinogo gosudarstvennogo ekzamena po istorii za 2014–2015 uchebnyj god [Results of the Unified State Exam in History for the 2014–2015 Academic Year]. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 128-131.

4. *Demonstracionnyj variant kontrolnyh izmeritelnyh materialov edinogo gosudarstvennogo ekzamena 2024 goda po istorii* [Demonstration Version of the Control Measuring Materials of the Unified State Exam of 2024 in History]. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-7>

5. Kuzibeckij I.A., Piskunova E.P. *Statistiko-analiticheskij otchet o rezultatah gosudarstvennoj itogovoj attestacii po obrazovatelnyh programmam srednego obshhego obrazovaniya v 2024 godu v Volgogradskoj oblasti. Metodicheskij analiz rezultatov YeGE po istorii i informacija o meroprijatijah, zaplanirovannyh dlja vkljuchenija v «dorozhnuju kartu» po razvitiyu regionalnoj sistemy obrazovaniya* [Statistical and Analytical Report on the Results of the State Final Certification of educational programs of Secondary General Education in 2024 in the Volgograd Region Methodological Analysis of the Results of the Unified State Exam in History and Information on the Activities Planned for Inclusion in

the Roadmap for the Development of the Regional Education System]. URL: <https://vgapkro.ru/wp-content/uploads/2024/08/volgogradskaya-sao-11-2024-glava-2-istoriya.pdf>

6. *Specifikacija kontrolnyh izmeritelnyh materialov dlja provedenija v 2024 godu edinogo gosudarstvennogo ekzamena po istorii* [Specification of Control Measuring Materials for the Unified State History Exam in 2024]. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-7>

7. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart srednego obshhego obrazovaniya (FGOS) (s izm. i dop.): red. s izm. № 732 ot 12.08.2022* [Federal State Educational Standard of Secondary General Education (As Amended and Supplemented): Ed. with Change No. 732 from Aug. 12, 2022]. URL: <https://minobr.tverreg.ru/files/ФГОС%20СОО%20с%20изменениями%20от%2023.09.2022.pdf?ysclid=m2hvs1teej119240266>

8. Hadimullin R.R., Hadimullina E.D. *Itogi YeGE-2021 po istorii v Bashkortostane i osnovnye rekomendacii dlja uspešnoj podgotovki k ekzamenu* [Results of the Unified State Exam-2021 in History in Bashkortostan and the Main Recommendations for Successful Exam Preparation]. *Konstruirovanie strategicheskikh prioritetov razvitiya obrazovaniya kak otvet na vyzovy tretyego tysjacheletija: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem)* [Designing Strategic Priorities for the Development of Education as a Response to the Challenges of the Third Millennium: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference (With International Participation)]. Ufa, 2021, pp. 147-151.

Information About the Authors

Elena P. Piskunova Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Chairperson of the Regional Subject Commission of the Unified State Exam in History, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Piskunova.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4520-8094>

Igor A. Kuzibetskiy, Candidate of Sciences (Pedagogy), Vice-Rector for Education Quality, Director of the Regional Information Processing Center, Volgograd State Academy of Postgraduate Education, Novodvinskaya St, 19A, 400012 Volgograd, Russian Federation, kuzibetskiy@vgapkro.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6776-5552>

Информация об авторах

Елена Павловна Пискунова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, председатель региональной предметной комиссии ЕГЭ по истории, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Piskunova.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4520-8094>

Игорь Александрович Кузибецкий, кандидат педагогических наук, проректор по качеству образования, директор регионального центра обработки информации, Волгоградская государственная академия последиplomного образования, ул. Новодвинская, 19А, 400012 г. Волгоград, Российская Федерация, kuzibetskiy@vgapkro.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6776-5552>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.14>

UDC 351.741

LBC 63.3(2)6-3

Submitted: 01.10.2023

Accepted: 29.01.2023

**CRIMINAL INVESTIGATION WORK
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN 1917–1927
(BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION)**

Evgeniy A. Zverkov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the daily activities of the Soviet Criminal Investigation Department and the problems of organizational and technical difficulties at the stage of the formation of the service. The work reflects the service features in which it was necessary to serve, the level of use of scientific and technical means. *Methods and materials.* The research is based on the historical and systematic method, with the help of which the complex of professional duties of search agents was considered. Using the historical and genetic method, the changes in the daily activities of the service are considered. During the preparation of the study, archival materials were used, which are stored in the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Tambov Region, the State Archive of Socio-Political History of the Tambov Region, the State Archive of the Voronezh Region, and the State Archive of the Lipetsk Region. *Analysis.* In the early years of Soviet power, criminal investigation units occupied an autonomous position in the internal affairs bodies, engaged in the identification and disclosure of a wide variety of crimes, from banditry to moonshine. Mainly serious and especially serious crimes were dealt with. *Results.* Several key problems can be identified in the activities of the search: low material security, a small number and unpreparedness of the staff, limited opportunities for the use of scientific methods of work, and insufficiently developed mechanisms for delineating the powers of the police and the search.

Key words: police, criminal investigation, banditry, crime, Voronezh, Kursk, Lipetsk, Orel, Tambov.

Citation. Zverkov E.A. Criminal Investigation Work of the Internal Affairs Bodies in 1917–1927 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 163-175. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.14>

УДК 351.741

ББК 63.3(2)6-3

Дата поступления статьи: 01.10.2023

Дата принятия статьи: 29.01.2023

**УГОЛОВНО-РОЗЫСКНАЯ РАБОТА
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 1917–1927 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Евгений Андреевич Зверков

Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена повседневной деятельности советского уголовного розыска и проблемам организационно-технических сложностей на этапе становления службы. В работе отражены служебные особенности и условия, в которых приходилось нести службу, уровень применения научно-технических средств. *Методы и материалы.* В основе исследования лежит историко-системный метод, с помощью которого рассматривался комплекс профессиональных обязанностей агентов розыска. С помощью историко-генетического метода изучены изменения в повседневной деятельности службы. В ходе подготовки исследования были использованы архивные материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Тамбовской области, Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области, Государственном архиве Воронежской области, Государственном архиве Липецкой области и др. *Анализ.* В первые годы советской власти подразделения уголовного розыска занимали автономное положение в органах внутренних дел, занимаясь выявлением и раскрытием самых разнообразных преступлений: от бандитизма до самогоноварения. Преимущественно разбирались тяжкие и особо тяжкие преступления. *Результаты.* В деятельности розыска можно выделить несколько ключевых проблем: низкая материальная обеспеченность, малочисленность и неподготовленность штата, ограниченные возможности применения научных методов работы, недостаточно проработанные механизмы разграничения полномочий милиции и розыска.

Ключевые слова: милиция, уголовный розыск, бандитизм, преступность, Воронеж, Курск, Липецк, Орел, Тамбов.

Цитирование. Зверков Е. А. Уголовно-розыскная работа органов внутренних дел в 1917–1927 гг. (по материалам Центрального Черноземья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 163–175. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.14>

Введение. Уголовный сыск, а впоследствии – розыск, всегда занимал особое положение в системе органов внутренних дел, так как касался дел высокой категории сложности. Раскрытие таких дел нередко было сопряжено с опасностью для жизни и здоровья сыщика, требовало высокой квалификации, опыта и личного мужества. В 1917 г. в связи с разгромом полиции были потеряны ценные кадры, частью уничтожена, частью разгромлена материальная база, снизился общий уровень эффективности. Автор стремится проследить процессы восстановления и деятельности розыска на территории Центрального Черноземья, условно включившего в себя Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии.

Методы и материалы. В ходе подготовки работы использовалась деловая переписка органов милиции и уголовного розыска, статистические ведомости, отчеты должностных лиц. Историко-системный метод позволил проанализировать возможности государства в сфере противодействия преступности в первые годы советской власти, а историко-генетический – постепенное изменение условий осуществления уголовно-розыскной деятельности, совершенствование ее рабочего инструментария. И советская, и российская историография достаточно скупо обошлись с уголовным ро-

зыском. Вплоть до начала 1970-х гг. исключительное внимание историков уделялось в первую очередь органам государственной безопасности, рассматриваемым как один из проводников и гарантов большевистских мероприятий. Меньшее, хотя и видное, место занимали исследования, посвященные судебной системе, что было связано с необходимостью дополнительного теоретического обоснования марксистской философии на фактическом материале отечественной судебной системы. Что же касается милиции, а тем более уголовного розыска, то работы на данную тематику имели преимущественно либо публицистическую форму, либо историко-правового исследования.

В современной исторической науке монографические исследования истории уголовного розыска по-прежнему являются «дефицитным продуктом». Аналогичная ситуация имеет место и на региональном уровне. В частности, применительно к нашему исследованию можно выделить два историко-публицистических труда, подготовленных при участии бывшего сотрудника органов внутренних дел А.Л. Зеленина [4; 5]. В остальных случаях уголовный розыск как самостоятельный объект исследования не выделяется. Вместе с тем можно отметить некоторые диссерта-

ционные работы, посвященные уголовному розыску отдельных регионов [28], а также публикации в научных журналах и сборниках конференций [1]. Работа уголовного розыска Центрального Черноземья рассматривается в трудах историков эпизодично и преимущественно в контексте деятельности милиции, в том числе в трудах автора этой работы. Преимущественно это диссертационные исследования, часть из которых впоследствии переведена в формат монографий. В частности, эффективно решается проблема государственного регулирования и социального обеспечения милиции. Так, Д.А. Ерин пришел к следующему выводу: «Практика сокращения милицейского аппарата в период 1921–1923 гг. и перевод финансирования милиции на счет местных бюджетов привели к тому, что органы милиции на местах не могли полностью обеспечить выполнение своей основной функции – борьбу с преступностью и охрану общественного порядка» [6, с. 142]. И.В. Токмаков исследовал проблему организационного становления органов милиции на протяжении 1920-х годов [33]. В труде Д.В. Верютина рассмотрена деятельность Наркомата внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны [3]. П.М. Ельчанинов комплексно, системно подошел к исследованию советской преступности периода новой экономической политики (нэп) [7]. Эпизодично работа милиции рассмотрена в диссертационном исследовании В.В. Максимовой [11].

Анализ. Революции и безапелляционно-резкий подход оторванных от реальности управленцев-любителей к формированию органов внутренних дел сказались на уголовном розыске наиболее болезненно в сравнении с другими правоохранительными структурами. Осенью 1917 г. сыскная работа и противодействие организованной преступности фактически остановились. По словам начальника Тамбовского губернского отделения уголовного розыска К.Н. Николаева, к декабрю 1917 г. служба находилась в полностью разрушенном состоянии, «оставшиеся... четверо сотрудников были разоружены, а город Тамбов, как гигантский котел, кипел от наезжих со всех сторон и местных бандитов, производивших свои преступные операции с поражающей дерзостью... Разбойничьи нападения, вооруженные грабежи, убийства и кражи не поддава-

лись учету... Никто не был гарантирован за целостность своего... имущества и своей жизни» [16, л. 47]. Опасаясь за свою жизнь и разочаровываясь в работе, люди уходили. Вооружение шло исключительно за счет оружия, «отобранного от бандитов». Как и всюду в правоохранительной сфере, остро стояла проблема материального обеспечения. «До смешного мало мы стоили Народной казне», – писал Николаев с иронией и сожалением. Впрочем, учитывая общую социально-экономическую и политическую обстановку в государстве, ничего удивительного в этом свидетельстве нет. То же Тамбовское отделение имело фотоаппарат и, по бумагам, даже дактилоскопический отдел, располагало несколькими велосипедами и мотоциклами, лошадьми. «Парк» по большей части был конфискован у бандитов [16, л. 47–48]. В Тамбовской губернии за 1918–1919 гг. были организованы отделения розыска в Козлове, Борисоглебске, Моршанске. В Липецке уголовно-розыскной отдел подотдела милиции работал уже в октябре 1918 г. [9, л. 70]. В Курске стабильная работа розыска началась только в конце декабря 1919 г. [30, л. 122].

Исходя из ограниченности штата, ресурсов и оружия, при ликвидации бандгрупп приходилось действовать за счет личной дерзости и мужества агентов, стремясь не столько взять банду целиком, сколько уничтожить или арестовать ее лидеров. Розыск вполне устраивала ситуация выдавливания преступников за пределы губернии – например, из Тамбова в Саратов: «...почти каждый приезжий гастролер задерживается при вступлении в город и тут же высылается обратно восвояси, с советом никогда не показываться и заказать об этом товарищам» [16, л. 48]. В Орле отчаявшийся начальник городской милиции весной 1918 г. отдал приказ о незамедлительном расстреле бандитов и грабителей, «пойманных на месте преступления» [35, с. 123]. На протяжении 1919–1920 гг. о ликвидации на месте преступников, предпринимавших попытки к бегству, сообщали из Курской губернии [12, л. 46].

Службе требовалось решить целый комплекс проблем: приобрести навыки оперативной работы, освоить научные методы деятельности, достичь оптимальных организационных форм. Так, в 1918 г. в Тамбове было

зарегистрировано по способу Бертильона 335 мужчин и 96 женщин, сделано 4 690 снимков [16, л. 49]. Приказом уголовного розыска республики от 11 января 1923 г. отмечались массовые нарушения правил хранения вещественных доказательств. Например, вещдоки проходили мимо камер хранения, не заносились в соответствующие книги. Некоторые использовались для хозяйственных нужд розыска. Выдача вещей потерпевшим производилась без расписки в книге вещдоков, а под частные расписки [20, л. 1].

На протяжении рассматриваемого периода практически повсеместно наблюдались проблемы с организацией связи. Воронежский губрозыск даже к 1921 г. страдал от плохой связи с уездами. Тем не менее постепенно удалось наладить сеть осведомителей. Совершенствовалась методология. Например, действовала «карта пропавшего». Она включала в себя фамилию, имя, отчество, время исчезновения, время подачи заявления об исчезновении, место жительства и место исчезновения, рост, возраст, цвет глаз и волос, особые приметы, одежду, род занятий, список родственников, обстоятельства исчезновения, фотокарточку (при наличии), возможные причины исчезновения и сведения об исчезновении [32, л. 162, 162 об.].

Работа подвигом не заменяла обязательности профессионализма, который не мог быть выработан одномоментно. Например, руководство Курской губернской милиции сетовало в 1923 г. на недостаточную эффективность обысков и облав, их повальный характер [18, л. 454]. Даже в 1926 г. глава Воронежского губернского УГРО Тимашев признавал «бесшабашность» в действиях розыска: лишь около четверти обысков давали результат [27, л. 25].

Многое зависело от личных качеств сотрудника. Так, инспектор уголовного розыска Мусатов Даниил, помощник инспектора Георгий Егоров и агент 2-го разряда Василий Плискин, находясь в командировке в пределах Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов зимой 1925 г., раскрыли два крупных преступления – ограбление и убийство семьи Поповых, выявили 10 участников банды, четверо из них были задержаны, главаря убили в перестрелке [21, л. 58]. Разыскивали не толь-

ко преступников, но и бывших политиков – например, беглых анархистов [14, л. 65].

Предпринятая в 1922 г. попытка сделать уголовный розыск полностью независимым от милиции в силу ограниченности ресурсов розыска провалилась. Вследствие частых смен руководства в ряде уездов работа розыска, как указано в одном из докладов начальнику милиции республики, «хромала на обе ноги» [2, л. 224]. Работа Павловского розыска на 90 % состояла из «самогонных дел». Начальник розыска Богучарского уезда «стремился уйти из милиции вследствие материальной необеспеченности». Дела представляли собой «бессистемный хлам» [2, л. 225]. Раскрываемость упала до 18–20 %. В 1925 г. руководители правоохранительных ведомств признавали, что текущий штат не может обслужить свои районы [34, л. 52]. Негативно на оперативно-следственной работе сказывался недостаток связи, приводивший к промедлениям в действиях и позволявший преступникам уходить от преследования. Начальники розыска ряда уездов жаловались на недостаточную квалификацию работников. Нельзя не отметить живую взаимосвязь, которую поддерживал со своими подчиненными начальник УР Воронежской губернии Тимашев. Например, в ноябре 1926 г. Тимашев порекомендовал начальнику Богучарской милиции усилить осведомительную сеть, а самому перестать «гоняться за бандитами по лесам» и ограничиться руководством из Богучара [15, л. 11, 12].

Розыск неоднократно жаловался на обширность территории районов, на которые приходилось выезжать личному составу, и необходимость выполнения доктрин о «приближениях активного состава к крестьянским массам». Эти поездки «оголяли» районы и вызывали застой в работе [24, л. 129]. При этом сроки сдачи материалов для агентов розыска, разумеется, никто не отменял. Развивая тему малочисленности штата и технических проблем службы, 23 июня 1925 г. Воронежский губрозыск направил записку в административный отдел губисполкома, предлагая поставить вопросы об организации питомника собак-ищеек, увеличении штата губрозыска, организации уголовно-розыскных отделений в Кантемировке, Уразово, Алексеевке и Калаче. Решение обозначенных проблем, ввиду со-

держания милиции и розыска на счет местных властей, на тот момент было невозможно. Для сравнения, в Курске к тому времени уже велась успешная работа по использованию собак в раскрытии преступлений, имелись специальные инструкции по применению служебных собак, их использованию на месте преступления [13, л. 8].

Специалистам розыска приходилось иметь дело и с малолетними преступниками, большая часть из которых, по оценкам агентов, являлась рецидивистами, владевшими профессиональным преступным жаргоном, преступной специализацией.

Основным методом работы являлись обыски и облавы, зачастую не дававшие эффекта. Велась активная работа с осведомителями, в том числе в рамках расследования хозяйственных и должностных преступлений [19, л. 65, 65 об.]. В Тамбовской губернии осведомители эффективно использовались при ликвидации банд [31, л. 17]. Обыск осуществлялся посредством оформления рапорта или на основании заявления потерпевшего, в котором указывался адрес и пропавшие вещи. Затем накладывалась резолюция начальника уголовного розыска и передавалась агенту как поручение. В процессе обыска обязательно присутствовали понятые и представитель от сельсовета или милиции. Очевидно, агенты розыска работали с азартом: временами прокуратура обвиняла агентов то в провокации фальшивомонетчиков для раскрытия преступлений [23, л. 4 об.], то в профилактических арестах хулиганов перед съездом Советов. Значительное место в системе ликвидации банд-групп занимали внедрения в банды. Например, в 1925 г. таким способом были раскрыты несколько крупных дел в Новохоперске. Секретные сотрудники внедрялись в банды под личную ответственность руководителя операции. Кроме того, устраивались засады-провокации, когда подставное лицо провозит крупные суммы денег [34, л. 24]. Все выезды для расследования деятельности банд сопровождались высоким риском. К примеру, в сентябре 1925 г. в районе с. Коршево Бобровского уезда были ограблены проезжавшие бутурлиновские торговцы, 3 человека убиты, 6 ранены. 5 сентября для поиска грабителей в уезд были командированы два сотрудника губрозыска – Са-

мофалов и Ильченко. Очевидно, агентам удалось достаточно близко подойти к раскрытию преступления, поэтому занервничавшие преступники 8 сентября попытались убить Самофалова, обстреляв агента. Самофалову повезло: хотя выстрелом ему раздробило кость ноги, он сумел выжить и даже отбиться от нападавших, а полученные им сведения позволили раскрыть банду. По представлению начальника административного отдела агент был награжден 3-месячным окладом содержания [25, л. 156, 159].

Важным источником информации о состоянии уездных отделений розыска являются акты обследования. Например, как следует из акта обследования и инструктирования Новохоперского уголовного розыска, произведенного инспектором милиции административного отдела губисполкома Драчевым 24 октября 1924 г., штат Новохоперского розыска состоял из 7 человек в возрасте 23–30 лет, грамотных и достаточно подготовленных. Двое работников имели стаж 5 лет, двое – по 3 года, начальник розыска служил 2 года, дактилоскоп – 1 год. Ранее он окончил курсы при Воронежском губрозыске [10, л. 1]. Борьба с бандитизмом осуществлялась через осведомительный аппарат. Заявления от потерпевших принимались круглосуточно. Работа велась без возможности внедрения технических средств. Например, фотографирование (преступников, мест совершения преступлений) не осуществлялось из-за отсутствия фотоаппарата. После переложения в 1923 г. обязанности содержания милиции на плечи уездных властей именно от последних зависела материально-техническая обеспеченность. Вот и новохоперскому розыску постоянно приходилось выпрашивать деньги у местного исполкома, который таковых не давал, ссылаясь на бедность бюджета [25, л. 128 об.].

Кадрово-организационные сложности в работе розыска сохранялись на протяжении всего периода нэпа. Например, летом 1927 г. в ряде уездов Воронежской губернии (например, Бобровском, Острогожском), в местностях, где не было возможности в волости прикрепить агента розыска ввиду их малочисленности, функции агента исполнял старший милиционер, которому поручалось вести дознание по крупным преступлениям, вербовать

осведомителей, вести учет преступникам [17, л. 138]. В Новохоперском уезде розыску для самостоятельного обслуживания всех волостей пришлось увеличить нагрузку на агентов, возложив на одного агента обязанность обслуживать по две волости. В каждой волости помощник начальника волостной милиции вел исключительно важные материалы дознания и освобождался от остальной милицейской работы [17, л. 146].

Несколько лучше обстояло дело с дактилоскопированием. В качестве мер профилактики «откатке» пальцев подвергались обретающиеся на базарах воры-гастролеры, ширмачи, городушники. Дактилоскопическую регистрацию также проводили для прибывших из мест заключения на жительство. В Новохоперске в среднем за месяц процедуру проходили около 30 человек. Однако и дактилоскопия упиралась в дефицит бланков регистрации [25, л. 129, 129 об.].

Профилактическая работа осуществлялась путем наблюдения за преступниками. Например, в марте 1925 г. начальник Воронежского губрозыска Тимашев поручил произвести конспиративным путем через райинформаторов, начальника райволмилиции и Волисполком, согласовав с данными регистрационной части, переучет уголовного элемента из числа проходивших ранее по громке (кражи в опасной обстановке), скачкам (квартирные кражи) и ширмам (кражам с использованием подручных предметов) путем проверки старых списков и сопоставления их с новыми данными. При составлении новых списков рекомендовалось на каждое лицо делать по данным Регистрационной части краткую характеристику его уголовного прошлого, дополняя эти сведения агентурными данными о количестве судимостей и приводов, подозрении в совершении преступлений. Приказывалось составить списки скупщиков, приемщиков краденого и наиболее выявленных притонов, где находит себе приют преступно-уголовный бандитизм, увеличить количество обходов и число облав на притоны и другие места пребывания преступного элемента. Секретный аппарат устанавливал наблюдение за ранее судимыми лицами, в частности за грабежи, и имеющими материальные затруднения, изучая их образ жизни, знакомства. В «досье» на

преступника заносились сведения о его преступной профессии, татуировках, физических особенностях, кличке, сообщниках, брался образец почерка [25, л. 133].

Розыскная деятельность подразделялась на два вида: активный и письменный. Активный, в свою очередь, – на гласный и негласный. Гласный заключался в наведении справок о месте жительства, установлении факта проживания, нахождения на службе, времени и месте выбытия, опросе соседей, знакомых, родственников на предмет местонахождения. Негласный составлял получение сведений через секретные части уголовно-розыскных учреждений. Полученные сведения приобщались к розыскным требованиям. Пример гласного розыска – проверка и поиск скота на базарах и притонах, приемщиков краденого. Милиция производила только гласный розыск. Уголовный розыск – и гласный, и негласный. Письменный розыск включал объявление требований о розыске лиц, проверку задерживаемых по столу приводов путем розыскных листов, помещаемых в адресные столы, сличение данных адресных столов с подворными списками сельсоветов. Согласно циркуляру Управления УГРО республики от 10 августа 1923 г., перед подачей человека во всероссийский розыск следовало исчерпать все средства в масштабах губернии, в то время как с мест сразу перенаправляли соответствующие запросы суда. Неточные запросы приводили к необоснованным задержаниям, дубляжам, задержаниям по маловажным обвинениям, арестам уже после того, как дело окончено. Особенности сложности возникали с розыском лошадей – выписка о найденных животных чрезмерно много.

Из недостатков деятельности розыска можно отметить слабую работу с осведомителями и невозможность полного охвата территорий. В середине 1920-х гг. оставалась открытой с оперативной точки зрения граница Воронежской губернии с Курской и Орловской губерниями. К слову, текучесть личного состава при этом за второй квартал 1926 г. составила 16,6 % [26, л. 52]. В Задонском уголовном розыске агенты угощали осведомителей алкоголем. В силу нехватки материальных средств, из сумм на секретные расходы приобретали канцелярские принадлежности,

ремонтировались стулья. В Бобровском уезде осведомительная сеть по большей части использовалась для борьбы с конокрадами. Среди иных недостатков можно выделить мизерный уровень фотографирования мест преступлений, слабость ведения учета притонов. Раскрываемость дел в уезде составила 71 % [26, л. 53]. В Россоши, для сравнения, – 74 %, а текучесть личного состава – 49,8 %. Нехватку техники решали по-разному. К примеру, 2 января 1923 г. начальник отделения Елецкого уголовного розыска Дегтев в свободной форме на листке бумаги заключил «договор» с неким Кунце о производстве фотографирования преступников по указанию уголовного розыска по 2 снимка в 2 экземплярах по 5 рублей за человека общей численностью до 100 человек [22, л. 1].

Следующим вопросом, требовавшим своего урегулирования, были рабочие взаимоотношения между милицией в целом и розыском как ее структурной составляющей. Так, на совещании Комиссии административного отдела Воронежского губисполкома от 13 марта 1926 г. инспектор адм.отдела Карпов доложил, что губрозыск завален как сложными, так и обыденными делами, в результате чего нет времени на действительно важные дела. Это произошло вследствие сохранения недостаточной демаркации функций и полномочий между милицией и уголовным розыском. Было найдено следующее решение: учитывая штат губернского розыска и необходимость его сосредоточения на наиболее квалифицированных и серьезных преступлениях в черте Воронежа, в отделения милиции города передавалось дознание по составам преступлений, не требующих высокой квалификации лица, рассматривающего дела, например по составам преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РСФСР: 79 (отказ от платежа налогов, от выполнения повинностей, имеющих общегосударственное значение), 80 (организованное сокрытие или неверное показание о количестве предметов, подлежащих обложению или учету), 81 (уклонение от воинской повинности), 95 (побег из под стражи или места заключения), 154 (неосторожное телесное повреждение) и т. д. Также в ведение розыска передавались преступления, связанные с содержанием публич-

ных домов (в формулировке УК – «притонов разврата») и вербовкой женщин для проституции. Милиция, в свою очередь, осуществляла дознание по фактам сопротивления граждан представителям власти при исполнении служебных обязанностей (ст. 86), публичном оскорблении представителей власти при исполнении (ст. 88), самоуправстве (ст. 103), незаконном изготовлении алкоголя (ст. 140), «а также о всех нарушениях революционного порядка и безопасности и благоустройства». В случае получения дежурным по отделению городской милиции сведений о преступлении, относящемся к производству розыском, он обязывался незамедлительно сообщить об этом в розыск, после чего самостоятельно прибыть на место происшествия, где принять меры по сохранению следов преступления и задержанию подозреваемых. В случае неприбытия инспектора или агента розыска дежурный самостоятельно приступал к оформлению и фиксации происшествия со всеми необходимыми процессуальными действиями, направляя материал в уголовный розыск [8, л. 17–18 об.].

Решение проблемы распределения обязанностей назревало давно. Еще осенью 1926 г. приказом врид начальника административного отдела Тимашева 28 ноября 1925 г. потребовал от милиции не вмешиваться в дела, подведомственные уголовному розыску. Это обосновывалось тем, что работники розыска обладали особыми знаниями и опытом, в то время как милиционеры, «имеющие слабое представление о технике розыска... сплошь и рядом делают непоправимые ошибки» в силу слабой квалификации [8, л. 21]. Место наружной милиции по отношению к органам розыска определялось в виде «технического аппарата по производству обысков, выемок, арестов, задержаний и хранения вещественных доказательств» [8, л. 22].

Начальники уездных розысков имели статус помощников начальника уездной милиции. Розыск занимал в системе ОВД автономное положение. Начальники розыска лишь по мере необходимости координировали действия с милицией, в остальном работа сотрудника розыска была известной только его начальнику. Более того, в середине 1920-х гг. агентам воронежского розыска рекомендовалось избегать непосредственного участия в

задержании преступников, осуществляя таковые лишь в исключительных случаях – при угрозах совершения преступления или бегстве подозреваемого, в остальных ситуациях производя задержания через работников милиции. Если преступник задерживался непосредственно агентом розыска, он передавал его милиции для доставления к месту заключения. Постовые, волостные милиционеры, участковые надзиратели, начальники отделений и районов обязывались передавать губернскому и уездному розыскам информационные сводки о притонах, игорных домах, замеченных случаях укрывательства и появлении подозрительных лиц [8, л. 23 об.]. Однако работа розыска была невозможна без связи с милицией, и этот контакт приводил к реальным результатам: в 1925 г. воронежские власти отметили успехи административного отдела в борьбе с отдельными видами преступности [29, с. 8].

Свою специфику имела оперативная работа в административных единицах, граничивших с другими губерниями / областями. Например, Новохоперский уезд граничил с Борисоглебским уездом Тамбовской губернии, Урюпинским округом Царицынской губернии, где уровень преступности, в частности бандитизма, имел значительно более высокий уровень. Это обуславливало необходимость агентов розыска периодически работать на этих территориях. Например, в 1925 г. новохоперцами в Борисоглебском уезде были взяты банды скотокрадов и фальшивомонетчиков [25, л. 138 об.]. Регулярно проходил обмен информационными сводками с Балашовым, Борисоглебском, Богучаром, Бобровым, Усматью, Урюпино, Бутурлиновкой и Лисками.

В наиболее сложных операциях по-прежнему принимало участие руководство. Так, М. Тимашев лично контролировал ход масштабной облавы в Лисках в ночь с 15 на 16 марта 1925 года. Район облавы охватил расположенные неподалеку от Лисок село Писковатку и хутор Старую Покровку «как места, насыщенные уголовным элементом», пассажирские поезда, станции [34, л. 54]. В момент ареста двое «уголовщиков», ограбивших кассу Лискинского Кожтреста, пытались бежать и были убиты. Облава была вызвана исключительно сложной ситуацией в этом населен-

ном пункте. Начальник губотдела ОГПУ Шевелев отмечал «наглость» уголовного бандитизма, проиллюстрировав свое утверждение фактом нападения бандитов на артельщиков в Лисках, хотя те находились под спецхраной [34, л. 56]. Несмотря на сложную ситуацию, Лиски не имели собственного розыскного аппарата, хотя как крупная узловая железнодорожная станция кишела гастролирующими преступниками, «кочевавшими» с московского, харьковского, балашовского и ростовского направлений. Отсутствие аппарата значительно снижало возможности оперативников, приезжавших сюда только в командировки и не имевших полного представления о текущей криминогенной среде поселка.

Неудачи в наведении порядка вызывали острое недовольство жителей Лисок, возмущенных частотой вооруженных налетов и ограблений. Секретным приказом по милиции Острогжского уезда период с 20 по 25 марта объявлен ударным, поэтому всем начальникам волостной милиции и начальнику УГРО Острогжского уезда приказывалось произвести переучет всего преступного элемента с точным и подробным указанием его преступных деяний, характеристики, судимости, рода занятий. В указанный список предполагалось внести ранее судимых лиц, пособников и укрывателей, содержателей притонов, самогонщиков-профессионалов, собирающих у себя всякого рода сборища. Рекомендовалось лиц, попадающих под ст. 75 гл. 5-й, 6-й, исключая ст. 190–199 и 222 (все задержанные подозрительные лица, не имеющие у себя документов) УК, высылать в отделение уголовного розыска для регистрации и дактилоскопирования, а на остальных лиц, совершивших уголовные преступления, составлять карточки; установить надзор за притонами и сборищами, за ранее судимыми лицами и кругом их знакомств; участить обходы и облавы притонов, задерживать подозрительных лиц, выяснять их личность. Особое внимание во время облав требовалось уделять гостиницам и заезжим постоялым дворам. О совершенных происшествиях и преступлениях следовало доносить рапортом начальнику розыска, указывая время и место совершения преступления в целях недопущения задержки подачи информации, фамилию, имя и отчество лиц

потерпевших и лиц обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений и то, откуда они происходят, характер данного преступления [34, л. 69].

Результаты. Работа уголовного розыска в первое десятилетие существования советской власти имела любительский характер, связанный с отсутствием необходимого количества обученных сотрудников. Начинаясь складываться система профессионального образования имела незначительные пропускные способности и не могла в должной мере решить имевшуюся проблему. Это повлияло и на сравнительно невысокий уровень раскрываемости, и на невысокую эффективность осуществляемых процессуальных и оперативных действий. Однако общее восстановление уголовно-розыскной работы после разгрома структуры в 1917–1918 гг. происходило достаточно быстро, хотя и тормозилось исключительно низким уровнем финансирования и материально-технического обеспечения. Успехи на различных направлениях борьбы с преступностью, особенно с бандитизмом, являлись следствием личного мужества и природных способностей работников, совершавших подвиги вопреки исключительно неблагоприятным условиям службы, ее второстепенности в структуре государственного механизма. Тем не менее в первое десятилетие существования советской милиции работники розыска сумели накопить значительный опыт работы, включая внедрение в банды, развитие кинологической службы, проведение облав и укрепление взаимодействия с другими правоохранительными службами в рамках ликвидации банд, проведение профилактической работы, включающей в себя контроль за поведением преступников и состоянием притонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 100 лет Уголовному розыску России: история, современность, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2018. 171 с.
2. Акты по обследованию деятельности управлений милиции Воронежской, Вятской, Курской, Московской, Нижегородской, Рязанской и Ставропольской губерний, Вотской, Марийской и Чувашской автономных областей, произведенных мест-

ными инспекторами // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 23а. Д. 486. 259 л.

3. Верютин Д. В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. 147 с.

4. Воронежский уголовный розыск / [авт.-сост. А. Зеленин, Г. Шкурба, В. Марголин]. Воронеж: Истоки, 1998. 196 с.

5. Воронежская полиция. История и современность: документальные очерки / авт.-сост. А. Зеленин. Воронеж: Воронеж. обл. тип., 2021. 708 с.

6. Ерин Д. А. Особенности подготовки и принятия нормативно-правовых актов, регулирующих организацию и деятельность ведомственной милиции РСФСР в период 1923–1924 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). Вып. 18. С. 142–148.

7. Ельчанинов П. М. Преступность в Советской провинции и борьба с ней в 1921–1928 гг. (на материалах Курской и Воронежской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2018. 236 с.

8. Директивные указания Губадмтдела Губпрокурора и др. по борьбе с преступностью, о порядке производства дознаний; приказы по Воронежской губернской рабоче-крестьянской милиции // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 17. 72 л.

9. Доклад отдела охраны Липецкого совдепа, переписка с гражданами по гражданским и уголовным делам, список членов отдела охраны // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 53. 101 л.

10. Документы о выдаче удостоверений о бедности / акты, заключения, удостоверения / за 1924/25 гг. // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 99. 170 л.

11. Максимова В. В. Становление и деятельность правоохранительных органов советской провинции. 1917–1928 гг. (на примере Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 166 с.

12. Материалы расследования по убийствам (рапорты, протоколы дознаний, заключительные постановления и др.) // Государственный архив Курской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 30. 184 л.

13. Материалы о работе питомника служебно-розыскных собак подотдела УГРО (выписки из приказов, акты, рапорты, письма и др.) // Государственный архив Курской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 199. 51 л.

14. О розыске скота и лиц // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 12. 101 л.

15. Переписка начальника губернского административного отдела с начальниками уездных милиций о работе милиции // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 34. 74 л.

16. Переписка с народным комиссариатом внутренних дел РСФСР с Тамбовским губернским исполнительным комитетом и другими учреждениями об организации отделов при волостных исполнительных комитетах, о работе Тамбовского губернского отдела уголовного розыска и другим вопросам // Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 279. 52 л.

17. Переписка с уездными отделами милиции о проведении кампании по отбору претензий потерпевших от интервенции за 1924–1926 гг. // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 120. 146 л.

18. Приказы губернских, областных и республиканских управлений милиции за 1923 г. II часть. Копии // Государственный архив Российской Федерации. Р-393. Оп. 23а. Д. 438. 777 л.

19. Приказы нач. милиции Усманского уезда по основной деятельности и личному составу за 1924–1925 гг. Копии // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 36. 82 л.

20. Приказы начальника уголовного розыска РСФСР // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-72 Оп. 1. Д. 4. 32 л.

21. Приказы по административному отделу Тамбовского губисполкома о личном составе // Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-395. Оп. 2. Д. 27. 302 л.

22. Протокол объединенного совещания заведующего уездным отделом управления совместно с начальниками умилиции и угрозыска от 29.03.23, смета расходов отделения // Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 7. 61 л.

23. Протоколы губернских совещаний по борьбе с преступностью при Воронежском губпрокуроре // Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1979. 52 л.

24. Протоколы заседаний губернской распределительной комиссии о досрочном освобождении заключенных Коротоякского и Бобровского дома, заключения и документы к ним за 1925 год // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 216. 216 л.

25. Протоколы заседаний губернской распределительной комиссии о зачете рабочих дней заключенным губернского, Богучарского, Коротоякского домов заключения и документы к ним за 1925 г. // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 217. 197 л.

26. Протоколы квартальных совещаний работников административного отдела и начальников уездных милиций и материалы к ним // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 25. 244 л.

27. Протоколы совещаний работников адм.дела, начальников милиции и уголовного розыска

// Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. 55 л.

28. Рассказов В. Л. Уголовный сыск на Кубани: вторая половина XIX в. – 1917 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 27 с.

29. Сборник важнейших постановлений сессий, пленумов и президиума Воронежского Губернского исполнительного комитета XII созыва. Воронеж: Губисполком, 1925. 117 с.

30. Сведения об изменениях в личном составе губрозыска. Переписка с разными организациями по комплектованию УГРО // Государственный архив Курской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 27. 177 л.

31. Сводки губернского административного отдела о происшествиях в губернии. Анализ работы и борьбы органов милиции с преступностью // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 3472. 332 л.

32. Сводки происшествий по г. Воронежу, переписка начальника Губрозыска с милицией, губпрокурором и др. по розыску граждан // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 21. 424 л.

33. Токмаков И. В. Становление и деятельность органов советской милиции 1917–1930 годов: на материалах Центрального Черноземья: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. 195 с.

34. Циркуляры Центрального Административного Управления НКВД, Воронежского губадм.дела и протоколы объединенных совещаний представителей ОГПУ, Прокуратуры, Адм.дела и Губрозыска по борьбе с бандитизмом в губернии // Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 2. 170 л.

35. Щендригин Е. Н., Булыжкин А. В. Орловская милиция (1917–1928 гг.): историко-правовой очерк. Орел: Труд, 2003. 198 с.

REFERENCES

1. *100 let Ugolovnomu rozysku Rossii: istoriya, sovremennost, perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [100 Years of the Criminal Investigation Department of Russia: History, Modernity, Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, 2018. 171 g.

2. *Akty po obsledovaniyu deyatelnosti upravlenij milicii Voronezhskoj, Vyatskoj, Kurskoj, Moskovskoj, Nizhegorodskoj, Ryazanskoj i Stavropolskoj gubernij, Votskoj, Marijskoj i Chuvashskoj avtonomnyh oblastej, proizvedennyh mestnymi inspektorami* [Acts on the Survey of the Activities of the Police Departments of Voronezh,

Vyatka, Kursk, Moscow, Nizhny Novgorod, Ryazan and Stavropol Provinces, Votsk, Mari and Chuvash Autonomous Regions, Made by Local Inspectors]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-393, inv. 23a, d. 486. 2591.

3. Veryutin D.V. *Deyatel'nost organov NKVD na territorii Centralnogo Chernozem'ya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of the NKVD in the Central Chernozem Region During the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kursk, 2002. 147 p.

4. *Voronezhskij ugolovnyj rozysk* [Voronezh Criminal Investigation Department]. Voronezh, Istoki Publ., 1998. 196 p.

5. Zelenin A., ed. *Voronezhskaya policiya. Istorija i sovremennost: dokumentalnye ocherki* [Voronezh Police. History and Modernity: Documentary Essays]. Voronezh, Voronezh. obl. tip., 2021. 708 p.

6. Erin D.A. *Osobennosti podgotovki i prinyatiya normativno-pravovyh aktov, reguliruyushchih organizaciyu i deyatelnost vedomstvennoj milicii RSFSR v period 1923–1924 gg.* [Features of the Preparation and Adoption of Normative Legal Acts Regulating the Organization and Activities of the Departmental Militia of the RSFSR in the Period 1923–1924]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 2011, no. 20 (115), vol. 18, pp. 142–148.

7. El'chaninov P.M. *Prestupnost v Sovetskoj provincii i borba s nej v 1921–1928 gg. (na materialah Kurskoj i Voronezhskoj gubernij): dis. ... kand. ist. nauk* [Crime in the Soviet Province and the Fight Against It in 1921–1928 (Based on Materials from Kursk and Voronezh Provinces). Cand. hist. sci. diss.]. Belgorod, 2018. 236 p.

8. *Direktivnye ukazaniya Gubadmotdela Gubprokurora i dr. po borbe s prestupnostyu, o poryadke proizvodstva doznaniy; prikazy po Voronezhskoj gubernskoj raboche-krestyanskoj milicii* [Directives of the Provincial Administrative Department of the Provincial Prosecutor and Others on Combating Crime, on the Procedure for Conducting Inquiries; Orders for the Voronezh Provincial Workers' and Peasants' Militia]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 17. 721.

9. *Doklad otdela ohrany Lipeckogo sovdepa, perepiska s grazhdanami po grazhdanskim i ugolovnym delam, spisok chlenov otdela ohrany* [Report of the Security Department of the Lipetsk State Department, Correspondence with Citizens on Civil and Criminal Cases, List of Members of the Security Department]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk region], f. R-1, inv. 1, d. 53. 1011.

10. *Dokumenty o vydache udostoverenij o bednosti /akty, zaklyucheniya, udostovereniya/ za 1924/25 gg.* [Documents on the Issuance of Certificates of Poverty/Acts, Conclusions, Certificates/ for 1924/25]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 99. 1701.

11. Maksimova V.V. *Stanovlenie i deyatelnost pravoohranitelnyh organov sovetskoj provincii. 1917–1928 gg. (na primere Kurskoj gubernii): dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Activity of Law Enforcement Agencies of the Soviet Province. 1917–1928 (On the Example of Kursk Province)]. Kursk, 2004. 166 p.

12. *Materialy rassledovaniya po ubijstvam (raporty, protokoly doznaniy, zaklyuchitelnye postanovleniya i dr.)* [Materials of the Murder Investigation (Reports, Minutes of Inquiries, Final Decisions, etc.)]. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti* [State Archive of the Kursk Region], f. R-9, inv. 1, d. 30. 1841.

13. *Materialy o rabote pitomnika sluzhebno-rozysknyh sobak podotdela UGRO (vypiski iz prikazov, akty, raporty, pisma i dr.)* [Materials on the Work of the Kennel of Service and Search Dogs of the UGRO Sub-Department (Extracts from Orders, Acts, Reports, Letters, etc.)]. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti* [State Archive of the Kursk Region], f. R-9, inv. 1, d. 199. 511.

14. *O rozyske skota i lic* [On the Search for Livestock and Persons]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk Region], f. R-75, inv. 1, d. 12. 1011.

15. *Perepiska nachalnika gubernskogo administrativnogo otdela s nachalnikami uezdnyh milicij o rabote milicii* [Correspondence of the Head of the Provincial Administrative Department with the Heads of the County Militia About the Work of the Militia]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 34. 741.

16. *Perepiska s narodnym komissariatom vnutrennih del RSFSR s Tambovskim gubernskim ispolnitelnym komitetom i drugimi uchrezhdeniyami ob organizacii otdelov pri volostnyh ispolnitelnyh komitetah, o rabote Tambovskogo gubernskogo otdela ugolovnogo rozyska i drugim voprosam* [Correspondence with the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR with the Tambov Provincial Executive Committee and Other Institutions About the Organization Departments Under the Volost Executive Committees, on the Work of the Tambov Provincial Criminal Investigation Department and Other Issues]. *Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti* [State Archive of the Tambov Region], f. R-394, inv. 1, d. 279. 521.

17. Perepiska s uездnymi otdelami milicii o provedenii kampanii po otboru pretenzij poterpevshih ot intervencii za 1924–1926 gg. [Correspondence with the County Police Departments on the Conduct of a Campaign to Select Claims of Victims of the Intervention for 1924–1926]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 120. 146 l.

18. Prikazy gubernskih, oblastnyh i respublikanskih upravlenij milicii za 1923 g. II chast. Kopii [Orders of Provincial, Regional, and Republican Administrations of the Militia for 1923. 2nd Part. Copies]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-393, inv. 23a, d. 438. 777 l.

19. Prikazy nach. milicii Usmanskogo uезда po osnovnoj deyatelnosti i lichnomu sostavu za 1924–1925 gg. Kopii [Orders of the Chief of the Usman District Militia on Main Activities and Personnel for 1924–1925. Copies]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 36. 82 l.

20. Prikazy nachalnika ugolovnogogo rozyska RSFSR [Orders of the Chief of the Criminal Investigation Department of the RSFSR]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk Region], f. R-72, inv. 1, d. 4. 32 l.

21. Prikazy po administrativnomu otdelu Tambovskogo gubispolkoma o lichnom sostave [Orders on the Administrative Department of the Tambov Gubernatorial Executive Committee on Personnel]. *Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti* [State Archive of the Tambov Region], f. R-395, inv. 2, d. 27. 302 l.

22. Protokol obyedinyonnogo soveshchaniya zaveduyushchego uездnym otdelom upravleniya sovместno s nachalnikami umilicii i ugrozyska ot 29.03.23, smeta raskhodov otdeleniya [Minutes of the Joint Meeting of the Head of the County Department of the Department Together with the Heads of the Police Department and the Criminal Investigation Department Dated Mar. 29, 1923, Cost Estimates of the Department]. *Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti* [State Archive of the Lipetsk Region], f. R-72, inv. 1, d. 7. 61 l.

23. Protokoly gubernskih soveshchaniy po borbe s prestupnostyu pri Voronezhskom gubprokurore [Minutes of Provincial Meetings on Combating Crime at the Voronezh Provincial Prosecutor]. *Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Voronezhskoj oblasti* [State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region], f. 1, inv. 1, d. 1979. 52 l.

24. Protokoly zasedaniy gubernskoj raspredelitelnoj komissii o dosrochnom osvobozhdenii zaklyuchennyh Korotoyakskogo i Bobrovskogo doma zaklyucheniya

i dokumenty k nim za 1925 god [Minutes of Meetings of the Provincial Distribution Commission on the Early Release of Prisoners of the Korotoyak and Bobrovsky Houses of Detention and Their Documents for 1925]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 216. 216 l.

25. Protokoly zasedaniy gubernskoj raspredelitelnoj komissii o zachete rabochih dnei zaklyuchennym gubernskogo, Bogucharskogo, Korotoyakskogo domov zaklyucheniya i dokumenty k nim za 1925 g. [Minutes of Meetings of the Provincial Distribution Commission on the Offset of Working Days for Prisoners of the Provincial, Bogucharsky, Korotoyaksky Houses of Detention and Documents to Them for 1925]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 2, d. 217. 197 l.

26. Protokoly kvartalnyh soveshchaniy rabotnikov administrativnogo otdela i nachalnikov uездnyh milicij i materialy k nim [Minutes of Quarterly Meetings of Employees of the Administrative Department and Heads of County Police and Materials to Them]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 25. 244 l.

27. Protokoly soveshchaniy rabotnikov admotdela, nachalnikov milicii i ugolovnogogo rozyska [Minutes of Meetings of Administrative Department Employees, Heads of Police and Criminal Investigation Department]. *Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Voronezhskoj oblasti* [State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region], f. 1, inv. 1, d. 1576. 55 l.

28. Rasskazov V.L. *Ugolovnyy sysk na Kubani: vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Investigation in Kuban: Second Half of the 19th Century – 1917. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2016. 27 p.

29. *Sbornik vazhnejshih postanovlenij sessij, plenimov i prezidiuma Voronezhskogo Gubernskogo ispolnitelnogo komiteta XII sozyva* [Collection of the Most Important Resolutions of Sessions, Plenums and the Presidium of the Voronezh Provincial Executive Committee of the 12th Convocation]. Voronezh, Gubispolkom, 1925. 117 p.

30. Svedeniya ob izmeneniyah v lichnom sostave gubrozyska. Perepiska s raznymi organizaciyami po komplektovaniyu UGRO [Information About Changes in the Personnel of the Gubernia Investigation Department. Correspondence with Various Organizations on Staffing the Criminal Investigation Department]. *Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti* [State Archive of the Kursk Region], f. R-9, inv. 1, d. 27. 177 l.

31. Svodki gubernskogo administrativnogo otdela o proisshestviyah v gubernii. Analiz raboty i

borby organov milicii s prestupnostyu [Reports of the Provincial Administrative Department on Incidents in the Province. Analysis of the Work and Struggle of the Police Against Crime]. *Gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoj istorii Tambovskoj oblasti* [State Archive of Socio-Political History of the Tambov Region], f. P-840, inv. 1, d. 3472. 3321.

32. Svodki proisshestvij po g. Voronezhu, perepiska nachalnika Gubrozyska s miliciej, gubprokurorom i dr. po rozyску grazhdan [Summaries of Incidents in Voronezh, Correspondence of the Head of the Gubernatorial Search with the Police, Gubpukuror, etc. on the Search for Citizens]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 21. 4241.

33. Tokmakov I.V. *Stanovlenie i deyatelnost organov sovetsoj milicii 1917–1930 godov: na materialah Centralnogo Chernozemya: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Activity of the Soviet Militia Bodies of 1917–1930: Based on the Materials of the

Central Chernozem Region. Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2003. 195 p.

34. Cirkulyary Centralnogo Administrativnogo Upravleniya NKVD, Voronezhskogo gubadmotdela i protokoly obyedinyonnyh soveshchanij predstavitelej OGPU, Prokuratury, Admotdela i Gubrozyska po borbe s banditizmom v gubernii [Circulars of the Central Administrative Department of the NKVD, the Voronezh Provincial Administrative Department, and Minutes of Joint Meetings of Representatives of the OGPU, the Prosecutor's Office, the Administrative Department, and the Provincial Investigation Department on Combating Banditry in the Province]. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* [State Archive of the Voronezh Region], f. R-5, inv. 1, d. 2. 1701.

35. Shchendrigin E.N., Bulyzhkin A.V. *Orlovskaya miliciya (1917–1928 gg.): istoriko-pravovoj ocherk [Orel Militia (1917–1928). Historical and Legal Essay]*. Orel, Trud Publ., 2003. 198 p.

Information About the Author

Evgeniy A. Zverkov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social, Humanitarian, Economical and Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Prosp. Patriotov, 53, 394065 Voronezh, Russian Federation, ZverkovPhD@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>

Информация об авторе

Евгений Андреевич Зверков, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России, просп. Патриотов, 53, 394065 г. Воронеж, Российская Федерация, ZverkovPhD@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.15>

UDC 94(47+57)«1921/1923»
LBC 63.3(2)613-2

Submitted: 23.08.2023
Accepted: 07.02.2024

SOCIAL ASSISTANCE TO FAMILIES AND CHILDREN OF THE VOLGA REGION RESETTLED TO THE SMOLENSK PROVINCE IN 1921–1923

Natalia A. Mitsyuk

Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation;
N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The achievements and failures of the Soviet government aimed at combating Volga region famine in 1921–1922 had an impact on social policy in the first decade of the Soviet state. The study of the experience of social policy in relation to families and children evacuated from the Volga region is becoming especially relevant in modern conditions of searching for effective forms of social assistance to families trapped in areas of natural disasters and military conflicts. *Methods and materials.* The publication is based on numerous archival records, which contain documents on the organization of social work with families and children of the Volga region, resettled in 1921–1923 in the Smolensk province. The key methods were source analysis, methods of everyday history, and microhistory. The documents of the funds of the provincial and district commissions for helping the starving in the Volga region and the provincial and district health departments of the State Archives of the Smolensk region were studied. *Analysis.* The Centrally developed plan for the evacuation of refugees went out of control in the first months due to a lack of local funds and an uncontrolled flow of refugees. The main efforts in the region were thrown at the organization of social work with evacuated children. Working with arriving children has become a serious test for local authorities. All financial costs for the maintenance of refugees fell on the region. The number of children who arrived in the province exceeded the planned values by more than 2 times. For the first time in the region, a new model of charity was tested, which consisted of the mass and mandatory participation of all groups of the population and foreign organizations. The main methods of working with children were placing them in specialized orphanages, opening sectoral orphanages, insulators and distributors, and placing children in foster families. The forced abandonment of children by refugee parents in order to save them from starvation has become widespread. Temporary delivery of children to peasant families for agricultural work was practiced. Bureaucratic mistakes, interdepartmental inconsistency, and local negligence led to poor provision of children with food, clothing, and medical care. Indirect data indicate high infant mortality. Many children remained in shelters in Smolensk and were not re-evacuated. *Results.* The archival material of the Smolensk region showed the difficulties of practical implementation of the plan of assistance to resettled families developed by the central authorities, the need for a flexible approach on the ground, and taking into account regional specifics. *Funding.* The study was supported by grant No. 24-18-00212 from the Russian Science Foundation “Women’s family memory in Russia of the 18th and 21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission”.

Key words: Volga region famine, children of the Volga region, “famine refugees”, protection of motherhood and childhood, social policy of the Soviet government, evacuation of refugees, American Relief Administration.

Citation. Mitsyuk N.A. Social Assistance to Families and Children of the Volga Region Resettled to the Smolensk Province in 1921–1923. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 176-188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.15>

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ И ДЕТЯМ ПОВОЛЖЬЯ, ПЕРЕСЕЛЕННЫМ В СМОЛЕНСКУЮ ГУБЕРНИЮ В 1921–1923 ГОДАХ

Наталья Александровна Мицюк

Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Российская Федерация;
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Достижения и просчеты советской власти, направленные на борьбу с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг., оказали влияние на социальную политику в первое десятилетие существования советского государства. Изучение опыта социальной политики в отношении семей и детей, эвакуированных из Поволжья, становится особенно актуальным в современных условиях поиска эффективных форм социальной помощи семьям, оказавшихся в зонах природных бедствий и военных конфликтов. *Методы и материалы.* Публикация основана на широком круге архивных делопроизводственных материалов, в которых содержатся документы об организации социальной работы с семьями и детьми Поволжья, переселенными в 1921–1923 гг. в Смоленскую губернию. С использованием методов источниковедческого анализа, повседневной истории, микроистории были изучены и впервые введены в научный оборот документы фондов губернских и уездных комиссий Помгола и Послеголода, губернских и уездных отделов здравоохранения Государственного архива Смоленской области. *Анализ.* Централизованно разработанный план привязки голодающих губерний к урожайным регионам вышел из-под контроля в первые месяцы эвакуации по причине нехватки финансовых средств на местах и неконтролируемого потока беженцев. Основные усилия в регионе были брошены на организацию социальной работы с эвакуированными детьми. Количество прибывших в губернию детей более чем в 2 раза превышало плановые значения. Содержание эвакуированных в полном объеме должно было финансироваться на местах. Впервые в регионе была опробована новая модель благотворительности, которая состояла в массовом и обязательном участии всех групп населения. Ключевой формой социальной работы с переселенными детьми стало их размещение в специализированных детских домах. Нехватка мест в приютах способствовала распространению отдачи детей на патронатное воспитание. Широкое распространение получил вынужденный отказ родителей-беженцев от детей с целью спасения их от голодной смерти. Практиковалась временная отдача детей в крестьянские семьи для сельскохозяйственных работ. Бюрократические проволочки, межведомственная несогласованность, халатность на местах приводили к плохому обеспечению детей питанием, одеждой и медицинской помощью. Косвенные данные свидетельствуют о высокой детской смертности. Многие дети остались в приютах Смоленска и не были реэвакуированы. *Результаты.* Архивный материал Смоленской области показал сложности практической реализации разработанного центральными органами власти плана помощи переселенным семьям, необходимости гибкого подхода на местах и учета региональной специфики. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XX вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

Ключевые слова: голод в Поволжье, дети Поволжья, «голодбеженцы», охрана материнства и детства, социальная политика советской власти, эвакуация беженцев, Американская администрация помощи.

Цитирование. Мицюк Н. А. Социальная помощь семьям и детям Поволжья, переселенным в Смоленскую губернию в 1921–1923 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 176–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.15>

Введение. Голод 1921–1922 гг. в Поволжье – одно из драматичных событий российской истории XX века. В зоне бедствий в РСФСР оказалось 35 губерний, с населением около 90 млн человек. Трагические события, развернувшиеся в Поволжье, заставили советскую власть принимать экстраординарные действия

для спасения населения пострадавших регионов. Достижения и неудачи реализуемых мер оказали существенное влияние на формирование очертаний социальной политики в первое десятилетие советской власти. В современных условиях обострения проблемы беженцев, поиска эффективных форм социальной помощи семьям, ока-

завшихся в зонах природных бедствий и военных конфликтов, изучение опыта социальной политики семьям и детям, эвакуированным из Поволжья, становится особенно актуальным.

Основной массив работ, связанных с изучением голода в Поволжье, сосредоточен вокруг анализа причин, степени размаха трагедии, численности голодавших и умерших, размеров помощи нуждавшимся регионам, оценок последствий голода [1; 5; 25]. В.А. Поляков рассматривал борьбу с голодом в Поволжье в качестве первого опыта массовой государственной помощи советской власти [26]. Если среди основных причин разразившегося голода он выделял человеческий фактор [25], то в последние годы в исследованиях акцент делается на социоприродном факторе [5]. Новаторскими выглядят работы, основанные не на официальных документах и отчетах, а на автодокументальных источниках, которые дают возможность услышать «голос» людей, непосредственно пострадавших от голода [36]. Эвакуация населения в урожайные губернии, по мнению исследователей, являлась исключительной мерой [37], но в то же время она стала ключевой по спасению детей Поволжья. В литературе крайне редки исследования, направленные на изучение данного сюжета [35; 37]. В работах по истории детства «эпохи катастроф» [15; 31; 38] практически не нашло отражение исследование социальной помощи в регионах в отношении детей-переселенцев, а также влияния этого события на формирование советской социальной политики в области охраны материнства и детства.

Цель данной публикации состоит в изучении организации социальной помощи детям Поволжья в Смоленской губернии в 1921–1923 гг., куда было переселено значительное число «голодающих». Города Смоленской губернии стали важнейшими железнодорожными пунктами, через которые проводилась эвакуация населения на территории западных регионов РСР, затем РСФСР, БССР, а также за границу (Чехословакию). Смоленская губерния занимала особое стратегическое положение. Здесь были размещены центральные учреждения Запфронта, которые также были вовлечены в организацию эвакуации населения. Нам важно понять, насколько быстро были выработаны различные формы социальной помощи в отношении детей,

с какими сложностями сталкивались местные органы власти, какие новые формы социальной работы впервые были опробованы на местах, насколько они были эффективными.

Методы и материалы. Ключевыми исследовательскими методами явились методы работы с архивными материалами (архивно-эвристический, метод источниковедческого анализа), нацеленные на поиск и систематизацию изучаемой тематики в архивных делах; методы повседневной истории, интерпретативного и дискурсивного анализа, направленные на изучение соответствующих государственных реформ и административных преобразований для понимания формирующейся новой социальной политики и структур повседневности. Мы полагаем, что для изучения макропроцессов важным является применение микроисторического подхода с учетом анализа различных дискурсов. Исследование основано на архивных материалах Смоленской губернии, впервые вводимых в научный оборот. В общей сложности было изучено свыше 200 дел фонда комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья (Ф. 1327), фондов уездных комиссий по оказанию помощи голодающим Поволжья, губернских и уездных отделов здравоохранения, на которые легла основная нагрузка по реализации социальных мер, направленных на оказание помощи семьям и детям из Поволжья, фонда Смоленской губернской комиссии по борьбе с последствиями голода («Послеголод». Ф. Р-8), а также фондов профсоюзных, отраслевых организаций, которые активно привлекались к участию в решении данного вопроса.

Анализ. Социальная политика органов центральной власти по организации эвакуации населения Поволжья. Социальная политика в отношении населения голодающих регионов выстраивалась централизованно. Местные органы власти действовали по инструкциям, присылаемым сверху, и полностью им следовали. В то же время обращение к региональному материалу позволяет сформировать понимание того, насколько социальная политика, инициируемая сверху, была эффективна. 17 февраля 1921 г. была образована Комиссия по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая [33, с. 143]. Комиссия должна была

заниматься изучением вопроса и наблюдением за мероприятиями по оказанию помощи голодающим на местах. 18 июля 1921 г. была сформирована Комиссия помощи голодающим [33, с. 617–618], которая 20 октября 1921 г. стала именоваться Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол) [33, с. 914–915]. Главная задача ЦК Помгол состояла в руководстве, объединении и согласовании деятельности всех центральных и местных исполнительных органов власти, а также российских и зарубежных общественных организаций. 21 июля 1921 г. был сформирован общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПП), куда вошли представители власти, общественные деятели и ученые. По всей стране должны были сформироваться губернские и уездные комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья, которые встраивались в систему социальных учреждений региональной власти. Местные комиссии ликвидировались согласно постановлению ВЦИК 7 сентября 1922 года. Вместо Помгола при ВЦИК была организована Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода (Последгол).

Одной из ключевых мер, направленных на помощь голодающим, стала политика переселения особо уязвимых категорий населения – многолетних семей, детей, в урожайные губернии России. Центральной комиссией Помгол при ВЦИК был разработан план привязки «благополучных губерний к голодающим регионам», который директивно был разослан в регионы.

Организация эвакуации «голодбеженцев» в Смоленскую губернию. Согласно плану, Смоленская губерния должна была принять и оказать помощь «голодбеженцам» из Саратовской губернии. В августе 1921 г. была создана Смоленская губернская комиссия по оказанию помощи голодающим Поволжья, которая просуществовала до 7 октября 1922 года. При центральных учреждениях Запфронта, располагавшихся в Смоленске, также была образована Особая фронтовая комиссия помощи голодающим. Важнейшим учреждением, осуществляющим социальную помощь семьям и детям, прибывающим из Поволжья, стали подотделы охраны материнства и младенчества. В октябре 1921 г. была сфор-

мирована Детская комиссия помощи голодающим в г. Смоленске [4].

Современные историки указывают на то, что план эвакуации фактически провалился в первые месяцы переселения «голодбеженцев» главным образом по причине нехватки железнодорожных составов и невозможности контролировать потоки переселенцев [34]. В Смоленской губернии особенно катастрофически складывалась ситуация зимой 1921–1922 гг. [28]. Беженцев прибывало значительно больше, чем было запланировано. Помимо Саратовской губернии, «голодбеженцы» приезжали из других регионов, вне планового переселения – из Башкирии, Самарской, Симбирской, Казанской, Рязанской, Нижегородской, Оренбургской губерний. Среди губерний числились те, которые официально не были включены в разряд «голодающих», что косвенно могло свидетельствовать о географическом размахе трагедии. Помимо организованных эшелонов в губернию прибывали «самотеком» на товарных, почтовых поездах, в одиночку и группами. Среди беженцев – немцы-колонисты из Самарской губернии. По приблизительным подсчетам через Смоленск за сентябрь 1921 – январь 1922 г. прошло 221 эшелон с 208 897 беженцами [28]. Ключевой проблемой на местах являлось отсутствие у регионов достаточных финансовых средств. Неспособность местных органов власти контролировать потоки беженцев, нехватка минимального обеспечения эвакуированных питанием и медицинской помощью приводили к высокой смертности среди «голодбеженцев». Тяжелобольных, изнеможенных голодом людей не снимали с составов, они замерзали и умирали в вагонах, после чего их сбрасывали на пути [28, л. 9]. Официально зимой 1921 г. властями губернии было зафиксировано более 900 трупов вдоль железнодорожных путей. Проблема с санитарно-эпидемиологической ситуацией, необходимостью сбора и захоронения трупов была настолько острой, что вынуждены были вмешаться органы НКВД.

Одним из самых сложных вопросов было размещение «голодбеженцев» и обеспечение их продовольствием. При разработке плана эвакуации не был учтен факт транзитного передвижения «голодбеженцев». Значительное число эвакуированных проезжали транзитом

через Смоленск в города БССР. «Изнеможенные от голода и холода люди» [28, л. 9], тяжелобольные беженцы оставались на железнодорожном вокзале. Условия их размещения были антисанитарными, не было предусмотрено обеспечение их питанием и теплыми вещами. Людей размещали в казармах вблизи от вокзала, в подвальных помещениях гостиниц, в городских бараках, общежитиях. Условия жизни были тяжелейшими, о чем сообщали специальные комиссии: «В самом помещении холод такой, как на улице... На грязных нарах, закутанные в лохмотья сидят и лежат больные и здоровые, но истощенные от голода, беженцы, все вмести взрослые и дети. Под нарами груды мусора... Была обнаружена мертвая девочка, лежащая вместе с живыми и некому было ее убрать, так как родители ее увезены в больницу, она осталась одна и умерла от голода. Беженцы сами не в состоянии ходить» [23, л. 140]. В губернии отсутствовали ресурсы по налаживанию питания беженцев. Зачастую они жили исключительно на подавания. Многие из эвакуированных были настолько ослаблены, что не могли не только работать, но и самостоятельно передвигаться. Среди беженцев вспыхивали различного рода заболевания (сыпной тиф, туберкулез, педикулез, чесотка). Смертность была чрезвычайно высокой. Основные усилия социальной работы в регионах были брошены на организацию помощи детям, самостоятельно, без родителей, прибывавшим в губернию.

Эвакуация голодающих детей Поволжья в Смоленскую губернию. По официальным данным, на 21 декабря 1921 г. из голодающих губерний было вывезено 56 355 детей. К апрелю 1923 г. в учреждениях Наркомпроса и Наркомздрава РСФСР находилось уже 316 866 детей [30]. Смоленская губерния сделала заявку на принятие 1 500 детей, но их поступало значительно больше. Установить точное количество детей практически невозможно, данные неполны и зачастую противоречивы. Беженцев часто переводили в другие города и губернии и в связи с этим данные постоянно менялись. Дети прибывали не только из Саратовской, но и из Самарской, Симбирской, Казанской, Оренбургской, Нижегородской губерний, Башкирии. В прессе сообщалось, что к концу 1921 г. прибыло 4 сан-

поезда с 1 743 детьми [3, с. 5]. Можно согласиться с выводами Т.М. Смирновой о том, что эвакуация детей из голодающих регионов не имела успеха [32]. В регион поступало большое число детей «самотеком». Только к концу 1921 г. было зафиксировано более 600 детей, приехавших в Смоленскую губернию не организованно [3, с. 5].

В архивных фондах сохранились документы, в которых содержатся карточки, составленные на прибывавших в губернию детей. Данные карточек косвенно свидетельствуют об их численности. На октябрь 1922 г. были составлены карточки на 1 970 детей, которые были распределены только в Смоленске [8; 9]. В один Горецкий уезд (до 1919 г. относился к Могилевской губернии, но в ходе политики районирования в 1922 г. был включен в состав Смоленской губернии) были распределены 1 019 детей [17, л. 5]. Реальную численность эвакуированных детей сложно установить. По сохранившимся архивным документам, их численность составила не менее 3 000 человек. Среди беженцев были полные сироты, а также дети, чьи родители, оставшись в голодающих регионах, отправляли своих детей подальше от зоны бедствий. У многих детей родители умирали в пути, в связи с чем в Смоленскую губернию они прибывали в статусе детей-сирот.

Нередко сами дети умирали в пути. По сообщениям очевидцев, «обессиленные дети валялись на железнодорожных путях» [28, л. 77]. В редких случаях их удавалось обнаружить и спасти. К примеру, девочка Мария 2 лет была обнаружена на путях сотрудником городской милиции. Ее направили в детский приют, в котором она была записана под фамилией «Милицейская» [7, л. 4]. Местные власти не были в состоянии оперативно размещать детей и предоставлять им медицинскую помощь.

Сложности местных органов власти в реализации социальной помощи эвакуированным детям. Местные власти с большим трудом справлялись с возложенными на них обязанностями по размещению и организации быта «голодбеженцев». Новая советская социальная политика находилась в стадии формирования соответствующих социальных учреждений, разделения областей компетен-

ций, поиска источников финансирования. Тяжелыми были социально-экономические последствия Первой мировой войны, гражданской войны и политики военного коммунизма. К началу 1920-х гг. в губернии только появлялись социальные учреждения, призванные координировать социальную политику в области защиты семьи и детства. Делопроизводственные документы свидетельствуют о несогласованности действий, многочисленных бюрократических проволочках, столкновении интересов между органами местной власти (социальными отделами, отделами здравоохранения, подотделами охраны материнства и детства, женотделами). Выстраивалась сложная бюрократическая система, которая не могла эффективно реализовывать социальную политику на местах. К началу 1920-х гг. в губернии тяжелым было социальное положение семей, стремительно увеличивалось число беспризорных детей и детей-сирот, росла детская смертность [14]. Крайне сложная ситуация в области охраны материнства и детства усугублялась с ростом числа беженцев. В экстремальных условиях они вынуждены были перестроить свою работу и бросить все усилия на организацию социальной помощи прибывавшим детям [11, л. 104].

Для местной власти наиболее острой была проблема финансирования. Новая модель социальной помощи предполагала, что содержание соответствующих учреждений должно полностью ложиться на местные органы власти и население региона. Необходимость организации масштабной социальной помощи беженцам застала региональные власти в крайне затруднительном положении. Совместно с центральными органами власти регионы должны были собирать средства для помощи населению Поволжья, а также самостоятельно вести сборы и организовывать быт эвакуированных «голодбеженцев». При отсутствии централизованного государственного финансирования встал вопрос о широком привлечении общественных и частных средств. На местах формировалась структура по реализации сбора средств в пользу голодающих Поволжья. Для оперативного сбора средств в регионах создавались тройки помощи голодающим. Активизировать сборы средств должны были специально под-

готовленные «агитаторы» [11, л. 1–3]. Для привлечения общественных и частных средств устраивались Всероссийские недели голодающим Поволжья, кружечные сборы, недели помощи голодающим детям Поволжья. Однако первые месяцы сбора показали, что добровольное участие в пожертвованиях не приводит к желаемым результатам. Случайные сборы средств были признаны неэффективной мерой. В связи с тем, что советская власть рассматривала «буржуазный вариант» филантропии и благотворительности в качестве пережитка старого порядка, привлечение общественных и частных средств стало реализовываться через систему массового участия трудящихся и крестьян через различные организации и сообщества и принимало характер добровольно-принудительный. Были установлены ежемесячные нормы отчислений в пользу голодающих для всех рабочих, служащих и красноармейцев, подчеркивалось, что «все учреждения и предприятия отчисляют в помощь голодающим» [11, л. 117]. Если рабочий или служащий имел государственный паек, то с него вычитали 5 % от жалования и 10 % от пайка, в ином случае отчисления составляли 18 % от жалования. Вводился принцип «10 сытых кормят одного голодного». Неработающее население участвовало в кружечных сборах. Сбор средств осуществлялся не только в профсоюзах, сельских комитетах взаимопомощи, на базарах, но и на каждой мельнице был установлен специальный ящик, куда необходимо было отсыпать зерно для помощи беженцам [11]. Для торговцев вводился обязательный натуральный налог в помощь голодающим [21, л. 9]. Устанавливались обязательные лимиты добровольной помощи. Эти сборы проходили параллельно со сбором продналога, который заменил продразверстку во время политики нэпа. В условиях добровольно-принудительного сбора общественных и частных средств в пользу голодающих Поволжья в губернии началось принудительное изъятие церковных ценностей, а также ценностей, находившихся в костелах и синагогах [6].

Отсутствие четких инструкций и делопроизводственная путаница приводили к тому, что местные власти все собранные зимой 1921 г. средства, составившие 108 745 659 руб. 50 коп.,

направили в центральный комитет Помгола, в то время, как часть этих средств должна была оставаться на местах для организации питания и снабжения одеждой беженцев [23, л. 15]. Это обострило ситуацию с обеспечением беженцев.

В сложнейших условиях советское правительство допустило возможность использовать помощи западных стран [29, л. 42]. При этом подчеркивалось, что эта помощь должна носить ограниченный характер [11, л. 1]. В соответствии с «Рижским соглашением» от 20 декабря 1921 г. Советское государство согласилось принять помощь от иностранных организаций, что рассматривалось выражением «международной солидарности трудящихся» в оказании помощи «голодающему населению Поволжья» [27].

Организация быта эвакуированных детей. Первоначально прибывавших детей Поволжья размещали в существующие детские приюты Смоленска и городов губернии, но в связи с угрозой распространения инфекционных заболеваний и переполненностью приютов, было принято решение открывать отдельные детские дома. В Смоленске появился специализированный детский приют с соответствующим названием – «Дети Поволжья». Средства на его содержание поступали в том числе от фронтовой комиссии Помгола, которая была образована при Западном фронте [13, л. 46]. Положение детей было чрезвычайно тяжелым, но по сравнению с другими местами содержания, он считался образцовым. Количество детей превышало запланированные места для размещения, поэтому в небольших комнатах ютились по 20 человек. Не хватало детских кроватей и спальных принадлежностей, в связи с чем на одном спальном месте размещались до 4 человек. Питание детей было минимальным. Катастрофически не хватало детской одежды, что было связано не только с отсутствием финансовых средств, а с дефицитом самой детской одежды в продаже и ткани для ее пошива. В отчетах сообщалось, что дети «совершенно раздеты», отсутствовала теплая одежда, обувь, «белье на детях грязное», «дети подвержены вшивости и заболеваниям» [23, л. 139].

Состояние эвакуированных в Смоленскую губернию детей могло существенно от-

личаться. Среди беженцев были чрезвычайно изнеможенные и больные. Инфекционные заболевания распространялись со стремительной скоростью. Среди болезней – разного рода заболевания ЖКТ, чесотка, сыпной тиф, легочные заболевания. Острой была опасность распространения инфекций и заражения всех детей. Для решения этой проблемы зимой 1921 г. был поднят вопрос об открытии изоляторов и коллекторов-распределителей [12, л. 8]. Потребовался год, чтобы согласовать все процедуры, связанные с передачей собственности под эти нужды, проведением ремонта, выделением персонала. Изолятор был рассчитан на 30 детей от 1 до 4 лет [12, л. 35].

В связи с тем, что количество прибывавших детей значительно превышало плановые цифры, одним из самых острых был вопрос организации питания детей. Если эвакуированные взрослые, семьи с детьми не обеспечивались бесплатным питанием, то все дети, размещенные в учреждениях губернии, снабжались таковым. Для обеспечения их питанием стали открываться временные питательные пункты [12, л. 8].

Средства на содержание детей поступали из общих сумм, собранных местными властями в пользу голодающих Поволжья. Самой крупной зарубежной организацией по оказанию помощи эвакуированным детям Поволжья в 1921 – середине 1923 г. в Смоленской губернии стала Американская администрация помощи (АРА) [2, с. 3]. Ближайшие представительства АРА размещались в Витебске и Минске [13, л. 41]. В первую очередь детские учреждения снабжались продуктовыми пайками, а также комплектами детского белья, обувью [13, л. 48, 80, 85; 20, л. 59–60]. Первый транш помощи состоял из 120 продуктовых пайков и 500 комплектов детской одежды. Размер продуктового пайка рассчитывался в качестве дополнительного источника питания и включал продукты на 700 ккал ежедневно, среди которых значились мука, молоко, сахар, какао, рис, масло, бобы [2, с. 5]. Наиболее ценными были комплекты детской одежды. Особый пошив детских рубашек, выдаваемых АРА, закрепил в обиходе наименование детской одежды «рубашка АРА». Однако заявок на оказание гуманитарной помощи от Смоленской губернии было настолько много, что

28 июня 1923 г. представительница АРА в Москве Ю. Брайсон отвечала, что «нет возможности» оказывать помощь детским учреждениям Смоленска [13, л. 178].

Количество детей-сирот стремительно увеличивалось. С конца 1921 г. в приюты Смоленска все чаще стали обращаться изнеможенные матери-беженки, которые были не в силах прокормить своих детей [24, л. 2–6]. Отказ от ребенка и его определение в приют фактически спасало ему жизнь от голода. Организация быта, питания беженцев с детьми была устроена гораздо хуже, чем содержание детей-сирот. В связи с этим многие родители для спасения жизни своих детей предпочитали отдавать их в детские дома и приюты [24, л. 5]. Показательна история беженки Е. Каплуновой. Не имея возможности прокормить себя и троих малолетних детей, в Смоленске она стала торговать самогоном. Женщина была арестована, осуждена за трудовое дезертирство и определена на принудительные работы. В своем ходатайстве в подотдел охраны материнства и младенчества она просила: «Положение мое безвыходное... Мне не с кем оставить детей, прокормить я тоже их не могу, так как день мне придется выполнять общественные работы» [24, л. 26–29]. Дети были определены в приют.

Детские приюты были организованы при различных предприятиях и организациях. В Смоленске для детей Поволжья были открыты: Детский дом Реввоенсовета (120 детей), детский дом Губсоюза (40 детей), детский дом 3-й пехотной школы (20 детей), приют батальона войск ВЧК им. Держинского (40 детей) и приют связи войск Запфронта (35 детей) [3, с. 5].

Всех детей-сирот, прибывавших из голодающих регионов, не удавалось разместить в губернском городе, поэтому детей распределяли на группы и направляли в уездные города [23, л. 2]. Финансовое бремя в этом случае ложилось на уездные комиссии помощи. Крупнейший распределительный пункт детей был открыт в Рославле («Детский сангородок») был рассчитан на 2 000 детей. Из коллектора детей направляли в детские дома губернии. В отдельных уездах положение детей было настолько катастрофичным, что не хватало даже хлеба [17, л. 5]. В отчетах нередко

встречались сообщения, что вплоть до глубокой осени дети ходили босиком.

Значительное число детей поступило в Горецкий уезд. Уездные власти были не готовы к принятию 1 019 детей Поволжья. По сообщениям уездной комиссии, содержание детей было катастрофическим: «Более одной пары белья и одного костюма никто из детей не имеет. При мытье платьев и белья дети сидят, закутавшись в одеяла по двое вместе. Пальто имеется одно на несколько десятков детей. Обувь редкая вещь в детском доме» [17, л. 5]. Дети не могли посещать школу по причине отсутствия одежды и обуви. Уровень заболеваний и смертности был таков, что только за одно лето 1922 года 3 руководительницы детского дома «умерли на своих местах» из-за сыпного тифа [17, л. 5 об].

Сохранились документы Гжатского и Бельского уездов, которые позволяют восстановить алгоритм работы с прибывавшими детьми [21, л. 127]. В ноябре 1921 г. в Гжатск организованно были направлены 50 детей из Поволжья, 10 детей прибыли в город «самотеком». Было принято решение организовать специализированный детский дом для беженцев. Специальная комиссия начала активно собирать средства на эти цели. Основным источником явились общественные пожертвования, которые носили добровольно-принудительный характер. Так же, как и в других регионах, началась агитационная работа, была открыта «Неделя голодающего ребенка». В городе распространялись подписные листы на «жертвования», всех мельников уезда фактически обязали сдавать продналог в пользу детского дома, к агитации активно были привлечены образовательные и культурные учреждения города. Из 50 детей 16 были отданы на попечение в семьи. В открытый детский дом поступило 37 ребенка, затем еще 50 детей. Обеспечение детей было чрезвычайно скудным. Дети детского дома «Поволжье» в г. Белом не имели теплой одежды и обуви, поэтому с наступлением холодов не выходили на улицу, не могли посещать школу, постоянно проводя время в тесной комнате [23, л. 34].

Детей направляли не только в детские дома, но и в уже функционировавшие детские колонии. К примеру, в Трегубовскую детскую

колонию (Духовщинский уезд) было направлено 10 детей из Поволжья [21, л. 238].

Экстренной мерой заботы о детях Поволжья, по той или иной причине лишившихся родителей, являлась «выдача» их «на воспитание отдельным гражданам» [11, л. 96]. Было предусмотрено определение детей на временное или постоянное воспитание. В сельской местности была распространена практика, когда детей отдавали в крестьянские семьи для выполнения сезонных работ на летний период. При этом никто не контролировал содержание детей и обращение с ними, детей использовали как бесплатную рабочую силу. Распределение детей происходило по личным заявлениям просителей, которые направлялись в подраздел правовой защиты детей. Просителями могли быть как семейные, так и несемейные мужчины и женщины. Отсутствуют также общие статистические данные на детей, отданных частным лицам.

Уровень смертности детей был высоким, однако установить его не представляется возможным по причине отсутствия общих данных. В архивных документах сохранились отрывочные сведения по отдельным учреждениям, но в связи с постоянным движением детей определить процент смертности по сохранившимся данным практически невозможно.

Проблема реэвакуации. Серьезным испытанием для региона стала организация отправки беженцев обратно на родину [19, л. 4, 30]. С лета 1922 г. в губернии стали формироваться первые составы по возвращению беженцев [10]. Составов катастрофически не хватало. В Смоленске, как важном железнодорожном узле, стало скапливаться значительное число беженцев, следовавших из территории Белоруссии. Ситуация обострилась с февраля 1923 г. со значительным ростом числа желавших вернуться на родину, которые прибывали бессистемно из уездов и ближайших губерний. Многие из них, особенно женщины и дети, были чрезвычайно истощены. По подсчетам комиссии, к апрелю 1923 г. на вокзалах Смоленской губернии скопилось не менее 800 беженцев [16, л. 123]. Беженцы, имевшие средства, отправлялись за свой счет по льготному тарифу, остальные бесплатно, за счет средств Помгола [10, л. 3]. Некоторые семьи выражали желание остаться в Смолен-

ске. Особо тяжелая ситуация складывалась с организацией реэвакуации детей, которая растянулась на несколько лет. Местные власти не располагали достаточными ресурсами для массовой отправки детей к месту их жительства. Согласно инструкциям, все дети Поволжья, находившиеся в приютах Смоленска, разделялись на 2 группы: имевшие связь с малой родиной и дети, не имевшие родственников в голодающих губерниях. Первая группа детей подлежала отправке, вторая – оставалась в приютах Смоленской губернии [18, л. 38]. Реэвакуация происходила на основании данных личных карточек, в которых была указана информация о родителях и родственниках с адресами их проживания [18, л. 141]. Если у ребенка сохранялась хоть какая-то связь с малой родиной (живые родители или родственники), то его реэвакуировали. При этом не было никакой гарантии, что по прибытию ребенок воссоединялся с родственниками, так как карточки составлялись на момент эвакуации детей в Смоленскую губернию. Одной из проблем явилась «потеря» детей. В адрес Смоленских властей поступали многочисленные запросы родителей, разыскивавших своих детей, эвакуированных из Поволжья. Дети, не имевшие связи с малой родиной, оставались в приютах Смоленска. Специальные приюты для детей Поволжья со временем расформировывали, детей распределяли по общим детским домам и колониям губернии. Особенно острой была проблема борьбы с беспризорностью в губернии в последующие годы [22]. Среди беспризорников было большое количество детей из Поволжья, лишившихся родителей и сбежавших из детских приютов.

Результаты. Микроисторический анализ материалов регионального архива показал, что процесс эвакуации населения в урожайные районы проходил в чрезвычайно сложных условиях. Разработанный централизованно план привязки голодающих губерний к урожайным вышел из-под контроля в первые месяцы эвакуации. Смоленская губерния, являясь важнейшим железнодорожным узлом, столкнулась с массовым и неконтролируемым наплывом беженцев. Региональные материалы показали, что положение многих семей, эвакуированных в Смоленскую губернию, мало

чем отличалось от их жизни в Поволжье. Основные усилия в регионе были брошены на организацию социальной работы с эвакуированными детьми. Число прибывших детей было в 2 раза больше планируемых значений. Работа с эвакуированными детьми стала серьезным испытанием для органов местной власти прежде всего потому, что содержание прибывавших в губернию должно было полностью финансироваться регионами. Новая система социальной работы по охране материнства и детства не была до конца сформирована. Впервые была опробована новая модель благотворительности, которая состояла в массовом и обязательном участии всех групп населения. Основными методами работы с детьми были: размещение их в специализированных детских домах, открытие отраслевых детских домов, которые содержались соответствующими организациями и предприятиями, открытие изоляторов и распределителей, определение детей на патронатное воспитание. Широкое распространение получил вынужденный отказ родителей-беженцев от детей с целью спасения их от голодной смерти. Практиковалась временная отдача детей в крестьянские семьи для сельскохозяйственных работ. Бюрократические проволочки, межведомственная несогласованность, халатность на местах приводила к плохому обеспечению детей питанием и одеждой. Косвенные данные свидетельствуют о высокой детской смертности. Многие дети остались в приютах Смоленска и не были реэвакуированы. Проблема детской беспризорности и организации функционирования детских приютов стала одной из центральных в социальной работе по охране материнства и детства в регионе в последующее десятилетие. Организация социальной помощи эвакуированным семьям и детям в экстренных условиях оказала влияние на выстраивание социальной политики советского государства в отношении охраны материнства и детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадмаева Е. Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. 2010. №4. С. 47–59.

2. Выходцев С. Помощь иностранцев голодающим детям Поволжья. М.: Тип. М.Г.С.Н.Х., 1922. 14 с.

3. Дети Поволжья в Смоленской губернии // Смоленская новь. 1922. № 1. С. 4–5.

4. Деткомиссия помощи голодающим в Смоленске // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 15. 86 л.

5. Макеева Е. Д. Социоприродные аспекты причин и следствия голода 1921–1923 гг. // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 170–175.

6. Изъятие церковных ценностей // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 36. 23 л.

7. Именной список детей Дома ребенка // ГАСО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 8. 68 л.

8. Карточки детей, эвакуированные из голодающих местностей // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 41. 321 л.

9. Карточки детей, эвакуированных из голодающих местностей // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 24. 380 л.

10. Комиссия по отправке беженцев // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 37. 412 л.

11. Копии циркуляров Центральной комиссии помощи голодающим // ГАСО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1. 653 л.

12. Материалы о работе приюта-распределителя детей из Поволжья // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 532. 123 л.

13. Материалы о состоянии детских домов // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 627. 341 л.

14. Мицюк Н. А. «От теории к практике, от центра к периферии»: охрана материнства и младенчества в регионах советской России в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 1. С. 62–86.

15. Никонова О. Ю., Кравченко Е. В. Современная историография российского детства «эпохи катастроф» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 47–55.

16. Обезженцах // ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 28. 285 л.

17. О детях Поволжья // ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. 87 л.

18. О детях приюта // ГАСО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 9. 173 л.

19. Общежитие беженцев Гусарских казарм // ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 29. 159 л.

20. Организация недели по охране материнства и младенчества // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 766. 254 л.

21. Отчеты уездных комиссий Помгола // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 33. 397 л.

22. Переписка о борьбе с беспризорностью // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 2. Д. 229. 187 л.

23. Переписка о детях Поволжья // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 12. 312 л.

24. Переписка с Домом ребенка // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 531. 290 л.

25. Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгогр.: Волгогр. науч. изд-во. 2007. 735 с.

26. Поляков В. А. Голод в Поволжье: первый опыт государственной помощи в 1921 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 12. С. 18–32.

27. Постановление IX Всероссийского съезда советов от 24.02.1922. № 51 // Известия ВЦИК. 1921. 30 дек.

28. Протоколы заседания чрезвычайной комиссии о положении беженцев // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 248. 267 л.

29. Резолюции 1-3 съезда по охране здоровья детей // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 75. 176 л.

30. Сажина Н. С. Помощь беспризорным детям в голодные годы (1921–1925) на Урале // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2010. № 1. С. 84–89.

31. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2015. 401 с.

32. Смирнова Т. М. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917–1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. С. 226–245.

33. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. 1207 с.

34. Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921–1923 гг.) // Эхо веков. 2016. № 3-4. С. 71–78

35. Филимонов А. В. Дети Поволжья в Псковской губернии // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2018. № 49. С. 110–118.

36. Хабибулин А. Голод 1921–1923 гг. глазами жителей Татарских сел Саратовского Заволжья // Родной край. Казань. 2022. №3-4. С. 75–86

37. Хайруллина А., Валиахметов А. «Принять детей не можем, детдома переполнены» // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2012. № 1-2. С. 68–71.

38. Kirschenbaum L. A. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. N. Y.: Routledge Falmer, 2001. 232 p.

1921 and 1933]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 2010, no. 4, pp. 47-59.

2. Vyhodcev S. *Pomoshh inostrancev golodajushhim detjam Povolzhja* [Foreigners' Aid to Starving Children of the Volga Region]. Moscow, Tip. M.G.S.N.H., 1922. 14 p.

3. *Deti Povolzh'ja v Smolenskoj gubernii* [Children of the Volga Region in the Smolensk Province]. *Smolenskaja nov*, 1922, no. 1, pp. 4-5.

4. *Detkomissija pomoshhi golodajushhim v Smolenske* [Children's Commission for Famine Relief in Smolensk]. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 15. 86 l.

5. Makeeva E.D. *Socioprirodnye aspekty prichin i sledstvija goloda 1921–1923 gg.* [Socio-Natural Aspects of the Causes and Consequences of the Famine of 1921–1923]. *Samarskij nauchnyj vestnik*, 2023, vol. 12, no. 1, pp. 170-175.

6. *Izjatie cerkovnyh cennostej* [Seizure of Church Valuables]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 36. 23 l.

7. *Imennoj spisok detej Doma rebenka* [Nominal List of Children of the Children's Home]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-460, inv. 1, d. 8. 68 l.

8. *Kartochki detej, evakuirovannye iz golodajushhih mestnostej* [Cards of Children Evacuated from Starving Areas]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 41. 321 l.

9. *Kartochki detej, evakuirovannyh iz golodajushhih mestnostej* [Cards of Children Evacuated from Starving Areas]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 24. 380 l.

10. *Komissija po otpravke bezhencev* [Commission on Sending Refugees]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 37. 412 l.

11. *Kopii cirkuljarov Centralnoj komissii pomoshhi golodajushhim* [Copies of Circulars of the Central Commission for Famine Relief]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1320, inv. 1, d. 1. 653 l.

12. *Materialy o rabote prijuta-raspredelitelja detej iz Povolzhja* [Materials on the Work of the Shelter-Distributor of Children from the Volga Region]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 532. 123 l.

13. *Materialy o sostojanii detskih domov* [Materials on the State of Orphanages]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132. inv. 1. d. 627. 341 l.

14. Mitsyuk N.A. «Ot teorii k praktike, ot centra k periferii»: ohrana materinstva i mladenchestva v regionah sovetskoj Rossii v 1920-e gody [From Theory to Practice, from the Center to the Periphery: Protection of Motherhood and Infancy in the Regions of Soviet Russia in the 1920s]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija*, 2023, no. 1, pp. 62-86.

REFERENCES

1. Badmaeva E.N. *Golod v Nizhnem Povolzhye v 1921 i 1933 gg.* [Famine in the Lower Volga Region in

15. Nikonova O.Ju., Kravchenko E.V. *Sovremennaja istoriografija rossijskogo detstva «epohi katastrof»* [Modern Historiography of Russian Childhood “Epoch of Catastrophes”]. *Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: socialno-gumanitarnye nauki*, 2021, no. 3, pp. 47-55.
16. O bezhencah [About Refugees]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 28. 285 l.
17. O detjah Povolzhja [About the Children of the Volga Region]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 8. 87 l.
18. O detjah prijuta [About the Children of the Orphanage]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-460, inv. 1, d. 9. 173 l.
19. Obshhezhitie bezhencev Gusarskih kazarm [Hostel of Refugees of Hussar Barracks]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 29. 159 l.
20. Organizacija nedeli po ohrane materinstva i mladenchestva [Organization of the Week for the Protection of Motherhood and Infancy]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 766. 254 l.
21. Otchety uezdnyh komissij Pomgola [Reports of the County Commissions of Pomgol]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 33. 397 l.
22. Perepiska o borbe s besprizornostju [Correspondence About the Fight Against Homelessness]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 2, d. 229. 187 l.
23. Perepiska o detjah Povolzhja [Correspondence About the Children of the Volga Region]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 12. 312 l.
24. Perepiska s Domom rebenka [Correspondence with the Children’s Home]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 531. 290 l.
25. Poljakov V.A. *Golod v Povolzhje, 1919–1925 gg.: proishozhdenie, osobennosti, posledstvija* [Famine in the Volga Region, 1919–1925: Origin, Features, Consequences]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2007. 735 p.
26. Polyakov V.A. *Golod v Povolzhje: pervyj opyt gosudarstvennoj pomoshhi v 1921 g.* [Volga Region: First Experience of State Aid in 1921]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2007, no. 12, pp. 18-32.
27. Postanovlenie IX Vserossijskogo syezda sovetov ot 24.02.1922. № 51 [Resolution of the 9th All-Russian Congress of Soviets of Feb. 24, 1922. No. 51]. *Izvestiya VTSIK, 1921, Dec. 30.*
28. Protokoly zasedanija chrezvychajnoj komissii o polozhenii bezhencev [Minutes of the Meeting of the Emergency Commission on the Situation of Refugees]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 248. 267 l.
29. Rezoljucii 1-3 syezda po ohrane zdorovja detej [Resolutions 1-3 of the Congress on the Protection of Children’s Health]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 75. 176 l.
30. Sazhina N.S. *Pomoshh besprizornym detjam v golodnye gody (1921–1925) na Urale* [Assistance to Street Children in the Hungry Years (1921–1925) in the Urals]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija*, 2010, no. 1, pp. 84-89
31. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940* [Children of the Soviet Country: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 2015. 401 p.
32. Smirnova T.M. «Luchshe vyvesti i rastreljat»: Sovetskaja vlast i golodnye deti (1917–1923 gg.) [“It Would Be Better to Withdraw and Shoot”: Soviet Power and Hungry Children (1917–1923)]. *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovanij*, 2003, pp. 226-245.
33. *Sobranie zakononij i rasporyzhenij pravitelstva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of Laws and Government Orders for 1921. Administration of Affairs of the USSR Council of People’s Commissars]. Moscow, 1944. 1207 p.
34. Fedotova A. «My s pereseleniem uzhasno provalilis» (Evakuacija kak odin iz vidov pomoshhi golodajushhim TASSR v 1921–1923 gg. [“We Failed Terribly with Resettlement”] (Evacuation as One of the Types of Assistance to the Starving of the TASSR in 1921–1923)]. *Ekhho vekov*, 2016. no. 3-4, pp. 71-78.
35. Filimonov A.V. *Deti Povolzhja v Pskovskoj gubernii* [Children of the Volga Region in Pskov Province]. *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal*, 2018, no. 49, pp. 110-118.
36. Habibulin A. *Golod 1921–1923 gg. glazami zhitelej Tatarskih sel Saratovskogo Zavolzhja* [Famine of 1921–1923 Through the Eyes of the Inhabitants of the Tatar Villages of the Saratov Volga Region]. *Rodnoj kraj. Kazan*, 2022, no. 3-4, pp. 75-86.
37. Khairullina A., Valiakhmetov A. «Prinjat detej ne mozhem, detdoma perepolneny» [“We Cannot Accept Children, Orphanages Are Overcrowded”]. *Gasyrlar avazy. Eho vekov*, 2012, no. 1-2, pp. 68-71.
38. Kirschenbaum L.A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York, Routledge Falmer, 2001. 232 p.

Information About the Author

Natalia A. Mitsyuk, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Krupskaya St, 28, 214019 Smolensk, Russian Federation; Leading Researcher, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, ochlokratia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9862-1272>

Информация об авторе

Наталья Александровна Мицюк, доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, ул. Крупской, 28, 214019 г. Смоленск, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, ochlokratia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9862-1272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.16>

UDC 94(470.4)«1930»:656.611.2
LBC 63.2(235.4)614-2

Submitted: 18.09.2024
Accepted: 20.11.2024

PASSENGER SERVICE IN THE VOLGA RIVER FLEET IN 1930s

Olesya A. Gomanenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is about passenger service in the Volga water transport in the pre-war period. In 1943 the Upper, Middle, and Lower Volga steamship lines were organized. At that time measures were taken to attract traffic, including passenger transportation, by the river. *Methods and materials.* The study is based on the objectivity principles and applies general scientific as well as specific historical methods. The paper is mainly based on unpublished materials from the federal and regional archives of the Russian Federation. *Analysis.* In the second half of the 1930s, the material base of the river fleet (the Volga included) was modernized. The technical equipment strengthening made it possible to increase cargo and passenger traffic. The goal of the study is to establish the passenger service in the Volga Steamship Lines. The specific measures of material and domestic passenger service are considered in detail. *Results.* During the second half of the 1930s, active efforts were made to increase passenger traffic. The reconstruction of the USSR river fleet was limited. It depended on insufficient funding, as well as shortcomings in planning and general organizational activities. For those reasons, Volga water transport could not fully meet the needs of passenger service. Despite this, steamship lines tried to find opportunities to attract passengers by the river route.

Key words: river transport, Volga, passenger service, reconstruction, traffic.

Citation. Gomanenko O.A. Passenger Service in the Volga River Fleet in 1930s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 189-198. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.16>

УДК 94(470.4)«1930»:656.611.2
ББК 63.2(235.4)614-2

Дата поступления статьи: 18.09.2024
Дата принятия статьи: 20.11.2024

ПАССАЖИРСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НА ВОЛЖСКОМ РЕЧНОМ ФЛОТЕ В 1930-е ГОДЫ

Олеся Александровна Гоманенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В работе рассматривается пассажирское обслуживание на волжском водном транспорте в предвоенный период. В 1934 г. на Волге были образованы Верхневолжское, Средневолжское, Нижневолжское пароходства. В это время проводились мероприятия по привлечению перевозок, в том числе пассажирских, на речной путь следования. *Методы и материалы.* Статья базируется на принципах объективности и историзма. В работе применяются общенаучные и специальные исторические методы исследования. В статье используются преимущественно неопубликованные материалы из федерального и региональных архивов РФ. *Анализ.* Во второй половине 1930-х гг. проводилась модернизация материальной основы речного флота, в том числе волжского. Укрепление технической оснащённости давало возможность наращивать грузовые и пассажирские перевозки. Целью исследования является выяснение уровня пассажирского обслуживания на волжских речных пароходствах. В статье рассматриваются конкретные меры по материально-бытовому обслуживанию пассажиров. *Результаты.* На протяжении второй половины 1930-х гг. активно велись действия по увеличению пассажирского сообщения. Проводившаяся в это время реконструкция речного флота СССР имела ограниченный характер, связанный преимущественно с недостаточным финансированием, а также изъянами в планировании и общей организационной деятельности. По этим

причинам волжский водный транспорт не мог в полной мере удовлетворить потребности пассажиров в должном обслуживании. Несмотря на это, управления пароходств пытались изыскивать возможности по привлечению пассажиров на речной путь.

Ключевые слова: речной транспорт, Волга, пассажирское обслуживание, реконструкция, перевозки.

Цитирование. Гоманенко О. А. Пассажирское обслуживание на волжском речном флоте в 1930-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 189–198. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.16>

Введение. В 1934 г. на Волге были организованы Верхневолжское (ВВРП), Средневолжское (СВРП) и Нижневолжское (НВРП) речные пароходства, входившие в Волжско-Камское управление речного транспорта (ВКЦУРТ). В это время проводилась модернизация устаревшей материально-технической базы водного транспорта СССР, существенно отстававшего от железнодорожного. Однако инвестиции в развитие речного флота были ограниченными. Недостаточность капиталовложений не позволяла существенно наращивать перевозки. Из-за недофинансирования поргово-пристанского хозяйства сохранялся разрыв между его пропускной способностью и провозной способностью флота, что сказывалось и на пассажироперевозках [26, с. 159]. Волжские пароходства, выполнявшие треть перевозок по стране, испытывали серьезные трудности в качественном обслуживании пассажиров. Для привлечения на речной путь и повышения объемов перевозок необходимо было решить и другие задачи по улучшению водной инфраструктуры, планирования, организации движения флота по расписанию, непосредственного обслуживания потребителей на берегу и на протяжении всего пути следования. Цель исследования – выяснить уровень пассажирского обслуживания в пароходствах Верхней, Средней и Нижней Волги в предвоенный период.

Методы и материалы. Работа базируется на принципах объективности и историзма. Для подготовки статьи использовались общенаучные и специальные исторические методы исследования. Историко-генетический метод позволил проследить изменения в обслуживании пассажиров как с момента образования волжских пароходств, так и на последующих этапах. Использование историко-сравнительного метода помогло сопоставить результаты проделанной работы в разные годы. С помощью историко-системного мето-

да удалось рассмотреть развитие пассажирообслуживания во всей транспортной сети как поволжских регионов, так и в целом страны. Основные источники – делопроизводственные документы из фондов Российского государственного архива экономики, Центрального архива Нижегородской области, Центрального государственного архива Самарской области, Государственного архива Волгоградской области, где отразилось положение с обслуживанием пассажиров на Волге изучаемого периода. В историографии исследуемый вопрос фактически не освещен. В научной литературе в обобщенном виде рассматривалась работа речного флота СССР во второй половине 1930-х годов. В частности, показана деятельность водного транспорта в сравнении с железнодорожным сообщением, а также в контексте развития пассажироперевозок и капитального строительства на Верхней, Средней и Нижней Волге [1; 10; 11; 12; 26].

Анализ. Образованные в 1934 г. Верхневолжское, Средневолжское и Нижневолжское пароходства не полностью справились со своими заданиями текущей навигации. Так, ВВРП, не имевшее утвержденного годового плана, выполнило задание по отправке пассажиров на 80 % [16, л. 8; 17, л. 1–2]. В своей деятельности Верхневолжскому пароходству приходилось руководствоваться квартальными планами. На ситуацию повлиял и снизившийся почти в два раза пробег в транзитном сообщении. Это произошло из-за уменьшения переброски рабочих в связи с окончанием строительства ряда крупных промышленных объектов. Помимо того, понизились нормы вместимости пассажирских судов. С навигации 1934 г. запрещалась перегрузка судов палубными пассажирами на небольших дистанциях. Ранее перегруз доходил до 50 %. Несоблюдение расписания, поломки и, соответственно, внеплановый ремонт также повлияли на плановые показатели. Одна из главных

проблем заключалась в недостатке пассажирских мощностей. Остро не хватало новых катеров и пароходов.

Сложилась ситуация, когда велся учет только платных пассажиров. При этом многие имели право на бесплатный проезд, но этот показатель не учитывался в общей отправке пассажиров. Верхневолжское пароходство работало и представило в ВКЦУРТ проект организации учета таких перевозок на 1935 год. Например, за 1934 г. на основе количества выданных бесплатных билетов флотом ВВРП было совершено свыше 28 млн пассажиро-километров. Остро стоял вопрос о качественном обслуживании пассажиров, в том числе даже на главных волжских пристанях. Горьковский порт являлся одной из крупнейших пристаней не только на Верхней Волге. В связи с реорганизацией учета перевозок пассажиров средства на их обслуживание к началу навигации 1934 г. так и не были выделены [13]. Такая ситуация являлась общей проблемой для всех волжских пароходств.

Фактически всю вторую половину 1930-х гг. шло строительство главной пристани Верхней Волги – Горький. Крупнейшей пристанью на Средней Волге являлся Куйбышевский порт, возведение здания вокзала в частности завершилось в 1935 году. Капитальное строительство происходило и на главных пристанях Нижней Волги – Сталинград и Астрахань. Однако процесс модернизации протекал медленно и испытывал финансовые проблемы. Обновить материально-техническую базу волжских пароходств и коренным образом улучшить пассажирское обслуживание в такой ситуации было невозможно.

Трудности испытывало главным образом дебаркадерное хозяйство, не соответствующее наращиванию перевозок. Дебаркадеры использовались как причальные пункты преимущественно для выгрузки и погрузки пассажиров и грузов. Они представляли собой плавучую пристань, измерявшуюся в длину (в погонных метрах). На них также могло размещаться оборудование для организации погрузочно-разгрузочных работ.

Физическое состояние дебаркадеров продолжало стареть и требовало замены или капитального ремонта. Например, в навигацию 1934 г. в эксплуатации Нижневолжского паро-

ходства находилось несколько единиц в возрасте от 40 до 75 лет. Лишь 20 % дебаркадеров Нижней Волги была ниже 10-летнего возраста. Зачастую взамен дебаркадеров использовались баржи, берлины, плашкоуты и др. Многие пункты не имели причального оборудования, тогда суда приставали прямо к берегу. Так, на местные линии НВРП требовалось около 120 дебаркадеров, но в наличии было только 40. В течение второй половины 1930-х гг. новых единиц поступало крайне мало. Обслуживание пассажиров через дебаркадеры происходило не качественно, так как часть их не имела соответствующих помещений. Положение усугубляли частые простои флота. В основном такие пункты не имели комнат матери и ребенка, буфетов. Часто дебаркадеры находились в антисанитарных условиях. Неудовлетворительно было организовано питание и на пассажирских судах (высокие цены, низкое качество продукции, очереди) [11, с. 27].

Несмотря на то, что план по пассажиро-перевозкам в 1936 г. Нижневолжское пароходство выполнило, количество транзитных пассажиров значительно сократилось (почти в два раза по сравнению с 1934 г.) [20, л. 7]. Сохранялось неудовлетворительное обслуживание пассажиров (антисанитарное состояние судов, плохое питание, отсутствие постельных принадлежностей, очереди в кассах на вокзалах, недостаточная информированность и др.) [19, л. 8 об.]. На дальние расстояния требовалось больше мягких мест и кают нежели на короткие дистанции. Для этого необходимо было сократить (переоборудовать) неудобные для длительных поездок общие пассажирские помещения. Транзитное сообщение на дальние расстояния требовало кардинального улучшения качества обслуживания пассажиров. В этом плане работа по привлечению пассажиров на реку не была достаточно эффективной, но здесь нужно учитывать, что интенсивно развивалось железнодорожное сообщение, имевшее круглогодичную единую транспортную сеть.

К концу второй пятилетки увеличились речные пассажирские перевозки. Неблагоприятные условия последних двух навигаций в меньшей степени сказались на них. Наибольшее количество пассажиров было перевезено именно в пригородном и внутригородском со-

общении, что было вызвано ростом городского населения. В то же время уменьшение количества транзитных и местных пассажиров являлось следствием улучшения организации и увеличения скорости железнодорожного сообщения [1, с. 221].

В навигацию 1937 г. ВВРП имело три транзитно-пассажирские линии: две скорые (Горький – Астрахань, Рыбинск – Горький) и одну пассажирскую (Рыбинск – Горький) [29, л. 43 об.]. На каждой линии не хватало пароходов. Даже при отсутствии одного судна нарушалась планомерная работа. К тому же нехватка дебаркадеров на пристанях ухудшала обслуживание. Под пассажирские павильоны оборудовали и лабазы (складские помещения). В Казани и Кинешме бывшие склады были переустроены для местного сообщения. Такие павильоны не отличались комфортом и не могли обслуживать большое количество людей из-за своих небольших размеров. Кроме того, и привокзальные площади не всегда были благоустроены должным образом. При ежегодном перераспределении стоечного флота поступавшие единицы могли использоваться для обслуживания пристаней, а могли быть переоборудованы под жилые помещения. Например, перешедший от Московско-Окского пароходства дебаркадер был отдан под общежитие грузчиков на Окском причале в Горьком [29, л. 44].

В 1937 г. в Горьком был введен в эксплуатацию только один вокзал, являвшимся третьим пассажирским вокзалом для отправления пароходов местных линий, а также Москва – Уфа, Москва – Горький [29, л. 44]. Обслуживание пассажиров на крупных пристанях ВВРП происходило через береговые вокзалы, находившиеся в Рыбинске, Горьком, Казани, Кинешме. В 1938 г. добавился еще вокзал в Камском Устье (перешедший от СВРП). Несмотря на кустарный тип, все вокзалы крупных пристаней располагали залами ожидания и билетными кассами. Кроме этого, имелись комнаты матери и ребенка, камеры хранения, парикмахерские, справочные бюро, ателье, газетные киоски и т. д. Например, в навигации 1938 г. на крупных пристанях Верхней Волги всего насчитывалось 14 комнат матери и ребенка на 172 кровати. На 1938 г. пристаням на ремонт вокзальных по-

мещений было выделено около 243,0 тыс. рублей. Дополнительно свыше 25,0 тыс. рублей отводилось транзитному флоту для приобретения книг в судовые библиотеки, инвентаря для пассажирских кают (графины, картины, ковровые дорожки, шахматы и т. п.) [18, л. 134 об.].

Дооборудование пассажирских судов мягкими местами являлось насущной проблемой особенно в летнее время. Неудобные плацкартные каюты вызывали много нареканий со стороны потребителей. Кроме того, как и прежде пассажиры жаловались на питание на вокзалах и судах. В 1938 г. на пристанях и вокзалах ВВРП действовало 11 ресторанов. Основной их недостаток – это ограниченный ассортимент и преобладание продажи алкогольной продукции [18, л. 134]. В навигацию 1939 г. обслуживание пассажиров питанием было несколько лучше, особенно в ресторанах паротеплоходов «Парижская коммуна», «М. Калинин», «III Интернационал», «Володарский», «Гражданка», «А. Жданов». В целом в летний период не хватало флота для местных и пригородных пассажирских перевозок [30, л. 129 об.].

Самый крупный береговой вокзал ВВРП в Горьком состоял из двух павильонов (пассажирский и кассовый). В пассажирской части находились зал ожидания, комната матери и ребенка, ресторан, красный уголок. За 1937 г. удалось благоустроить береговую площадь перед двумя плавучими вокзалами (асфальтированные дорожки, клумбы и газоны, скамейки и т. д.). Однако вместо капитального здания берегового пассажирского вокзала продолжал функционировать временный. Ветхость перекрытий и кровли вокзала не могла обеспечить комфортное пребывание пассажиров в непогоду [29, л. 44]. По этой причине в навигацию 1938 г. техническая комиссия закрыла часть Горьковского порта для эксплуатации [18, л. 134]. В 1939 г. левое крыло вокзала так и не окрыли, хотя остальные здания Горьковского порта отремонтировали. Однако порт нуждался в постройке нового вокзала – павильона. Текущий ремонт был произведен на крупных пристанях в Рыбинске, Казани, Камском Устье. Полное переоборудование произошло на вокзале Кинешмы. Всего на ремонт береговых вокзалов (крупных пристаней) ВВРП получило от Московско-Волж-

ско-Камского Центрального управления речного флота (МВКЦУРФ) в 1939 и 1940 гг. по 130,0 тыс. рублей [30, л. 130; 31, л. 153 об.]. В 1940 г. за счет средств капстроительства в Казани был построен новый береговой павильон для обслуживания пассажиров местной и пригородных линий [31, л. 153 об.].

Причалное оборудование остальных транзитных и местных пристаней ВВРП было наполовину изношено. Вопрос нового судостроения дебаркадеров был злободневным, особенно для обслуживания пассажиров. За последние пять лет строительство новых дебаркадеров фактически прекратилось. В 1938 г. из 197 пристаней ВВРП 23 пункта оборудованы были коряками и дощаниками. Ряд причальных пунктов пригородного сообщения в Ярославле не имели крытых помещений. Часть пунктов в районе Казани, Чебоксар, Кинешмы и др. обслуживались только мостками [18, л. 134 об.–135]. В 1939 г. уже 20 % пристаней ВВРП были оборудованы дощаниками [30, л. 130].

В 1937 г. пассажироперевозки (около 19 млн человек) волжским флотом составили почти треть от перевозок по СССР. В навигацию 1937 г. все пароходства Волги перевыполнили свои планы по пассажирскому сообщению более чем на 20 %. Нижневолжское пароходство на треть увеличило объемы пассажироперевозок по сравнению с 1936 г. [21, л. 92] также как и ВВРП. СВРП, напротив, несколько сократило отправку пассажиров. Снизившееся за прошлые годы транзитное сообщение немного увеличилось, особенно по НВРП и ВВРП. В 1937 г. транзитное и местное сообщения были на одном уровне. Пригородное и внутригородское пассажирское сообщение резко увеличилось в сравнении с 1936 г. [27, л. 19].

Местным пристаням волжских пароходств также необходимо было обеспечить соответствующее обслуживание пассажиров, так как некоторые из них обслуживали протяженный маршрут. Так, в 1937 г. произошло разукрупнение Горьковской пристани ВВРП на отдельные перворазрядные пристани: Горький – Городская, Горький – Сибирская, Горький – Молировка [15, л. 3]. Например, Горький – Городская обслуживала местные перевозки на участке Волги в 183 км. Пристань располагала пятью местными и четырьмя

транзитными дебаркадерами, тремя вокзальными пассажирскими павильонами. За навигацию 1937 г. Горький – Городская перевезла десятую часть от всех пассажироперевозок ВВРП [5, л. 1–1 об., 16; 28, л. 1].

Общий волжский пассажирооборот в 1937 г. увеличился на 22 % [2, с. 97]. Чуть больше половины пассажирского оборота Волги во второй половине 1930-х гг. всегда приходилось на долю Нижневолжского бассейна. В целом с момента организации ВВРП, СВРП и НВРП в 1934 г. и по 1939 г. водный транспорт Волги постепенно увеличивал грузо- и пассажироперевозки. Так, пассажирское сообщение по Нижней Волге каждый год понемногу возрастало и в 1938 г. увеличилось более чем на треть по сравнению с 1936 г. [12, с. 40].

Перевозка пассажиров ВВРП в 1939 г. была выполнена на 94 %, что значительно выше показателей прошлой навигации [30, л. 124 об.]. Почти третья часть в отправке пассажиров в 1939 г. принадлежала Горьковскому порту [4, л. 8]. Самые большие капиталовложения по объектам Наркомата речного флота (НКРФ) приходились на Горьковский регион, что было связано со строительством именно Горьковского порта [10, с. 84].

Средневолжское пароходство в 1939 г. не выполнило план пассажироперевозок. На это повлияло и сокращение на 20 % мощностей пассажирского флота (особенно за два последних года). Кроме этого, пассажирские суда СВРП весной переключались на грузовые перевозки [12, с. 40]. Местное и пригородное сообщение составляло две трети от общего отправления [8, л. 40]. Более 40 % пассажироперевозок СВРП приходилось на Куйбышевскую пристань, хотя она не полностью справилась с заданием 1939 г. [3, л. 2].

К открытию навигации 1939 г. был отремонтирован вокзал Куйбышева. На его территории действовали залы ожидания, камеры хранения, комнаты для отдыха, матери и ребенка, военных, а также киоски, буфеты и плавающий ресторан [3, л. 8 об.–9]. Плавающие вокзалы действовали только в Ульяновске, Куйбышеве и Саратове. На время ремонта в 1939 г. Куйбышевского дебаркадера использовался плавающий вокзал с канала Москва – Волга. Ульяновск не располагал своим береговым вокзалом, а арендовал здание, которое нуждалось

в капитальном ремонте. Всего на ремонт вокзального хозяйства СВРП в 1939 г. отводилось 100,0 тыс. рублей [24, л. 16 об.]. В 1940 г. на это было потрачено уже 148,0 тыс. рублей (построены помещения для ожидания на части пристаней, остальные отремонтированы, оборудованы мебелью) [6, л. 15 об.].

На основных крупных пристанях Средней Волги (Вольск, Хвалынский, Куйбышев, Сызрань, Ульяновск) пассажирообслуживание находилось в относительно хорошем состоянии. Однако вокзал Вольска был построен 60 лет назад и требовал реконструкции. После перестройки вокзала в Хвалынске, он стал одним из лучших среди трехразрядных пристаней на Волге. Остальные пункты испытывали те же трудности, что и все волжские пристани: ветхость дебаркадеров или их отсутствие. С каждым годом стоечный флот старел и не пополнялся новым. Так, в навигацию 1939 г. перестали эксплуатироваться шесть дебаркадеров у ряда средневожских пристаней (Алексеевка, Батраки, Золотое, Ульяновск и др.). Лишь 61 из 86 пристаней была оборудована дебаркадерами (без учета их технического состояния) [24, л. 16, 18]. В 1940 г. количество таких пристаней увеличилось. Вместо дебаркадеров использовались суда из консервации или служебно-вспомогательные [6, л. 16].

Для привлечения пассажиров организовывалась справочная работа со специальными бюро на вокзалах. Расписание пароходов вывешивалось в ряде крупных учреждений, общественных местах, публиковалось в газетах, объявлялось по радио. Так, редакция газеты «Сталинец» издала справочник-путеводитель по Средней Волге. Билетные кассиры систематически выезжали к поездам железной дороги, в дома отдыха (по крупным пристаням СВРП). Весь пассажирский флот перед открытием навигации 1939 г. прошел ремонт и пополнился мебелью, инвентарем, в том числе культурно-досуговым (шашки, шахматы, бильярд, домино, газеты). Транзитные пароходы и часть местных были радиофицированы. Эти мероприятия продолжились и в следующую навигацию 1940 году. Для матерей с детьми на всех пароходах отводились отдельные каюты или специальные места. Помимо этого, на транзитных пассажирских судах действовали парикмахерские, выдача

постельного белья, камеры хранения ручного багажа [24, л. 16–17]. Однако организовать библиотеки, несмотря на наличие кредитов на эти цели, не удалось из-за отсутствия литературы [6, л. 16].

Аналогичные мероприятия проводились и в остальных пароходствах. В ВВРП были кассы заказов билетов с доставкой на дом, а также круглосуточная касса. На привокзальной площади Горьковского порта организовали стоянку для автомобильных такси [4, л. 11–11 об.]. Проводимая работа сталкивалась с прежними препятствиями: не выдерживался график движения пассажирского флота, недостаточно хорошо проходила предварительная продажа билетов, не доставало вокзальных помещений, на судах не хватало мягких мест, отсутствовал ассортимент в пунктах питания и т. д.

В навигацию 1939 г. МВКЦУРФ признал неудовлетворительной работу пассажирского флота Верхней и Нижней Волги. Несоблюдение расписания влекло за собой работу с недогрузом, опозданием. Кроме того, пассажирские суда несвоевременно снабжались топливом. В навигацию 1940 г. по МВКЦУРФ устанавливалось 13 транзитных линий, закрепленных за определенными пароходствами с количеством суток, необходимых для полного оборота судов на линии. Например, продолжительность оборота пассажирской линии «Горький – Астрахань» (СВРП) составляла 18 суток, «Горький – Рыбинск» (ВВРП) – 5 суток, рефрижераторной пассажирской линии «Горький – Астрахань» (НВРП) – 19 суток и др. [25, л. 47].

В волжском пассажирском сообщении в 1940 г. по-прежнему лидировало Нижневожское пароходство. Пассажироперевозки по СВРП резко возросли (на 27 %) относительно 1939 г. в основном за счет пригородного сообщения. Однако и внутригородские пассажирские перевозки увеличились в два раза. Это был самый высокий показатель за годы существования СВРП. ВВРП также перевыполнило задание по пассажироперевозкам 1940 г. и показатели 1939 г. [6, л. 2 об.–3; 9, л. 163, 164, 165; 22, л. 5 об., 6].

Главным пунктом Нижней Волги являлся Сталинградский порт. На его территории находились предприятия общественного питания и обширная торговая сеть: магазины и

ларьки с продуктовыми и промышленными товарами; овощные, хлебные и бакалейные лавки (в том числе плавающие); павильон с прохладительными напитками. На территории транзитного вокзала располагались два плавающих ресторана и столовая, где ежедневно обслуживалось около 3,0 тыс. человек. Между участками порта размещалась пристань Сталинградского местного флота с пассажирским вокзалом. В качестве причала использовался дебаркадер для Городской переправы [14, л. 33–33 об., 37]. Сталинградская местная пристань обслуживала 12 линейных пристаней, причальное оборудование которых составляли только дебаркадеры [7, л. 4]. В навигацию 1940 г. местный флот перевыполнил план и перевез 40 % пассажиров Нижней Волги [32, л. 12 об.].

Астраханский порт НВРП был территориально разрознен. Грузовые и пассажирские набережные стояли на деревянных сваях и нуждались в перестройке и ремонте. На территории порта располагалась Астраханская пристань местного флота. На грузовом участке размещались Управление пристани и пассажирский вокзал. Расположенные в районе дельты Волги населенные пункты имели только речные пути сообщения. По этой причине Астраханский местный флот, обслуживавший свыше 2,0 тыс. км пассажирских линий, обладал исключительной важностью в пассажирообслуживании. В навигацию 1940 г. Астраханская местная пристань перевезла половину всех пассажиров НВРП. Пристань имела 114 причальных пунктов, многие из которых не имели технического оборудования [14, л. 51, 54; 23, л. 3]. Дебаркадеры были только на половине пристаней [7, л. 3 об.].

Результаты. Таким образом, во второй половине 1930-х гг. модернизация речного транспорта, в том числе Волги, осуществлялась крайне медленно. Это отражалось на темпах перевозок. Для роста пассажиропотока качественное обслуживание потребителей играло важную роль. На ситуацию влиял не только недостаток финансирования речного транспорта. Необходимо было усовершенствовать планирование, диспетчерскую систему и организовать более эффективное руководство движением флота, в том числе по расписанию. Зачастую график движения пас-

сажирского флота не соблюдался, недостаточно хорошо была налажена предварительная продажа билетов, не хватало мягких кают на судах, не доставало вокзальных помещений, отсутствовал широкий ассортимент в буфетах и др. Несмотря на проводившуюся работу по привлечению пассажиров на речной путь сообщения, негативные моменты в обслуживании сохранялись на протяжении всего предвоенного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амусин М. Д. Речной транспорт в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1933–1937 годы). М.: Речной трансп., 1963. 238 с.
2. Водный транспорт в 1937 г. Статистические сведения о речном и морском транспорте НКВТ. М.: Вод. трансп., 1938. 435 с.
3. Годовой бухгалтерский отчет пристани Куйбышев СВРП за 1939 г. и объяснительная записка к нему // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-135. Оп. 10. Д. 17. 123 л.
4. Годовой отчет по основной деятельности Горьковского речного порта ВВРП за 1939 г. // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1631. Оп. 7. Д. 598. 211 л.
5. Годовой отчет по основной деятельности пристани Горький – Городская ВВРП. 1937 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 244. 112 л.
6. Годовой отчет по основной деятельности СВРП за 1940 г. // ЦГАСО. Ф. Р-135. Оп. 7. Д. 15. 102 л.
7. Годовой отчет УНВРП за 1940 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 11. Д. 1025. 81 л.
8. Годовой производственно-статистический отчет СВРП за 1939 г. // ЦГАСО. Ф. Р-135. Оп. 9. Д. 24. 96 л.
9. Годовые отчеты о перевозках пассажиров по пароходствам НКРФ за 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 8. 197 л.
10. Гоманенко О. А. Капитальное строительство на речном транспорте СССР к началу Великой Отечественной войны (на примере волжских пароходств) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7>
11. Гоманенко О. А. Основная хозяйственная деятельность речного флота Волги в условиях реформирования системы управления водного транспорта

СССР в 1934 году // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 25–30.

12. Гоманенко О. А. Реорганизация работы водного транспорта СССР во второй половине 1930-х годов (на примере волжских речных пароходств) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2 (59). С. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-59-2-036-042>

13. Горьковский портовик. 1934. 9 апреля. С. 1.

14. Краткое описание НВРП и Сталинградского речного порта за 1940 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 557. Оп. 19. Д. 1. 191 л.

15. Объяснительная записка к годовому отчету по основной деятельности ВВРП. 1937 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 223. 54 л.

16. Отчет ВВРП по основной деятельности за 1934 г. Т. 1. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1612. 91 л.

17. Отчет ВВРП по основной деятельности за 1934 г. Т. 2. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1613. 64 л.

18. Отчет ВВРП по эксплуатационной деятельности и промпредприятиям за 1938 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4916. 251 л.

19. Отчет НВРП по основной деятельности за 1935 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 2401. 134 л.

20. Отчет НВРП по основной деятельности за 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 3564. 118 л.

21. Отчет НВРП по основной деятельности за 1937 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 4273. 103 л.

22. Отчет о выполнении плана перевозок грузов и пассажиров ВВРП. 1940 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 712. 50 л.

23. Отчет по основной деятельности НВРП за 1934 г. // РГАЭ. Ф. 7458. Оп. 1. Д. 1625. 111 л.

24. Отчет УСВРП за 1939 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 727. 118 л.

25. Приказы НКРФ СССР № 21–33 и материалы к ним. 1940 г. // РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 1. Д. 185. 103 л.

26. Речной транспорт за 50 лет Советской власти. М.: Трансп., 1967. 335 с.

27. Статистические отчеты НКВТ по грузообороту, перевозкам пассажиров, аварийности на речном транспорте по пароходствам за 1937 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 230. 84 л.

28. Экономический анализ годового отчета по основной деятельности пристани Горький ВВРП. 1937 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 243. 40 л.

29. Эксплуатационный отчет ВВРП. 1937 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 217. 95 л.

30. Эксплуатационный отчет ВВРП. 1939 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 571. 190 л.

31. Эксплуатационный отчет ВВРП. 1940 г. // ЦАНО. Ф. 1631. Оп. 7. Д. 717. 268 л.

32. Эксплуатационный отчет Сталинградского местного флота за навигацию 1940 г. // ГАВО. Ф. 5513. Оп. 7. Д. 1. 71 л.

REFERENCES

1. Amusin M.D. *Rechnoj transport v period zavershenija socialisticheskoj rekonstrukcii narodnogo hozjajstva SSSR (1933–1937 gody)* [River Transport in the Final Stage of the USSR Economy Reconstruction (1933–1937)]. Moscow, Rechnoj transp. Publ., 1963. 238 p.

2. *Vodnyj transport v 1937 g. Statisticheskie svedenija o rechnom i morskome transporte NKVT* [Water Transport in 1937. Statistical Data on River and Sea Transport of NKVT]. Moscow, Vod. transp. Publ., 1938. 435 p.

3. Godovoj buhgalterskij otchet pristani Kujbyshev SVRP za 1939 g. i objasnitelnaja zapiska k nemu [Annual Accounting Report by Kuibyshev Landing of the SVRP and Explanatory Note to Them in 1935]. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti (CGASO)* [Central State Archive of Samara Region], f. R-135, inv. 10, d. 17. 123 l.

4. Godovoj otchet po osnovnoj dejatel'nosti Gorkovskogo rechnogo porta VVRP za 1939 g. [Annual Report by Gorky River Port of the VVRP on the Operational Activity in 1939]. *Centralnyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO)* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 598. 211 l.

5. Godovoj otchet po osnovnoj dejatel'nosti pristani Gorkij – Gorodskaja VVRP. 1937 g. [Annual Report by Gorky – Gorodskaja Landing of the VVRP on the Operational Activity. 1937]. *CANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 244. 112 l.

6. Godovoj otchet po osnovnoj dejatel'nosti SVRP za 1940 g. [Annual Report of the VVRP on the Operational Activity in 1940]. *CGASO* [Central State Archive of Samara Region], f. R-135, inv. 7, d. 15. 102 l.

7. Godovoj otchet UNVRP za 1940 g. [Annual Report of the UNVRP in 1940]. *Rossiyskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 11, d. 1025. 81 l.

8. Godovoj proizvodstvenno-statisticheskij otchet SVRP za 1939 g. [Annual Production and Statistical Report of the SVRP in 1939] *CGASO* [Central State Archive of Samara Region], f. R-135, inv. 9, d. 24. 96 l.

9. Godovye otchety o perevozkah passazhirov po parohodstvam NKRF za 1940 g. [Annual Reports by the Steamship Lines of the NKRF on the Passenger Transportation in 1940]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 2, d. 8. 197 l.

10. Gomanenko O.A. Kapitalnoe stroitel'stvo na rechnom transporte SSSR k nachalu Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere volzhskih parohodstv) [Capital Construction in the USSR River Transport Industry by the Great Patriotic War (The Volga Steamship Lines Case)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*

[Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 81-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.7>

11. Gomanenko O.A. Osnovnaja hozjajstvennaja dejatel'nost rechnogo flota Volgi v uslovijah reformirovanija sistemy upravlenija vodnogo transporta SSSR v 1934 godu [Main Economic Activity of the Volga River Transport in the Conditions of the Soviet Water Transport Administration Reform in 1934]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2020, no. 1, pp. 25-30.

12. Gomanenko O.A. Reorganizacija raboty vodnogo transporta SSSR vo vtoroj polovine 1930-h godov (na primere volzhskih rechnyh parohodstv) [Reorganization of the USSR Inland Water Transport in the Second Half of the 1930s (Case of the Volga Steamship Lines)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2019, no. 2 (59), pp. 36-42. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-59-2-036-042>

13. *Gorkovskij portovik* [Gorky Port Worker], 1934, April 9, p. 1.

14. Kratkoe opisanie NVRP i Stalingradskogo rechnogo porta za 1940 g. [Short Review of the Lower Volga Steamship Line and Stalingrad River Port in 1940]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region], f. 557, inv. 19, d. 1. 191 l.

15. Objasnitelnaja zapiska k godovomu otchetu po osnovnoj dejatel'nosti VVRP. 1937 g. [Explanatory Note to the Annual Report of the VVRP on the Operational Activity. 1937]. *CANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 223. 54 l.

16. Otchet VVRP po osnovnoj dejatel'nosti za 1934 g. T. 1 [Report of the VVRP on the Operational Activity in 1934. Vol. 1]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 1612. 91 l.

17. Otchet VVRP po osnovnoj dejatel'nosti za 1934 g. T. 2. [Report of the VVRP on the Operational Activity in 1934. Vol. 2]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 1613. 64 l.

18. Otchet VVRP po ekspluacionnoj dejatel'nosti i prompredpriyatijam za 1938 g. [Report of the VVRP on the Operational Activity and Industrial Establishments in 1938]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 4916. 251 l.

19. Otchet NVRP po osnovnoj dejatel'nosti za 1935 g. [Report of the NVRP on the Operational Activity in 1935]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 2401. 134 l.

20. Otchet NVRP po osnovnoj dejatel'nosti za 1936 g. [Report of the NVRP on the Operational Activity

in 1936]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 3564. 118 l.

21. Otchet NVRP po osnovnoj dejatel'nosti za 1937 g. [Report of the NVRP on the Operational Activity in 1937]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 4273. 103 l.

22. Otchet o vypolnenii plana perevozkov gruzov i passazhirov VVRP 1940 g. [Report About Plan Execution Cargos and Passengers Shipped by the VVRP. 1940]. *CANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 712. 50 l.

23. Otchet po osnovnoj dejatel'nosti NVRP za 1934 g. [Report of the NVRP on the Operational Activity in 1934]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 7458, inv. 1, d. 1625. 111 l.

24. Otchet USVRP za 1939 g. [Report of the USVRP in 1939]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 11, d. 727. 118 l.

25. Prikazy NKRF SSSR № 21–33 i materialy k nim. 1940 g. [Orders of the NKRF USSR No. 21–33 and Materials to Them. 1940]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 1, d. 185. 103 l.

26. *Rechnoj transport za 50 let Sovetskoj vlasti* [River Transport for 50 Years of Soviet Power]. Moscow, Transp. Publ., 1967. 335 p.

27. Statisticheskie otchety NKVT po gruzoobrotu, perevozkam passazhirov, avarijnosti na rechnom transporte po parohodstvam za 1937 g. [Statistical Reports by the Steamship Lines of the NKVT on Cargo Turnover, Passenger Transportation, Accidents in River Transport in 1937]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 11, d. 230. 84 l.

28. Ekonomicheskij analiz godovogo otcheta po osnovnoj dejatel'nosti pristani Gorkij VVRP. 1937 g. [Economic Analysis of the Annual Report by the Gorky Landing of the VVRP on the Operational Activity. 1937]. *CANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 243. 40 l.

29. Ekspluacionnyj otchet VVRP. 1937 g. [Operational Report of the VVRP. 1937]. *CANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 217. 95 l.

30. Ekspluacionnyj otchet VVRP. 1939 g. [Operational Report of the VVRP. 1939]. *CANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 571. 190 l.

31. Ekspluacionnyj otchet VVRP. 1940 g. [Operational Report of the VVRP. 1940]. *CANO* [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region], f. 1631, inv. 7, d. 717. 268 l.

32. Ekspluacionnyj otchet Stalingradskogo mestnogo flota za navigaciju 1940 g. [Operational Report of the Stalingrad Local Fleet in Navigation of 1940]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 5513, inv. 7, d. 1. 71 l.

Information About the Author

Olesya A. Gomanenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

Информация об авторе

Олеся Александровна Гоманенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.17>

UDC 94(574)
LBC 63.3

Submitted: 24.12.2023
Accepted: 16.04.2024

**“IN ACCORDANCE WITH THE PROVISIONS ON THE PROTECTION
OF CORRESPONDENCE ABOUT AKHMET BAITURSYNOV IN 1909”.
KAZAKH TEACHER IN THE DOCUMENTS
OF THE OMSK GENDARME DEPARTMENT**

Dmitry M. Legkiy

Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Yerden Ye. Ibrayev

Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article highlights the history of the arrest (due to political unreliability) and subsequent expulsion of the head of the Karkaraly Russian-Kyrgyz school, the famous Kazakh poet and literary figure Akhmet Baitursynov. *Methods and materials.* The authors introduce into scientific circulation the materials of the Omsk Gendarmerie Department from the funds of the State Archive of the Russian Federation. *Analysis and results.* After the revolution of 1905–1907 in the Russian Empire, A. Baitursynov, based on the real socio-political situation, took an active part in the public life of the Steppe region and was intensively engaged in scientific, educational, and literary activities. At the same time, he carried out propaganda to protect the rights of the Kazakh population, taking part in a petition campaign, which, despite non-violent forms of struggle, came into conflict with the official order. The purpose of this study was to highlight the history of the establishment of police supervision over A. Baitursynov with the identification of the reasons for the increased attention to his personality on the part of the police department. *Authors' contributions.* D. Legkiy studied the corpus of documents of the Omsk Gendarmerie Directorate from the funds of the State Archive of the Russian Federation, showed the forms and methods of political investigation by the gendarmerie and police authorities using the example of the activities of A. Baitursynov, assessed the role of the Omsk Gendarmerie Department in supervising politically unreliable persons, formulated conclusions and summed up the results scientific work done. Ye. Ibraev analyzed the historiography of the issue, reconstructed the biographical data of the leaders of the Omsk Gendarmerie Department, and compiled a scientific reference apparatus for the work.

Key words: Russia, Empire, Steppe region, Omsk, gendarmerie, police, prison.

Citation. Legkiy D.M., Ibrayev Ye.Ye. “In Accordance with the Provisions on the Protection of Correspondence About Akhmet Baitursynov in 1909”. *Kazakh Teacher in the Documents of the Omsk Gendarmerie Department. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 199-212. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.17>

**«В ПОРЯДКЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОХРАНЕ
ПЕРЕПИСКОЙ ОБ АХМЕТЕ БАЙТУРСУНОВЕ 1909 ГОДА».
КАЗАХСКИЙ УЧИТЕЛЬ В ДОКУМЕНТАХ
ОМСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Дмитрий Максимович Легкий

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

Ерден Ерназарович Ибраев

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье освещается история ареста (вследствие политической неблагонадежности) и последующей высылки заведующего Каркаралинским русско-киргизским училищем, известного казахского поэта и литературного деятеля Ахмета Байтурсынова. *Методы и материалы.* Авторы вводят в научный оборот материалы Омского жандармского управления из фондов Государственного архива Российской Федерации. *Анализ и результаты.* После революции 1905–1907 гг. в Российской империи А. Байтурсынов, исходя из реальной социально-политической обстановки, принимал активное участие в общественной жизни Степного края, усиленно занимался научной, образовательной, литературной деятельностью. Одновременно он вел пропаганду по защите прав казахского населения, принимая участие в петиционной компании, что, несмотря на ненасильственные формы борьбы, приходило в противоречие с официальным порядком. Целью настоящего исследования стало освещение истории установления полицейского надзора за А. Байтурсыновым с выяснением причин усиления внимания к его личности со стороны департамента полиции. *Вклад авторов.* Д.М. Легкий изучил корпус документов Омского жандармского управления из фондов Государственного архива Российской Федерации, показал формы и методы политического сыска органами жандармерии и полиции на примере деятельности А. Байтурсынова, оценил роль Омского жандармского управления в надзоре за политически неблагонадежными лицами, сформулировал выводы и подвел результаты проделанной научной работы. Е.Е. Ибраев проанализировал историографию вопроса, реконструировал биографические данные руководителей Омского жандармского управления, составил научно-справочный аппарат работы.

Ключевые слова: Россия, империя, Степной край, Омск, жандармерия, полиция, тюрьма.

Цитирование. Легкий Д. М., Ибраев Е. Е. «В порядке положения об охране перепиской об Ахмете Байтурсунове 1909 года». Казахский учитель в документах Омского жандармского управления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 199–212. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.17>

Введение. В настоящее время российские историки рассматривают проблему, каким образом рост идентичности национальной казахской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. повлиял на формы и содержание реакции образованной части казахского народа на колониационную деятельность империи в степных областях [4, с. 49]. В частности, изучается период общественной деятельности казахского публициста и ученого Ахмета Байтурсынова, когда он подвергает критике колониальную политику царизма, произвол чиновников на местах. Продолжаются исследования проблем колонизации азиатской части Российской им-

перии с изучением роли генерал-губернаторов Степного края [7; 15]. Освещаются и вводятся в академическую среду источники и материалы, ранее обделенные вниманием ученых.

Методы и материалы. 150-летний юбилей со дня рождения Ахмета Байтурсынова¹ дал исследователям новый стимул к изучению его биографии как видного общественного деятеля. Казахстанские ученые ввели в научный оборот новые документы, освещающие учительский путь Ахмета Байтурсынова до его высылки в Оренбург в 1910 г., в том числе по истории ареста в 1909 г. [9, с. 127–128; 3, с. 897], Омско-Каркаралинский период в его

просветительской и политической деятельности [2, с. 1461–1462], деятельность газеты «Казакъ» и ее редактора в годы Первой мировой войны и накануне Февральской революции 1917 г. в России [1; 12–13]. Исследования ученых свидетельствуют о постоянном внимании органов жандармерии и полиции к деятельности известного казахского общественного деятеля.

Несмотря на то что отдельные факты полицейского надзора в отношении А. Байтурсынова приводятся в ряде исследований, непосредственно история политического надзора за ним не подвергается отдельному, специальному изучению. При разработке данной темы авторы обратили внимание на важные архивные документы об установлении полицейского надзора в отношении А. Байтурсынова в фондах Омского жандармского управления. В статье вводятся в научный оборот материалы «Дела департамента полиции 7 делопроизводства по наблюдению за производящеюся в порядке положения об охране перепискою об Ахмете Байтурсунове ² 1909 года ³» (см.: [8]).

Целью настоящего исследования стало освещение истории полицейского надзора за А. Байтурсыновым с выяснением причин усиления внимания к его личности со стороны органов сыска в период подавления общественного и революционного движения после революции 1905–1907 гг. в Российской империи и последующего ареста в 1909 году.

Анализ темы проводился на традиционных для исторического исследования методах историзма, описания, компаративистского анализа и системности. При работе с архивными документами значительное внимание уделялось атрибутике документальных материалов, то есть определение их видов и подлинности документов, дат написания, их авторов и адресатов. Поскольку некоторые использованные здесь архивные источники представляют собой документы с рукописными фрагментами имеющие весьма неразборчивый почерк, цитирование текстов осуществлялось через выписки и свободный пересказ содержания.

Анализ. В первые годы советской власти Ахмет Байтурсынов в своем «Жизнеописании» весьма кратко описал факты автобиографии: «В 1909 году, когда служил

учителем-заведующим двухклассным училищем в городе Каркаралинске Семипалатинской области, по распоряжению Семипалатинского губернатора Тройницкого ⁴ был арестован и отправлен в Семипалатинскую тюрьму, в которой под жандармским дознанием сидел с 1 июля ⁵ по 21 февраля 1910 года» [6].

В период следствия по делу А. Байтурсынова 1909–1910-х гг. в ряде документов стоит подпись – «ротмистр Леваневский»⁶. Вместе с тем в современных научных трудах не указываются не только его имя, отчество, но и официальная должность [5; 10, с. 46, 54; 11, с. 374–375].

Здесь необходимо обратить внимание на неординарную личность «ротмистра Леваневского», так как именно он был главным действующим лицом, от мнения которого зависело содержание последующих донесений Омского жандармского управления в столичный Департамент полиции.

В отчете за 1912 г. генерал-губернатор Степного края Е.О. Шмит указал на кадровые проблемы в регионе: «Число священников, врачей, мировых судей, ветеринарных врачей, чинов полиции и других местных работников крайне недостаточно» (цит. по: [7, с. 69]). В руках исследователей имеются списки общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов с 1909 по 1911 гг. [16]⁷. В разделе «Губернские жандармские управления и дополнительный к ним штат и уездные управления» значится Омское жандармское управление, штат которого был немногочисленный, впрочем, как и по другим регионам Российской империи. Начальником Омского жандармского управления с 1908 по 1913 г. был полковник Орлов Александр Петрович. У него в подчинении в 1909 г. значился 21 человек, в том числе «в г. Семипалатинск Ротм./истр/ Леваневский». При этом было сделано примечание, что «обязанности чинов этого Управления распространяются на всю территорию Степного Генерал-Губернаторства (области Акмолинская и Семипалатинская)».

В этом документе сведения приводятся весьма краткие: «В г. Семипалатинске – Ротм./истр/ Леваневский», но в последующем разделе – «Ротмистры» имеется подробная биография «Его Высокоблагородия Господина Помощника Начальника Омского Жандармского Управления» (на что исследователи

не обратили внимание). Судя по этому документу, Леваневский Сергей Платонович вступил в должность «Помощника Начальника Омского Жандармского Управления в городе Семипалатинске» с 15 мая 1904 г., находясь на службе с 1 сентября 1890 года. Дата рождения 19 октября 1872 г., «вероисповедование православное». Получив образование в Сибирском кадетском корпусе и в Первом военном Павловском училище, в 1892 г. он был направлен в 6 Туркестанский линейный батальон. Поочередно ему были присвоены офицерские звания подпоручика (5 августа 1891 г.), поручика (5 августа 1895 г.), штабс-капитана (6 мая 1900 г.) и 21 января 1903 г. он был зачислен в Отдельный Корпус Жандармов, где стал адъютантом Иркутского губернского жандармского управления. За это время он получил награды: в 1899 г. Орден Святого Станислава 3-й степени, в 1907 г. орден Святой Анны 3-й степени [16, с. 535].

11 июля 1909 г. «Помощник Начальника Омского Жандармского Управления в городе Семипалатинск ротмистр Леваневский» (как официально значится его должность) заполняет «Уведомление о возбуждении переписки» (с соответствующими исправлениями в названии документа) о «противоправительственной деятельности бывшего заведующего Русско-Киргизским училищем в гор. Каркаралинске Ахмета Байтурсунова» (см. рис. 1). В документе указано «время возбуждения 9 июля» и «Место возбуждения и производства гор. Семипалатинск, г. Каркаралинск, Каркаралинский уезд». В графе «Основание возбуждения переписки» отмечается в краткой форме: «Произведенный Каркаралинским уездным начальником дознания, из которых усматривается, что Байтурсунов составлял приговор и собирал подписи о возвращении высланного киргиза Акпаева агитаторской деятельностью среди киргиз в противоправительственном сепаратическом ⁸ духе» [8, л. 1].

Когда А. Байтурсынов был арестован и находился Семипалатинской тюрьме, Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит 15 июля 1909 г. отправляет телеграмму Министру внутренних дел П.А. Столыпину с требованием «продления ареста бывшему заведующему русско-киргизского училища в Каркаралах ⁹ А. Байтурсунова, задержанного 1 июля за

противоправительственную агитаторскую деятельность почве сепаратизма». Причем обыск в то время ничего не дал, его преступления, изложенные в отношении Семипалатинского губернатора А.Н. Тройницкого на имя попечителя Западно-Сибирского округа были весьма внушительные. Среди них значились: «3) А. Байтурсунов в 1905 г. принимал участие в делах киргиз, когда они подавали петицию царю; 4) А. Байтурсунов знаком с членом I Государственной Думы А. Букейхановым и выборщиком Я. Акпаевым; 5) Во время русско-японской войны не обнаружил патриотизма». Ахмета Байтурсынова так же обвиняли в «пропаганде среди киргиз сепаратизма и неплатежа податей» и в конечном итоге он был назван «сподвижником шайки» [17, с. 56–57].

Архивный документ из столичного департамента полиции с ответом «на телеграмму 15 июля», с коротким указанием адресата – «Омск. Генерал-Губернатору»¹⁰ гласил: «Продление срока ареста Байтурсунова Министром разрешено» (см. рис. 2). В проекте ответной телеграммы «по уполномочию за директора» значится (вместо статс-секретаря, что зачеркнуто в документе) должность генерал-майора, товарища Министра внутренних дел [8, л. 9]. Ротмистр С.П. Леваневский (по статусу к нему обращались как «Его Высокоблагородию Господину Помощнику Начальника Омского Жандармского Управления» [16, с. 535]) 26 июля 1909 г. собственноручно заполняет анкету на заключенного «под стражу в Семипалатинский тюремный замок» Ахмета Байтурсынова.

Приведем из документа пункты анкеты, что непосредственно касаются ареста Ахмета Байтурсынова и его нахождения под стражей.

«20. Был-ли за границей, когда именно, где и с какой целью – Не был.

21. Привлекался ли раньше к дознаниям – Не привлекался.

22. Основание к привлечению к настоящей приписке – Произведенное Каркаралинским уездным начальником дознания, из истории усматривается, что Байтурсунов вел среди киргиз пропаганду в противоправительственном сепаратическом духе, составлен приговор и собирал подписи о возвращении высланного киргиза Акпаева.

23. Время привлечения к приписке – 11 июля 1909 года.

24. Место производства приписки гор. Семипалатинск и 14 волостей Каркаралинского уезда

25. Время и место обыска или ареста – 1-го июля в гор. Каракаралах.

26. Время первого допроса – 16 июля 1909 года.

27. Что обнаружено по обыску – Ничего преступного не обнаружено.

28. Принятая мера пресечения (указать, куда заключен под стражу, где отдан под надзор полиции, кому отдан на поруки и т. д.) – Заключен под стражу в Семипалатинский тюремный замок. <...>

Помощник начальника Омского Жандармского Управления ротмистр Леваневский

№ 261 26 июля 1909 года.

В Департаменте полиции» [8, л. 4].

Жандармскому чиновнику в Семипалатинске пришлось находить аргументы, подтверждающие обвинения в адрес А. Байтурсынова. Ротмистр Леваневский писал: «Не касаясь неизвестных мне пунктов, послуживших, по заявлению корреспонденции, к увольнению Байтурсунова от занимаемой им должности, остальная часть корреспонденции не выдерживает критики: дело о Байтурсунове было начато в январе месяце и реабилитация его, по словам корреспонденции, (слово неразборчиво. – Д. Л., Е. И.) Округа, никакого отношения к аресту не имела, арест решен был 1-го июня, когда была послана Губернатором телеграмма об аресте, то есть 4 дня спустя после выезда Байтурсунова из гор. Каркаралов в Томск, как донес Каркаралинский уездный начальник, за это время Байтурсунов не мог доехать даже до Омска и никаких объяснений с попечителем округа иметь не мог. Обвинение было предъявлено 16-го июня, но Байтурсунов недавно заявил мне, что предъявленное ему обвинение он обвинением не считает, а признает клеветой» [8, л. 31об.].

Сложным оказался вопрос, что следует предпринимать царским властям с дознанием по делу А. Байтурсынова. Помощник начальника Омского жандармского управления в городе Семипалатинске принимает решение: «Хотя данные переписки по делу Байтурсу-

нова и дают возможность постановки дела на суд, но принимая во внимание (слово неразборчиво. – Д. Л., Е. И.), основанных только на свидетельских показаниях киргизских дел и доложенных выше по этому поводу причин с одной стороны, а с другой заявления некоторых свидетелей, что они показаний на суде не дадут, так как это поведет к их разорению и вызовет месть со стороны партии Байтурсунова, что вполне вероятно при современном положении дел в Каркаралинском уезде, вынудили меня направить дело в административном порядке» [8, л. 31]. В документе с сугубо канцелярским отражением сути дела, с представлением необходимых фактических материалов, выносится обвинительный вердикт. Мнение ротмистра С.П. Леваневского было однозначно: «Оставив в стороне многочисленные против Байтурсунова показания, только одним логическим выводом приходится придти к его виновности» [8, л. 32].

В рапорте постоянно делались ссылки на показания того или иного представителя степной аристократии, как, например, указывается, что «в показаниях Хамид Уллы Бекшатаева говорится, что Байтурсуновым было получено от Алихана Букейханова». Таким же образом завершалось и само донесение ротмистра С.П. Леваневского: «Полученные мной сведения о том, что у Хасена Акаева собирались волостные управители некоторых волостей и решили показаний мне по делу Байтурсунова не давать, постоянно наводимые справки о месте моего пребывания Хасен Акаевым, помимо показаний, приводит к мысли о виновности Байтурсунова, так упорно им отрицаемой». Вместе с тем в документе фиксируется факт, «что касается распространения Байтурсуновым воззваний, то какие именно распространялись воззвания, кроме их общего противоправительственного характера, установить не удалось». Ротмистр Леваневский «о вышеизложенном» должен был «донести Департаменту Полиции» [8, л. 25].

Помощнику начальника Омского жандармского управления вплоть до нового 1910 г. довелось под эгидой «Совершенно секретно» писать рапорты о сути дела об Ахмете Байтурсынове. 31 декабря 1909 г. ротмистр С.П. Леваневский отправляет в Департамент полиции очередное донесение (за № 495) из города

Семипалатинска. В верхней части документа имеется соответствующий штамп: «7-Е ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО 19 января 1910 вход. № 1045». Причина ареста А. Байтурсынова объяснялась следующим образом: «Поводом к начинанию дела об Ахмете Байтурсунове, как я доносил от 3-го октября за № 381, послужило появление в минувший четверг в г. Каркаралинск приговора, на предмет ходатайства о возвращении из ссылки киргиза Якуба Акпаева и подозрение падавшее в составлении этого приговора на Байтурсунова». Помощник начальника Омского жандармского управления, исходя «из допроса свидетелей обвинения, как фигурировавших в донесении Каркаралинского Уездного Начальника», так и добытого им «путем негласной разведки», пришел к выводу, «что Байтурсунов, начиная с 1905 года занимался среди киргиз пропагандой, сводившейся к подстрекательству не платить подати, не давать земли переселенцам, не повиноваться начальству и в раздаче (?) преступных воззваний». При этом в документе уточняется, что «из целого ряда данных против Байтурсунова показаний, наиболее характерным и полным являются показания Акчатауского Волостного Управителя Амантая Адамбаева» [8, л. 21].

Исследователи обратили внимание, что по итогам дознания ротмистр С. Леваневский в результате анализа показаний «свидетелей занимающих среди киргиз видное положение и заслуживающих доверия» резюмировал заключение о наличии работающей по единой программе антиправительственной группы. В качестве руководителя он выделил А. Букейханова, а его ближайшим сподвижником назвал А. Байтурсынова. В конечном итоге С. Леваневский инициировал решение закрытия дела с наложением административного взыскания на подсудимых с учетом сложившейся ситуации в Каркаралинском уезде [2, с. 1460].

Начальник Омского жандармского управления Орлов Александр Петрович 11 января 1910 г. подписывает «Уведомление об окончании переписки» (при этом было зачеркнуто в тексте слово – «дознания»), предназначенное для Департамента полиции «по 7 делопроизводству». В документе сообщается, что «время окончания переписки 29 декабря 1909 г.»,

с указанием – «время и № представления лит. А 11 июля 1909 г. № 226 (Помощника моего в городе Семипалатинске)» [8, л. 5], кем был ротмистр С.П. Леваневский.

Казахстанские ученые обратили внимание на архивный документ (см. рис. 3), где ротмистр С.П. Леваневский 12 января 1910 г. сообщал своему начальству в Департамент полиции: «Дело Ахмета Байтурсунова произведено в порядке охраны ¹¹ 11 января Губернатором представлено Генерал-Губернатору ¹² дальнейшего направления ходатайством высылке на пять лет, тяжесть падающих обвинений исключает возможность освобождения. Подробное донесение этому делу представлено мною департамент полиции 7 января за номером 495» [11, с. 374–375].

Приведем полное содержание документа: «Разбор шифрованной телеграммы из Семипалатинска. От Ротмистра Леваневского. На имя Г. Директора Департамента Полиции № 1473. 13 янв. 1910. Подана “12” сего января 1910 г. 4 ч. 40 м. Получена “12” сего января 1910 г. 9 ч. 15 м. 41. Дело Ахмета Байтурсунова произведено порядке охраны, 11 января Губернатором представлено Генерал-Губернатору дальнейшего направления ходатайством высылке на пять лет, тяжесть падающих обвинений исключает возможность освобождения. Подробное донесение этому делу представлено мною. Департамент Полиции 7-го Января за № 495. № 20» [8, л. 20]. На полях запись карандашом: «Включить в (слово неразборчиво. – Д. Л., Е. И.) по получению ответа от Генерал-Губернатора 13. I.¹³». В документе приводятся даты 14 и 18 января 1910 г. о дальнейшем рассмотрении сотрудниками департамента полиции [8, л. 20].

Исполняющий обязанности вице-губернатора Степного края генерал-лейтенант В.П. Тихменев представил 4 февраля 1910 г. министру внутренних дел П.А. Столыпину докладную по делу А. Байтурсынова с подробным изложением предъявленных ему обвинений, на что обратили внимание казахстанские историки. Прочитируем: «Показаниями целого ряда свидетелей Байтурсунов обвиняется в том: 1) что он, в разное время, начиная с 1905 г., как в г. Каркаралах у себя на квартире, так и при разъездах по аульным школам в уезде и при всяком подходящем случае, не-

однократно говорил киргизам: а) что податей платить не следует, б) что киргизы ни в коем случае не должны переходить на крестьянское положение, так как тогда с них будут брать по 10 руб. подати с души, заставляя отбывать их воинскую повинность и переведут в русскую веру, а если насильно отберут от них землю, то Байтурсунов рекомендовал укочевать в Китай, в) что повиноваться начальству не следует, г) что русский царь в настоящее время обессилен и управлять не может, а киргизы, что захотят, то и возьмут (показание Амантая Ажанбаева, Темиргалия Бесекова, Шаина Кулатаева); 2) что распространял среди киргиз преступного рода воззвания; 3) что внушал волостным управителям не собирать недоимки, указывая им на то, что в России за крестьянами целые миллионы недоимок, и что им за это ничего не делают и 4) что поручил Кентскому волостному управителю Карыбаю Матаеву произвести в пользу Алихана Букейханова денежный сбор на предмет издания последним газеты противоположительственного направления» (цит. по: [5]).

В секретном архиве сохранился документ (со штампом – «Директор Департамента полиции») от 6 марта 1910 г., где подводится общий итог «по исследованию противоположительственной деятельности бывшего заведующего русско-киргизским училищем в г. Кархаларах Ахмета Байтурсунова». В донесении вновь повторялись основные обвинения, что «из полученных Департаментом Полиции от помощника начальника Омского жандармского управления сведений видно, что Байтурсунов, начиная с 1905 г. распространял среди киргиз преступные воззвания и подстрекал их не платить подати, не давать земли переселенцам и не повиноваться начальству». В документе фиксировалось время начала и окончания судебного дела. «9 июля 1909 г. была возбуждена, на основании положения об охране, переписка по исследованию противоположительственной деятельности бывшего заведующего русско-киргизским училищем в г. Кархаларах Ахмета Байтурсунова, вследствие чего он был заключен 16 июля 1909 г. в Семипалатинскую тюрьму. Означенная переписка 29 декабря 1909 г. окончена и того же числа за № 489 была препровождена Губернатору¹⁴ который 11 января 1910 г. предоставил ее Генерал-

Губернатору¹⁵» сообщалось в полицейском рапорте [8, л. 38].

Судя по документам департамента полиции, А. Байтурсынов, которому «было воспрещено жительство в Степном крае», получил право самостоятельного выбора места ссылки, «избрав местом жительства г. Оренбург». Это фактически было почетной ссылкой и таким же образом царская администрация поступала и с другими лидерами Алаш. В документах департамента полиции отмечалось: «По распоряжению дознания в Особом Совещании Байтурсунов, распоряжением Министра Внутренних Дел, было воспрещено жительство Степном крае, Семиреченской и Тургайской областях, на два года, считая срок с 10 марта 1910 года» [9, с. 128].

Современные ученые, специалисты по истории колонизации азиатской части Российской империи справедливо замечают, что царские власти (в том числе руководители полиции) «вынуждены были обращать на свои окраины пристальное внимание, потому что именно на периферии лежали основные заботы о безопасности (внутренней и внешней), именно там империя соприкасалась с себе подобными и должна была с ними конкурировать». К этому необходимо добавить опасения что «утрата территорий не только могла угрожать державному престижу, но и, как казалось, нарушала государственную целостность страны» [15, с. 244].

Результаты. Исследования показывают, что объективные обстоятельства, связанные с результатами революции 1905–1907 гг. определили недоверие государственных органов Российской империи к деятельности лидеров казахского национально-освободительного движения, что сопровождалось пристальным вниманием к ним со стороны органов политического сыска. Местные власти в Степном крае старались, конечно, действовать в рамках закона, таким же образом поступали и казахские лидеры движения Алаш, одним из которых являлся Ахмет Байтурсынов. Тем не менее включение казахской интеллигенции в единое социогуманитарное пространство Российской империи происходило с одновременным противостоянием с царскими властями на местах.

Ахмет Байтурсынов, исходя из реальной социально-политической обстановки, прини-

мал активное участие в общественной жизни Степного края, усиленно занимался научной, образовательной, литературной деятельностью. Одновременно он вел пропаганду по защите прав казахского населения, принимая участие в петиционной компании, что, несмотря на ненасильственные формы борьбы, приходило в противоречие с официальным порядком. Поэтому вполне объяснимым является усиление полицейского надзора за лидерами общественного мнения в Степном крае, в том числе за такой яркой личностью как Ахмет Байтурсунов. Опасения жандармских чинов вполне оправдались в период восстания в 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, а затем Февральской революции 1917 г. в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Байтурсунов (Байтурсунов) Ахмет (1872–1938) – видный казахский поэт, ученый-литературовед, педагог, лидер движения Алаш. Работал учителем в школах Кустанайского, Каркаралинского уездов, заведующим Каркаралинским городским училищем (1895–1909 гг.). После ареста 1 июля 1909 г. выслан в Оренбург (с 9 марта 1910 г. до конца 1917 г.), редактор газеты «Казах» (1913–1917 гг.). В советский период нарком просвещения КазАССР, председатель Академического центра (1920–1925 гг.), подвергался арестам (1929 и 1937 гг.), расстрелян в 1938 году.

² Так в документах полиции обозначали фамилию Ахмета Байтурсунова.

³ На титульном листе стоит штамп, свидетельствующий, что следственное дело – «Закончено». (см.: [8]).

⁴ Тройницкий Александр Николаевич занимал должность военного губернатора Семипалатинской области с 1908 по 1914 годы.

⁵ 1909 год.

⁶ Леваневский Сергей Платонович (1872–1939) – «Помощник Начальника Омского Жандармского Управления в городе Семипалатинске» с 15 мая 1904 г., на службе с 1 сентября 1890 года. После гражданской войны в России оказался в эмиграции (см.: Бахер Т. Русские захоронения на кладбище при Успенской церкви в Рас-Бейрут. URL: <https://ros-vos.net/holy-land/rus-emigrants/5/3/>).

⁷ Книги публиковались отдельными тиражами по два раза в год, с примечаниями: «Исправлен по 1 октября 1909 г. 1 и 2 части», «Исправлен по 13 октября 1911 г. 1 и 2 части».

⁸ Сепаратистском.

⁹ Здесь и далее имеется в виду Каркаралинск.

¹⁰ Генерал-губернатору Степного края Е.О. Шмиту.

¹¹ Имеется ввиду «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г.» (см.: [14, с. 261–262]).

¹² В это время Семипалатинский губернатор А.Н. Тройницкий находился в прямом подчинении у Степного генерал-губернатора Е.О. Шмита.

¹³ 13 января 1910 года.

¹⁴ Семипалатинскому губернатору А.Н. Тройницкому.

¹⁵ Степному генерал-губернатору Е.О. Шмиту.

ПРИЛОЖЕНИЕ

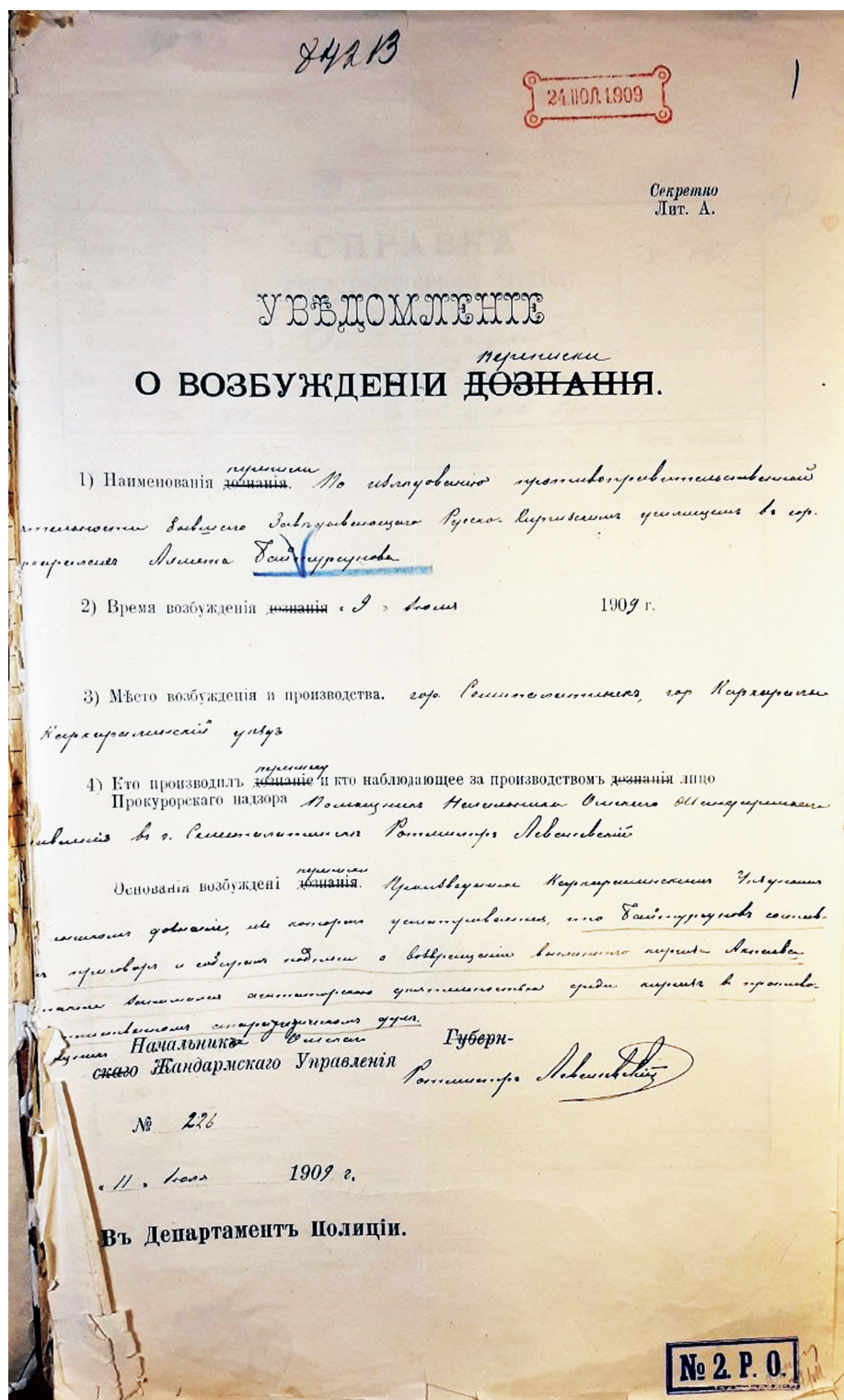

Рис. 1. Уведомление о возбуждении переписки о противоправительственной деятельности бывшего заведующего Русско-Киргизским училищем в городе Киркаралинске Ахмета Байтурсынова от 11 июля 1909 года

Fig. 1. Notification of the initiation of correspondence on the anti-government activities of the former head of the Russian-Kyrgyz school in the city of Karkaralinsk, Akhmet Baitursynov, dated July 11, 1909

Примечание. Источник: [8, л. 1].

7

— 8 —

— 4 —

- 17) Эпизодическое положение родителей. *Исключен, отныне самовольно.*
- 18) Место воспитания (указать, в каком именно заведении, сколько времени пробыл, почему оставить каждое заведение, когда поступил и когда вышел).
В 1886 году поступил в Туркестанский высший женский курс. Карьера учителя продолжилась в 1891 году в Самаркандском высшем женском курсе и в 1893 году на службу в Байтурсыновский женский институт в Самарканде до 1898 года, и окончил этот институт в 1900 году. На ней отчет воспитывался. Не любил само.
- 19) На чей отчет воспитывался. *На родителей само.*
- 20) Был-ли за границей, когда именно, где и с какой целью. *Не было.*
- 21) Привлекался-ли раньше к дознанию. *Не привлекался.*
- 22) Основания привлечения к ответственности. *Привлекался к ответственности за нарушение правил поведения в тюрьме. В 1909 году привлечен к ответственности за нарушение правил поведения в тюрьме. В 1909 году привлечен к ответственности за нарушение правил поведения в тюрьме.*
- 23) Время привлечения к ответственности. *1909 г.*
- 24) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 25) Время и место обыска или ареста. *26 июля 1909 г. Семипалатинская губерния.*
- 26) Время первого допроса. *26 июля 1909 г.*
- 27) Что обнаружено по обыску. *Ничего ценного не обнаружено.*
- 28) Принята ли мера пресечения (указать, куда заключен под стражу, где отбывает наказание, кому отдан на поруки и т. д.).
Заключен под стражу в Семипалатинский тюремный замок.
- 29) Время сообщения (кому именно, число и №) о привлечении к дознанию обвиняемого состоящего на государственной службе или воспитанника учебного заведения, по принадлежности, его начальству. *1909 г. №*
- 30) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 31) Основания привлечения к ответственности. *Привлекался к ответственности за нарушение правил поведения в тюрьме. В 1909 году привлечен к ответственности за нарушение правил поведения в тюрьме.*
- 32) Время привлечения к ответственности. *1909 г.*
- 33) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 34) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 35) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 36) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 37) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 38) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 39) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 40) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 41) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 42) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 43) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 44) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 45) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 46) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 47) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 48) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 49) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 50) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 51) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 52) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 53) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 54) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 55) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 56) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 57) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 58) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 59) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 60) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 61) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 62) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 63) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 64) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 65) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 66) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 67) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 68) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 69) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 70) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 71) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 72) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 73) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 74) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 75) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 76) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 77) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 78) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 79) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 80) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 81) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 82) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 83) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 84) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 85) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 86) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 87) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 88) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 89) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 90) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 91) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 92) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 93) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 94) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 95) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 96) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 97) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 98) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 99) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*
- 100) Место производства дознания. *Семипалатинская и Акмолинская губернии.*

Рис. 2. Анкета на заключенного «под стражу в Семипалатинский тюремный замок» Ахмета Байтурсынова от 26 июля 1909 года
 Fig. 2. Application form for Akhmet Baitursynov, the prisoner "in custody at the Semipalatinsk prison castle" dated July 26, 1909
 Примечание. Источник: [8, л. 4].

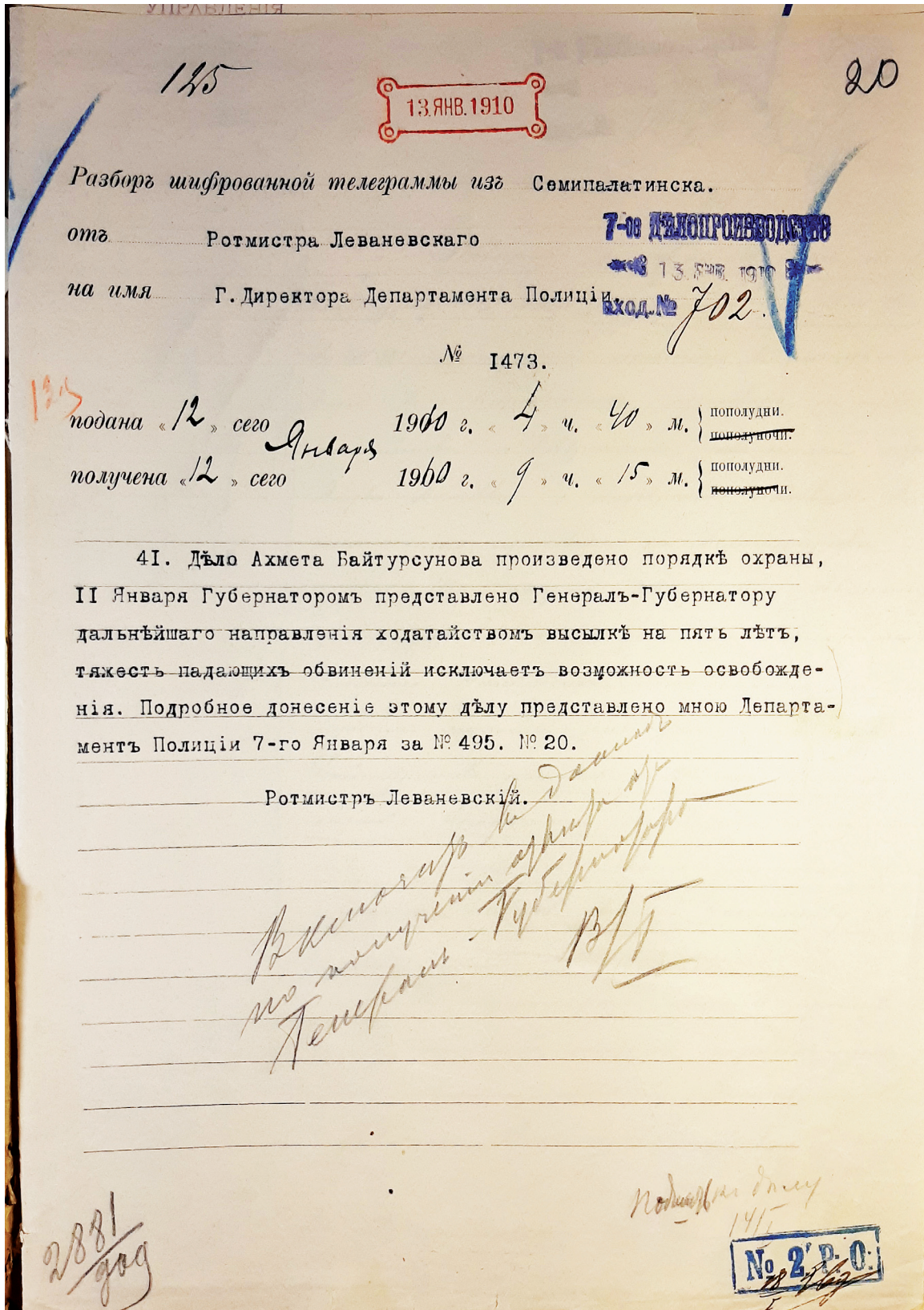

Рис. 3. Разбор шифрованной телеграммы из Семипалатинска ротмистра Леваневского на 12 января 1910 года

Fig. 3. Analysis of an encrypted telegram by Captain Levanevsky from Semipalatinsk on January 12, 1910

Примечание. Источник: [8, л. 20].

БЛАГОДАРНОСТИ

Казахстанский ученый Султан Хан Аккулы любезно предоставил необходимые архивные документы, за что авторы весьма благодарны.

ACKNOWLEDGEMENTS

The Kazakh scientist Sultan Khan Akkuly kindly provided the necessary archival documents, for which the authors are very grateful.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсадык А. А., Боранбаева С. Б., Мухитов К., Легкий Д. М. Газета «Казак» и ее оппоненты в казахском обществе в годы Первой мировой войны // *Bylye Gody*. 2022. Т. 17, № 3. С. 1470–1481. DOI: 10.13187/BG.2022.3.1470

2. Абсадык А. А., Исенов О. И., Боранбаева Б. С., Мухитов К. С. Омско-Каркаралинский период: истоки просветительской и политической деятельности А. Байтурсынова // *Bylye Gody*. 2023. Т. 18, № 3. С. 1455–1466. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1455

3. Абсадык А. А., Исенов О. И., Мухитов К., Боранбаева С. Б. Путь учителя А. Байтурсынова: от Бестамака до Каркаралинска (1895–1910) // *Bylye Gody*. 2022. Т. 17, № 2. С. 890–901. DOI: 10.13187/bg.2022.2.890

4. Абселемов С. А. Колонизация Степного края в практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 48–58. DOI: 1818-7919-2019-18-8-48-58

5. Аташ Б. М., Абдрасилов Б. Қ. 1901–1910 жылдардағы Қазақстан: отаршылдыққа қарсы күрес пен ұлттық рухтың өміршеңдігі // *edu.e-history.kz*. 2021. № 4 (28). DOI: 10.51943/2710-3994_2021_28_4_41-57

6. Байтурсынов А. Жизнеописание // Дом-музей имени Ахмета Байтурсынова в Алматы. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6293/>

7. Гермизеева В. В. Генерал-губернаторы Степного края (1882–1917) // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2020. Т. 5. № 2. С. 66–72. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-66-72

8. Дела департамента полиции 7 делопроизводства по наблюдению за производящеюся в порядке положения об охране перепискою об Ахмете Байтурсунове 1909 года // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. 48 л.

9. Ибраев Е. Е., Легкий Д. М., Табулденов А. Н. «Дальнейшее наблюдение за ним установлено».

Ахмет Байтурсынов под надзором царской охраны (1907–1910 годы) // *Отан тарихы*. 2022. № 2. С. 123–134. DOI: 10.51943/1814-6961_2022_2_123

10. Имаханбет Р. С. Ғасыр саңлағы: Ахмет Байтурсынұлының шығармашылық ғұмырбаяны (мұрағат деректері негізінде). Астана: Педагогика Пресс баспа үйі, 2010. 304 с.

11. Казахское книжное дело в документах и материалах: XIX–XX вв.: сб. архив. док. / науч. ред. Ж. Шалгынбай, В. Галиев. Алматы: Баспалар үйі, 2009. 629 с.

12. Легкий Д. М., Ибраев Е. Е., Табулденов А. Н. «Выяснить негласным путём». Оренбургское издательское товарищество «Азамат» под надзором полиции (1913–1917 гг.) // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2023. Т. 10, № 2 (38). С. 23–33. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(2).23-33

13. Легкий Д. М., Ибраев Е. Е., Табулденов А. Н. Ахмет Байтурсынов и газета «Казакъ» накануне Февральской революции 1917 г. в России // *Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2023. № 1 (76). С. 267–276. DOI: 10.51889/1728-5461.2023.1.76.027

14. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. СПб., 1885. 614 с.

15. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Наука, 2013. 248 с.

16. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен ... [по датам и годам]. Исправлен по 26 февраля 1911 г. 1 и 2 части. СПб.: Тип. штаба Отд. корп. жанд. Спасская 17, 1911. 784 с.

17. Удербоева С. К. Революция 1905–1907 гг. и демократическое движение казахской интеллигенции // *Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия гуманитарных и специальных наук*. 2013. № 2. С. 54–59.

REFERENCES

1. Absadyk A.A., Boranbaeva B.S., Mukhitov K., Legkii D.M. Gazeta “Kazah” i ee opponenty v kazakhskom obshchestve v gody Pervoi mirovoi voyny [Kazakh Newspaper and Its Opponents in the Kazakh Society During the First World War]. *Bylye gody*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 1470-1481. DOI: 10.13187/BG.2022.3.1470

2. Absadyk A.F., Issenov O.I., Boranbaeva B.S., Mukhitov K.S. Omsko-Karkaralinskij period: istoki prosvetitel'skoj i politicheskoy deyatelnosti A. Bajtursynova [Omsk-Karkaraly Period: Origins of

A. Baitursynov's Educational and Political Activities]. *Bylye Gody*, 2023, vol. 18, no. 3, pp. 1455-1466. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1455

3. Absadyk A.A., Issenov O.I., Mukhitov K., Boranbaeva B.S. Put uchitel'ya A. Baitursynova: ot Bestamaka do Karkaralinska (1895–1910). [Path of the Teacher A. Baitursynov: From Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910)]. *Bylye gody*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 890-901. DOI: 10.13187/bg.2022.2.890

4. Absilemov S.A. Kolonizatsiya Stepnogo kraia v prakticheskoi deyatelnosti predstavitelei kazakhskoi intelligentsii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of the Steppe Region in the Practical Activities of Representatives of the Kazakh Intelligentsia of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik NSU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology], 2019, vol. 18, no. 8: Istoriya, pp. 48-58. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-8-48-58

5. Atash B.M., Abdrasilov B.K. 1901–1910 zhyldardaŷy Qazaqstan: otarshyldyqqa karsy kyres pen ǵlttyk rukhtyñ ömirshendiǵi [Kazakhstan in 1901–1910: Struggle Against Colonialism and the Vitality of the National Spirit]. *edu.e-history.kz*, 2021, no. 4(28). DOI: 10.51943/2710-3994_2021_28_4_41-57 (in Kazakh).

6. Baitursynov A. Zhizneopisanie [Biography]. *Dom-muzey imeni Akhmeta Baytursynova v Almaty*. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6293/>

7. Germizeeva V.V. General-gubernatory Stepnogo kraia (1882–1917) [Governors-General of the Steppe Region (1882–1917)]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istorii. Sovremennost* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2020, vol. 5, no. 2, pp. 66-72. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-66-72

8. Dela departamenta politsii 7 deloproizvodstva po nabljudeniju za proizvodjashhejusja v porjadke polozhenija ob ohrane perepiskoju ob Ahmete Bajtursunove 1909 goda [Cases of the Police Department 7 Records Management for Monitoring the Correspondence Carried out in Accordance with the Security Regulations About Akhmet Baitursynov in 1909]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. d-7, inv. 1909, d. 2881. 48 l.

9. Ibraev E.E., Legkii D.M., Tabuldenov A.N. «Dalneishee nablyudenie za nim ustanovleno». Akhmet Baitursynov pod nadzorom tsarskoj okhranki (1907–1910 gody) [“Further Observation of Him Has Been Established”. Akhmet Baitursynov Under the Supervision of the Tsarist Secret Police (1907–1910)]. *Otan tarikhy* [National History], 2022, no. 2, pp. 123-134. DOI: 10.51943/1814-6961_2022_2_123

10. Imahanbet R.S. *Gasyr sanlagy: Ahmet Baitursynulynyn shygarmashylyk gumyrbajany (muragat derekteri negizinde)* [Man of the Century: Creative Bi-

ography of Akhmet Baitursynov]. Astana, Pedagogika Press baspa üyi, 2010. 304 p.

11. Shalgynbaj Zh., Galiev V., eds. *Kazahskoe knizhnoe delo v dokumentah i materialah: XIX–XX vv.: sb. arhiv. dok.* [Kazakh Book Publishing in Documents and Materials: 19th – 20th Centuries: Collection of Archival Documents]. Almaty, Baspalar uyi, 2009. 629 p.

12. Legkiy D.M., Ibrayev Ye.Ye., Tabuldenov A.N. «Vyyasnit neglasnym putyom». Orenburgskoe izdatelskoe tovarishchestvo «Azamat» pod nadzorom politsii (1913–1917 gg.) [“Find Out in an Unspoken Way”. Orenburg Publishing Association “Azamat” Under Police Supervision (1913–1917)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”], 2023, vol. 10, no. 2 (38), pp. 23-33. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(2).23-33

13. Legkiy D.M., Ibraev E.E., Tabuldenov A.N. Ahmet Baitursynov i gazeta «Kazak» nakanune Fevral'skoj revolyucii 1917 g. v Rossii [Akhmet Baitursynov and the Newspaper “Kazak” on the Eve of the February Revolution of 1917 in Russia]. *Vestnik KazNPU im. Abaia, seriya «Istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki»* [Abay Kazakh National Pedagogical University Bulletin, Series “Historical and Socio-Political Sciences”], 2023, no. 1 (76), pp. 267-276. DOI: 10.51889/1728-5461.2023.1.76.027

14. Polozhenie o merah k ohraneniju gosudarstvennogo porjadka i obshhestvennogo spokojstviya 1881 g. [Regulations on Measures to Protect State Order and Public Peace of 1881]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'ye. T. 1* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1885. 614 p.

15. Remnev A.V., Suvorova N.G. Kolonizatsiya Aziatskoj Rossii: imperskie i nacionalnye scenarii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Nauka Publ., 2013. 248 p.

16. *Spisok obshhego sostava chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov, ispravlen ... po datam i godam. Ispravlen po 26 fevralja 1911 g. 1 i 2 chasti* [List of the General Composition of the Ranks of the Separate Corps of Gendarmes, Corrected ... By Dates and Years. Corrected on February 26, 1911, Parts 1 and 2]. Saint Petersburg, Tip. shtaba Otd. korp. zhand. Spasskaja 17, 1911. 784 p.

17. Uderbaeva S.K. Revolyutsiya 1905–1907 gg. i demokraticeskoe dvizhenie kazakhskoi intelligentsii [Revolution 1905–1907 and the Democratic Movement of the Kazakh Intelligentsia]. *Izvestiya Natsionalnoi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya gumanitarnykh i spetsialnykh nauk* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Humanities and Special Sciences Series], 2013, no. 2, pp. 54-59.

Information About the Authors

Dmitry M. Legkiy, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Baitursynova St, 47, 110000 Kostanay, Republic of Kazakhstan, Legk_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-0166>

Yerden Ye. Ibraev, Doctor of Philosophy (PhD), Candidate of Sciences (History), Acting Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, Baitursynova St, 47, 110000 Kostanay, Republic of Kazakhstan, erden-ibraev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9239-1293>

Информация об авторах

Дмитрий Максимович Легкий, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. Байтурсынова, 47, г. Костанай, 110000 г. Костанай, Республика Казахстан, Legk_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-0166>

Ерден Ерназарович Ибраев, доктор философии (PhD), кандидат исторических наук, и. о. ассоциированного профессора кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. Байтурсынова 47, 110000 г. Костанай, Республика Казахстан, erden-ibraev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9239-1293>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.18>

UDC 930:316.624(575.172)

LBC 63.3(5Узб.Кар)-289

Submitted: 20.04.2024

Accepted: 06.11.2024

**MANIFESTATIONS OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE CITIES
OF KARAKALPAKSTAN IN 1960s – 1980s (BASED ON MATERIALS
OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC
OF KARAKALPAKSTAN AND THE ARCHIVE
OF JOKARGI KENES OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN)**

Gulnara U. Seydametova

Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Republic of Uzbekistan

Abstract. *Introduction.* The article presents the results of the research of everyday life and deviant behavior in the cities of Karakalpakstan, based on archival data. *Materials and methods.* The study is based on materials collected from two key archives of the Republic of Karakalpakstan: the Central State Archive and the Archive of the Jokargy Kenes (the supreme legislative body). The analysis used documents containing information on manifestations of deviant behavior and factors contributing to their occurrence in such cities as Nukus, Khodjeyli, and Kungrad. In particular, the documents of the State Committee of the Karakalpak ASSR on Television and Radio Broadcasting, as well as materials of the Ministry of Internal Affairs of the Karakalpak ASSR and reports on the state of the fight against crime, were studied. The main method of the study was a documentary analysis of archival materials collected from the above archives. During the analysis, documents reflecting various aspects of drunkenness and hooliganism, as well as social factors influencing these phenomena, were studied. *Analysis and discussion.* The specific examples of hooliganism, drunkenness, and theft given in the article provide a deeper understanding of the social and cultural conditions that contribute to deviant behavior. Their analysis reveals the reasons for the increase in crime, including socio-economic changes such as migration and changes in the employment structure, which have significantly affected the lifestyle of local residents. Case examples illustrate the impact of youth gangs on public order and safety, highlighting the complex interactions between different social groups. Despite the measures taken by the authorities to combat crime, their effectiveness has proven to be limited. *Results.* The problem under consideration remains relevant in the modern context. Studying historical processes helps to gain a deeper understanding of how social, economic, and cultural changes affect societal phenomena, including crime and deviant behavior. This knowledge can be useful for the analysis of contemporary trends. Modern societies face similar challenges, and understanding their historical context can help in developing effective response strategies.

Key words: hooliganism, drunkenness, thefts, brigandages, cities of Karakalpakstan, everyday life, archival materials.

Citation. Seydametova G.U. Manifestations of Deviant Behavior in the Cities of Karakalpakstan in 1960s – 1980s (Based on Materials of the Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan and the Archive of Jokargi Kenes of the Republic of Karakalpakstan). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 213-226. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.18>

**ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ГОРОДАХ КАРАКАЛПАКСТАНА В 1960–1980-е гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН
И АРХИВА ЖОКАРГЫ КЕНЕС РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН)**

Гульнара Утарбаевна Сейдаметова

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус, Республика Узбекистан

Аннотация. *Введение.* В статье представлены результаты исследования повседневной жизни и девиантного поведения в городах Каракалпакстана, основанного на архивных данных. *Материалы и методы.* Работа выполнена на базе материалов, собранных из двух ключевых архивов Республики Каракалпакстан: Центрального государственного архива и Архива Жокаргы Кенес (высшего законодательного органа власти). В анализе использовались документы, содержащие сведения о проявлениях девиантного поведения и факторах, способствующих их возникновению в таких городах, как Нукус, Ходжейли и Кунград. В частности, изучались документы Государственного комитета Каракалпакской АССР по телевидению и радиовещанию, а также материалы Министерства внутренних дел ККАССР и доклады о состоянии борьбы с преступностью. Основным методом исследования стал документальный анализ архивных материалов, собранных из вышеуказанных архивов. Были изучены документы, отражающие различные аспекты пьянства, хулиганства, разбоев, грабежей, краж и других проявлений преступности, а также социальные факторы, влияющие на эти явления. *Анализ и обсуждение.* Конкретные примеры, приведенные в статье, позволяют глубже понять социальные и культурные предпосылки, обуславливающие девиантное поведение. Их анализ выявляет причины роста преступности, включая социально-экономические трансформации, такие как миграция и изменения в структуре занятости, которые существенно повлияли на образ жизни местных жителей. Конкретные примеры иллюстрируют влияние молодежных группировок на общественный порядок и безопасность, что подчеркивает сложные взаимодействия между различными социальными группами. Несмотря на предпринятые властями меры по борьбе с преступностью, их эффективность оказалась ограниченной. *Выводы.* Рассматриваемая проблема остается актуальной в современном контексте. Изучение исторических процессов помогает глубже понять, как социальные, экономические и культурные изменения влияют на общественные явления, связанные с преступностью. Эти знания могут быть полезны для анализа современных тенденций. Современные общества сталкиваются с аналогичными вызовами, и понимание их исторического контекста может помочь в разработке эффективных стратегий реагирования.

Ключевые слова: хулиганство, пьянство, кражи, разбои, города Каракалпакстана, повседневная жизнь, архивные материалы.

Цитирование. Сейдаметова Г. У. Проявления девиантного поведения в городах Каракалпакстана в 1960–1980-е гг. (по материалам Центрального государственного архива Республики Каракалпакстан и Архива Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 213–226. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.18>

Введение. В условиях глобальных трансформаций, вызванных процессами глобализации, технологическим прогрессом и социокультурными изменениями, социальная история становится все более актуальным направлением научных исследований. Этот подход позволяет выявить скрытые аспекты повседневной жизни человека, раскрыть нюансы и динамику современных социальных отношений. Исследования в области социальной истории стремятся прео-

долеть традиционные границы и представления о прошлом. Они учитывают влияние таких факторов социальной идентичности, как пол, класс, этническая принадлежность, возраст, на повседневную жизнь индивидов. Кроме того, данные исследования активно используют междисциплинарный подход, сочетая методы социологии, антропологии, психологии и других наук для более глубокого и комплексного понимания социальных процессов.

В данной работе рассматриваются современные исследования в области социальной истории, сосредоточенные на анализе повседневной жизни. В работе изучается проблема девиантного поведения в городах Каракалпакстана. Она до сих пор не подвергалась специальному научному анализу, что подчеркивает ее актуальность как на региональном, так и на общенациональном уровне. Девиантное поведение определяется как действия или поступки индивида или группы, которые не соответствуют официально установленным или сложившимся в конкретном обществе, культуре, субкультуре или группе нормам и ожиданиям. Официальные нормы представляют собой формальные правовые стандарты, в то время как фактически сложившиеся нормы охватывают моральные принципы, обычаи и традиции.

Историография и методы исследования. Проблема повседневной жизни Узбекистана и Каракалпакстана 1960-х – начала 1980-х гг. освещается в трудах историков социальной жизни и этнографов, хотя сам термин «повседневность» не упоминается. Центральное место в них занимает изучение деятельности партии по улучшению социально-бытовых условий и повышению уровня жизни населения. Исследователи были склонны завышать рост благосостояния трудящихся, умалчивать о реальных проблемах в социально-экономической и бытовой сферах [36, с. 142].

Научные труды Узбекистана советского времени были написаны в соответствии с существовавшими тогда идеологическими концепциями и методологией. При изучении вопросов культуры, быта и общественной жизни, а также при анализе событий и социальных явлений применялась единая схема. Особое внимание уделялось истории рабочего класса, крестьянства и советской интеллигенции [2; 38]. Середина 1950-х гг. стала периодом, когда исследования, посвященные истории городов, начали уделять больше внимания социальной сфере [1; 4; 5; 17; 34; 37]. В работах 1960–1980-х гг. были освещены некоторые аспекты социальной жизни общества, включая вопросы городского расселения, урбанизационные и демографические процессы [3; 9; 10; 22; 25; 27; 33; 43; 46].

В историографии Каракалпакстана 1960–1980-х гг. накопилось значительное количество исследований по проблемам материального благосостояния рабочих и крестьян [18; 20; 21, с. 76; 26]. Их разработка привлекала внимание экономистов, социологов, историков, что нашло отражение в историографических обзорах исследователей [44].

Сама теория изучения повседневной истории зародилась на англо-европейской историографии. Зарубежная историография по истории повседневности берет свое начало от научных работ Н. Эллиаса [47], Г. Маркузе, П. Бергера, Т. Лукмана [6; 23]. Эту тему развивал также американский социолог Г. Гарфинкель [7]. На возникновение интереса к истории повседневности оказали влияние идеи американского культуролога и антрополога К. Гирца [8].

Интерес к повседневности возрос после публикаций работ М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя – представителей известного направления, сгруппировавшегося вокруг созданного в 1950-е гг. журнала «Анналы» [11; 45]. Ф. Бродель предложил новый подход к изучению истории общества, заключающийся в новом понимании прошлого как «истории снизу».

Проблемы девиантного поведения, наблюдаемые в городах Каракалпакстана в 1960–1980-е годы, анализируются на основе архивных документов. В исследовании использованы материалы ЦГА РК и АЖК РК (Высший Законодательный орган власти Республики Каракалпакстан. – Г. С.), содержащие информацию о проявлениях девиантности, а также факторах, способствовавших их возникновению и распространению в городах Нукус, Ходжейли и Кунград. В частности, были проанализированы документы Государственного комитета Каракалпакской АССР по телевидению и радиовещанию, «Докладная записка о состоянии борьбы с преступностью» Министерства внутренних дел ККАССР, Доклад Председателя правления Каракалпакского рессовета Узбекского добровольного общества борьбы за трезвость академика АН УзССР т. С.К. Камалова на внеочередной отчетно-выборной конференции республиканской организации Общества 9 апреля 1988 г., материалы Республиканского совета общества борьбы за трезвость, материалы о состоянии органов прокуратуры и др.

В исследовании были применены принципы историзма и научной объективности, которые обеспечили контекстуализацию исследуемых явлений, позволяя рассмотреть девиантное поведение не только как отдельные факты, но и в рамках более широких социальных, экономических и культурных изменений. Например, рост преступности в Каракалпакстане был закономерным следствием социально-экономических трансформаций, таких как миграция и индустриализация, что подтверждается анализом архивных данных. Масштабные строительные проекты, реализуемые в среднеазиатских республиках, привлекали значительные миграционные потоки, что становилось ключевым фактором дестабилизации городской среды.

Анализ и обсуждение. Причиной развернувшегося строительного бума явилась индустриализация. Советское правительство активно проводило программы по индустриализации региона. Были построены новые промышленные предприятия, заводы, энергетические объекты и другая инфраструктура для развития экономики [42].

В 1960-х гг. было много строек, связанных с развитием транспортной и коммунальной инфраструктуры. Строились сухопутные и железные дороги, аэропорты, мосты, водопроводы, канализация и другие объекты, чтобы улучшить доступность и комфортность жизни людей.

Масштабные проекты привлекли на стройки большое количество людей, включая неблагонадежные группы. Кроме того, в этом процессе нередко были задействованы заключенные, что также способствовало росту преступности.

Другим значимым фактором, обусловившим рост преступности в городах Каракалпакстана в изучаемый период, выступило стремительное увеличение численности городского населения. В целом для среднеазиатских республик, включая Каракалпакстан, был характерен интенсивный демографический рост.

Анализ материалов, выявленных в архивных источниках, позволяет систематизировать их по следующим тематическим блокам:

1. Хулиганство.
2. Пьянство.

3. Разбои, грабежи, кражи.

4. Побои.

На основе изучения архивных данных можно констатировать, что к середине 1960-х гг. в Каракалпакстане наблюдалась тенденция роста преступности. Среди наиболее распространенных видов преступлений фиксировались умышленные убийства, тяжкие телесные повреждения, грабежи, разбои, хищения государственного и личного имущества.

Так, в г. Нукусе в 1965 г. количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 22 % по сравнению с предыдущим годом. Наиболее значительный рост был отмечен в категориях тяжких телесных повреждений, разбоев, грабежей, краж и хулиганства.

В районных центрах наиболее распространенными видами преступлений явились скотокрадство, умышленное убийство и изнасилование. Почти во всех городах был высок процент преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого телесного повреждения, также известных как уличные драки и побои. Каждый город был условно разделен на несколько районов, имевших свои группировки и частые драки между ними. Обычно такие стычки происходили в выходные дни в парках и на дискотеках, а также в будние дни вечером.

Так, например, старшее поколение жителей Нукуса до сих пор помнит имя Октябрь и носившего его человека, известного в хулиганской среде. В фондах архива мы столкнулись с интересным фактом, где указывается, что «сын адвоката Абдуллы Умарова – Октябрь, организовал шайку, куда вовлек Курбанова Кудайбергена и Икрамова Султанмурата, которые систематически в вечернее время совершали дерзкие хулиганства, останавливая проходящих граждан, избивали ни в чем не повинных людей» [40].

Чтобы глубже понять различные аспекты изучаемой темы, автор проводил беседы с респондентами. Воспоминания одного из них ярко подчеркивают ту жестокость и безжалостность, жертвами которой могут стать люди, столкнувшиеся с этой бандой: «Вечером, когда у нас в гостях находились приятели моего мужа, они решили отметить эту встречу. Один из друзей отправился в магазин, расположен-

ный неподалеку от нашего дома, за алкоголем. Однако на обратном пути к нему подошли трое мужчин и, выказывая грубость, спросили, что у него за пазухой. Приятель мужа ответил им с такой же грубостью, считая, что это не их дело. Но эти трое не только выследили его и узнали, куда он направлялся, но и немедленно вторглись в наш дом. Возникла драка, в результате которой мужа и его друзей жестоко избили» [28]. Это свидетельствует о том, что любой человек мог стать жертвой этой банды, никто не был застрахован от подобной опасности.

Хулиганская группировка, которой руководил Октябрь, была известна своей жестокостью и безжалостностью. Особенно в тех случаях, когда речь шла о поддержании своей власти над контролируемой ею территорией. Октябрь и его команда были известны своими актами насилия, вандализма и преступной деятельности. У местных жителей деятельность банды вызывала страх и тревогу. Их обстановку и ощущение опасности.

В Ходжейли у многих на слуху были имена Маулен-кара, Балтабай-етикши, в центре была сильная группировка татарской молодежи во главе с Жиганом и Рифатом [29].

Все же главной причиной роста преступности в городах Каракалпакстана стало прибытие различных изыскательских и строительных экспедиций, таких как Бухарская и Приаральская, геологоразведочные и нефте-разведочные группы и другие. Они привлекали к себе контингент из разных областей Союза, и, как практика показала, среди них было много лиц, совершивших разного рода уголовные преступления [39; 35, с. 146].

Первый значительный поток приезжих из других регионов пришелся на период после Второй мировой войны во время строительства Тахиаташской ГРЭС. Именно в этот период начинает формироваться город Тахиаташ, который стал одним из важных промышленных центров Республики Каракалпакстан в 1960–1970-е годы. Расположенный на левом берегу реки Амударья в 12 километрах от города Нукуса, Тахиаташ сформировался как рабочий поселок, основанный первыми строителями Главного Туркменского канала: «В начале второй декады декабря (1950 года. – Г. С.) приступили к строительству первых сооружений на мысе Тахиаташ, в том числе двух

лагерей для заключенных вместимостью по 1,5 тыс. человек каждый. Через несколько дней появились первые флаги, а в декабре 1950 г. на месте, где прежде стояли лишь два развалившихся саманных укрытия местных бурлаков, состоялась торжественная процедура закладки города Тахиаташа» [48]. Заключенных разместили на левом берегу поселка в единственном бараке-общежитии, где до этого жили рабочие экскаваторной станции Минводхоза, которые были переселены на правый берег Амударьи в поселок Кызкеткен [19, с. 48; 35, с. 148]. Стены этого барака были из сырцового кирпича, с деревянными перекрытиями и камышитовым утеплением.

Определенную роль сыграли и такие факторы, как демографический и экономический рост. В это время республика переживала быстрый демографический и экономический рост. Это могло способствовать увеличению числа преступлений. Кроме того, значительные социальные изменения, включая трансформацию ценностей, образа жизни и социальной структуры, могли создавать напряженность и нестабильность, что также влияло на рост преступности.

Хищение социалистической собственности в системе, где средства производства принадлежали государству, считалось серьезным преступлением против общественного порядка и экономики. Такие случаи участились со стороны государственных служащих и должностных лиц, злоупотребляющих своим положением в целях личной выгоды. Архивные материалы содержат доказательства о широком масштабе таких преступлений. Например, в феврале 1961 г. в Турткульское отделение милиции поступила информация о злоупотреблениях и преступных махинациях со стороны руководителей райпотребсоюза и райзаготскота при выполнении плана мясозаготовок района.

В результате проведенной проверки было установлено, что заведующий райпотребсоюзом, тов. Худайбергенов, и заведующий базой заготскота, Авезымбетов, с помощью бывших руководителей района оформили фиктивные документы на 1 033 лошади, якобы принятые от колхозов района в качестве мясозаготовок. Они также выдали убойные акты, указывая, что мясо от этих лошадей было реализовано

населению. Однако на самом деле никакого убоя не производилось и лошади были оставлены в колхозах. Эта махинация была использована для фиктивного выполнения плана мясозаготовок районом [15].

В совхозе Еркин Дарья Кегейлийского района была раскрыта группа скотокрадов, возглавляемая Айтиевым Урунбаем и состоящая из 8 человек. В период с 1960 по 1961 г., работая чабанами, они систематически занимались кражей скота как в собственном совхозе, так и в соседних совхозах «Бердах» Амударьинского района и «Нукус». В результате проверки совхоза «Еркин-Дарья» была выявлена пропажа 349 голов крупного рогатого скота, из которых 43 головы были обнаружены и возвращены [14].

Приведенные выше примеры из Турткульского и Кегейлийского районов демонстрируют масштабность таких преступлений и подчеркивают важность бдительности и ответственности руководителей при управлении общественным имуществом.

В других районах, таких как Бирунийский, Турткульский, Ходжейлийский и другие, также были обнаружены крупные хищения социалистической собственности.

В изучаемый период наблюдаются различные формы девиантного поведения, такие как нанесение телесных повреждений, хулиганство, грабеж. Особенно высокий уровень таких проявлений отмечается в предпраздничные и праздничные дни, включая два крупных события – 1 мая и 7 ноября. Хотя стоит отметить, что подобные формы девиантного поведения встречаются и в обычные будни, но в меньшем масштабе.

Первые общенародные демонстрации, проводимые 1 мая и 7 ноября, начались еще в 1930-х годах. Это были массовые шествия, впоследствии ставшие показательными представлениями с элементами театрализации. Демонстрации проводились во всех городах и районных центрах Каракалпакстана. В народе они назывались «парадами» и регулярно проходили дважды в год – 1 мая в честь Дня солидарности трудящихся всего мира и 7 ноября в память о годовщине Октябрьской революции.

Демонстрации, особенно в Нукусе, оставили глубокое впечатление у многих горожан и до сих пор ассоциируются с праздником и об-

новкой, особенно у детей того времени. Новые брюки и белая рубашка для мальчиков, а также новый белый бант, коричневое платье и белый фартук для девочек – все это символизировало участие в демонстрациях.

В этот день представители всех городских организаций и учреждений собирались рано утром, около 8 часов, на специально назначенном месте, недалеко от центральной площади. Участникам парада выдавали транспаранты, стяги с красным полотном, а также портреты В. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса и членов Политбюро ЦК партии. После окончания демонстрации все эти материалы должны были быть возвращены.

У многих людей эти демонстрации ассоциировались с организованным и коллективным праздником: с самого утра жители города направлялись к его центру либо к своему месту работы. В Нукусе проезды на главную улицу – проспект имени Ленина, закрывали тяжелыми грузовиками с самого утра. Нужно заметить, в демонстрациях также участвовали грузовики, украшенные цветами и портретами лидеров. Все участники проходили стройными колоннами мимо трибуны, расположенной у подножия памятника Ленину. На трибунах обычно находились руководители республики – секретари обкома партии, правительства, министерств, а также ветераны войны и труда.

Помимо ощущения праздника, необходимо отметить и другую сторону этих мероприятий – в эти дни преступность резко возрастала во всех городах республики. Жители сел и деревень съезжались сюда, чтобы «поглазеть» на парад, вновь посетить город и навестить родственников.

В условиях массовых скоплений людей празднование часто становилось благодатной почвой для различных преступлений. Хулиганство, уличные драки и мелкие кражи становились обычным явлением. Группы молодежи, собравшиеся для участия в параде или просто для развлечения, иногда устраивали беспорядки, демонстрируя свои силу и влияние. В таких ситуациях милиция была вынуждена усиливать меры безопасности, однако это не всегда помогало предотвратить инциденты.

Кроме того, алкоголь, который свободно продавался в этот день, нередко становился причиной конфликтов и агрессивного поведе-

ния. Люди, находясь в состоянии опьянения, могли участвовать в драках или хулиганских действиях, что создавало атмосферу страха и неуверенности среди горожан. Эти преступления, происходившие на фоне праздника, подрывали общее чувство радости и единства, превращая коллективное событие в источник беспокойства и напряжения. Демонстрации, которые должны были стать символом единства и праздника, порой оборачивались всплеском девиантного поведения, что подчеркивало сложность социальной динамики того времени.

Правительство и компетентные органы активно боролись с ростом преступности. 19 апреля 1961 г. Верховный Совет УзССР принял постановление «Об усилении борьбы с пьянством», которое уделяло особое внимание проблеме употребления алкоголя на производстве, профилактике преступлений в нетрезвом состоянии в общественных местах и быту. Охрана общественного порядка также стала приоритетной задачей. Народные дружины создавались при каждом учреждении и предприятии, активизировали свою работу перед праздниками. Они также действовали в обычные дни, особенно перед выходными. Образование таких дружин было обусловлено расформированием Министерства внутренних дел СССР в январе 1960 г., с передачей его функций республиканским министерствам. 7 сентября 1962 г. было создано Министерство охраны общественного порядка УзССР. Особое внимание уделялось взаимодействию с общественностью и формированию добровольных отрядов дружинников. Например, в 1961 г. в Каракалпакстане действовало 327 народных дружин с общим числом около 4 000 человек, из которых в Нукусе было 50 отрядов с 600 человек. Регулярно проводились собрания членов народных дружин, создавались секции по противодействию уголовной преступности, связанной с хищением государственного имущества, спекуляцией, а также предотвращению автомобильных аварий и дорожных происшествий. Однако такая реформа системы правопорядка не принесла ожидаемых результатов: сложившаяся система взаимодействия между силовыми структурами была нарушена, возникли разночтения в инструкциях и других положениях. В результате количество

преступлений, особенно убийств, растрат и хищений государственного имущества, спекуляции и нарушений общественного порядка, увеличилось. В первом полугодии 1961 г. в Каракалпакстане было зарегистрировано 341 преступление, среди которых наиболее распространенным в городах было хулиганство. В результате формировались маленькие группировки молодых людей в каждом районе Нукуса, которые устраивали стычки на пустырях или на условных границах между районами города. Каждая из этих группировок имела свое неофициальное название, такие как «Казах-аул», «Гоне-кала», «Шанхай», «Сорокалетка», центровые, «Шымбай-шайхана» и другие. Центральный парк, где проводились дискотеки дважды в неделю и работал летний кинотеатр, стал популярным местом встреч для этих группировок.

В целом по Каракалпакстану, например в 1965 г., количество тяжких телесных повреждений увеличилось в 11 раз, разбоев и грабежей – на 22 %, краж личного имущества граждан – на 5 %. В Нукусе частота случаев нанесения тяжких телесных повреждений, разбоев, грабежей, краж и хулиганства возросла на 22 %, в Ходжейли – в 5 раз. В Кунграде увеличилось число изнасилований и убийств, в целом рост преступности наблюдался и в Беговитском районе [35, с. 156; 41].

В 1970–1980-е гг. милиция активно сотрудничала с добровольными организованными структурами в противодействии преступности и другим происшествиям. Например, постановление Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1983 г. «О деятельности прокуратуры СССР» подчеркивало важность привлечения общественных организаций, трудовых коллективов, добровольных народных дружин, товарищеских судов и населения по месту жительства для противодействия правонарушениям и проведения профилактических мероприятий [24, с. 61]. В Узбекистане насчитывалось около 10 тыс. таких организаций в марте 1984 г., в которых состояло свыше 290 тыс. рабочих, служащих, колхозников и студентов. Было создано около 1 800 общественных пунктов охраны порядка [24, с. 62].

В 1970-е гг. также наблюдалось увеличение числа преступлений, совершенных подростками. Например, по архивным данным, за

8 месяцев 1976 г. в детские комнаты милиции Нукуса был доставлен 91 подросток, из которых 20 несовершеннолетних были привлечены к уголовной ответственности. В большинстве случаев они осуждались за хулиганство, нанесение телесных повреждений, изнасилование и кражу [30].

Другой распространенной формой девиантного поведения было пьянство, которое было связано с большинством преступлений, таких как хулиганство, кражи, драки, аварии и другие. Например, в первом полугодии 1961 г. было зарегистрировано 1 832 нарушения правил эксплуатации автотранспорта, а во втором полугодии – 648 [31].

Как свидетельствуют архивные материалы, наиболее распространенной причиной подобных нарушений было вождение автотранспорта в состоянии алкогольного опьянения. Например, в совхозе «Усть-Урт» Кунградского района, директором совхоза Винниковым, парторгом Джиенбаевым и рабочкомом Дадековым было приказано пьяному водителю Алимбетову развозить людей по квартирам. В результате водитель, находясь в состоянии тяжелого опьянения, попал в аварию, в которой погиб управляющий отделением Алланиязов. Алимбетов был осужден на 5 лет лишения свободы. Винников получил строгий выговор от райкома, Джиенбаев был исключен из партии, а Дадеков был уволен с работы [16].

Водитель совхоза имени Кирова Кунградского района, Дошекенов, был лишен прав на 1 год за лихачество и управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Несмотря на это, руководство совхоза заставило его продолжать работать на автомобиле без прав. В результате в 1961 г. во время перевозки частных пассажиров, автомобиль под управлением Дошекенова попал в аварию, в которой были ранены четыре человека. Водитель Дошекенов был осужден на 4 года лишения свободы, а директор совхоза был уволен [16].

Бульдозерист Махамбетов, работавший в Кунградском строительном-монтажном управлении Министерства водного хозяйства, систематически злоупотреблял алкоголем и хулиганил. В августе 1965 г. Махамбетов совершил хулиганские действия, о чем местная

полиция направила письменное уведомление на его место работы [32].

Органы народного контроля занимали значимое положение в структуре общественных организаций трудящихся, принимавших участие в противодействии правонарушениям. К 1 января 1983 г. в республике функционировало 210 комитетов народного контроля, включая 2 республиканских и 12 областных комитетов. Они осуществляли свою деятельность через 1 518 внештатных отделов, где работали 16 820 общественников. На предприятиях и организациях действовали 20 039 групп и 330 919 должностей народного контроля, общее число народных контролеров составляло 380 251 человек [24, с. 94].

В 1980-х гг. Комитетом народного контроля ККАССР руководил Д. Джиемурастов. Этот орган обладал широкими полномочиями и занимался проверкой деятельности государственных органов, ведомств и учреждений во всех сферах. Население также имело возможность обратиться в Комитет народного контроля по вопросам социально-экономического и культурного характера. Например, народные контролеры Нукусского городского отдела культуры обратились в городской Комитет народного контроля с информацией о злоупотреблении должностным лицом – старшим бухгалтером отдела культуры, гражданином К., который присвоил государственные средства. Проверка показала, что гражданин К. в ведомостях выдачи заработной платы этого учреждения и расходных ордерах дополнительно приписывал различные денежные суммы и таким образом присвоил 2 708 рублей. В ходе проверки он полностью признал свою вину и по требованию работников народного контроля полностью возместил присвоенную сумму. Решением городского комитета народного контроля материалы на К. были переданы в прокуратуру для привлечения его к уголовной ответственности [24, с. 96].

Большую роль в противодействии пьянству играли средства массовой информации. В 1980-е гг. им отводилась существенная роль в противоборстве с пьянством. Газеты, журналы, радио и телевидение активно освещали негативные последствия алкогольного потребления и способствовали повышению осведомленности общественности по данному вопросу. Журнали-

сты систематически публиковали статьи, репортажи и интервью, раскрывая факты пьянства, его воздействие на здоровье и безопасность, а также социальные последствия для семей и общества в целом. Данные негативные явления находили отражение в таких передачах, как «Человек и закон», «Клуб атеистов», «Образ жизни – советский», «Нетрудовым доходам – заслон», «Трезвость – норма жизни», «За безопасность дорожного движения», «Раушан» и в сатирических тележурналах «Тикенек» (в переводе с каракалпакского – «Колючка») и «Аш буйирден» (в переводе с каракалпакского – «Вилы в бок») и других, которые представляли информацию о последствиях пьянства и способствовали принятию осознанных решений в отношении собственного здоровья. В результате использования средств массовой информации формировались правильные ценности и установки в обществе, направленные на противостояние с пьянством и поддержание здорового образа жизни.

К середине 1980-х гг. были достигнуты положительные результаты в противодействии алкоголизму в СССР. В докладе Председателя правления Каракалпакского рессовета Узбекского добровольного общества борьбы за трезвость академика АН УзССР С.К. Камалова отмечается сокращение производства и продажи алкогольной продукции, что подтверждается снижением уровня реализации алкоголя на душу населения в 1987 г. по сравнению с 1985 годом. В частности, по стране данный показатель снизился с 8,4 л до 2,9 л, по УзССР – с 3,4 л до 1,17 л, а по ККАССР – с 3,37 л до 0,99 л [12].

В 1986–1987 гг. было проведено 508 рейдов проверок свыше 800 трудовых коллективов, мест проживания населения и торговых предприятий в рамках Всесоюзного рейда рабочих и сельских корреспондентов «За эффективный труд и здоровый быт», организованного Обществом борьбы за трезвость. В результате было обнаружено 262 случая нарушения антиалкогольного законодательства, а также выявлены спекулянты спиртными изделиями и самогонщиками. Было опубликовано более 120 заметок в республиканских и районных радио и телерадио на данную тему. Материалы рейдов передавались на рассмотрение партийных и профсоюзных комитетов,

комитетов народного контроля и комиссий по борьбе с пьянством и алкоголизмом [13].

Несмотря на широкий спектр архивных документов, подвергнутых нашему анализу, нам не удалось проследить динамику развития отдельных видов преступлений в период 1960–1980-х годов. Например, были обнаружены отдельные документы, касающиеся разбойных нападений, тяжких телесных повреждений и краж, однако информация статистического характера, позволяющая провести всесторонний анализ динамики этих преступлений, отсутствует.

Кроме того, следует отметить ограниченный доступ к архивным материалам, касающимся таких аспектов девиантного поведения, как наркотическая зависимость и асоциальное поведение. Возможно, в будущем, с открытием доступа к этим данным, удастся восполнить существующий пробел и более глубоко изучить указанные вопросы.

Исследование девиантного поведения в городах Каракалпакстана в период с 1960-х по 1980-е гг. позволяет сделать несколько ключевых выводов. В указанный период наблюдалось значительное распространение различных форм девиантного поведения, таких как преступность, алкоголизм, безнравственность и другие.

Возникновение и распространение негативных явлений, таких как хулиганство, грабеж и пьянство, в обществе в 1960–1980-х гг. можно объяснить несколькими причинами: в первую очередь это значительные социальные изменения, такие как урбанизация, индустриализация и миграция населения. Эти процессы могли привести к разрушению традиционных социальных связей и созданию благоприятных условий для возникновения негативных явлений.

Во-вторых, экономические трудности и неравенство могли способствовать увеличению преступности. Низкий уровень жизни, отсутствие равных возможностей могли стимулировать людей к совершению преступлений для выживания или достижения материального благополучия.

В-третьих, в 1960–1980-х гг. происходили значительные социокультурные изменения в каракалпакстанском обществе, включая изменение ценностей, стереотипов поведения

и норм общества. Это могло способствовать распространению негативных явлений, так как новые ценности и нормы могли не соответствовать традиционным правилам и ограничениям.

Однако стоит отметить, что в эти годы были предприняты значимые усилия для противодействия этим проблемам. Власти Каракалпакстана внедрили меры по ужесточению наказаний за совершение преступлений, проводились просветительские кампании и образовательные программы, направленные на предотвращение наркомании и алкоголизма. Были предприняты разнообразные меры по борьбе с девиантным поведением, среди которых особое место занимали профилактические программы, направленные на снижение преступности среди молодежи. Эти программы включали организацию досуга для подростков, создание кружков и секций, а также активную пропаганду здорового образа жизни. С течением времени меры по профилактике девиантного поведения расширялись и им уделялось все большее внимание со стороны государственных и общественных структур.

Предпринимались усилия по противодействию пьянству, в том числе проведение специальных рейдов против незаконного распространения алкоголя. Активно использовалась идеологическая работа, нацеленная на формирование у граждан негативного отношения к преступности и пьянству. В рамках этой работы проводились массовые кампании, лекции и семинары, которые способствовали повышению осведомленности населения о негативных последствиях злоупотребления алкоголем.

Средства массовой информации, такие как газеты, журналы, радио и телевидение, играли значительную роль в освещении данной проблемы, активно информируя общественность о вреде алкоголя и его разрушительном воздействии на личность и общество в целом. Подобная идеологическая работа привела к заметным результатам: к 1980-м гг. удалось добиться определенных успехов в противодействии пьянству, что свидетельствует о том, что комплексный подход к решению проблемы девиантного поведения, включающий как профилактические меры, так и идеологическую работу, оказался эффективным.

Несмотря на сложности и вызовы, с которыми сталкивалось общество в то время, существовали положительные моменты. В рамках социальных и экономических изменений происходило сознательное стремление к созданию благоприятной среды для жизни и развития городского населения. Эти усилия постепенно способствовали снижению уровня девиантного поведения и повышению уровня общественной безопасности.

Выводы и рекомендации. Подводя итоги исследования, следует отметить, что рассматриваемая проблема сохраняет свою актуальность в современном контексте. Изучение исторических процессов позволяет глубже понять, как социальные, экономические и культурные изменения влияют на общественные явления, включая преступность и девиантное поведение. Эти знания могут быть полезны для анализа современных тенденций. Описанные в статье факторы, такие как урбанизация, миграция и экономические трудности, остаются значимыми и в наше время. Современные общества сталкиваются с аналогичными вызовами, и осознание их исторического контекста может способствовать разработке эффективных стратегий реагирования.

На основе представленного материала можно выдвинуть ряд рекомендаций, которые, по мнению автора, имеют существенное значение:

1. Разработка и внедрение комплексных программ профилактики девиантного поведения, учитывающих социальные, экономические и культурные аспекты.

2. Создание программ поддержки семей, ориентированных на укрепление семейных ценностей и предотвращение социальной изоляции.

3. Сосредоточение усилий на экономическом развитии региона, включая создание рабочих мест и улучшение условий жизни.

Данные рекомендации могут способствовать улучшению общественной безопасности и снижению уровня девиантного поведения в современных условиях, опираясь на уроки, извлеченные из прошлого.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖК РК – Архив Жокаргы Кенеса (Верховного Совета) Республики Каракалпакстан.
ПМА – Полевые материалы автора.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдукаххоров С. Республика юраги. Ташкент: Кизил Узбекистон ва Правда Востока бирлашган нашриёти, 1950. 112 с.
2. Аминова Р. Х. Колхозное крестьянство Узбекистана на пути к развитому социализму. Ташкент: Узбекистан, 1983. 359 с.
3. Ата-Мирзаев О., Салиев А. Региональные особенности урбанизации // Развитие народонаселения и проблемы трудовых ресурсов Средней Азии. Ташкент: Фан, 1988. 161 с.
4. Ахмедов Э., Тешабаев М. Новые города Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1984. 169 с.
5. Ахмедов Э., Фатахов Е. Новые города Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1972. 120 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
8. Гирц К. Интерпретация культур (Культурология. XX век). М.: РОССПЕН, 2004. 560 с.
9. Джаббаров И. Общественный прогресс, быт и религия (Социально-философское исследование на материалах Узбекской ССР). Ташкент: Узбекистан, 1973. 217 с.
10. Джуманиязов Р. Повышение культуры быта села в условиях развитого социализма (Из опыта партийной организации Узбекистана 1960–1973 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1974. 248 с.
11. Джумашев А. Новые исследования в исторической науке: история повседневности // Наука Каракалпакстана: вчера, сегодня, завтра: тез. Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Каракалпак. отд-ния Акад. наук Республики Узбекистан. Нукус: Илим, 2009. С. 127–128.
12. Доклад Председателя правления Каракалпакского рессовета Узбекского добровольного общества борьбы за трезвость академика АН УзССР Камалова С.К. // ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 53. Д. 363. Л. 48.
13. Доклад Председателя правления Каракалпакского рессовета Узбекского добровольного общества борьбы за трезвость академика АН УзССР Камалова С.К. // ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 53. Д. 363. Л. 55.
14. Докладная записка о состоянии борьбы с преступностью в республике // ЦГА РК. Ф. 551. Оп. 8866. Д. 23. Л. 4–5.
15. Докладная записка о состоянии борьбы с преступностью в республике // ЦГА РК. Ф. 551. Оп. 8866. Д. 23. Л. 6–7.
16. Докладная записка о состоянии борьбы с преступностью в республике // ЦГА РК. Ф. 551. Оп. 8866. Д. 23. Л. 12.
17. Зотов А., Раимов Т., Смирнов М., Якубов Б. Города Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1965. 286 с.
18. История рабочего класса советского Каракалпакстана. Ташкент: Фан, 1977. 144 с.
19. Карвасарный В. И. Каракалпакстан энергетикасы: кеше хэм бүгин. Нокис: Каракалпакстан, 1998. 240 с.
20. Курбаниязов А. Особенности развития трудовых ресурсов в Каракалпакии // Вестник ККФ АН УзССР. 1984. № 2. С. 54–60.
21. Легецкая Л. Рабочий класс ККАССР в условиях развитого социализма // Вестник ККФ АН УзССР. 1985. № 2. С. 76–80.
22. Максакова Л. Демографические проблемы занятости в Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1989. 208 с.
23. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
24. Миралиев Б., Мирзажанов К. Участие общественности в предупреждении и расследовании преступлений. Ташкент: Фан, 1984. 134 с.
25. Мулляджанов И. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1983. 276 с.
26. Муратова П. Каракалпакстанда интеллигенция кадрларын таярлаў. Нокис: Каракалпакстан, 1992. 144 с.
27. Насиров А. Экономическая основа социалистического образа жизни. Ташкент: Фан, 1983. 247 с.
28. ПМА. Нукус, 2023.
29. ПМА. Ходжейли, 2018.
30. Постановление комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров Каракалпакской АССР // ЦГА РК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 587. Л. 61.
31. Постановление комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров Каракалпакской АССР // ЦГА РК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 587. Л. 14.
32. Представления состояния преступности среди несовершеннолетних в ККАССР // ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 440. Л. 26.
33. Рахимов И. Становление коммунистической нравственности в быту. Ташкент: Фан, 1965. 236 с.
34. Рашидов Г. История социалистического Ташкента. Т.1. Ташкент: Наука, 1965. 468 с.
35. Сейдаметова Г. У. Повседневная жизнь городского населения Каракалпакстана в 60–80-х годах XX века. Ташкент: Инновацион ривожланиш нашриёт-матбаа уйи, 2020. 198 с.
36. Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества (1938–1970 гг.). М.: Мысль, 1973. 417 с.

37. Солиев А. Развитие городов и городских поселков Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1975. 360 с.

38. Социально-экономическое развитие Узбекистана за годы Советской власти. Ташкент: Фан, 1984. 345 с.

39. Справка о состоянии работы по предупреждению преступности среди молодежи и несовершеннолетних в Каракалпакской АССР // АЖК РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 250. Л. 3.

40. Справка о состоянии работы по предупреждению преступности среди молодежи и несовершеннолетних в Каракалпакской АССР // АЖК РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 250. Л. 5.

41. Справка о состоянии работы прокуратуры ККАССР // АЖК РК. Ф. 1. Оп. 8. Д. 440. Л. 25.

42. Туреева Г. Жилищно-коммунальная политика в Каракалпакстане: опыт и перспективы (1960–1980-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нукус, 2006. 25 с.

43. Умурзакова О. П. Закономерности сближения быта и традиций социалистических наций. Ташкент: Фан, 1971. 240 с.

44. Утепов А. Великий Октябрь, становление и развитие исторической науки в Каракалпакстане. Нукус: Каракалпакстан, 1988. 196 с.

45. Шадманова С. Жаҳон тарихшунослигида кундалик ҳаёт тарихи: шаклланиши, вазифалари ва тадқиқот усуллари // Жаҳон тарихи кафедрасининг илмий ишлар тўплами. 1-жилд. Тошкент: Наврўз, 2015. С. 182–188.

46. Шермухамедов Б. Т. Социалистическая цивилизация и быт. Ташкент: Узбекистан, 1987. 172 с.

47. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб.: Унив. кн., 2001. 336 с.

48. Жолдасов А. Главный Туркменский канал: уроки великой стройки // Вестник Евразии. 2003. С. 176–190.

4. Ahmedov E., Teshabaev M. *Novye goroda Uzbekistana* [New Cities of Uzbekistan]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1984. 169 p.

5. Ahmedov E., Fatahov E. *Novye goroda Uzbekistana* [New Cities of Uzbekistan]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1972. 120 p.

6. Berger P., Lukman T. *Socialnoe konstru-irovanie realnosti* [Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.

7. Garfinkel G. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2007. 335 p.

8. Girc K. *Interpretacija kultur (Kulturologija. XX vek)* [Interpretation of Cultures (Cultural Studies. 20th Century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p.

9. Dzhabbarov I. *Obshhestvennyj progress, byt i religija (Socialno-filosofskoe issledovanie na materialah Uzbekskoj SSR)* [Social Progress, Everyday Life, and Religion (Social and Philosophical Study Based on the Materials of the Uzbek SSR)]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1973. 217 p.

10. Dzhumanijazov R. *Povyshenie kultury byta sela v usloviyah razvitogo socializma (Iz opyta partijnoj organizacii Uzbekistana 1960–1973 gg.)* [Improving the Culture of Rural Life in the Conditions of Developed Socialism (From the Experience of the Party Organization of Uzbekistan in 1960–1973)]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1974. 248 p.

11. Djumashev A. *Novye issledovaniya v istoricheskoj nauke: istoriya povsednevnosti* [New Research in Historical Science: History of Everyday Life]. *Nauka Karakalpakstana: vchera, segodnja, zavtra: tez. Resp. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 50-letiju Karakalpak. otd-niya Akad. nauk Respubliki Uzbekistan* [Theses of the Republican Scientific and Practical Conference “Science of Karakalpakstan: Yesterday, Today, Tomorrow”, Dedicated to the 50th Anniversary of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan]. Nukus, Ilim Publ., 2009, pp. 127–128.

12. *Doklad Predsedatelja pravlenija Karakalpakskogo ressoveta Uzbekskogo dobrovolnogo obshhestva borby za trezvost akademika AN UzSSR Kamalova S.K.* [Report of the Chairman of the Board of the Karakalpak Republic Council of the Uzbek Voluntary Society for the Struggle for Sobriety, Academician of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR Kamalov S.K.]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. 1, inv. 53. d. 363, l. 48.

13. *Doklad Predsedatelja pravlenija Karakalpakskogo ressoveta Uzbekskogo dobrovolnogo obshhestva borby za trezvost akademika AN UzSSR Kamalova S.K.* [Report of the Chairman of the Board of the Karakalpak Republic Council of the Uzbek Voluntary Society for the Struggle for Sobriety, Academician of the Academy of

REFERENCES

1. Abdukahhorov S. *Respublika juragi* [Heart of the Republic]. Tashkent, Kizil Uzbekiston va Pravda Vostoka birlashgan nashrijoti, 1950. 112 p.

2. Aminova R.H. *Kolhoznoe krestjanstvo Uzbekistana na puti k razvitomu socializmu* [Collective Farm Peasantry of Uzbekistan on the Way to Developed Socialism]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1983. 359 p.

3. Ata-Mirzaev O., Saliev A. *Regionalnye osobennosti urbanizacii* [Regional Features of Urbanization]. *Razvitie narodonaselenija i problemy trudovyh resursov Srednej Azii* [Development of Population and Problems of Labor Resources of Central Asia]. Tashkent, Fan Publ., 1988. 161 p.

Sciences of the Uzbek SSR Kamalov S.K.]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. 1, inv. 53, d. 363, l. 55.

14. Dokladnaja zapiska o sostojanii borby s prestupnostju v respublike [Report on the State of the Fight Against Crime in the Republic]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. 551, inv. 8866, d. 23, l. 4-5.

15. Dokladnaja zapiska o sostojanii borby s prestupnostju v respublike [Report on the State of the Fight Against Crime in the Republic]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. 551, inv. 8866, d. 23, l. 6-7.

16. Dokladnaja zapiska o sostojanii borby s prestupnostju v respublike [Report on the State of the Fight Against Crime in the Republic]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. 551, inv. 8866, d. 23, l. 12.

17. Zotov A., Raimov T., Smirnov M., Jakubov B. *Goroda Uzbekistana* [Cities of Uzbekistan]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1965. 286 p.

18. *Istorija rabocheho klassa sovetskogo Karakalpakstana* [History of the Working Class of Soviet Karakalpakstan]. Tashkent, Fan Publ., 1977. 144 p.

19. Karvasarny V.I. *Karakalpakstan energetikasy: keshe ham bugin* [Energy of Karakalpakstan: Yesterday and Today]. Nukus, Karakalpakstan Publ., 1998. 240 p.

20. Kurbanijazov A. Osobennosti razvitija trudovyh resursov v Karakalpakii [Features of Development of Labor Resources in Karakalpakstan]. *Vestnik KKF AN UzSSR* [Bulletin of the KKF AN UzSSR], 1984, no. 2, pp. 54-60.

21. Legeckaja L. Rabochij klass KKASSR v uslovijah razvitogo socializma [Working Class of the KAASSR in the Conditions of Developed Socialism]. *Vestnik KKF AN UzSSR* [Bulletin of the KKF AN UzSSR], 1985, no. 2, pp. 76-80.

22. Maksakova L. *Demograficheskie problemy zanjatosti v Uzbekskoj SSR* [Demographic Problems of Employment in the Uzbek SSR]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1989. 208 p.

23. Markuze G. *Odnomernyj chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow, REFL-book, 1994. 368 p.

24. Miraliev B., Mirzazhanov K. *Uchastie obshhestvennosti v preduprezhdenii i rassledovanii prestuplenij* [Public Participation in the Prevention and Investigation of Crimes]. Tashkent, Fan Publ., 1984. 134 p.

25. Mulljadzhanov I. *Demograficheskoe razvitie Uzbekskoj SSR* [Demographic Development of the Uzbek SSR]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1983. 276 p.

26. Muratova P. Karakalpakstanda intelligencija kadrlaryn tajarlau [Role of the Karakalpak Intelligentsia in the Development of the Republic]. Nukus, Karakalpakstan Publ., 1992. 144 p.

27. Nasirov A. *Ekonomicheskaja osnova socialisticheskogo obraza zhizni* [Economic Basis of the Socialist Way of Life]. Tashkent, Fan Publ., 1983. 247 p.

28. *PMA* [Field Materials of the Author]. Nukus, 2023.

29. *PMA* [Field Materials of the Author]. Khodjeyli, 2018.

30. Postanovlenie komissii po delam nesovershennoletnih pri Sovete Ministrov Karakalpakskoj ASSR [Resolution of the Commission on Minors' Affairs Under the Council of Ministers of the Karakalpak ASSR]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. R-173, inv. 1, d. 587, l. 61.

31. Postanovlenie komissii po delam nesovershennoletnih pri Sovete Ministrov Karakalpakskoj ASSR [Resolution of the Commission on Minors' Affairs Under the Council of Ministers of the Karakalpak ASSR]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. r-173, inv. 1, d. 587, l. 14.

32. Predstavlenija sostojaniya prestupnosti sredi nesovershennoletnih v KKASSR [Presentations of the State of Juvenile Delinquency in the Karakalpak ASSR]. *CGA RK* [Central State Archive of the Republic of Karakalpakstan], f. 1, inv. 18, d. 440, l. 26.

33. Rahimov I. *Stanovlenie kommunisticheskoy nrvstvennosti v bytu* [Formation of Communist Morality in Everyday Life]. Tashkent, Fan Publ., 1965. 236 p.

34. Rashidov G. *Istorija socialisticheskogo Tashkenta. T. 1* [History of Socialist Tashkent. Vol. 1]. Tashkent, Nauka Publ., 1965. 468 p.

35. Seydametova G. *Povsednevnyaya zhizn gorodskogo naselenija Karakalpakstana v 60–80-h godah XX veka* [Everyday Life of the Urban Population of Karakalpakstan in the 60–80s of the Twentieth Century]. Tashkent, Innovacion rivozhlanish nashrijot-matbaa uji, 2020. 198 p.

36. Senjavskij S.L. *Izmenenija v socialnoj strukture sovetskogo obshhestva (1938–1970 gg.)* [Changes in the Social Structure of Soviet Society (1938–1970)]. Moscow, Mysl Publ., 1973. 417 p.

37. Soliev A. *Razvitie gorodov i gorodskih poselkov Uzbekistana* [Development of Cities and Urban Settlements of Uzbekistan]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1975. 360 p.

38. *Socialno-ekonomicheskoe razvitie Uzbekistana za gody Sovetskoy vlasti* [Social and Economic Development of Uzbekistan During the Years of Soviet Power]. Tashkent, Fan Publ., 1984. 345 p.

39. Spravka o sostojanii raboty po preduprezhdeniju prestupnosti sredi molodezhi i nesovershennoletnih v Karakalpakskoj ASSR [Information on the State of Work on Crime Prevention Among Youth and Minors in the Karakalpak ASSR]. *AJK RK* [Archive of the Jokargy Kenes (Supreme Council) of the Republic of Karakalpakstan], f. 1, inv. 10, d. 250, l. 3.

40. Spravka o sostojanii raboty po preduprezhdeniju prestupnosti sredi molodezhi i nesovershen-

noletnih v Karakalpakskoj ASSR [Information on the State of Work on Crime Prevention Among Youth and Minors in the Karakalpak ASSR]. *AJK RK* [Archive of the Jokargy Kenes (Supreme Council) of the Republic of Karakalpakstan], f. 1, inv. 10, d. 250, l. 5.

41. Spravka o sostojanii raboty prokuratury KKASSR [Information on the State of Work of the Prosecutor's Office of the KSASSR]. *AJK RK* [Archive of the Jokargy Kenes (Supreme Council) of the Republic of Karakalpakstan], f. 1, inv. 8, d. 440, l. 25.

42. Tureeva G. *Zhilishhno-kommunalnaja politika v Karakalpakstane: opyt i perspektivy (1960–1980-e gody): avtoref. dis. ... kand. hist. nauk* [Housing and Communal Policy in Karakalpakstan: Experience and Prospects (1960–1980s). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Nukus, 2006. 25 p.

43. Umurzakova O.P. *Zakonomernosti sblizhenija byta i tradicij socialisticheskikh nacij* [Patterns of Convergence of Life and Traditions of Socialist Nations]. Tashkent, Fan Publ., 1971. 240 p.

44. Uteпов A. *Velikij Oktjabr, stanovlenie i razvitie istoricheskoy nauki v Karakalpakstane* [Great October, Formation and Development of Historical Science in Karakalpakstan]. Nukus, Karakalpakstan Publ., 1988. 196 p.

45. Shadmanova S. *Zhahon tarihshunosligida kundalik hajot tarihi: shakllanishi, vazifalari va tadkikot usullari* [History of Everyday Life in World Historiography: Formation, Tasks and Research Methods]. *Zhahon tarihi kafedrasining ilmiy ishlar tūplami. 1-žild.* Tashkent, Navruz Publ., 2015, pp. 182-188.

46. Shermuhamedov B.T. *Socialisticheskaja civilizacija i byt* [Socialist Civilization and Life]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1987. 172 p.

47. J Elias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya* [On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies]. Saint Petersburg, Univ. kn. Publ., 2001. 336 p.

48. Zholdasov A. *Glavnyj Turkmenskij kanal: uroki velikoj strojki* [Main Turkmen Channel: Lessons from the Great Construction]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 2003, pp. 176-190.

Information About the Author

Gulnara U. Seydametova, PhD (History), Associate Professor, Faculty of History, Karakalpak State University named after Berdakh, Ch. Abdirova St, 1, 230100 Nukus, Republic of Uzbekistan, g_seydametova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0348-7841>

Информация об авторе

Гульнара Утарбаевна Сейдаметова, доктор философии по историческим наукам, доцент факультета истории, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, ул. Ч. Абдилова, 1, 230100 г. Нукус, Республика Узбекистан, g_seydametova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0348-7841>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.19>

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 28.03.2024
Accepted: 23.09.2024

KAZAKHSTAN'S POLICY TOWARDS COOPERATION IN HIGHER EDUCATION WITH CHINA, THE US AND TURKEY

Anastasia M. Pogorelskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Evgeny F. Troitskiy

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Gulmira S. Mussina

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* Since 2022 Kazakhstan has noticeably intensified cooperation with China, Turkey, and the US in higher education, providing their universities with favorable conditions for opening branches and implementing scholarship programs to recruit Kazakhstani applicants. The research novelty is the assessment of current Kazakhstani educational cooperation as a tool for balancing Russian influence in Kazakhstan and Central Asia in general. The choice of partner countries is justified by a noticeable recent expansion of their presence in Kazakhstan's higher education. *Methods and materials.* The research is based on the analysis of Kazakhstani official documents; speeches and statements by the officials of Kazakhstan, China, Turkey, and the US; the activities of foreign universities in Kazakhstan, reflected primarily in the functioning of foreign branches and inter-university contacts; and statistical data characterizing the situation in Kazakhstan's higher education system. The research theoretical basis is provided by the concept of soft balancing and higher education internationalization. *Analysis.* The authors established the rationales behind intensifying Kazakhstan's cooperation in higher education with particular foreign partners, namely China, Turkey, and the US; determined the scale and formats of such educational cooperation; and indicated intermediate results of this policy. *Results.* A forecast for the development of higher education in Kazakhstan was developed and recommendations were formulated for Russia on educational cooperation with Kazakhstan. *Authors' contribution.* E.F. Troitskiy provided the concept of the article, theoretical and literature review. A.M. Pogorelskaya analyzed the educational cooperation between Kazakhstan and its foreign partners. G.S. Mussina compiled a forecast for higher education development in Kazakhstan and elaborated the recommendations. *Funding.* The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project № 23-78-10036 "Transformation of higher education systems in Central Asia: new opportunities and challenges for Russian educational export", <https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/>.

Key words: soft balancing, internationalization, higher education, Kazakhstan, China, Turkey, US.

Citation. Pogorelskaya A.M., Troitskiy E.F., Mussina G.S. Kazakhstan's Policy Towards Cooperation in Higher Education with China, the US and Turkey. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 227-240. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.19>

**ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В ОТНОШЕНИИ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА
С КНР, США И ТУРЦИЕЙ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ****Анастасия Михайловна Погорельская**

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Евгений Флорентьевич Троицкий

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Гульмира Сейфуллаевна Мусина

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* С 2022 г. Казахстан заметно активизировал сотрудничество с Китаем, Турцией и США в сфере высшего образования, предоставив их университетам благоприятные условия для открытия филиалов и реализации стипендиальных программ по набору казахстанских абитуриентов. Новизна исследования заключается в оценке текущего казахстанского образовательного сотрудничества как инструмента балансирования российского влияния в Казахстане и Центральной Азии в целом. Выбор стран-партнеров объясняется заметным расширением их присутствия в сфере высшего образования Казахстана в последнее время. *Методы и материалы.* Исследование основано на анализе казахстанских официальных документов; выступлений и заявлений официальных лиц Казахстана, Китая, Турции, США; деятельности зарубежных вузов в Казахстане, выражающейся прежде всего в функционировании зарубежных филиалов и динамике межвузовских контактов; статистических данных, характеризующих систему высшего образования Казахстана. Теоретическую основу исследования составляют концепция мягкого балансирования и понятие интернационализации высшего образования. *Анализ.* Авторы установили причины активизации сотрудничества Казахстана в сфере высшего образования с конкретными зарубежными партнерами, а именно с Китаем, Турцией и США; определили масштабы и форматы данного образовательного сотрудничества и обозначили промежуточные результаты казахстанской политики в соответствующей сфере. *Результаты.* Разработан прогноз развития высшего образования в Казахстане и сформулированы рекомендации для России по образовательному сотрудничеству с Казахстаном. *Вклад авторов.* Е. Ф. Троицкий сформулировал концепцию статьи, теоретический и литературный обзор. А.М. Погорельская проанализировала образовательное сотрудничество Казахстана с зарубежными партнерами. Г.С. Мусина составила прогноз развития высшего образования в Казахстане и разработала рекомендации. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036 «Трансформация систем высшего образования стран Центральной Азии: новые возможности и вызовы для экспорта российского образования», <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>.

Ключевые слова: мягкое балансирование, интернационализация, высшее образование, Казахстан, Китай, Турция, США.

Цитирование. Погорельская А. М., Троицкий Е. Ф., Мусина Г. С. Политика Казахстана в отношении развития сотрудничества с КНР, США и Турцией в сфере высшего образования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 227–240. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.19>

Введение. Интернационализация высшего образования обозначена в качестве одной из основных целей государственной политики Казахстана в сфере развития высшего образования и науки [15]. Эта цель имеет два аспекта. С одной стороны, поставлены задачи увеличения контингента иностранных студентов, обучающихся в казахстанских вузах,

и создания Центральноазиатского пространства высшего образования, предполагающего координацию образовательной политики пяти стран региона и поддержку региональной академической мобильности. С другой стороны, руководство Казахстана, сознавая ограниченность ресурсов национальной системы высшего образования и зависимость

экономики страны от подготовки кадров за рубежом, фактически обозначило задачу реформирования всей системы международного образовательного сотрудничества Казахстана. Взят курс на форсированное открытие в Казахстане филиалов иностранных вузов, наращивание количества совместных образовательных программ с зарубежными партнерами и управление потоками казахстанских граждан, выезжающих за рубеж для получения высшего образования.

С начала 2000-х гг. в Казахстане происходит устойчивый рост населения, который затрудняет достижение целей обеспечения доступности высшего образования при одновременном повышении его качества. Традиционно Казахстан решает эту проблему импортом образовательных услуг, главным образом из России. Так, в 2019 г. 71 % казахстанских граждан, получающих высшее образование за рубежом, обучался в России; «российский» контингент казахстанцев в 3,9 раза превышал совокупный контингент граждан страны, обучающихся в вузах КНР, Турции и США [25].

Поскольку в Казахстане качество российского высшего образования в целом признается высоким, можно было бы ожидать интенсификации сотрудничества Казахстана с Россией в этой сфере, тем более что для граждан Казахстана открыта возможность получения высшего образования в России за счет российского бюджета. Однако в реальности Казахстан взял курс на ускоренное развитие сотрудничества в сфере высшего образования с конкурентами российских вузов – университетами КНР, Турции, США, стран ЕС, Великобритании.

Учитывая сложную международную ситуацию, в которой с 2022 г. оказалась Россия, пока притягивающая большинство студентов из Казахстана, обучающихся за рубежом (63 % в 2022 г.), и поставленную российским руководством задачу увеличения численности иностранных студентов, обучающихся в России, до 500 тыс. к 2030 г. [24], анализ современной политики Казахстана в сфере образовательного сотрудничества с КНР, Турцией и США, занимающих соответственно второе, третье и четвертое места как направления образовательной миграции из Казахста-

на, имеет высокую степень актуальности и практической значимости.

Новизна данного исследования заключается в оценке особенностей казахстанской политики в сфере международного образовательного сотрудничества как элемента политики балансирования России, все более активно проводимой Астаной. Интернационализация высшего образования рассматривается сквозь призму политических предпочтений казахстанского руководства и его стратегической цели по трансформации Казахстана в региональный образовательный хаб в Центральной Азии [38].

Задачи исследования включают определение целей казахстанской политики, направленной на развитие сотрудничества в сфере высшего образования с зарубежными партнерами, характеристику форматов и результатов этой политики на китайском, турецком и американском направлениях, установление основных среднесрочных тенденций эволюции приоритетов международного образовательного сотрудничества Казахстана.

Методы и материалы. Теоретической основой исследования служит прежде всего концепция интернационализации высшего образования, предполагающая принятие государством и вузами мер по адаптации к вызовам глобализации [1, с. 52]. Общепринятым является выделение двух измерений интернационализации: внутреннего, подразумевающего «интеграцию международного, межкультурного или глобального измерения в цель, функции и форматы предоставления высшего образования» [34], и внешнего, предполагающего стимулирование академической мобильности. В литературе рассматриваются четыре группы мотивов, следуя которым государства проводят политику интернационализации систем высшего образования: политические, экономические, социокультурные и академические [28; 33]. Среди политических мотивов акцент делается на внешнеполитических целях и интересах обеспечения национальной безопасности [28, р. 85–89].

Исследование опирается также на концепции внешнеполитического балансирования, разрабатываемые в рамках неореалистичес-

кой парадигмы науки о международных отношениях. Как правило, стратегии балансирования, реализуемые государствами, подразделяются, с одной стороны, на внутреннее и внешнее, а с другой стороны – на жесткое и мягкое балансирование [37; 41]. Стратегии внутреннего мягкого балансирования включают «балансирование через замену общественных благ», тогда как среди стратегий внешнего мягкого балансирования выделяется «подача сигналов о решимости проводить политику балансирования» [27]. К мягкому балансированию близка внешнеполитическая линия, известная как «стратегическое не-сотрудничество», которую государства выбирают в тех случаях, когда преимущества, извлекаемые из сотрудничества, воспринимаются как распределяемые «в высшей степени асимметрично» [27, р. 17]. Эта форма балансирования наблюдается, в частности, в отношениях между государствами-союзниками.

Анализ. Внешняя политика Казахстана на протяжении более чем тридцати лет независимости определяется как политика многовекторности. Последняя изначально подразумевала балансирование (в первых редакциях казахстанских внешнеполитических документов полным наименованием этого внешнеполитического курса была «политика многовекторности и сбалансированности» [20]. Как признавал первый президент страны Н.А. Назарбаев, поддержание «многосторонних и разновариантных военно-политических и экономических балансов, обеспечивающих безопасность и суверенность Казахстана» рассматривалось руководством Казахстана как основной внешнеполитический императив [12, с. 99].

В рамках этой политики чрезмерная зависимость от России, несмотря на фундаментальную важность союза с ней для Казахстана, воспринимается как проблема, которую Казахстан по мере сил и возможностей пытается решать. Казахстан, безусловно, не может проводить линию на жесткое балансирование своего ключевого союзника, однако для Астаны открыты варианты мягкого балансирования, нередко практикуемого и в рамках союзнических отношений. Гипотеза, выдвигаемая в данном исследовании, состоит в том, что политика Казахстана, направ-

ленная на форсированное развитие сотрудничества в сфере высшего образования с КНР, Турцией и США, является формой стратегии мягкого балансирования России, в частности таких ее вариантов, как «балансирование через замену общественных благ», «подача сигналов о решимости проводить политику балансирования» и «стратегическое не-сотрудничество».

В научной литературе отмечены относительные успехи Казахстана в адаптации национальной системы высшего образования к современным глобальным тенденциям. Отмечается и ряд сложностей, с которыми сталкивается страна, включая трудности с обеспечением качества высшего образования при заимствовании иностранных подходов [32], внедрением обучения на английском языке [26], соблюдением автономии вузов, объявленной одним из ключевых Болонских принципов [29], повышением эффективности межвузовского сотрудничества с иностранными партнерами [5], созданием университетов мирового уровня [35] и противодействием утечке умов [9].

Но поскольку Казахстан относительно редко попадает в фокус внимания исследователей в области образования, работы по актуальной стадии интернационализации высшего образования страны, за редкими исключениями, отсутствуют [13]. Соответственно, данное исследование базируется на анализе таких источников, как официальные документы Казахстана, включая Концепцию внешней политики, Стратегию национальной безопасности, Концепцию развития высшего образования и науки; выступления официальных лиц Казахстана, Китая, Турции и США; статистические данные о системе высшего образования Казахстана, доступные на сайтах Бюро национальной статистики Республики Казахстан и ЮНЕСКО. В основу исследования также лег анализ практики взаимодействия вузов Казахстана с университетами Китая, Турции и США, включая динамику межвузовских контактов, создания филиалов и запуска совместных образовательных инициатив.

Цели Казахстана в международном сотрудничестве в сфере высшего образования. Действующая Концепция внешней политики Казахстана, принятая в марте 2020 г.,

провозглашает ее основными принципами «продвижение внешней открытости государства», «многовекторность, прагматизм и проактивность», «мультилатерализм» и «неразрывную связь безопасности и развития» [23]. Однако ключевая цель внешней политики сформулирована конкретно и в реалистическом ключе: «укрепление независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности страны, сохранение самостоятельности внешнеполитического курса» [23]. Активизация «гуманитарной дипломатии» обозначена как одна из подчиненных задач внешней политики.

Стратегия национальной безопасности Казахстана, утвержденная в июне 2021 г., «акцентирует внимание на обеспечении безопасности в сфере человеческого капитала», в том числе «сохранении и преумножении интеллектуального потенциала нации» [4]. Весной 2023 г. президент Казахстана К.-Ж. Токаев заявил о необходимости разработки новых основополагающих документов в сфере внешней политики и национальной безопасности [19], но этот процесс, очевидно, затянулся. Социально-политический кризис, потрясший Казахстан в январе 2022 г., вызвал в казахстанском политическом и экспертном сообществе дискуссию о чрезмерной уязвимости Казахстана и его избыточной зависимости от России, чье быстрое вмешательство, как известно, сыграло ключевую роль в стабилизации обстановки [39]. Показательно, что казахстанские политологи предлагают дополнить новую редакцию Концепции внешней политики «дорожными картами», раскрывающими подходы Астаны к двусторонним отношениям с ведущими зарубежными партнерами, придав этим документам статус «для служебного пользования» [8].

Внешняя интернационализация высшего образования Казахстана стартовала в 1990-е гг. в формате программы «Болашак», позволяющей гражданам страны получать высшее образование за рубежом за счет государства. О стремлении к внутренней интернационализации Казахстан заявил в ходе подготовки к вступлению в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) в 2010 году. Планы повышения международной конкурентоспособности вузов Казахстана и обеспечения

комплексной (как внутренней, так и внешней) интернационализации системы высшего образования страны стали интегрироваться в государственные документы в сфере образования с начала 2010-х гг. [22].

В действующей Концепции развития высшего образования и науки поставлена цель увеличения доли иностранных студентов в контингенте казахстанских вузов до 10 % к 2029 году. Однако в документе признается, что сложившаяся национальная система высшего образования испытывает трудности в обеспечении высшим образованием ежегодно возрастающего числа выпускников казахстанских школ. Соответственно, предусмотрено открытие не менее 12 филиалов зарубежных вузов, привлечение 1,4 тыс. иностранных экспертов к преподаванию в высшей школе и увеличение доли вузов, реализующих международные образовательные программы и академические обмены с зарубежными партнерами, с 40 % в 2023 г. до 70 % в 2029 г. [15] Нехватку ресурсов подтверждают и отдельные высказывания казахстанских официальных лиц. Так, министр науки и высшего образования С. Нурбек привел в пример один из ведущих вузов – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, где «академическая инфраструктура рассчитана на 10, от силы 12 тысяч студентов», а обучаются «почти 27 тысяч» [17].

Если с 2010 г. в Казахстане наблюдался медленный разворот в сторону заимствования западных практик в области высшего образования, то с 2022 г. интернационализация стала приобретать форсированный характер [13], проявившийся прежде всего в интенсификации сотрудничества в сфере высшего образования с КНР ведущим экономическим контрагентом; Турцией, проявляющей высокую политическую активность в Центральной Азии и успешно использующей как политический инструмент культурную и этническую близость с тюркскими народами региона; и с США, рассматривающими себя в качестве «мирового лидера», чьи «экономика, население, инновации и военная мощь продолжают расти».

Китайский вектор в стратегии мягкого балансирования России. Согласно действующей Концепции внешней политики Казахстана, развитие «всестороннего страте-

гического партнерства» с Китаем стоит на втором месте после «дальнейшего развития союзнических отношений» с Россией [23]. Первый зарубежный визит после пандемии в сентябре 2022 г. Си Цзиньпин нанес в Казахстан, где был дан старт «новому “золотому 30-летию” двустороннего сотрудничества» на фоне роста взаимной торговли и китайских инвестиций в экономику Казахстана.

Китай характеризуется растущими вложениями в высшее образование и науку, в том числе со стороны поощряемого государством бизнеса, а также значительным прогрессом в интернационализации высшего образования за счет приглашения иностранных специалистов и собственных граждан, получивших высшее образование за рубежом. КНР привлекает казахстанских студентов политической стабильностью, экономическим и технологическим ростом, высокоразвитой инфраструктурой. Вдобавок, поступить в китайские вузы возможно без знания китайского языка, выбрав год языковой подготовки или программу на английском языке. Нынешний глава Казахстана К.-Ж. Токаев сам учился в Китае и провел там в общей сложности 8 лет [21].

В то же время на развитии гуманитарного сотрудничества неблагоприятно сказывается распространенность в Казахстане опасений китайской экспансии. Негативно влияет падение курса тенге к юаню, что приводит к росту стоимости жизни и обучения для казахстанцев в Китае. Сказывается языковой барьер и другие культурные различия. Трудности может представлять поиск подходящего университета в Китае и оформление документов. Тем не менее Китай обучает около 15 тыс. студентов из Казахстана [16], находясь по этому показателю на втором месте после России. Примерно треть из них обучается за счет грантов китайского правительства.

Вдобавок к сентябрю 2022 г. в Казахстане уже работали 5 институтов Конфуция, в 4 китайских вузах открыты центры изучения Казахстана, в двух преподавался казахский язык [18]. В преддверии очередного визита Си Цзиньпина в Казахстан в июле 2024 г. К.-Ж. Токаев заявил, что Казахстан готов «создать благоприятные условия для открытия филиалов ведущих технических вузов Китая» [21].

Осенью 2022 г. китайская компания «Хуавэй» уже приступила к развитию в Казахстане сети ИКТ-академий при вузах для развития практических навыков студентов. Позже было объявлено о планах по открытию в Казахстане 50 учебных центров информационно-коммуникационных технологий и о запуске программы отбора талантов.

Важную роль в содействии образовательному сотрудничеству между Казахстаном и Китаем сыграл состоявшийся 18–19 мая 2023 г. первый саммит «Китай – Центральная Азия». На его полях был подписан ряд межвузовских соглашений, в том числе об открытии в перспективе на базе КазНИТУ филиала Сианьского института. В августе 2023 г. по итогам визита казахстанского министра науки и высшего образования в Гонконг была достигнута предварительная договоренность об открытии в Казахстане филиала Городского университета Гонконга. В октябре 2023 г. в рамках Форума по сотрудничеству в сфере высшего образования Китая и Центральной Азии в КазНУ состоялось открытие на базе этого вуза представительства Северо-Западного политехнического университета (г. Сиань).

В конце 2023 г. в ВКТУ им. Д. Серикбаева открылась «мастерская Лу Баня», призванная готовить казахстанских специалистов для работы в области автомобилестроения и инженерии, в том числе с использованием передового китайского оборудования [2]. Договоренность об открытии второй «мастерской Лу Баня» на базе ЕНУ им. Л.Н. Гумилева была достигнута на встрече руководителей двух государств в июле 2024 г. К 2029 г. планируется открыть филиал Тяньцзиньского университета в г. Усть-Каменогорск [36].

К концу 2023 г. уже 8 казахстанских вузов вошли в Альянс университетов Шелкового пути, инициированный китайской стороной, и в дальнейшем их представительство будет расти. С того же времени идет обсуждение создания подкомитета в сфере высшего образования при Комитете по сотрудничеству Республики Казахстан и КНР, инициированного казахстанской стороной [6].

Таким образом, Китай привлекает казахстанских студентов относительной простотой поступления, наличием грантов на обучение, а также географической близостью. Учитыв-

вая рост экономического сотрудничества, Китай заинтересован в подготовке кадров для обслуживания соответствующих секторов, в первую очередь технических специалистов, что казахстанская сторона всячески поддерживает и потому готова предоставлять возможности по открытию представительств и филиалов китайских вузов. Казахстан таким образом пытается уравновесить российское присутствие в экономике и высшем образовании путем «балансирования через замену общественных благ».

Тюркская общность под эгидой Анкары? Турцию и Казахстан отличают стабильность двусторонних политических отношений и устойчивое развитие экономических связей, сопровождающееся ростом турецких инвестиций в казахстанскую экономику. Турецкое правительство наметило цель сделать страну одним из мировых центров экспорта образовательных услуг, в связи с чем контингент иностранных студентов в Турции вырос до 300 тыс. к 2023 г. [40]. Ставка была сделана на студентов из соседних стран (Сирии, Азербайджана, Ирана, Ирака) и тюркоязычных государств Центральной Азии, где Турция может претендовать на одну из лидирующих ролей.

Привлекательными сторонами турецкого высшего образования для казахстанцев служат растущие расходы государства на эту сферу, членство Турции в ЕПВО, низкий языковой барьер из-за родства казахского и турецкого языков и сопоставимость стоимости проживания в крупнейших городах Турции с его стоимостью в Астане и Алматы. Стоимость обучения в вузах не высока, действуют скидки за высокую академическую успеваемость. Туда относительно просто поступить, в том числе на широкий перечень англоязычных программ. Турецкие вузы имеют развитую инфраструктуру и международные связи, информация об обучении широко доступна, а программа распределения государственных стипендий прозрачна, хотя и отличается высоким конкурсом.

Однако на привлекательности турецкого высшего образования негативно сказывается прошлый опыт взаимодействия двух стран в образовательной среде, когда Турция, развернув борьбу с гюленистским дви-

жением, безрезультатно настаивала на закрытии казахско-турецких лицеев и частного турецкого Университета им. С. Демиреля (УСД) в Казахстане. Не лучший фон создал рост нестабильности турецкой политической системы, вылившийся в попытку государственного переворота 2016 г., усиление государственного давления на высшую школу и рост религиозности в турецком обществе, начинающий создавать дискомфорт для студентов из стран с более светской культурной традицией. Вдобавок качество обучения в большинстве государственных вузов зачастую оставляет желать лучшего, а в тех негосударственных вузах страны, где оно выше, стоимость обучения составляет порядка 10–20 тыс. долл. в год.

Тем не менее число казахстанских студентов в Турции быстро растет. По словам главы МИД Казахстана М. Нуртлеу, их количество «за последние три года увеличилось с 2 900 до 8 200» [3]. Около пятой части их них обучаются за счет стипендий турецкого правительства. Казахстанцы могут получить турецкое высшее образование и на родине в Международном казахско-турецком университете (МКТУ) им. Х.А. Ясави, созданном по межправительственному договору 1992 г. в г. Туркестан, где обучаются около 16 тыс. студентов. В УСД в Алматы обучаются около 5 тыс. студентов. При этом он является одним из самых престижных казахстанских университетов, ведет обучение на английском языке и пользуется широкой поддержкой государства.

Турция и Казахстан взаимодействуют в сфере высшего образования и на базе Организации тюркских государств (далее – ОТГ). Так, в ноябре 2022 г. в Туркестане прошла сессия Генеральной ассамблеи Союза тюркских государств, где Казахстан выступил с инициативой создания Сетевого университета ОТГ. Год спустя на состоявшемся в Астане саммите ОТГ президент Казахстана призвал ко взаимному открытию филиалов вузов стран-участниц. С 2023 г. активизировалось и межвузовское сотрудничество в реализации программ двойного диплома.

В рамках двустороннего соглашения между Атырауским университетом и турецким университетом Эрджиес открыт центр обучения турецкому языку «Темер» – первый

из подобных в Казахстане, имеющий право выдавать международный сертификат, подтверждающий уровень владения турецким языком. Еще один центр турецкого языка открылся на базе Южно-Казахстанского педагогического университета.

Высокий уровень внешнеполитических амбиций турецкого руководства, значительное внимание, уделяемое тюркоязычным странам, растущий объем казахстанско-турецких экономических связей дают основание ожидать значительного роста активности турецких вузов в отношении казахстанских студентов в среднесрочной перспективе, включая открытия филиалов вузов, развития программ двойных дипломов и учреждения специальных стипендиальных программ для граждан тюркоязычных стран. Для Казахстана Турция остается неоднозначным партнером: с одной стороны, взаимодействие с ней в сфере высшего образования позволяет уравновесить сотрудничество с Россией путем «поддачи сигналов о решимости балансирования», с другой – велика вероятность, что в силу ориентации на сотрудничество с тюркоязычными государствами Турция перехватит казахстанские инициативы в области высшего образования в Центральной Азии и станет конкурировать с Казахстаном за влияние в этом регионе.

«Американская мечта» с доставкой на дом. В действующей Концепции внешней политики Казахстана развитие «расширенного стратегического партнерства» с США в числе географических приоритетов двустороннего сотрудничества идет на третьем месте после отношений с Россией и Китаем [23]. Хотя США остаются одним из мировых лидеров по числу иностранных студентов и получаемому от экспорта образования доходу, число обучающихся там казахстанских студентов очень ограничено – менее 2 тыс. в год [30]. Их массовому притоку препятствуют высокая стоимость обучения и жизни в США, большие транспортные расходы, сложности с поступлением ввиду относительно высоких требований к абитуриентам. Исключение составляют участники американских стипендиальных программ или казахстанской программы «Болашақ». Так, например, нынешний министр науки и высшего образования Казахстана

С. Нурбек в свое время провел год в США по программе FSA. Казахстанским вузам в свою очередь удастся привлечь лишь отдельных американских преподавателей, в основном в онлайн-формате [10].

Тем не менее в связи с началом форсированной интернационализации казахстанского высшего образования в 2022–2023 гг., и на этом географическом направлении случился прорыв. В марте 2022 г. была достигнута договоренность о передаче Северо-Казахстанского университета (СКУ) (г. Петропавловск) в доверительное управление Университету Аризоны сроком до 10 лет. Образовательная деятельность, лицензирование и аккредитация теперь должны проводиться в СКУ в соответствии с требованиями и стандартами Университета Аризоны [14]. Зарубежные преподаватели должны составить не менее 30 % общего штата профессорско-преподавательского состава СКУ. К сентябрю того же года прошел первый набор студентов на программы двойного диплома с Университетом Аризоны.

В июле 2022 г. состоялась торжественная церемония начала строительства филиала Университета Мичигана в столице Казахстана, который планируется открыть в 2029 г. [36]. В перспективе предполагается создание филиала Колорадской горной школы в г. Атырау.

В апреле 2023 г. казахстанские студенты «первыми в мире» получили возможность работать над международным проектом компании «Амазон» OpenSearch Amazon [7]. Казахстанским руководством не раз поднимался вопрос об участии американских вузов в повышении квалификации казахстанских ученых и госслужащих. В сентябре 2022 г. на полях Генассамблеи ООН президент Казахстана обсудил вопрос академической поддержки с руководством компаний Coursera и Майкрософт, в январе 2023 г. была достигнута договоренность о повышении квалификации 30 преподавателей СКУ им. М. Козыбаева в Университете Аризоны [11].

Таким образом, сотрудничество с США ввиду их внешнеполитических приоритетов носит ограниченный характер, несмотря на активные попытки казахстанской стороны привлечь американские вузы к взаимодействию. Для Казахстана развитие образовательного сотрудничества с США лишь отчасти предпо-

лагает балансирование российского влияния путем «замены общественных благ», скорее, оно служит цели подачи сигналов о решимости балансирования, учитывая степень российско-американских противоречий.

Перспективы развития системы высшего образования Казахстана. В Казахстане в последние два года наблюдается форсированная интернационализация высшего образования, которая направлена на диверсификацию географии образовательного сотрудничества. В результате наблюдается и снижение количества казахстанских студентов в российских вузах, обусловленное как геополитической напряженностью, так и повышением привлекательности высшего образования, предоставляемого вузами Китая, Турции, США и их филиалами и представительствами в Казахстане.

Такая политика Казахстана призвана обеспечивать мягкое балансирование российского вектора сотрудничества, влияние которого часть казахстанской элиты склонна считать чрезмерным. В зависимости от политики ключевых партнеров в сфере высшего образования, Казахстан прибегает к двум из трех возможных тактик – «балансирования через замену общественных благ» (с Китаем) и «подачи сигналов о решимости проводить политику балансирования» (с Турцией) или путем их сочетания (с США). В результате Казахстану удается добиться «стратегического не-сотрудничества» с Россией в сфере высшего образования в качестве курса, направленного на получение позиции, позволяющей торговаться с Россией в целях оптимизации своих долгосрочных перспектив, будучи формально ее союзником [31, р. 156].

Вследствие такой политики Казахстана Китай останется на перспективу главным конкурентом российских вузов в привлечении казахстанских абитуриентов. Следует ожидать роста числа программ обмена и стипендий для казахстанских студентов со стороны Турции. Американские вузы входят на казахстанский рынок неспешно, но планируют обосноваться в секторе «элитного» высшего образования.

В связи с этим российскому высшему образованию для сохранения своих конкурентных преимуществ в Казахстане следует активизировать открытие новых и развитие су-

ществующих совместных образовательных программ с казахстанскими вузами. В интересах России сегодня расширение сети филиалов российских вузов в Казахстане. Кроме того, положительное влияние на образовательное сотрудничество двух стран способно оказать повышение качества, расширение спектра и продвижения российских программ по информационным системам и технологиям, прикладной и фундаментальной информатике, биологии, химии, экологии и природопользованию, психологии, востоковедению и зарубежному регионоведению, экономике и менеджменту, популярных среди казахстанских студентов, обучающихся в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 548 с.
2. В ВКТУ им. Д. Серикбаева открылась уникальная «Мастерская Лу Бань». URL: <https://www.ektu.kz/newsevents/v-vktu-im-d-serikbaeva-otkrylas-unikalnaya-masterskaya-lu-ban.aspx?lang=ru>
3. В Казахстане откроют филиалы ведущих университетов Турции. URL: https://www.inform.kz/ru/v-kazahstane-otkroyut-filialy-veduschih-universitetov-turcii_a4110236
4. Глава государства подписал Указ «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан на 2021–2025 годы». URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-podpisal-ukaz-ob-utverzhenii-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan-na-2021-2025-gody-215354>
5. Ефремова-Шершукова Н. А., Коллегов А. К., Минеев-Ли В. Е. Международное сотрудничество России и Казахстана в сфере высшего образования как фактор инновационного развития общества // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 139–142.
6. Казахстан и Китай обсудили увеличение грантов для казахстанцев на обучение в Китае. URL: https://forbes.kz/news/newsid_315144
7. Казахские студенты получили возможность работать в компании Amazon. URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstanskije-studenty-poluchili-vozmozhnost-rabotat-v-kompanii-amazon_a4044084
8. Курмангужин Р., Чеботарев А. Концепция внешней политики Республики Казахстан: контуры возможного обновления. URL: <http://alternativakz.com/index.php?nid=524>

9. Леденева В. Ю., Ломакина О. В., Джунусов А. М., Бегасилов Б. Т. Образовательная политика Казахстана в условиях миграции молодежи // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 6. С. 156–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168
10. Международное сотрудничество США и Казахстана в сфере высшего образования. URL: <https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/analitika/mezhdunarodnyu-opyt-1>
11. Министр Саясат Нурбек провел ряд встреч в США. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/489538?lang=ru>
12. Назарбаев Н. А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства // Пять лет независимости. Из докладов, выступлений и статей Президента Республики Казахстана. Алматы: Казахстан, 1996. С. 92–125.
13. Погорельская А. М., Троицкий Е. Ф., Пакулин В. С. Интернационализация системы высшего образования в Казахстане (2022–2023 гг.): преемственность курса или смена ориентиров? // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 68–86. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-68-86
14. Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 апреля 2022 года № 225 «О некоторых вопросах некоммерческого акционерного общества “Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева”». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000225>
15. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 248 «Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 гг.». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248#z474>
16. Рыскулбекова А. Образовательные проекты Китая как инструмент мягкой силы в Казахстане. URL: <https://clck.ru/39dPu4>
17. Саясат Нурбек спрогнозировал, с чем столкнутся вузы Казахстана через 5 лет. URL: <https://golos-naroda.kz/11800-saiasat-nurbek-sprognozirovals-chem-stolknutsia-vuzy-kazakhstan-cherез-5-let-1666787280/>
18. Си Цзиньпин опубликовал в СМИ Казахстана авторскую статью. URL: <https://russian.news.cn/20220913/6c717e2fb56042c5a575933ac1a86ca1/c.html>
19. Токаев заявил о необходимости обновления концепции внешней политики Казахстана. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17556937>
20. Токаев К. Ж. Основные аспекты процесса становления и развития внешней политики Республики Казахстан // Актуальные проблемы внешней политики Казахстана. М.: Русский раритет, 1998. С. 11–33.
21. Токаев назвал пять направлений сотрудничества с Китаем. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/tokaev-nazval-pyat-napravlenij-sotrudnichestva-s-kitaem>
22. Указ Президента Республики Казахстан от 7 декабря 2010 года № 1118 «Об утверждении Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1000001118>
23. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы». URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody
24. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>
25. Юн С. М., Погорельская А. М., Турдикулов О. Т. Академическая мобильность и образовательная миграция в условиях международного кризиса: адаптация стран Центральной Азии через диверсификацию географии. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/sergei-iun-anastasiia-pogorel-skaia-olim-turdikulov-akademicheskaja-mobil-nost-i-obrazovatel-naia-migracii-v-usloviakh/>
26. Akkari A., Seidikenova A., Bakitov A., Minazheva G. Internationalization of Higher Education in Kazakhstan: From Political Will to Implementation // Ensaio: Avaliação e Políticas Públicas em Educação. 2023. Vol. 31, № 119. P. 1-26. DOI: 10.1590/S0104-40362023003103730
27. Bock A. M., Hanneberg I. Why Balancing Fails? Theoretical Reflections on Stephan M. Walt’s “Balance of Threat” Theory. URL: https://jaeger.uni-koeln.de/fileadmin/templates/publikationen/aipa/AIPA_2_2013.pdf
28. De Wit H. Internationalization of Higher Education in the United States of America and Europe: A Historical, Comparative, and Conceptual Analysis. Bloomsbury Academic, 2002. 270 p.
29. Hartley M., Gopaul B., Sagintayeva A., Apergenova R. Learning Autonomy: Higher Education Reform in Kazakhstan // Higher Education. 2016. Vol. 72. P. 277–289. DOI: 10.1007/s10734-015-9953-z
30. Inbound Internationally Mobile Students by Country of Origin. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=EDULIT_DS&popuiscus=to miset true&lang=en#
31. Kelley J. Strategic Non-Cooperation as Soft Balancing: Why Iraq Was Not Just About Iraq // International Politics. 2005. Vol. 42 (2). P. 153–173. DOI: 10.1057/palgrave.ip.8800105

32. Kerimkulova S., Kuzhabekova A. Quality Assurance in Higher Education of Kazakhstan: A Review of the System and Issues // *The Rise of Quality Assurance in Asian Higher Education*. Cambridge, Massachusetts: Chandos Publishing – Imprint of Elsevier, 2017. P. 87–108.

33. Knight J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales // *Journal of Studies in International Education*. 2004. Vol. 8, № 1. P. 5–31. DOI: 10.1177/1028315303260832

34. Knight J. Updating the Definition of Internationalization // *International Higher Education*. 2003. № 33. P. 2. DOI: 10.6017/ihe.2003.33.7391

35. Koch N. The Shifting Geopolitics of Higher Education: Inter/Nationalizing Elite Universities in Kazakhstan, Saudi Arabia, and Beyond // *Geoforum*. 2014. Vol. 56. P. 46–54. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.06.014

36. Opening New Branches of Foreign Leading Universities in Kazakhstan. URL: https://www.ceenqa.org/wp-content/uploads/Internationalisation_of_Kazakh_higher_education.pdf

37. Pape R. Soft Balancing Against the United States // *International Security*. 2005. Vol. 30, № 1. P. 7–45. DOI: 10.1162/0162288054894607

38. Tokayev K.-J. Renaissance of Central Asia: Towards Sustainable Development and Prosperity. URL: <https://kazpravda.kz/n/renessans-tsentralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-prosvetaniyu/>

39. Troitskiy E.F., Pogorelskaya A.M., Yun S.M., Dunaeva D.O., Blaginina A.L. Kazakhstan's January 2022 Crisis: Representations by National Experts via Social Media // *Journal of Eurasian Studies*. 2023. DOI: 10.1177/18793665231212575

40. Turkey Hosting 300,000 Int'l Students. URL: <https://thepienews.com/news/turkey-hosting-300000-international-students-in-202223/>

41. Walt S. Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*. 1985. Vol. 9, № 4. P. 3–43. DOI: 0162-2889/85/040003-41\$02.50/0

REFERENCES

1. Altbach Ph.G. *Globalnyye perspektivy vysshego obrazovaniya* [Global Perspectives on Higher Education]. Moscow, Izd. dom VSHE, 2019. 548 p.

2. *V VKTU im. D. Serikbaeva otkrylas unikalnaya «Masterskaya Lu Ban»* [Unique “Luban Workshop” Has Opened at D. Serikbayev EKTU]. URL: <https://www.ektu.kz/newsevents/v-vktu-im-d-serikbaeva-otkrylas-unikalnaya-masterskaya-luban.aspx?lang=ru>

3. *V Kazakhstane otkroiut filialy vedushchikh universitetov Turtsii* [Branches of Leading Turkish

Universities Are Being Launched in Kazakhstan]. URL: https://www.inform.kz/ru/v-kazakhstane-otkroyut-filialy-veduschih-universitetov-turtsii_a4110236

4. *Glava gosudarstva podpisal Ukaz «Ob utverzhdenii Strategii nacionalnoj bezopasnosti Respubliki Kazahstan na 2021–2025 gody»* [Head of State Has Signed the Order on the National Security Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2021–2025]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-podpisal-ukaz-ob-utverzhdenii-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan-na-2021-2025-gody-215354>

5. Efremova-Shershukova N.A., Kollegov A.K., Mineev-Li V.E. *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana v sfere vysshego obrazovaniya kak faktor innovatsionnogo razvitiya obshchestva* [International Cooperation Between Russia and Kazakhstan in the Field of Higher Education as a Factor in the Innovative Development of Society]. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad], 2020, no. 1, pp. 139–142.

6. *Kazahstan i Kitaj obsudili uvelichenie grantov dlja kazahstancsev na obuchenie v Kitae* [Kazakhstan and China Discussed the Increase in the Number of Scholarships for Kazakhstani Citizens to Study in China]. URL: https://forbes.kz/news/newsid_315144

7. *Kazahstanskije studenty poluchili vozmozhnost rabotat v kompanii Amazon* [Kazakhstani Students Have Got the Opportunity to Work in Amazon]. URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstanskije-studenty-poluchili-vozmozhnost-rabotat-v-kompanii-amazon_a4044084

8. Kurmanguzhin R., Chebotarev A. *Koncepcija vneshnej politiki Respubliki Kazahstan: kontury vozmozhnogo obnovenija* [Foreign Policy Concept of the Republic of Kazakhstan: Outline of Possible Update]. URL: <http://alternativakz.com/index.php?nid=524>

9. Ledeneva V.Yu., Lomakina O.V., Dzhunusov A.M., Begasilov B.T. *Obrazovatel'naya politika Kazakhstana v usloviyakh migratsii molodezhi* [Educational Policy of Kazakhstan in the Context of Youth Migration]. *Iysshie obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2021, vol. 30, no. 6, pp. 156–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168

10. *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo SShA i Kazakhstana v sfere vysshego obrazovaniya* [International Cooperation Between USA and Kazakhstan in the Field of Higher Education]. URL: <https://enic-kazahstan.edu.kz/ru/analitika/mezhdunarodnyy-opyt-1>

11. *Ministr Sajasat Nurbek provel rjad vstrech v SShA* [Minister Sayasat Nurbek Conducted a Number

of Meetings in the USA]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/489538?lang=ru>

12. Nazarbaev N.A. Strategija stanovlenija i razvitija Kazahstana kak suverenogo gosudarstva [Strategy of Formation and Development of Kazakhstan as a Sovereign State]. Nazarbayev N.A. *Pjat let nezavisimosti. Iz dokladov, vystuplenij i statej Prezidenta Respubliki Kazahstana* [Five Years of Independence. From the Reports, Speeches and Articles of the President of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1996, pp. 92-125.

13. Pogorelskaya A.M., Troitskiy E.F., Pakulin V.S. Internatsionalizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya v Kazahstane (2022–2023 gg.): prejemstvennost kursa ili smena oriyentirov? [Higher Education Internationalisation in Kazakhstan (2022–2023): Course Continuity or Change in the Focus?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2024, vol. 33, no. 1, pp. 68-86. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-68-86

14. *Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazahstan ot 15 aprelija 2022 goda № 225 «O nekotorykh voprosakh nekommercheskogo aktsionernogo obshchestva “Severo-Kazahstanskii universitet imeni Manasha Kozybaeva”»* [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan Adopted on 15 April 2022 No 225 “On Non-Profit Limited Company ‘Manash Kozybayev North Kazakhstan University’ ”]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000225>

15. *Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazahstan ot 28 marta 2023 g. № 248 «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiia vysshego obrazovaniia i nauki v Respublike Kazahstan na 2023–2029 gg.»* [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan Adopted on 28 March 2023 No 248 “On the Concept of Higher Education Development in the Republic of Kazakhstan for 2023–2029”]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248#z474>

16. Ryskulbekova A. *Obrazovatelnyye proyekty Kitaya kak instrument myagkoy sily v Kazahstane* [China’s Education Projects as an Instrument of Soft Power in Kazakhstan]. URL: <https://cabar.asia/en/china-s-education-projects-as-an-instrument-of-soft-power-in-kazakhstan>

17. *Saiasat Nurbek sprognoziroval, s chem stolknutsia vuzy Kazahstana cherez 5 let* [Sayasat Nurbek Predicted What Kazakhstani Universities Would Face in 5 Years]. URL: <https://golos-naroda.kz/11800-saiasat-nurbek-sprognoziroval-s-chem-stolknutsia-vuzy-kazahstana-cherez-5-let-1666787280/>

18. *Si Tszinpin opublikoval v SMI Kazahstana avtorskuiu statiu* [Xi Jinping Published an Opinion Article

in the Media of Kazakhstan]. URL: <https://russian.news.cn/20220913/6c717e2fb56042c5a575933ac1a86ca1/c.html>

19. *Tokaev zajavil o neobhodimosti obnovlenija koncepcii vneshnej politiki Kazahstana* [Tokayev Announced the Need for Update of Foreign Policy Concept of Kazakhstan]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17556937>

20. Tokaev K.J. Osnovnye aspekty processa stanovlenija i razvitija vneshnej politiki Respubliki Kazahstan [Main Aspects of Formation and Development of Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan]. *Aktualnye problemy vneshnej politiki Kazahstana* [Current Problems of Kazakhstani Foreign Policy]. Moscow, Russkij raritet Publ., 1998, pp. 11-33.

21. *Tokaev nazval pjat napravlenij sotrudnichestva s Kitaem* [Tokayev Named Five Directions of Cooperation with China]. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/tokaev-nazval-pyat-napravlenij-sotrudnichestva-s-kitaem>

22. *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 7 dekabrja 2010 goda № 1118 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitiia obrazovaniia Respubliki Kazahstan na 2011–2020 gody»* [Order of the President of the Republic of Kazakhstan Adopted on 7 December 2010 No. 1118 “On the Establishment of the State Programme of Development for Education in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020”]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1000001118>

23. *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 6 marta 2020 goda № 280 «O koncepcii vneshnej politiki Respubliki Kazahstan na 2020–2030 gody»* [Order of the President of the Republic of Kazakhstan Adopted on 6 March 2020 No. 280 “On the Concept of Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030”]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody

24. *Ukaz Prezidenta RF ot 7 maja 2024 g. № 309 «O nacionalnyh celjah razvitiia Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda»* [Order of the President of the Russian Federation Adopted on 7 May 2024 No. 309 on the National Aims of Development of the Russian Federation for the Period till 2030 and till 2036]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

25. Yun S., Pogorelskaya A., Turdikulov O. *Akademicheskaya mobilnost i obrazovatel'naya migratsiya v usloviyakh mezhdunarodnogo krizisa: adaptatsiya stran Tsentralnoy Azii cherez diversifikatsiyu geografii* [Academic Mobility and Educational Migration Under International Crisis: Adaptation of Central Asian Countries Through Geographic Diversification]. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/en/analytics/publications/sergei-iun-anastasiia-pogorel-skaia-olim-turdikulov->

akademicheskaiia-mobil-nost-i-obrazovatel-naia-mi-gratciia-v-usloviakh/

26. Akkari A., Seidikenova A., Bakitov A., Minazheva G. Internationalization of Higher Education in Kazakhstan: From Political Will to Implementation. *Ensaio: Avaliação e Políticas Públicas em Educação*, 2023, vol. 31, no 119, pp. 1-26. DOI: 10.1590/S0104-40362023003103730

27. Bock A.M., Hanneberg I. *Why Balancing Fails? Theoretical reflections on Stephan M. Walt's "Balance of Threat" Theory*. URL: https://jaeger.uni-koeln.de/fileadmin/templates/publikationen/aipa/AIPA_2_2013.pdf

28. De Wit H. *Internationalization of Higher Education in the United States of America and Europe: A Historical, Comparative, and Conceptual Analysis*. Bloomsbury Academic, 2002. 270 p.

29. Hartley M., Gopaul B., Sagintayeva A., Apergenova R. Learning Autonomy: Higher Education Reform in Kazakhstan. *Higher Education*, 2016, vol. 72, pp. 277-289. DOI: 10.1007/s10734-015-9953-z

30. *Inbound Internationally Mobile Students by Country of Origin*. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=EDULIT_DS&popupcustomisetrue&langen#

31. Kelley J. Strategic Non-Cooperation as Soft Balancing: Why Iraq Was Not Just About Iraq. *International Politics*, 2005, vol. 42 (2), pp. 153-173. DOI: 10.1057/palgrave.ip.8800105

32. Kerimkulova S., Kuzhabekova A. Quality Assurance in Higher Education of Kazakhstan: A Review of the System and Issues. Shah M. Do Q.T.N., eds. *The Rise of Quality Assurance in Asian Higher Education*. Cambridge, Massachusetts, Chandos Publishing – Imprint of Elsevier, 2017, pp. 87-108.

33. Knight J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales. *Journal of Studies in International Education*, 2004, vol. 8, no. 1, pp. 5-31. DOI: 10.1177/1028315303260832

34. Knight J. Updating the Definition of Internationalization. *International Higher Education*, 2003, no. 33, p. 2. DOI: 10.6017/ihe.2003.33.7391

35. Koch N. The Shifting Geopolitics of Higher Education: Inter/Nationalizing Elite Universities in Kazakhstan, Saudi Arabia, and Beyond. *Geoforum*, 2014, vol. 56, pp. 46-54. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.06.014

36. *Opening New Branches of Foreign Leading Universities in Kazakhstan*. URL: https://www.ceenqa.org/wp-content/uploads/Internationalisation_of_Kazakh_higher_education.pdf

37. Pape R. Soft Balancing Against the United States. *International Security*, 2005, vol. 30, no. 1, pp. 7-45. DOI: 10.1162/0162288054894607

38. Tokayev K.-J. *Renaissance of Central Asia: Towards Sustainable Development and Prosperity*. URL: <https://kazpravda.kz/n/renessans-tsentralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-protsvetaniyu/>

39. Troitskiy E.F., Pogorelskaya A.M., Yun S.M., Dunaeva D.O., Blaginina A.L. Kazakhstan's January 2022 Crisis: Representations by National Experts via Social Media. *Journal of Eurasian Studies*, 2023. DOI: 10.1177/18793665231212575

40. *Turkey Hosting 300,000 Int'l Students*. URL: <https://thepienews.com/news/turkey-hosting-300000-international-students-in-202223/>

41. Walt S. Alliance Formation and the Balance of World Power. *International Security*, 1985, vol. 9, no. 4, pp. 3-43. DOI: 0162-2889/85/040003-41\$02.50/0

Information About the Author

Anastasia M. Pogorelskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, pogorelskaya@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

Evgeny F. Troitskiy, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, eft655565@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>

Gulmira S. Mussina, PhD Candidate, Department of Area Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayeva St, 2, 010008 Astana, Republic of Kazakhstan, mussinag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2140-2960>

Информация об авторе

Анастасия Михайловна Погорельская, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный универ-

ситет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, rogorelskaya@mail.tsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

Евгений Флорентьевич Троицкий, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, eft655565@yahoo.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>

Гульмира Сейфуллаевна Мусина, соискатель степени PhD кафедры регионоведения, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010008 г. Астана, Республика Казахстан, mussinag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2140-2960>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.20>

UDC 93/94+172.4+355.01
LBC 63.3(2)5+66.1(2)5

Submitted: 26.04.2024
Accepted: 09.10.2024

“THE GREATEST THREAT TO THE COMMON PEACE”: L.A. KAMAROVSKY ON THE EASTERN QUESTION

Nikolay Yu. Nikolaev

Volzhskiy Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volzhskiy, Russian Federation

Sergei P. Ramazanov

Volzhskiy Branch of the Volgograd State University, Volzhskiy, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the views of a prominent Russian legal scholar, known for his active anti-war position, L.A. Kamarovsky, on the Eastern question. *Analysis.* In his opinion, Turkey was a weak and artificial political entity, whose existence was largely supported by the disagreements of the great powers. Attempts by European states to involve Turkey in the common political and legal space were doomed to failure and only delayed its inevitable disintegration. *Methods and materials.* Among the most important methods and approaches used in writing this work are historical-systemic, historical-genetic, and historical-comparative methods. The source base of the research was primarily journalistic materials. *Results.* The scientist considered several projects for the settlement of the Eastern question, considering the optimal option based on the principles of international law and public discussion of the problem in the format of an international organization. Kamarovsky was convinced of the need to find a common consensus in resolving the Eastern question, which required mutual concessions and compromises. To do this, it was necessary to abandon the usual forms of political settlement of the problem and establish new principles of interstate cooperation based on trust and morality. Only in this case could the Eastern question be effectively and conflict-free resolved in order to achieve common peace and prosperity. *Authors' contribution.* N.Yu. Nikolaev has identified the peculiarities of L.A. Kamarovsky's views on the Eastern question and analyzed the options he proposed for its solution. S.P. Ramazanov has revealed the differences in approaches to the settlement of the Eastern question by L.A. Kamarovsky and N.Ya. Danilevsky. *Funding.* The research is supported by the grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

Key words: L.A. Kamarovsky, Eastern question, Constantinople, Balkans, straits.

Citation. Nikolaev N. Yu., Ramazanov S.P. “The Greatest Threat to the Common Peace”: L.A. Kamarovsky on the Eastern Question. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 241-252. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.20>

**«НАИБОЛЬШАЯ УГРОЗА ОБЩЕМУ МИРУ»:
Л.А. КАМАРОВСКИЙ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ****Николай Юрьевич Николаев**Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета,
г. Волжский, Российская Федерация**Сергей Павлович Рамазанов**Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены взгляды на восточный вопрос видного российского ученого-правоведа Л.А. Камаровского, известного своей активной антивоенной позицией. *Методы и материалы.* К числу наиболее важных методов и подходов, использованных при написании данной статьи, относятся историко-системный, историко-генетический и историко-сравнительный методы. Источниковой базой исследования послужили прежде всего публицистические материалы. *Анализ.* Л.А. Камаровский был убежден в необходимости поиска общего консенсуса в решении восточного вопроса, требовавшего взаимных уступок и компромиссов. Для этого следовало отказаться от привычных форм политического урегулирования проблемы и установить новые принципы межгосударственного взаимодействия, основанные на доверии и морали. Лишь в этом случае можно было эффективно и бесконфликтно разрешить восточный вопрос для достижения общего мира и процветания. *Выводы.* Ученый предложил несколько проектов урегулирования восточного вопроса, считая оптимальным тот вариант, который опирался на принципы международного права и публичное обсуждение проблемы в формате международной организации. *Вклад авторов.* Н.Ю. Николаев выявил особенности воззрений Л.А. Камаровского на восточный вопрос и проанализировал предложенные ученым варианты его решения. С.П. Рамазанов раскрыл различия в подходах к урегулированию восточного вопроса Л.А. Камаровского и Н.Я. Данилевского. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

Ключевые слова: Л.А. Камаровский, восточный вопрос, Константинополь, Балканы, проливы.

Цитирование. Николаев Н. Ю., Рамазанов С. П. «Наибольшая угроза общему миру»: Л.А. Камаровский о восточном вопросе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 241–252. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.20>

Введение. Восточный вопрос был одной из самых сложных геополитических проблем для Российской империи в последние полтора столетия ее существования [2, с. 32–47]. Поэтому неудивительно, что международные противоречия и военные конфликты, связанные с нараставшим распадом Османской империи, вызвали активную дискуссию в российском обществе. В XIX в. о восточном вопросе писали многие видные отечественные политики, ученые и литераторы – А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский и др. [16, с. 17–18]. Особый интерес вызывает оценка восточного вопроса представителями отечественной антивоенной мысли из-за их отрицательного отношения к межго-

сударственным столкновениям как средству разрешения политических противоречий. И если взгляды радикального противника войны Л.Н. Толстого на восточный вопрос (прежде всего на русско-турецкую войну 1877–1878 гг.) достаточно подробно представлены в исследовательской литературе, то оценка позиции умеренных миротворцев в историографии фактически отсутствует [15; 22].

К наиболее видным российским пацифистам второй половины XIX в. следует отнести Леонида Алексеевича Камаровского – известного ученого-правоведа, специалиста в области международного права¹. Камаровский не только был автором популярных и многократно переизданных учебников по между-

народному праву, но и отметился весомым вкладом в организацию науки и высшего образования. Несколько лет он возглавлял юридический факультет Московского университета и даже короткое время исполнял обязанности его ректора. В историю отечественного пацифизма Камаровский вошел как один из самых энергичных сторонников идеи всеобщего мира, перу которого принадлежали десятки публикаций, посвященных антивоенной проблематике². При этом он оставался умеренным противником войны, отвергавшим «экспрессы радикального пацифизма» [23, с. 129]. По словам его младшего современника и коллеги-ученого М.А. Таубе, антивоенные взгляды Камаровского представляли собой органичное соединение «научно-профессорского пацифизма» с его политической безвредностью и теоретической умозрительностью и «пацифизма религиозного», глубоко идеалистического и вытекающего из самих основ христианского мирозерцания. Таким образом, в основе миротворческих убеждений Камаровского лежал «мягкий, отвлеченный, быть может несколько туманный, теоретический научный пацифизм на религиозной подкладке» [21, с. 40].

Цель исследования – выявление особенностей восприятия восточного вопроса умеренным представителем антивоенной мысли Л.А. Камаровским. Анализ его взглядов позволит не только раскрыть конкретно-историческое отношение к восточному вопросу, но и выделить закономерности в развитии отечественной общественной мысли во второй половине XIX – начале XX века. В исследовательской литературе позиция Камаровского по актуальным на рубеже XIX–XX вв. международным конфликтам не представлена. Существующие работы касаются преимущественно вклада ученого в процесс кодификации международного права и отчасти его миротворческой деятельности [17; 18; 20].

Методы. К наиболее важным методам и подходам, использованным в данной работе, относятся историко-системный, историко-генетический и историко-сравнительный методы. Источниковой базой исследования послужили прежде всего публицистические материалы. Основным источником взглядов ученого на восточный вопрос стала его одноимен-

ная брошюра 1896 г. (Серия «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни») [6]. Кроме того, проблематика восточного вопроса присутствовала во многих других его работах, изданных на рубеже XIX–XX вв. – учебных пособиях, журнальных и газетных статьях. В 1908 г. Камаровский выступил с публичной лекцией о восточном вопросе в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского. Рукописный вариант этой лекции хранится в Российской государственной библиотеке [8].

Анализ. Восточный вопрос ученый предлагал рассматривать с двух точек зрения – всемирно-исторической, то есть масштабной и долговременной, и узкой, ему современной. Всемирный аспект восточного вопроса виделся Камаровскому как многовековая борьба Европы и Азии / Востока, христианства и ислама, а в будущем как война между белой и желтой расой³. В этом противоборстве «высшая культура подчиняет низшую», свобода торжествует над деспотизмом, что обеспечит будущим поколениям «более прочный мир» и «лучшее будущее» [6, с. 3–4].

В узком понимании восточный вопрос представлялся ученому конкретной проблемой политического будущего Турции и ее владений в Европе, Азии и Африке. Распадаясь на множество отдельных, частных сюжетов, сложных ситуаций и локальных конфликтов, восточный вопрос затрагивал «интересы всех народов Европы», а также служил источником постоянных интриг и вражды, делая невозможным «спокойное, нормальное развитие» причастных государств [6, с. 4]. Однако наибольшую заинтересованность в разрешении восточного вопроса, по мнению Камаровского, должна была проявлять Россия, так как его неурегулированность серьезно осложняла ее отношения с Европой, прежде всего с Австро-Венгрией и Англией. Кроме того, застарелая проблема Турции негативно влияла на общую ситуацию в России, препятствуя «упрочнению ее внутреннего мира и благосостояния» [6, с. 5]. Наиболее важной и сложной частью восточного вопроса, как считал ученый, был процесс обретения политической субъектности балканскими народами, а также расширение прав и территорий государств, ранее получивших от Турции независимость

[12, с. 8–9]. Первостепенными задачами Европы и России по отношению к балканским народам было: 1) обеспечение их безопасности; 2) препятствование возникновению между ними конфликтов; 3) поощрение их мирного и законного развития; 4) поддержка в справедливом национально-государственном размежевании при разделе Турции; 5) надзор за соблюдением ими принципов международного права [12, с. 11–12].

Весьма критически ученый оценивал попытки держав во второй половине XIX в. приобщить Турцию к сфере публичного права и общей дипломатии. Гарантируя ей территориальную целостность, европейцы требовали взамен соблюдения прав балканских христиан. Однако турецкие обещания (после Парижского мира (1856 г.) и Берлинского конгресса (1878 г.)) сохранять религиозную терпимость оказались в итоге политической фикцией и продемонстрировали неспособность Порты действовать в рамках «европейского концерта» [6, с. 8]. «Европа думала, – писал он, – этим путем установить над нею [Турцией] коллективный надзор, ослабить внимание на нее России и продлить ее жалкие дни» [9, с. 22].

Для Камаровского само существование Османской империи представляло собой «зло и ложь». Конечно, утверждал он, отдельные личности среди турок могут быть весьма симпатичными и великодушными, но как государство Турция являлось «совершенной аномалией» [6, с. 11]. На протяжении пяти столетий в этой стране победители и побежденные не только не смогли слиться в единый народ, но, напротив, их различия стали сильнее, а взаимные противоречия увеличились. Любые требования иностранных правительств реформировать страну наталкивались на упорное и аморальное сопротивление турецкого правительства. «Против зла, которое невозможно изменить к лучшему, – резюмировал ученый, – существует лишь одно средство – это искоренить его» [6, с. 12].

Основной причиной, делавшей невозможными преобразования в Турции, по мнению Камаровского, был ислам, который активно присутствовал как в общественной, так и в политической жизни. Прогрессивная роль этой религии на ранних этапах развития варварских племен Азии и Востока полностью нивелирова-

валась идеями вражды и нетерпимости, которые обрекали мусульман на «застой, невежество, фанатизм и порабощение» [6, с. 14]. Ислам для Камаровского выступал фактором, чуждым «уважению к человеческой личности», элементом, препятствовавшим развитию национальной культуры. Как следствие, современное состояние Османской империи представляло собой процесс закономерного и естественного распада, которому не могли воспрепятствовать ни внешние дипломатические усилия, ни внутренние преобразования [6, с. 14], тем более что к последним, по мнению ученого, Турция была совершенно неспособна. Общая культурная отсталость, порожденная религиозным обскурантизмом и многовековой деспотией, делала ее враждебной всякому прогрессивному развитию [1, с. 3–8]. Даже принятие младотурками конституции (1908 г.), считал Камаровский, происходило в душной атмосфере «азиатской действительности» и не принесло стране «политической общности и солидарности» [7, с. 1].

Ученый был уверен, что западные державы в полной мере осознавали искусственный и бесчеловечный характер Османской империи, однако из-за «слепой ненависти и боязни России» продолжали поддерживать ее существование. Заинтересованные страны, к которым Камаровский относил прежде всего Англию, Австрию, а позднее и Германию, стремились посредством сохранения территориальной целостности Турции решить собственные государственные задачи. Для Лондона таковой было упрочнение своего господства в Индии, для Вены важной целью национальной политики стало утверждение своего влияния на Балканах [6, с. 15–16; 8, с. 2]. Однако, по мнению ученого, российская дипломатия также стремилась сохранить единство Османской империи, руководствуясь, во-первых, уважением к подписанным прежде трактатам, во-вторых, желанием иметь у своих границ слабое и зависимое государство, в-третьих, опасением, что Константинополь и проливы могут попасть в «третьи руки» [6, с. 16–17]. В свою очередь сам Камаровский считал подобный подход ложным и нарушавшим истинное предназначение России – освобождение порабощенных христианских народов. Критиковал ученый идею поддержания единства

Турции и с антивоенных позиций, так как слабая Порта – это не гарант сохранения всеобщего мира, а источник его постоянного нарушения. А потому, заключал он, в отношении Османской империи самым верным и справедливым может выступать лишь известное изречение – *Carthago delenda est* («Карфаген должен быть разрушен») [6, с. 17].

Камаровский рассматривал четыре проекта переустройства Европейской Турции, каждый из которых он подверг всестороннему анализу на предмет реальной осуществимости и выгоды для причастных сторон. Так, идею восстановления Византийской империи ученый оценивал как продолжение «греческого проекта» Екатерины II, которая в начале 1780-х гг. обсуждала его с императором Иосифом II [6, с. 19–20]. Эти планы русской императрицы Камаровский считал на тот исторический момент вполне реализуемыми. Однако в дальнейшем проект восстановления Византийской империи, несмотря на неоднократные его обсуждения, выглядел все более недостижимым. В современную ему эпоху, полагал ученый, сама мысль воссоздать давно исчезнувшее государство выглядела абсурдной. Кроме того, греки были неспособны политически организовать и подчинить балканских славян [6, с. 24]. «Толковать в наши дни серьезно о восстановлении Византийской империи, – констатировал Камаровский, – не приходится» [6, с. 24].

Столь же невозможным представлялся ученому проект присоединения Турции к другому государству. Этому мешала политическая слабость возможных претендентов из числа исламских стран (Персия, Египет) и неспособность договориться как между собой, так и с другими великими христианскими державами (Россия, Австро-Венгрия) [6, с. 25–26]. Камаровский доказывал очевидную невыгодность для Австро-Венгрии приращения территориями, населенными балканскими славянами. По его мнению, подобные приобретения лишь усиливали политическую нестабильность двуединой монархии, грозя ей общественным кризисом и последующим распадом [6, с. 26–27]. Стараясь выдержать научную объективность, ученый отмечал невыгодность приобретения европейских владений Турции и для Российской империи. Огромные

жертвы, принесенные Россией, были направлены не на завоевание балканских славян, а на обретение ими культурной и политической самостоятельности [6, с. 27–28]. Их присоединение стало бы «истинным несчастьем», привело бы к созданию внутренней напряженности, появлению нескольких «новых Польш». Кроме того, подобное решение изменило бы цивилизационный вектор развития России, перенесло бы государственный центр с севера на юг, что лишило бы ее «национальной крепости и самобытности» [12, с. 9–10]. В то же время Камаровский подчеркивал особую роль России в отношении со «всеми балканскими племенами», для которых она являлась «лучшею союзницей и защитницей во всем, что угрожает их самобытности» [6, с. 29].

Проект раздела турецких владений между заинтересованными сторонами (читай: великими державами), по мнению ученого, восходил к ценностям европейской дипломатии XVII–XVIII вв., постоянно практиковавшей разделы и обмены территорий, уподобляя их частным владениям. В России эта инициатива политически оформилась в начале XIX в. и на высоком уровне неоднократно обсуждалась вплоть до Крымской войны [6, с. 29–32]. Начавшийся раздел Турции после ее войны с Россией (1877–1878 гг.), в ходе которого Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, а Англия овладела Кипром и захватила Египет, Камаровский считал грубым нарушением международного права, несовместимым «ни с миром балканских народностей, ни еще менее с общим миром и благом Европы» [6, с. 32].

Вместо юридически незаконного и политически конфликтного пути раздела Турции между великими державами Камаровский указывал на более справедливый и менее конфронтационный путь постепенного национально-государственного ее размежевания. Такой вариант разрешения восточного вопроса не только бы снизил уровень военно-политической напряженности в Европе, но и способствовал бы процессу повсеместного разоружения [5, с. 43]. Реализация данного проекта означала бы появление в европейской части Турции независимых христианских стран. Предшественником этой идеи стал план И.А. Каподистрии, который представил в 1828 г. ам-

бициозный проект раздела европейской территории Османской империи на ряд государств [6, с. 33–34]. Политическим воплощением этой инициативы явился процесс обретения национально-государственной независимости балканскими народами после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., характер и содержание которого ученый признавал недостаточным [6, с. 34–35].

Камаровский считал, что его предложения вовсе не требовали изгнания всех турецких мусульман и уж тем более не означали их насильную христианизацию. Его предложения касались лишь изменения статуса местных райя, которые подвергались невыносимым притеснениям и гнету. Препятствием в достижении этой цели было само существование Османской империи, политическая неразвитость и взаимная враждебность тех государств, что в свое время смогли от нее отделиться, и, наконец, позиция великих держав, вовлеченных в решение восточного вопроса [6, с. 35–36]. Последнее обстоятельство ученый считал наиболее сложным и трудноразрешимым. Именно дипломатическая поддержка Турции со стороны великих держав являлась главным фактором, сдерживавшим ее от неизбежного распада. В такой ситуации для достижения общего согласия следовало создать международную организацию, в рамках которой можно было выйти из тупика дипломатических споров и найти удовлетворительный для большинства компромисс. Укажем, что идея создания международной организации была давней мечтой Камаровского [14]. С помощью подобной структуры, по его мнению, было реально завершить и другие политические конфликты, мешавшие установлению общего мира и согласия (например, проблему Эльзаса и Лотарингии) [4, с. 75–76]. В то же время в будущей европейской организации Турцию в качестве полноправного члена Камаровский не рассматривал, а только допускал ее присутствие в нем как государства, опекаемого остальными участниками [13, с. 25].

Путь эффективного решения восточного вопроса лежал не в плоскости реальной политики, где господствовал государственный интерес и делалась ставка на насилие, а был возможен лишь при условии соблюдения нравственных норм. «Великие державы, – назидательно пи-

сал Камаровский, – как страны христианские и носители высшей общечеловеческой культуры, должны же прийти когда-нибудь к сознанию того долга, который лежит на них как пред самими собой, так и пред лицом всего остального человечества» [6, с. 37]. Во имя этого долга, считал ученый, заинтересованные стороны должны были солидарно выработать «полную и справедливую» программу действий урегулирования восточного вопроса. Опираясь на нормы международного права, которое Камаровский определял как нравственные принципы, реализованные в области международных отношений, великие державы смогли бы достичь атмосферы доверия и результативно разрешить проблему раздела европейских владений Турции [6, с. 38].

Важным условием мирного решения восточного вопроса стало бы справедливое территориальное размежевание балканских народов. С помощью Европы, не своекорыстной, а руководившейся «нравственными началами и идеалами», следовало четко определить национально-государственные границы балканских стран, а также гарантировать их неприкосновенность. Данный процесс «должен совершиться возможно мирно и для всех справедливо, то есть не в угоду чьих-либо односторонних действий» [6, с. 40].

Географическое «проектирование» Камаровского предполагало передачу Греции Эгейского архипелага, Кандии (о. Крит) и о. Кипр. Руководствуясь этнографическим принципом, он планировал включить в состав Греции часть Македонии, разделив ее с Болгарией. Границы последней ограничивались бы Дунаем и архипелагом. Черногории отходили территории вдоль Адриатического моря и Герцеговина, Сербии – Босния, с возможным их объединением в единое государство [6, с. 40]. Как убедить или заставить отказаться от Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии, а соответственно, Англию от Кипра, ученый объяснить даже не пытался. Столь же непонятен был и механизм отказа Турции от своих европейских владений. Камаровский постоянно подчеркивал мирный и справедливый характер собственных предложений, однако было бы наивно ожидать, что Порта добровольно отказалась бы от своих давних владений.

Политическое устройство балканских государств ученый называл их внутренним

делом и призывал Европу воздержаться от любого вмешательства в данный процесс. В случае выбора этими странами монархического строя династия должна быть национальной, а не принадлежать европейским домам. В одном вопросе Камаровский считал присутствие Европы на Балканах желательным и даже обязательным – в деле создания в регионе одной или нескольких объединений («федераций»). «Только такое соединение, – утверждал он, – способно сгладить посягательства на обоюдные владения, установить между ними [балканскими государствами] живой и всесторонний обмен, оградить от иноземного порабощения и обеспечить им как внутренний, так и внешний мир» [6, с. 41]. Эти объединения балканских славян (или их общая конфедерация) в конечном счете должны стать частью большого европейского союза [13, с. 26]. В своей публицистике начала XX в. Камаровский указывал на новые факторы, которые должны были убедить балканские народы приступить к региональной интеграции. Прежде всего он опасался возросшего германского влияния в Османской империи, а также резкой активизации балканской политики Австро-Венгрии [10]. При этом в будущей федерации, по его мнению, совершенно не было места Турции, которая оставалась враждебной европейской культуре даже после ее реформирования на «конституционных началах». Позиция ученого в этом вопросе оставалась неизменной – Порта в любом случае должна «отказаться от всякого политического господства в Европе» [11].

Отдельно в урегулировании восточного вопроса Камаровский выделял проблему Константинополя и проливов. К вариантам возможных решений он относил: превращение бывшей столицы Турции в вольный город с прирезкой к нему небольшой прилегающей территории; передача Константинополя Греции или Болгарии; присоединение его к России; превращение в столицу славянского союза [6, с. 42]. Первые три варианта, по мнению ученого, не устроили бы Петербург. Вопрос присоединения Константинополя к России Камаровский рассматривал в формате заочной дискуссии с позицией известного панслависта Н.Я. Данилевского. По мнению последнего, проблему Константинополя следовало

разрешить посредством его временной передачи «в руки России» с последующим превращением в центр восточно-христианского союза, в общий город для всего православного и славянского мира. Разумеется, по твердому убеждению Данилевского, влияние России в Константинополе, как и в будущем общеславянском союзе, должно быть преобладающим [3, с. 81–83]. В свою очередь Камаровский выступал против российского (или какого-либо иного) контроля над Константинополем и проливами, считая это нарушением международного права, но горячо поддерживал (пусть и с оговорками) идею создания Всеславянского союза [6, с. 43–45]. Однако, по мнению ученого, Данилевский излишне расширял конфигурацию такого союза, включая в него не только западных славян, но и враждебных славянской идее венгров. Вместо одной общей, но рыхлой и искусственной федерации было бы разумнее создать две, учрежденные по вероисповедальному принципу. Кроме того, в отличие от позиции Данилевского, Камаровский выступал против главенства России в будущем союзе, который представлялся ему объединением независимых, дружественных и равных славянских государств без какого-либо формального лидерства. Впрочем, ученый признавал руководство России в области «духовного и умственного развития» славян [6, с. 45–46].

Лучшим вариантом, по мнению Камаровского, стало бы превращение Константинополя в столицу Балканской федерации. В таком качестве Константинополь должен быть демилитаризован, укрепления Босфора и Дарданелл скрыты, а сами проливы следовало объявить открытыми и нейтральными [6, с. 46]. Более того, ученый призывал к самой широкой нейтрализации, которую необходимо было распространить на все Черное море. Предвидя несогласие с подобным решением российского правительства, он предлагал в качестве компенсации предоставить России один из островов Эгейского архипелага для создания там базы военного флота. «Узкая» нейтрализация могла коснуться лишь проливов, которые должны быть свободны и открыты как в мирное, так и в военное время для судов всех стран. Проход по ним военных судов следовало определить особыми правилами

ми [6, с. 47–48]. Утверждение Данилевского, что подобное урегулирование статуса Константинополя и проливов для России невыгодно, Камаровский находил ошибочным, основанным на ложной посылке об «извечности» восточного вопроса. Ученый считал, что при «мирном и справедливом» его решении другим державам не нужно будет вторгаться в Черное море, а значит, его нейтрализация никак не уменьшит безопасность России [6, с. 49].

Представляется, что дискуссия между Камаровским и Данилевским о путях урегулирования восточного вопроса демонстрирует отличие либерального и консервативного подходов к нему. Камаровский опирался на международное право и мирные средства, но, главное, не рассматривал итоговый результат исключительно в оптике российских интересов. Для него эффективное решение восточного вопроса – это прежде всего компромисс, где «мирные условия» должны быть установлены «по справедливости и в интересах всех» [9, с. 22]. Поэтому, к примеру, Камаровский критиковал Ункяр-Искелесийский договор (1833 г.) между Россией и Турцией, который, в свою очередь, вызывал полное одобрение Данилевского. Ученого возмущал не только неестественный характер этого соглашения, но и тот факт, что он ограничивал права и интересы других держав в разрешении восточного вопроса [6, с. 49–51]. Однако при наличии весьма значимых отличий во взглядах на судьбу Османской империи следует признать, что оба автора были твердо и решительно убеждены в необходимости ее раздела.

Вслед за устройством балканских территорий Камаровский предлагал заняться азиатскими владениями Турции. Возможным способом решения данной проблемы могло бы стать создание протекторатов великих держав над отдельными территориями: России над Арменией, Франции над Сирией, Англии (окончательно) над Египтом. В этом случае, пусть и лишенные известной самостоятельности, эти бывшие турецкие владения могли получить политическую организацию и культурное развитие по образцу европейских держав, постепенно сформировав собственную «национальную жизнь» [6, с. 52]. Фактором новейшего времени, доказывавшим необходимость раздела турецкой Азии, выступили раз-

вязанные Портой репрессии против армян. Камаровский считал, что эти жестокие гонения стали следствием общего отношения великих держав к восточному вопросу. «Все это только неизбежные последствия того, – писал он, – что державы тут, как и по другим частям восточного вопроса, либо предоставляют все застою и гниению, либо сводят все к уровню и к оценке лишь по масштабу одних собственных политических выгод» [6, с. 57]. Отметим, что Камаровский был автором и составителем ряда сборников, критически освещавших репрессивную политику Порты в северо-восточных вилайетах [1; 19].

Наибольшую ценность для Европы, по мнению ученого, представляла Палестина, которой следовало дать внутреннее самоуправление и поставить под контроль «особой международной власти». Расположенные на ее территории святые места должны быть объявлены общим достоянием и использоваться всеми христианскими конфессиями в порядке строгой очередности [6, с. 52–53]. Для Камаровского Иерусалим – это место молитвы и примирения с Богом, землю которого не должны осквернять ни ссоры, ни казни, ни кровопролитие. И этот «град мира» необходимо отдать прежде всего христианам. Ученый считал, что евреи и мусульмане не должны были владеть в Иерусалиме никакой недвижимостью, за исключением отдельных культовых зданий [6, с. 53].

Судьбу африканских владений Турции, по мысли Камаровского, следовало определить общеевропейскому конгрессу, который смог бы «найти решения, способные согласовать частные интересы с общим благом и миром» [6, с. 59]. Господствовавшая на данной территории исламская культура требовала установления протектората европейских держав. Их задачами стало бы не только извлечение из полученных земель экономической выгоды, но и воспитание местных жителей «в духе христианской цивилизации» (уважение к иностранцам, веротерпимость, соблюдение прав собственности и личности). При этом необходимо было сохранить внутреннюю автономию и культурную самобытность туземцев [6, с. 60–61]. Конгресс также должен был распределить африканские владения Турции между заинтересованными державами, исходя из

принципа географической целесообразности. Таким образом, Марокко отходило под протекторат Испании, Триполи – Италии. Оккупацию Египта Англией ученый считал противоречащей международному праву и служащей источником напряженности в англо-французских отношениях. В то же время очевидно, что незаконным Камаровский считал не сам факт владения Египтом (так как допускал его окончательную передачу Англии), а характер его присоединения, в котором отсутствовал фактор общего, договорного согласия. В условиях возраставшей роли Суэцкого канала он призывал провозгласить независимость Египта под общие гарантии Европы и провести его нейтрализацию. Эту идею, выдвинутую известным русским правоведом Ф.Ф. Мартенсом, Камаровский предлагал дополнить расширением нейтрализации также на Красное море с целью обеспечения свободы мореходства военных и торговых судов всех стран [6, с. 62–63]. Он был уверен (безо всяких на то оснований), что Англия не воспримет это решение как унижительное, так как оно соответствовало «желаниям и интересам всей Европы» и было призвано ускорить «развязку одного из запутаннейших узлов восточной проблемы» [6, с. 63].

Выводы. В заключение укажем, что взгляды на восточный вопрос Л.А. Камаровского в целом оставались неизменными и сводились к уничтожению Турции как важного политического субъекта и лишению ее владений в Европе, Африке и в значительной мере в Малой Азии. Оправданием для подобных действий, по его мнению, были политическая аморальность и культурная отсталость Порты. Ученый считал, что неурегулированность восточного вопроса представляла собой не только политическую, но и нравственную дилемму, а также являлась постоянной угрозой общему миру и препятствием для развития как поработанных народов, так и их соседей. Для эффективного решения этого вопроса Камаровский призывал отказаться от традиционных дипломатических способов, которые лишь усложняли процесс урегулирования и усиливали враждебность заинтересованных сторон. Он считал, что единственным инструментом разрешения восточного вопроса стала бы опора на международ-

ное право, а также отказ великих держав от своекорыстных интересов и следование нравственному долгу и справедливости. Подобные изменения политических ценностей и приоритетов были возможны лишь при кардинальном переустройстве международной жизни, общем сближении европейских государств и их сплочении. Итогом роста общей солидарности должно было стать создание «устойчивой юридической организации», которая смогла бы не только успешно разрешить вековой восточный вопрос, но и обеспечить человечеству постоянный мир и согласие.

Очевидно, что воззрения ученого на восточный вопрос отличались завышенными ожиданиями и во многом не учитывали реалии современного ему международного положения. Они отчетливо демонстрировали различия между теоретическими и умозрительными проектами (в случае с Камаровским – в рамках либерального подхода) и практическими действиями российской дипломатии, исходившей из объективных возможностей страны. Однако, несмотря на очевидный идеализм ученого в оценке характера внешней политики и интересов великих держав, отметим его рациональный подход к национально-религиозному размежеванию балканских славян, а также предвидение важности европейской интеграции и создания общей международной организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отдельных дореволюционных, а позднее и в ряде советских изданий, фамилия Леонида Алексеевича Камаровского писалась через букву «о», то есть Комаровский, что, скорее всего, было связано с ее польским происхождением и соответствующей традицией написания (Komarowski).

² Термин «пацифизм» авторы понимают в самом широком смысле, то есть как антивоенное учение / движение, которое реализуется в теоретической и практической формах и направлено на искоренение войн, вооруженных конфликтов и всякого рода насилия из человеческого общества и установление всеобщего мира и согласия. Разумеется, значение этого понятия меняется в случае использования соответствующего атрибутива. К примеру, под «радикальным пацифизмом» понимается отрицание всякого на-

силы и любых вооруженных конфликтов, даже с учетом их оборонительного характера. «Умеренный пацифизм», или пацифизм при общем негативном отношении к войнам, допускает в отдельных случаях их необходимый, а порой и прогрессивный характер.

³ Подобные размышления Камаровского соответствовали общим настроениям, характерным для рубежа XIX–XX вв., когда в обществе существовали опасения, связанные с угрозой со стороны монгольской расы. О росте экономического и политического влияния Азии и предстоящей войне Европы с желтой расой неоднократно писали многие отечественные мыслители, в том числе и известные критики войны и милитаризма (Л.З. Слонимский, В.С. Соловьев, Я.А. Новиков).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М.: Типолитограф. К. Ф. Александрова, 1897. 252 с.
2. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1978. 434 с.
3. Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб.: Н. Страхов, 1890. 678 с.
4. Камаровский Л. А. Вопрос о международной организации. Соединенные Штаты Европы. М.: Юрид. кн. магазин в книгоизд-ве Ф.В. Бусыгина, бывшем Скорова, 1905. 143 с.
5. Камаровский Л. А. Вопрос о современных вооружениях // Русская мысль. 1890. № 12. С. 38–52.
6. Камаровский Л. А. Восточный вопрос. М.: Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1896. 65 с. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни).
7. Камаровский Л. А. Конституция в Турции // Голос Москвы. 1908. № 171.
8. Камаровский Л. А. Лекции по Восточному вопросу: (Чит. проф. гр. Л.А. Комаровским в Ун-те им. Шанявского в 1908 г.). [Б. м.: б. и.], [19–]. 56 с.
9. Камаровский Л. А. Международное право. М.: Изд. О-ва взаимопомощи студентов юристов Моск. ун-та, 1905. 118 с.
10. Камаровский Л. А. О балканской федерации // Голос Москвы. 1909. № 295.
11. Камаровский Л. А. О балканской федерации // Голос Москвы. 1909. № 298.
12. Камаровский Л. А. О политических причинах войны в современной Европе. М.: Унив. тип., 1888. 27 с.
13. Камаровский Л. А. По вопросу о международной организации Европы. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1902. 53 с.
14. Кембаев Ж. М. Проект объединения государств Европы и мира Л.А. Камаровского

// Журнал российского права. 2011. № 1 (169). С. 102–109.

15. Кибальник С. А. Споры о Балканской войне на страницах «Анны Карениной» // Русская литература. 2010. № 4. С. 39–44.

16. Котельников В. А. Святая Земля, христианский Восток, Византия на русском религиозном, политическом и культурном горизонте // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 17–65.

17. Николаев Н. Ю. Л.А. Камаровский о проблеме разоружения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 2 (24). С. 20–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2013.2.2>

18. Николаев Н. Ю. Проблема кодификации международного гуманитарного права в трудах Л.А. Камаровского // История государства и права. 2013. № 17. С. 35–38.

19. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1896. 443 с.

20. Пустогаров В. В. Романтик международного права. Жизнь и деятельность графа Л.А. Камаровского (1846–1912). М.: Диалог-МГУ, 1999. 62 с.

21. Таубе М. А. Граф Л.А. Камаровский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 3. С. 37–47.

22. Шаваринская С. Р. Достоевский и Толстой: диалог о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2012. Т. 18, № 5. С. 142–145.

23. Яценко А. С. Граф Л.А. Камаровский. Жизнь и научная работа // Известия Министерства иностранных дел. 1913. Кн. 1. С. 117–134.

REFERENCES

1. *Bratskaya pomoshch postradavshim v Turcii armyanam* [Fraternal Assistance to Armenians Who Suffered in Turkey]. Moscow, Tipolitogr. K.F. Aleksandrova, 1897. 252 p.
2. *Vostochnyj vopros vo vneshnej politike Rossii. Konec XVIII – nachalo XX v.* [Eastern Question in Russia's Foreign Policy. End of the 18th – Beginning of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 434 p.
3. Danilevskij N.Ya. *Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statej* [Collection of Political and Economic Articles]. Saint Petersburg, N. Strahov, 1890. 678 p.
4. Kamarovskij L.A. *Vopros o mezhdunarodnoj organizacii. Soedinennye Shtaty Evropy* [Question of an International Organization. United States of Europe]. Moscow, Yurid. kn. magazin v knigoizd-ve F.V. Busygina, byvshem Skorova, 1905. 143 p.

5. Kamarovskij L.A. Vopros o sovremennyh vooruzheniyah [Question of Modern Weapons]. *Russkaya mysl* [Russian Thought], 1890, no. 12, pp. 38-52.
6. Kamarovskij L.A. *Vostochnyj vopros* [Eastern Question]. Moscow, Grosman i Knebel (I. Knebel), 1896. 65 p. (Voprosy nauki, iskusstva, literatury i zhizni [Issues of Science, Art, Literature and Life]).
7. Kamarovskij L.A. Konstituciya v Turcii [Constitution in Turkey]. *Golos Moskvy* [Voice of Moscow], 1908, no. 171.
8. Komarovskij L.A. *Lektsii po Vostochnomu voprosu: (Chit. prof. gr. L.A. Komarovskim v Un-te im. Shanyavskogo v 1908 g.)* [Lectures on the Eastern Question: (Read by Prof. Count L.A. Komarovskij at the Shanyavsky University in 1908)]. S.l., s.n., 19--. 56 p.
9. Kamarovskij L.A. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Izd. O-va vzaimopomoshchi studentov yuristov Mosk. un-ta, 1905. 118 p.
10. Kamarovskij L.A. O balkanskoj federacii [About the Balkan Federation]. *Golos Moskvy* [Voice of Moscow], 1909, no. 295.
11. Kamarovskij L.A. O balkanskoj federacii [About the Balkan Federation]. *Golos Moskvy* [Voice of Moscow], 1909, no. 298.
12. Kamarovskij L.A. *O politicheskikh prichinah vojny v sovremennoj Evrope* [On the Political Causes of War in Modern Europe]. Moscow, Univ. tip., 1888. 27 p.
13. Kamarovskij L.A. *Po voprosu o mezhdunarodnoj organizacii Evropy* [On the Issue of the International Organization of Europe]. Moscow, Tipolitogr. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 1902. 53 p.
14. Kembraev Zh.M. Proekt obyedineniya gosudarstv Evropy i mira L.A. Kamarovskogo [Project of Unification of the States of Europe and the World by L.A. Kamarovskij]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2011, no. 1 (169), pp. 102-109.
15. Kibalnik S.A. Spory o Balkanskoj vojne na stranicah «Anny Kareninoj» [Disputes About the Balkan War on the Pages of Anna Karenina]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2010, no. 4, pp. 39-44.
16. Kotelnikov V.A. Svyataya Zemlya, hristianskij Vostok, Vizantiya na russkom religioznom, politicheskom i kulturnom gorizonte [Holy Land, the Christian East, Byzantium on the Russian Religious, Political and Cultural Horizon]. *Russko-Vizantijskij vestnik* [Russian-Byzantine Bulletin], 2019, no. 1 (2), pp. 17-65.
17. Nikolaev N.Yu. L.A. Kamarovskij o probleme razoruzheniya [L.A. Kamarovskij on the Problem of Disarmament]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2013, no. 2 (24), pp. 20-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2013.2.2>
18. Nikolaev N.Yu. Problema kodifikacii mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v trudah L.A. Kamarovskogo [Problem of Codification of International Humanitarian Law in the Works of L.A. Kamarovskij]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law], 2013, no. 17, pp. 35-38.
19. *Polozhenie arмян v Turcii do vmeshatelstva derzhav v 1895 godu* [Situation of Armenians in Turkey Before the Intervention of the Powers in 1895]. Moscow, Tipolitogr. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 1896. 443 p.
20. Pustogarov V.V. *Romantik mezhdunarodnogo prava. Zhizn i deyatelnost grafa L.A. Komarovskogo (1846–1912)* [Romantic of International Law. Life and Work of Count L.A. Kamarovskij (1846–1912)]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1999. 62 p.
21. Taube M.A. Graf L.A. Kamarovskij (nekrolog) [Count L.A. Kamarovskij (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1913, no. 3, pp. 37-47.
22. Shavarinskaya S.R. Dostoevskij i Tolstoj: dialog o russko-tureckoj vojne 1877–1878 gg. [Dostoevskij and Tolstoj: Dialogue About the Russian-Turkish War of 1877–1878]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2012, vol. 18, no. 5, pp. 142-145.
23. Yashchenko A.S. Graf L.A. Kamarovskij. Zhizn i nauchnaya rabota [Count L.A. Kamarovskij. Life and Scientific Work]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del* [News of the Ministry of Foreign Affairs], 1913, book 1, pp. 117-134.

Information About the Authors

Nikolay Yu. Nikolaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Volzhskiy Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Engelsa St, 42a, 404121 Volzhskiy, Russian Federation, nikcam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9878-4397>

Sergei P. Ramazanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Volzhskiy Branch of the Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhskiy, Russian Federation, sp-ram@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7942-2852>

Информация об авторах

Николай Юрьевич Николаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, ул. Энгельса, 42а, 404121 г. Волжский, Российская Федерация, nikcam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9878-4397>

Сергей Павлович Рамазанов, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, sp-ram@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7942-2852>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2025. Том 30. № 1. 1–254.